Barsov

ПРИЧИТАНЬЯ
СѢВЕРНАГО КРАЯ

СОБРАННЫЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

ЧАСТЬ II.

ПЛАЧИ ЗАВОЕННЫЕ, РЕКРУТСКІЕ И СОЛДАЦКІЕ.

ИЗДАНЫ

при содѣйствіи Общества Любителей Россійской Словесности.

МОСКВА.

1882.

Sl n. 7100

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРИЧИТАНЬЯ
СѢВЕРНАГО КРАЯ

собранныя

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

ЧАСТЬ II.

ПЛАЧИ ЗАВОЕННЫЕ, РЕКРУТСКІЕ И СОЛДАЦКІЕ.

ИЗДАНЫ

при содѣйствіи Общества Любителей Россійской Словесности.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

БЕЗСМЕРТНОЙ ПАМЯТИ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II,

ОСВОБОДИТЕЛЯ НАРОДА ОТЪ РЕКРУТСКИХЪ ТЯГОСТЕЙ

И

ВОИНСКОЙ СТРАДЫ,

Благоговѣйно посвящается.

Не обычный вѣнокъ возлагаемъ мы на гробницу русскаго Царя-Освободителя и Мученика Александра Николаевича. Не изъ цвѣтовъ сплетенъ этотъ вѣнокъ; не изъ серебра и не изъ золота онъ скованъ: есть нѣчто крѣпче рѣдкихъ металловъ и есть нѣчто прекраснѣе живыхъ цвѣтовъ.

Нашъ вѣнокъ сплетенъ Ему изъ чувствъ народныхъ и скованъ изъ думъ народнаго духа.

Цѣлые почти вѣка народъ цѣпенѣлъ въ тяжелыхъ свинцовыхъ путахъ рекрутской и воинской страды. Стонъ стоялъ по русской землѣ при каждомъ наборѣ. Грудь народная раздиралась на части предъ рекрутскими присутствіями.

„Цѣлыя поля кручиной изнасіяно!
„Цѣлыя озера горючихъ слезъ наронено“!

Но что всего ужаснѣе, никто не могъ внимать этимъ стонамъ; никто не въ состояніи былъ жалѣть раздирающейся народной груди. И бывали даже такіе жестокіе люди, кои, не снося народныхъ воплей, силою разгоняли рыдавшихъ женщинъ отъ рекрутскаго Присутствія.

Да, скудна наша Исторія соучастіемъ въ народномъ сознаніи, но еще скуднѣе она разумѣніемъ народной жизни.

Народъ ушелъ въ самого себя; онъ плакалъ, онъ стоналъ, но свое горе повѣдалъ онъ лишь своимъ небеснымъ ходатаямъ и свои чувства открывалъ лишь своей хатѣ да могилѣ и колодѣ бѣлодýбовой.

Царь-Освободитель и Мученикъ своей мягкой душой и своимъ добрымъ сердцемъ внялъ народнымъ тягостямъ. Смягчивъ воинскую страду, Онъ облегчилъ народную грудь, утеръ народныя слезы, прекратилъ и этотъ стонъ вѣковой, вызывавшійся наборами.

Какой геній, какой поэтъ, какая ода могутъ выразить все историческое величіе Александра II-го настолько, насколько даютъ разумѣть его эти вѣковые стоны, раздиравшіе до Него воздухъ, и эти слезы, лившіяся до Него потоками изъ очей народныхъ!

Причеть рекрутская и завоенная отнынѣ прекратилась вмѣстѣ съ рекрутскимъ обрядомъ.

Чѣмъ дальше будетъ жить народъ, тѣмъ чаще будетъ обращаться къ своему минувшему; и чѣмъ яснѣе и шире будетъ развиваться въ немъ историческое самосознаніе, тѣмъ больше и больше будетъ возрастать предъ нимъ въ своемъ значеніи и причеть завоенная— и тѣмъ ярче и ярче будетъ предноситься его сознанію великій образъ Царя-Освободителя, тѣмъ осязательнѣе будетъ выступать предъ нимъ Его ликъ благодатный,—и роды родовъ будутъ превосходить другъ друга въ своемъ къ Нему благоговѣніи.

Память вѣчная Императору Александру II. Безсмертенъ Онъ и на семъ свѣтѣ, пока будетъ „живъ человѣкъ“ на святой Руси.

Елпидифоръ Барсовъ.

Москва, 1-го марта,
1882 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I— II
Введеніе	III—LV
Плачи по холостомъ рекрутѣ	1
Плачи по рекрутѣ женатомъ	87
Плачи при проводахъ солдата съ побывки	181
Плачи при побывкѣ солдата на смерть своего отца	248
Рекрутскій обрядъ	262
Свѣденія о вопленицахъ, отъ которыхъ записаны Причитанія	276
Разсказы про бѣглыхъ рекрутъ	286
Сказка о солдатѣ и смерти	295
Замѣчанія о языкѣ Причитаній	303
Сѣвернорусскій словарь	315

Издаваемая книга есть новая лѣтопись плачущей народной поэзіи. Ею открывается научному и общественному сознанію еще свѣжее народное горе, еще не осохшая слеза на его ланитахъ, еще недавній вѣковой вопль въ его крестоносной исторической жизни.

Книга эта является въ свѣтъ, благодаря лишь извѣстнымъ патріотамъ А. И. Кошелеву и И. А. Вахрамѣеву. Издаваемый матеріалъ былъ записанъ еще въ 1868 году; но быть можетъ, долго еще оставался бы онъ подъ спудомъ; быть можетъ, изчезъ бы на всегда безслѣдно, какъ много изчезаетъ драгоцѣннаго на святой Руси, если бы эти патріоты своимъ нравственнымъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ не побудили насъ поспѣшить изданіемъ его въ свѣтъ.

Еще Шлёцеръ горько жаловался на равнодушіе русскихъ къ наукѣ. Онъ, именуемый отцемъ русской исторіи, не выдержалъ борьбы съ этимъ равнодушіемъ, оставилъ Россію и уѣхалъ въ края, гдѣ, по собственнымъ словамъ его, умѣютъ достойно цѣнить науку.

Да; еще слишкомъ слабо у насъ сознаніе, что лишь наука движетъ благомъ и счастіемъ народовъ; еще мало у насъ избранниковъ, рѣшающихся стать на тернистый ученый путь; мало анахоретовъ, посвящающихъ съ самоотверженіемъ жизнь свою служенію святой истинѣ. Едва ли десятки ихъ приходятся на милліоны народа! Но и тѣ, въ борьбѣ съ общественнымъ равнодушіемъ, заѣдаемые часто нуждой, таютъ, какъ

воскъ изнемогаютъ и падаютъ, какъ воины на полѣ брани, за счастіе и славу своей отчизны.

Но что всего безотраднѣе, они уносятъ съ собою въ могилу и все то, что добыто подвигомъ ихъ жизни или создано ихъ творящей силой: скудное русское знаніе лишается часто и того, что совершается не многими его служителями.

При такомъ положеніи русской науки—всякое нравственное и матеріальное соучастіе въ ней становится дѣломъ весьма знаменательнымъ.

Да помянутся же имена «нашихъ патріотовъ» въ исторіи русской науки и жизни!

Настоящій томъ «Причитаній» какъ и первый издается согласно правиламъ, выработаннымъ для нашего изданія «Обществомъ любителей россійской словесности» состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Собиратель.

Завоенные плачи имѣютъ ближайшее отношеніе къ изданнымъ нами плачамъ погребальнымъ, надгробнымъ и надмогильнымъ. Онѣ зиждутся на тѣхъ же эпическихъ основахъ, отражаютъ въ себѣ тотъ же эпическій складъ и связаны отчасти съ тѣми же вѣрованіями и преданіями, относящимися къ смерти и загробному существованію. Провожая сыновей своихъ въ военную службу, которая по идеѣ своей связана съ пролитіемъ крови и рѣшеніемъ самой жизни за вѣру и отчизну, отцы и матери оплакиваютъ сыновей своихъ — новобранцовъ, какъ живыхъ мертвецовъ, съ которыми свиданіе, быть можетъ, предстоитъ въ будущей жизни. Тяжкія страды этой службы, созданныя историческимъ ходомъ жизни, дѣлали эту службу тяжелѣе самой смерти. И вотъ чувство разставанія родныхъ съ этими новобранцами выразилось въ народныхъ плачахъ словами, что «жива́ эта разлука пуще мертвой.»

Если съ одной стороны завоенные плачи выражаютъ предъ нами тягости военнаго быта не столь отдаленнаго времени, то съ другой они отражаютъ въ себѣ слѣды этого уклада самыхъ древнихъ историческихъ эпохъ.

Завоенные плачи не новое явленіе. Ихъ мы встрѣчаемъ въ глубокой древности—въ такомъ или другомъ видѣ. Все разнообразіе ихъ—вызывалось уже историческими формами воинскаго быта.

Первые завоенные плачи связаны были, безъ сомнѣнія, съ миѳологическими возрѣніями на природу. Война и борьба въ

первобытныя времена народовъ носятъ по преимуществу священный религіозный характеръ.

Славянская миѳологія не представляетъ намъ, конечно, цѣлой и законченной картины воинскихъ похожденій и подвиговъ боговъ, но изучая наличное міросозерцаніе русскаго народа особенно въ сѣверныхъ окраинахъ нашего отечества, нельзя не видѣть, что даже и теперь въ народномъ сознаніи живутъ еще слѣды подобныхъ вѣрованій. Въ этотъ доисторическій періодъ своей жизни, олицетворяя грозныя силы и явленія природы въ высшихъ живыхъ существахъ, народъ видѣлъ въ ихъ непрестанной борьбѣ борьбу самыхъ боговъ. И теперь еще раскаты грома и блистанія молніи во многихъ мѣстахъ народъ объясняетъ погоней Архистратига Михаила за темной силой, который ѣздитъ по желѣзному мосту въ колесницѣ съ мѣдными колесами и то бросаетъ изъ лука огненныя стрѣлы, то стучитъ молотомъ о каменныя скалы и сыплетъ изъ нихъ искры. Точно такая же неустанная борьба, по миѳологическимъ вѣрованіямъ народа, ведется и между богами земными. И теперь еще въ сѣверныхъ губерніяхъ можно слышать изъ устъ простолюдина, разсказы, полныя вѣры, какъ борются между собою цари водяные и лѣсные, боги воздушные и подземные, рѣки и озера, олицетворяемыя въ образахъ живыхъ существъ. Вотъ предъ нами напримѣръ Водопадъ-Кивачь на р. Сунѣ, воспѣтый Державинымъ. Огромныя скалы, возвышающіяся надъ водою, столпы водяной пыли и ревъ водопада поражаютъ народъ величіемъ. Звѣри бѣгутъ отъ него прочь, а человѣкъ предъ нимъ благоговѣетъ: въ его глазахъ—здѣсь живетъ царь водяной и ведетъ вѣчную неустанную борьбу съ врагомъ своимъ величавымъ Горыномъ Горыновичемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху, когда властвуютъ надъ народомъ такія миѳологическія представленія, и самая человѣческая борьба одного племени съ другимъ велась съ тѣмъ же остервенѣніемъ, какое только можетъ внушить борьба за самихъ боговъ, защита боговъ, мщеніе за боговъ. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что въ эту эпоху и завоенная причеть могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ плачами не столько о своей землѣ и своихъ ладахъ, сколько плачами о богахъ своихъ. *)

Въ собранныхъ нами плачахъ этотъ народный религіозный мотивъ борьбы за вѣру крестьянскую одинъ изъ глубочайшихъ мотивовъ народнаго пѣснотворчества.

Народныя религіозныя чувства самыя изначальныя, самыя глубокія и могучія чувства человѣческой натуры. Ни чѣмъ такъ нельзя подвигнуть народъ къ самоотверженнымъ воинскимъ подвигамъ, какъ призваніемъ его къ борьбѣ за вѣру крестьянскую, за вѣру отцевъ и предковъ своихъ. Ни чѣмъ такъ нельзя возбудить въ немъ геройства и храбрости, ничто не можетъ внушить ему такой вѣры въ свою собственную мощь и силу, какъ голосъ о помощи свыше, о сверхъестественномъ содѣйствіи великаго Бога земли русской.

Главныя стихіи, съ которыми борется сѣверный русскій человѣкъ, это бушующіе вѣтры и синее море. Военные люди, собираемые изъ этого края, большею частію назначаются въ матросы и моряки.

*) У Грековъ завоеные плачи извѣстны были подъ именемъ Λινὸς; они употреблялись еще во времена Гомера и Гезіода (Iliad. XXIV, 720, 722). Геродотъ сближаетъ этотъ родъ плачей съ Египетскою пѣснію, которую онъ пазываетъ *marenos* (11, 79). Въ Малой Азіи — подобныя пѣсни встрѣчаемъ нерѣдко; такова напр. пѣснь Делійцевъ (Shol. Appolon. arg. 1133). Таковы же плачи въ честь Гиласа и Бормоса у Маріандиніенцевъ (Mariendyniens) въ честь Литіерзеса у Фригійцевъ, Нарциса—у Віотійцевъ, Гіацинта—у Лелеговъ Лакедемонскихъ. (Muller, Die Dorier t. II, p. 351). Большая часть лицъ, воспѣваемыхъ въ этихъ пѣсняхъ являются убитыми Аполлономъ; такъ, Линъ убитъ былъ имъ по ревности за превосходство въ искусствѣ, которое онъ считалъ исключительнымъ своимъ достояніемъ. Само собою разумѣется, что подъ этими именами скрываются миѳическіе факты. Выраженіе αἴλινὸς замѣчаетъ А. Мори, (Hist. de relig. de la Grece Antique. 1857 p. 243) было лишь скорбнымъ возгласомъ и составляло родъ припѣвки, что указываетъ прямо, что Линъ не былъ лицемъ историческимъ (см. Aesch. Agamemn. v. 121, Sophocl. Ajax v. 627, Evrip.. Phoen. v. 1535. Orest. v. 1380).

И вотъ почему въ собранныхъ нами завоенныхъ плачахъ главнымъ покровителемъ военныхъ людей въ христіанскомъ сознаніи народа является Святитель Николай Чудотворецъ. Онъ—этотъ Угодникъ изображается въ житіи, какъ усмиритель вѣтровъ и побѣдитель моря. Исторія Новгорода и Пскова говоритъ, что самое имя Николая было символомъ смѣлости, безстрашія и безнаказанности. Его считали защитникомъ удалаго Новгородскаго молодечества и онъ же Патронъ—Новгородской Общины—Братовщины Никольщины.

Вотъ почему мать, отправляя своего сына въ грозную службу Государеву благословляетъ его иконой Святителя Николая и вручаетъ его покровительству этого Угодника—на всѣхъ его путяхъ, во всѣхъ входахъ и сходахъ и, благословляя, причитаетъ:

«Дахранитъ тебя Микола многомилосливой,
«И отъ бури да хранитъ тебя отъ па́дары,
«Отъ хо́лода тебя да онъ отъ голода,
«Отъ тычковъ—пинковъ вѣдь Онъ да отъ затыльниковъ!
«Во бою́ да сохранитъ Онъ съ непріятелемъ,
«Отъ оружьица вѣдь Онъ да завоеннаго,
«Отъ искры сохранитъ тобя трескучей,
«Отъ этого огня да Онъ отъ плящаго.
«Впереди да Онъ Микола щитомъ берё,
«Позади да Онъ Микола мечемъ сѣкё,
«Посторонь да Онъ Микола огнемъ палитъ.
«Тучи нѣтъ, а бывъ какъ громъ гремитъ,
«Грому нѣтъ, а искры сыплются.

Но вотъ наступаетъ для народа періодъ эпическій. Боги низводятся народомъ на землю и воспѣваются подъ образами великановъ, могутовъ, богатырей; сквозь ихъ божескія черты виднѣются въ нихъ уже и черты чисто человѣческія. Это полу-боги, или какъ прекрасно назвалъ ихъ лѣтописецъ, это Божіи человѣки, въ которыхъ сказывается та же борьба силъ и явленій природы.

Вотъ богатырь чуетъ въ себѣ силу—и грузно, тяжело ему отъ силушки богатырскоей: сила изъ жилы въ жилу—такъ вотъ живчикомъ въ немъ переливается. Подобнымъ образомъ воспѣвать силу можетъ только тотъ, кто самъ ее извѣдалъ и въ себѣ ее чуетъ. Въ этомъ переливаніи силы изъ жилы въ жилу—сказывается мощь и сила народа русскаго, сила не устрашимая, не побѣдимая, не сокрушимая. И какую страду въ борьбѣ съ страхованіями природы не выдержало мощное плечо его! Какихъ невзгодъ, какихъ бѣдъ отъ дальныхъ и ближнихъ, отъ своихъ и чужихъ не разразилось надъ главой его и не сказалось на хребтѣ его! И пилой его пилили, какъ гласитъ одна былина, и пила его не-йметъ; и топоромъ рубили и топоръ не-йметъ; и въ смолѣ варили и смола не-йметъ; и живаго въ землю зарывали изъ мертвыхъ возсталъ. Какая-то невѣдомая богиня неба, почерпая живую воду изъ небесныхъ источниковъ, вливаетъ въ его жилы, къ силѣ набавляетъ силы и крѣпитъ его хрустящіе кости, словно чарующая дѣва и пламенитъ и живитъ и поддерживаетъ надломленныя силы своего милаго друга! Онъ преспокойно тянетъ вѣковую лямку своей страдной исторической жизни, идетъ впередъ тихими мѣрными шагами, заунывно напѣвая свою русскую пѣсню.

Въ собранныхъ нами завоенныхъ плачахъ прозвучитъ для васъ и эта величавая, богатырская натура народа русскаго.

Вотъ русскіе солдаты идутъ спасать Руссію подселенную, Царя бѣлаго и Царицу благовѣрную.

«На плечàхъ у насъ мондеры суконъ сѣрыихъ,
«На головушкахъ-то кúвера пудовыи,
«Опоясьемъ у насъ сердце обрестовано...
«Тутъ оружье да мы держимъ на правóмъ плечѣ
«И саблю вострую-то держимъ во лѣвóй рукѣ.

Но подъ этимъ сѣрымъ сукномъ, подъ этимъ опоясьемъ, сковывавшимъ грудь—какая могучая богатырская сила:

«И тутъ мы брякнемъ-то оружьемъ завоеннымъ,
«И да мы топнемъ этой правой бѣлой ноженкой;
«Шаги дѣлаемъ вѣдь мы да по звѣринному,
«Ужъ мы хоботы даемъ да по лисицыному;
«И гдѣ нѣтъ пути дороги, тутъ протариваемъ,
«И гдѣ мхи да болота, тутъ орломъ летимъ.

Читая эти строки, такъ и хочется спросить, какой военный историкъ, писавшій о русскихъ походахъ, могъ почуять и такъ кратко и сильно выразить богатырство сѣраго сукна и арестованнаго сердца, не разъ удивлявшаго Западъ Европы своею мощію?

Но вотъ русскіе солдаты на бою: страженіе было превеликое и кроволитье преужасное; отъ дыму не видно было свѣту бѣлаго:

«И мы ходили-то, солдаты, по колѣнъ въ крови;
«И мы плавали, солдаты на плотахъ—тѣлахъ;
«И ручьямъ кровь да ту́ды—сю́ды разливается,
«И наше храброе сердчё да разгоряется;
«Тутъ одна рука не може, другая пали;
«Тутъ одна нога упала, другая стои;
«И раззудилося плечо, да расходилося,
«И бурлацкое вѣдь сердче не устерпчиво·
«И гдѣ вѣдь пулей не-ймемъ, тамъ грудью беремъ,
«А гдѣ грудь не берё, душу Богу отдаемъ.

Читая этѣ строки, невольно вспоминаемъ знаменитое изреченіе Фридриха II: «не достаточно убить русскаго солдата; нѣтъ, послѣ этого еще нужно его повалить.»

Въ періодъ эпической войны ведутся уже не такъ грубо и безпорядочно, какъ въ болѣе первобытную эпоху. Богатыри дѣйствуютъ уже на заставахъ съ своей дружинушкой хороброю и ограждаютъ землю русскую отъ дикихъ, степныхъ варваровъ. Въ это время военныя ополченія составляютъ уже особенную организованную силу, управляемую княземъ или предводителемъ. Точно такъ и плачи завоенные въ это вре-

мя носятъ на себѣ особенной характеръ: это или мольба къ богамъ о помощи, или плачь о добычѣ—золотѣ или серебрѣ. Образцы тѣхъ и другихъ плачей мы читаемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ—этомъ драгоцѣнномъ наслѣдіи дружиннаго эпоса XII в.

Съ развитіемъ исторической жизни народа, когда организуются отдѣльныя области, когда нараждается въ нихъ рядъ историческихъ преданій, когда они становятся—отчизною извѣстныхъ племенъ, созданною цѣною крови, лишеній и трудовъ цѣлыхъ поколѣніи, въ ряду завоенныхъ плачей—являются плачи о раззоренныхъ городахъ Эти плачи встрѣчаются еще у древнихъ народовъ и притомъ какъ Семитическаго, такъ и Арійскаго племени. Таковы плачи о раззореніи Трои о раззореніи Іерусалима, о раззореніи Царяграда и т. п. *)

*) Кромѣ извѣстныхъ библейскихъ плачей о раззореніи Іерусалима—достойны вниманія плачи о немъ средневѣковые. По прекращеніи гоненій на Іудеевъ со стороны тогдашнихъ христіанъ, сыны Іеговы—толпами устремлялись въ Палестину, чтобы оплакать свой Сіонъ. Еврейскіе плачи этого времени проникнуты такимъ одушевленіемъ и скорбію, что представляютъ высокіе образцы плачущей Еврейской поэзіи.

Приведемъ здѣсь хоть нѣкоторые отрывки изъ плача напр. Рабби Іегуда Галеви, путешествовавшаго въ Палестину въ 1140 году.

Или забылъ Ты, о Сіонъ, твоихъ плѣненныхъ дѣтей? Не слышишь ты привѣта, который посылаетъ тебѣ остатокъ твоего стада, изъ всѣхъ уголковъ земли съ Востока и Запада, Сѣвера и Юга! Невольникъ простираетъ къ Тебѣ свои упованія и несетъ Тебѣ дань своихъ слезъ! Онѣ падаютъ подобно росѣ Гермона. Увы! уже не могутъ онѣ оросить Твоихъ безплодныхъ холмовъ!. .

Дай мнѣ крылья и я принесу на Твои развалины остатокъ моего сердца; я облобызаю Твои нѣмыя камни и мое чело коснется Твоего священнаго праха. Моя нога наступитъ на гробъ нашихъ предковъ. Я буду созерцать при Гевронѣ священную могилу: я пасмотрюсь на гору Абаримъ, на гору Оръ, что покрываютъ прахъ Твоихъ божественныхъ учителей, двухъ свѣтилъ Израиля. Въ твоемъ винѣ я почерпну дыханіе жизни; въ твоемъ прахѣ благоуханіе мирры; въ водѣ Твоихъ рѣкъ я буду наслаждаться медомъ. Какъ отрадно было бы мнѣ ходить босыми ногами по развалинамъ Твоего святилища, гдѣ разверзлась земля, чтобы принять Ковчегъ Завѣта съ его Херувимами...

Мы остановимся лишь на плачахъ о раззореніи русскихъ городовъ: Великаго Новгорода и Пскова, Москвы, Ростова и Углича.

Древнѣйшій и самый замѣчательный плачъ—это плачъ князя Юрія Всеволодовича, по полученіи имъ извѣстія о взятіи

Могу ли чувствовать наслажденіе жизни, когда вижу, что псы тащатъ Твоихъ львятъ? Мои очи смѣжаются отъ дневнаго свѣта, при коемъ я вижу, что вороны уносятъ на воздухъ трупы Твоихъ орловъ. Остановись чаша страданій! Дай мнѣ одну минуту облегченья, ибо всѣ жилы мои наполнены горечью. Дай мнѣ вспомнить о Самаріи и я допью твое горькое питье; еще одно кратное воспоминаніе о Іерусалимѣ, и я выпью ее до дна!

О, Сіонъ—вѣнецъ красоты! Вспомни нѣжную любовь сыновъ твоихъ. Изъ глубины своего изгнанія они открываютъ тебѣ сердца свои и въ своихъ молитвахъ склоняются предъ твоими вратами. Стада твои, разсѣянныя по горамъ, не забыли дорогаго отечества; они стремятся къ Твоимъ высотамъ подъ тѣнь твоихъ пальмъ!...

Гдѣ тотъ смертный, который бы могъ сравняться съ твоими князьями, Левитами и небесными пѣвцами!

Въ Сиріи—до нынѣ существуетъ обрядовый плачъ о Іерусалимѣ—который ежегодно справляется въ Синагогѣ въ драмматической формѣ. Раввинъ возглашаетъ вопросы о запустѣніи Іерусалима; народъ произноситъ соотвѣтствующіе отвѣты (см. F. Charmes. Voyge en Syrie въ Revue des Deux Mondes. 1881, 15 juil. p. 306).

Любопытные плачи Евреевъ—приведены также у преосв. Порфирія въ его сочиненіи „*Востокъ*“ (кн. V, стр. 257—259. Кіевъ 1877 года).

Изъ плачей о взятіи Константинополя укажемъ 1. Плачъ номофилака Іоанна діакона Евгеника (Του νομοφύλακου Ιωαννου διακονου τοῦ Εὐγενικοῦ Μονωδια επι τῇ αλωσ της Μεγαλοπολεος).

2. Плачъ святѣйшаго Фотія, Патріарха Цареградскаго, когда Россы осаждали Константинополь въ 864 году.

3. Плачъ Никиты Хоніата—на взятіе Константинополя Латинами въ 1204 году.

4. Два плача на взятіе Солуня Турками въ 1431 году. Одинъ изъ нихъ дьякона Іоанна Евгеника; другой неизвѣстнаго поэта.

5. Два плача—на взятіе Костантинополя Турками въ 1453; одинъ Патріарха Геннадія Схоларія, другой неизвѣстнаго поэта.

Всѣ этѣ плачи переведены на русской языкъ и изданы въ той же книгѣ преосвящ. Порфирія (см. стр. 247—273).

Москвы Татарами, сохранившійся съ историческомъ сборникѣ Погодина и помѣщенный здѣсь подъ 1237 годомъ. *) Татары пришедъ и скоро взяша Москву и воеводу убиша и Князя Володиміра руками яша, а люди все избиша. Слышавъ сіе великій Князь Юрій Всеволодовичъ, плакася горько, ревый яко струя изъ быстрины.... Отъ великаго кричанія лежа, яко мертвъ на земли, и едва отліявше его, посяще по вѣтру; едва отдохну душа его: Солнце мое драгое, мѣсяцъ мой прекрасный! Почто рано зашли есте? Гдѣ, Господина, честь и слава ваша! Многимъ землямъ Государи были есте, а нынѣ лежите на земли пустѣ! Не слышите ли, Господіе, словесъ моихъ? О, земле, земле! О, дубравы, дубравы! Вси плачите со мною! Како нареку день тотъ и воспишу, въ онь же толико погибе Государей и великихъ храбрыхъ удальцевъ—и ни единъ же возвратися: вси умроша и едину чашу смертную пиша. Бысть же убо тогда во всей землѣ Русстѣй многія тучи, скорби, слезы, воздыханія страха и трепета.

Подобный же плачъ дошелъ до насъ о раззореніи великаго Новгорода.

И ту конечнѣ приложиша Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, къ слезамъ слезы и къ воплю вопль: вся земля Новгородская грозою великаго князя Ивана Васильевича вызжена и вытравлена. Отъ вѣка надъ нами того не бывало! И та земская бѣда и людская кровь да будетъ изыскана отъ Бога Вседержителя на лукавыхъ людяхъ! Господи зачинающихъ рать погуби и то на тѣхъ головахъ на измѣнныхъ и на ихъ душахъ!

Или вотъ плачъ Псковскаго Лѣтописца:

*) Въ книгохранилище Погодина сборникъ этотъ поступилъ изъ собранія Строева; нынѣ принадлежитъ Императорской публичной библіотекѣ. См. Описан. Славян. и Русс. Рукописныхъ Сборниковъ И. П. Б. А. Ѳ. Бычкова. Вып. 1 стр. 154. Плачъ этотъ выписанъ и обязательно сообщенъ намъ И. А. Шляпкинымъ, которому и выражаемъ здѣсь искреннюю за то благодарность.

А Псковичи туто горько заплакали: ка́ко не упали имъ зѣницы со слезами вкупѣ? Како имъ не урвалось сердце отъ корени?

Наста насилованіе, говоритъ біографъ Сергія Радонежскаго, сирѣчь досталось княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы, увы, тогда граду Ростову, взываетъ онъ, паче же княземъ ихъ! Отъяся отъ нихъ власть, имѣніе и честь и слава! И вся прочая потягну къ Москвѣ! И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ и видящихъ сія не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ предѣлѣхъ его. О, преименитый граде Угличе, взываетъ лѣтописецъ Углицкій! О, граде многонародный, вѣрою и благочестіемъ цвѣтущій! како раззорися! Како осязаша нечестивыхъ руцѣ! Бысть многочаденъ, нынѣ же, яко вдовица и т. п.

Образцы такихъ политическихъ плачей мы встрѣчаемъ и въ собранной нами завоенной причети. Таковъ напр. въ высшей степени любопытный плачь о томъ времени, когда «Новгородъ вѣдь былъ нераззореной и ко суду были крестьяна не приведены.»

«Были людушки тогды да не штукавыи,
«Не штукавы оны были,—запростѣйшіи;
«Какъ судьи да въ тую пору не моло́дыи,
«Пожиты да мужики были почётныи,
«Настойсливы оны да правосудливы.»

Самый судъ происходилъ здѣсь «на церковномъ крыльцѣ» и дѣла рѣшались «передъ образомъ»:

«Буде што да въ прежни вре́мена случалося,
«Соберется три крестьянина хоть стоющихъ,
«Промежъ ду-другомъ оны да разсовѣтуютъ,
«Какъ спасти да человѣка-то помиловать,
«По суду ли-то теперечко по Божьему,
«По этымъ ли законамъ праведливымъ.
«Тыи времечка прошли да невидаютца,
«Тыи годы скоротались, неслыхаютца.

Но вотъ «наступили бусурманы превеликіи, разорили оны славный Новгородъ», и съ того времени быстро пошло заселеніе Обонежскаго края. Всѣ тутъ прида́лись въ подсиверну сторонушку, на зва́ны острова да эты *Кижскіи*, во славное во обчество *во Толвую.* Построили здѣсь домовища, завели здѣсь торговлю и разбогатѣли:

«Были добры у ихъ кони иноходныи,
«Были славны корабли да мореходныи».

Но при всемъ своемъ богатствѣ долго не могли они забыть своей родины:

«Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную,
«О Бладычномъ оны да этомъ праздничкѣ,
«И прослужатъ тамъ обиденку воскресную,
«И какъ выйдутъ на крылечико церковное,
«И какъ сглянутъ во подлѣтную сторонушку,
«Тутъ защемитъ ихъ ретливое сердечушко,
«Сговорятъ оны вѣдь есть да таково слово̀:
«Гдѣ вѣдь жалобно-то солнце пропекае,
«Тамъ вѣдь прежняя, родима наша сто́рона,
«Наша сла́вна сторона̀ Новогородская».

Любопытно, какъ сохраняются здѣсь самыя преданія, и и какъ глубоки симпатіи Заонежанъ къ былому, древне-рускому быту; здѣсь они видятъ свои идеалы, по отношенію къ коимъ продолжаютъ оцѣнивать свое настоящее. Старики старо-древніи говорятъ недоросткамъ моло́дымъ:

«Послыха́йте словеса наши старинныи,
«Запримѣтьте того, малы недоросточки!
«Ужъ какъ это сине морюшко сбушуется,
«На синёмъ морѣ волна да порасходится,
«Будутъ земскіи вси избы испражнятися,
«Скрозеко́зныи судьи̇ да присыла̀тися;
«Вси измѣнятся пустыни богомольныи,
«Разорятся вси часовенки спасеныи.

«Кругомъ-около робята обстолпилися,
«Какъ на этыхъ стариковъ да оглядилися,
«Ихнихъ рѝчей недоростки, пріослухались,
«Кои умны недоросточки, примѣтныи,
«Оны этыи слова тутъ принимали,
— «Объ досюльныихъ законахъ обстоятельныхъ,
— «Объ досюльноемъ житьѣ Новогородскоемъ.
«Сволновалось сине славное Онегушко,
«Какъ вода съ пескомъ помутилася.
«Тутъ воспомнятъ-то вѣдь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то тѣ сбываются,
«Какъ у старыхъ стариковъ было разсказано.

Но главнымъ образомъ завоенные плачи развились со времени рекрутскихъ наборовъ, заведенныхъ Петромъ Великимъ. Главными причинами недовольства народа были при этомъ неопредѣленность въ наборахъ, несправедливости при этомъ *), дурное обращеніе и худое пропитаніе солдатъ. (Воени. Коллег. 1719). Множество Петровскихъ указовъ, направленныхъ противъ этихъ злоупотребленій, открываютъ намъ картину тогдашняго военнаго быта. Рекрутъ новобранцевъ сковывали и въ кандалахъ отводили по городамъ и размѣщали по тюрьмамъ; пищей кормили изнурительной; развивались болѣзни и, что всего было тяжелѣе, приходилось умирать безъ покаянія. «Со многихъ сильниковъ, доносилъ одинъ фискалъ Государю, солдатъ не брано, а только берутъ съ тѣхъ, который безотвѣтенъ и богобоязливъ; взятые отъ сильниковъ годные распущены, будто негодные дьяками и подъ-

*) Эти несправедливости сопровождали всякій наборъ до послѣдняго времени. Онѣ послужили мотивомъ для драмы, подъ заглавіемъ: Великодушіе или рекрутскій народъ, игранной на С.-Петербургскомъ театрѣ 13-го ноября 1803 года: Достойно замѣчанія, что критика, осуждая эту драму между прочимъ порочила ее за то, что въ ней всѣ дѣйствующіе лица—одни крестьяне. Отъ Мольера до Коцебу не бывало де писателя, который бы строилъ драму изъ крестьянскаго быта.

ячими, а другихъ съ нихъ не взято, то изъ взятокъ, то придабриваясь. Брали увѣчныхъ и къ службѣ негодныхъ».

Но что всего тяжелѣе было для народа, такъ это, что эти наборы связывались съ такими условіями, которыя не мирились съ религіознымъ народнымъ сознаніемъ. Приказано было новобранцамъ рекрутамъ *обстригать и брить бороду*.

Русская борода—этотъ естественный амулетъ, эта охрана дыханія противъ сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ—получила глубокое значеніе въ нашей исторіи: она стала предметомъ почитанія и гоненій; она стала предметомъ законодательства и создала много мучениковъ. Нѣтъ прямыхъ указаній, чтобы когда-нибудь русскій человѣкъ сочувственно относился къ стриженію и бритью бороды. Напротивъ встрѣчаемъ очень раннія свидѣтельства обратнаго.

Такъ уже изъ Псковской грамоты мы знаемъ, что за вырванье бороды, назначена была весьма большая по тому времени пѣня въ 2 рубля.

Далѣе Кіевская лѣтопись, говоря о гордомъ льстецѣ Владимірѣ Ѳеодорцѣ, мучителѣ другихъ человѣковъ, замѣчаетъ, что онъ «головы порѣзывалъ и бороды.» Точно также говоря о Владимірѣ Васильковичѣ (подъ 1288 г.), она прибавляетъ, что онъ «бороду стригъ.» Но еще опредѣленнѣе взгляды на нее сказались въ XV и XVI вв. Царь Василій Ивановичъ, вступивши во второй бракъ, чтобы больше нравиться своей супругѣ и казаться моложавымъ, выбрилъ себѣ бороду, но какъ видно, очень смущался этимъ обстоятельствомъ. Встрѣтивъ Герберштейна съ бородою на аудіенціи въ 1527 г., онъ спросилъ его: брилъ ли онъ когда-нибудь бороду? Баронъ понялъ и, какъ тонкій дипломатъ, тотчасъ отвѣтилъ: брилъ. «*Это по нашему*» сказалъ царь и былъ доволенъ отвѣтомъ.

Въ письменности XVI в. не рѣдко встрѣчаются уже горячія запрещенія постриганія бороды. *) Максимъ Грекъ пи-

*) См. напр. Сборникъ Синодальной библ. №. 204. л. 368.

салъ даже особое посланіе къ самодержавному царю Ивану Васильевичу, «о ежс не брити брады». *)

Но вотъ Стоглавый Соборъ порѣшилъ, что не подобаетъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводити, ни бородъ брити, ни усовъ подстригати и Грозный особымъ наказомъ приказалъ по торгомъ кликати, чтобы всѣ христіане, отъ мала до велика, бородъ не брили и не обсѣкали. Черезъ годъ послѣ этого собора посланъ былъ въ Свіяжскъ Архангельскій протопопъ Тимоѳей остановить тамошнее войско отъ не обузданнаго разгула. Увѣряютъ, говорилъ проповѣдникъ между прочимъ, что забывъ страхъ Божій.... и угождая женамъ, вы *кладете бритву на брады своя* и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужьями. Богъ, Іоаннъ и церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправьтесь или увидите гнѣвъ царя и услышите клятву церковную!

Далѣе Каллингвортъ пишетъ, что въ 1555 г. послѣ обѣда, на который онъ приглашенъ былъ Грознымъ, царь любовался его прекрасной, густой и окладистой бородой, которая была въ 2 фута и въ 2 дюйма длиною и указалъ на нее Митрополиту Макарію; тотъ поглядѣлъ и замѣтилъ: Да, это по истинѣ *даръ Божій*.

Въ 1580 г. тотъ же Грозный, встрѣтившись съ Пассевинымъ и сыпля противъ него супротивныя слова, въ рѣзкихъ формахъ бранилъ латынниковъ за стриженіе брады и усовъ. Такимъ образомъ въ XVI в. русская борода сдѣлалась символомъ національности и православія.

Палицынъ Бориса Годунова называетъ потаковникомъ ересей Арменской и Латинской за то, что старые мужи брады при немъ постригали и въ юношей премѣнялись.

Въ 1675 г. Великій Государь Алексѣй Михайловичъ приказалъ князя Андрея Кольцева изъ стряпчихъ написать по жилецкому списку, за то, что тотъ волосы на бородѣ пост-

*) См. Сборникъ той же библ. № 338, л. 56

ригалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указомъ повелѣлъ, чтобы стольники и стряпчіе и московскіе дворяне и жильцы волосъ на себѣ подстригать не смѣли—иначе будутъ въ опалѣ и изъ высшихъ чиновъ будутъ написаны въ низшіе. Патріархи писали посланія въ защиту бороды. «Воззрите, православные на икону страшнаго суда и видите: праведные-одесную Христа стоящіе — вси брады имутъ; на шуей же стоящіе бесермены и еретики брадобритники, имущіе единые усы, яко кошки и псы.» Раздалось наконецъ и поучительное слово словеснѣйшихъ учителей Лихудовъ, о еже не брити брады по закономъ *). Но вотъ Петръ 1-й начинаетъ гоненіе противъ бороды. Въ 1700 г. онъ предписалъ всѣмъ служилымъ людямъ обрить свои бороды и носить иноземное платье; образцовые кафтаны нѣмецкаго покроя вывѣшаны были при всѣхъ воротахъ въ Москвѣ. Но упорство въ бритьѣ бородъ заставило Петра издать новый указъ (10 января 1706 г.) коимъ право носить бороду должно было окупаться *); вмѣсто квитанціи выдавали металлическіе знаки въ видѣ монеты, на которой съ одной стороны изображенъ былъ гербъ Россійскій, а на другой носъ съ усомъ и борода съ надписью *«дань заплачена.»*

Не однихъ только простыхъ людей смущалъ тогда этотъ новововвводный обычай. Вотъ Патріархъ Андріанъ издаетъ свою грамоту противъ брадобрійцевъ.

Но что же онъ долженъ былъ подумать о царѣ, который сряду послѣ этой грамоты обстригалъ усы боярамъ и требовалъ отъ нихъ, чтобы они брили свои бороды? Какимъ смущеніемъ, какой нравственной борьбой должны были раз-

*) См. Сборн. Синод. библіот. №338, л. 60.

**) Царедворцы и другіе чиновники должны были платить по 60, госап 1-й статьи по 100, средней и меньшей статьи гостиныя сотни, торговые и посацкіе 1-й статьи по 60; средней и меньшей статьи боярскіе люди, ямщики, извощики, церковники, кромѣ поповъ и дьяконовъ и прочіе всѣ, кромѣ деревенскихъ, по 30 руб. въ годъ.

рѣшиться думы Патріарха, съ одной стороны о священномъ значеніи бороды, а съ другой о новой бусурманской затѣѣ царя, царя боговѣнчаннаго, православнаго!

Не трудно по этому понять народное смущеніе, которое вызвано было между прочимъ и этимъ нововводнымъ обычаемъ.

Начались повсюду толки о явленіи въ міръ антихриста, которые скоро проникли и въ воинскіе полки.

«Страшно рещи о немъ—говорили народные проповѣдники; и воинство его будетъ не нарицатися воинами, но названіе нѣкое странное будетъ—солдаты, и брады будутъ бриты имуща—яко жены; одѣяніе будутъ носити короткое выше колѣна, и на главахъ хвостъ имутъ и орла носити, о немъ же писа Ездра пророкъ. И нынѣ вся сія сбыстся. Главы и брады обрили и персоны ругательно обезчестили.»

«Послушайте, христіане, послушайте! проповѣдывалъ нѣкто Левинъ въ Пензѣ. Много лѣтъ служилъ я въ арміи у генералъ маіора Гаврила Семеновича Кропотова въ командѣ. Меня зовутъ Левинъ.... Жилъ я въ Петербургѣ и тамъ всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли. А въ Москву пріѣхалъ Царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ. А въ Москвѣ вси мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великій постъ и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать. На которыхъ печатей не будетъ, тѣмъ и хлѣба давать не станутъ. Бойтесь этихъ печатей православные.... бѣгите, скройтесь куда-нибудь.... послѣднее время.... антихристъ пришелъ.... антихристъ....

Эти страстныя мысли, вырванныя изъ воинской жизни, даютъ намъ понять, какъ тяжки были условія завоеннаго Петровскаго быта.

Съ какимъ неистовымъ попраніемъ души народа происходило тогда гоненіе русской бороды, это всего лучше показываетъ намъ Углецкая лѣтопись. Раскроемъ и прочита-

емъ изъ нея нѣсколько страницъ *) и тогда для насъ понятенъ будетъ и тотъ жесткій и безсердечный мотивъ, который мы встрѣчаемъ въ народномъ воплѣ, направленномъ противъ брадобрійцевъ.

29 апрѣля 1714 года Царь Петръ Алексѣевичъ прислалъ въ Угличъ указъ, коимъ требовалъ съ посаду и съ уѣзду съ 20 дворовъ по человѣку, въ первой солдатской наборъ, въ шведскую службу; жители по обыкновенію своему, говоритъ лѣтописецъ, тотчасъ же собрались въ Церковь Св. Дмитрія, что внутри города надъ кровію Его, и молили Господа Бога и Пречистую Богородицу «о помощи Божьей Царской державѣ на враги». Въ то же самое время пришелъ другой царскій указъ о запрещеніи русскаго платья, о ношеніи новаго нѣмецкаго, не по обычаю русскимъ людемъ, «и чтобъ всякъ въ городѣ посадской человѣкъ носилъ таковое чужевѣрныхъ обычаевъ нѣмецкое платье; а вмѣстѣ тѣмъ же указомъ предписывалось, подъ великою строгостію, чтобы никто изъ посадскихъ жителей бородъ не ростилъ и не носилъ по старорусскому обычаю, а непремѣнно выстригалъ или выбривалъ на́-чисто «по тому же нѣмецкому суэмысленному мудрованію»; а если усмотрятъ на комъ русское платье, или кто въ бородѣ, и съ того велѣно брать пошлинъ за платье по 40 копѣекъ съ человѣка за каждые сутки, а кто еще съ бородой, брать противъ того вдвое. По совѣту, всѣхъ городскихъ жителей бурмистры обратились съ усерднымъ моленіемъ къ выборнымъ дворянамъ, Стефану Яковлевичу Опочинину и Аѳанасію Семенову Пустобоярову, которымъ городъ былъ приказанъ—воевода же самъ посланъ былъ въ Польскіе города—дабы они явили Божескую милость надъ жителями града и дозволили бы ходить въ русскомъ платьѣ хотя гражданамъ маломощнымъ и убогимъ, коимъ указнаго платья управити

*) Въ Углецкомъ Лѣтописцѣ, намъ принадлежащеми есть глава подъ заглавіемъ: „Списокъ о бывшемъ смятеніи въ городѣ Углицѣ сроусскомъ платьѣ и о бородахъ (№ 34, л. 170).

было нечѣмъ, и штрафы платить нечѣмъ же; и чтобы попустили ходить въ бородахъ тѣмъ изъ нихъ, кои брить или стричь бороды, боялись запрещенія прежнихъ царей и патріархъ и чтобы они всѣмъ гражданамъ, разрѣшили по крайней мѣрѣ пройти въ городскіе ворота для богомолія «безвозбранно и безповинно «прежде исполненія Царскаго указа». Усердна была молитва гражданъ о помощи свыше въ постигшей бѣдѣ. Съ любовію Лѣтопись вспоминаетъ боярина Стефана Опочинина: «теплъ онъ былъ вѣрою Господу Богу и Пречистой Богоматери: онъ «разжегся любовію и горѣлъ молитвой за народъ. Не таковъ былъ товарищъ его Аѳанасій Пустобояровъ; онъ пріѣхалъ въ городъ лишь на отпустѣ молебнаго пѣнія» и, изыде съ воинскими людми на горожанъ, аки на нѣкую брань со врагами; онъ приказалъ затворить и крѣпко заперет за собою городскія ворота, а самъ съ своими воинами пошелъ «до церкви». Граждане же, наполнявшіе не только церковь, но и паперть, и выходы и площади церковные, видя того Аѳанасія «аки волка къ нимъ пришедша и зубы своими скрегчуща, и узнавъ о затворѣ городскихъ воротъ, поняли его недобрую мысль, уразумѣли его прелесть: по словамъ лѣтописца, они «окружены были воины» словно рыбы, уловленныя въ сѣти или какъ худыя птицы, укрученныя въ паутинѣ гордаго паука». Онъ приказалъ пищикамъ, обходя по народу въ церкви», переписывать всѣхъ, бывшихъ въ неисправленномъ платьѣ и съ бородами. «Веліе смущеніе» произошло въ церкви. Одни возстепали ко Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и призывали въ помощь царевича Дмитрія о избавленіи отъ таковой напасти; другіе же «убогіе и немощные люди», разумѣя свою скудость и боясь штрафовъ, бросились вонъ изъ церкви «гонзнуша на бѣгство» и прибѣжавъ къ городскимъ воротамъ и найдя ихъ запертыми, возстали противъ сторожей; и бысть тогда отъ воинъ, говоритъ лѣтописецъ, нападеніе на граждане и гонка велика и терзаніе одеждъ и брадъ; начаша бо бѣгущихъ ловити съ богомолія и одежды ихъ рвати и драти

и ножами урѣзывати бороды; не дающихъ же безчестія того творити начаша бити и за брады по земли влачити—и власы брадъ руками изрываху; и бысть бой и смятеніе и воины ранили многихъ гражданъ у вратъ сущихъ. Самъ же Аѳанасій Пустобояровъ на отпустѣ пѣнія вошелъ безстудно въ церковь; не воздалъ чести иконамъ, ни поклоненія гробу Царевича; съ великою гордостію, по слову лѣтописца, скочилъ въ людской соборъ, смутилъ окаянный церковныя пѣсни плищемъ многимъ, поставилъ пищиковъ у дверей церковныхъ и велѣлъ переписывать всѣхъ исходящихъ изъ церкви въ русскомъ платьѣ и съ бородами. Напрасно жаловались на него граждане Стефану Опочинину: Пустобоярова бо власть больши бысть, неже Опочинина. Правовѣрные выходили вонъ изъ церкви, а пищики и приставленные воины стояли у вратъ церковныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ надъ врагами нѣкими ярость свою показующе; всѣхъ по единому удерживали у вратъ церковныхъ и пищики начинали писать бывшихъ не въ указномъ платьѣ и въ бородахъ. Здѣсь, при сознаніи своей безпомощности, спасающей силой является вѣра, и вотъ лѣтописецъ изображаетъ предъ нами факты сверхъестественной Божьей помощи, явленной Угличу въ постигшей его напасти. О, дивныхъ чудесъ, восклицаетъ онъ, и заступленія Царевича Дмитрія о людѣхъ своихъ! Три писца переписывали Углицкихъ гражданъ, ходившихъ не въ указномъ платьѣ и съ бородами, и тутъ же надъ всѣми совершался судъ Божій.

Первый подьячій Леонтій Писаревъ—озлоблялъ гражданъ «ради безпорочныхъ обычаевъ» и онъ же первый пострадалъ: «объя его духъ нечистый, и демонъ вниде въ него, и сотрясе его и поверже на землю и начатъ бити его главою о помостъ». Назначенъ былъ новый писецъ—тѣмъ же Аѳанасіемъ, невѣдущимъ крѣпкой руки Божьей надъ людми Его неповинными: но вотъ лишь взялъ онъ перо, «рука его изсше и недѣйственна бысть ко опискѣ. Третьяго же писца, о, дивнаго наказанія Божія—страшнѣйшій судъ по-

стиже: взя власть на немъ демонъ и приразися ему сатана, и, вшедъ въ нево духъ нечистый, удари его о землю крѣпко, и разби его и безгласна сотвори и полумертва отнесоша его съ того смятенія.

Кипя гнѣвомъ и дыша лютостію, волшвеніемъ и чарованіемъ гражданъ объяснялъ Пустобояровъ эти явленія помощи Божьей. Наконецъ самъ онъ взялъ перо, коснулся бумагѣ и «начатъ его рука борзо писати», попусти бо ему на зло Богъ и посади при себѣ многія писчики и повелѣ писати. Доносъ былъ готовъ и отправленъ царю. И разгнѣвался на градъ Угличь Царь Петръ Алексѣевичъ и отправилъ туда думнаго своего дьяка Ивана Петровича сына Ушакова и велѣлъ ему розыскать тотъградской мятежъ. Во время этого розыска постиже судъ Божій и самого окаяннаго Аѳанасія: руда пустилась изъ него, и весьма изнеможе; и два дни едва могъ дыхати; въ 3-й же день злѣ изверже свою душу окаянный.

Церковъ съ своей стороны вынуждалась также на преслѣдованіе бороды *); такъ въ инструкціи, выданной въ 1722 г.

*) Соучаствуя въ Петровскихъ гоненіяхъ на русскую бороду, св. Синодъ однакожъ очень горячо отнесся къ стихотворнымъ насмѣшкамъ Ломоносова, направленнымъ противъ бороды самихъ синодаловъ. Въ 1757 году отъ 6-го марта Св. Синодъ—въ своемъ докладѣ жаловался Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что проявились въ народѣ пасквильные стихи, надписанные *Гимнъ бородѣ*, въ которыхъ недовольно того, что тотъ пасквилянтъ... крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя, ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ, но и тайну св. крещенія, къ зазрительнымъ частямъ человѣческаго тѣла наводя, богопротивно обругалъ и черезъ названіе бороды—завѣсою ложныхъ мнѣній, всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ; и когда по случаю бывшаго съ профессоромъ академіи наукъ Михаиломъ Ломоносовымъ свиданія и разговора о таковомъ непотребномъ сочиненіи отъ синодальныхъ членовъ разсуждаемо было, что оной пасквиль по слогу признательно, чуть ли не отъ него самого произошелъ, и что такому сочинителю, если въ чувство не пріидетъ и не раскается, надлежитъ казни Божьей, и церковной клятвы ожидать; означенный Ломоносовъ, услышавъ сіе

отъ закащика Вологодской эпархіи Зякуйской волости попа Ѳедора Алексѣева духовному фискалу или инквизитору попу Тимоѳею Комоневской волости, въ числѣ разныхъ пунктовъ между прочимъ предписывалось «дабы посланные сыскивали брады имущихъ и приводили къ духовнымъ управителемъ, которымъ у духовныхъ дѣлъ допрашивать, чего ради они брады отращиваютъ и не ставятъ ли того брадобритія въ грѣхъ, понеже изъ того признается, кто раскольникъ или не раскольникъ». (пунктъ д҃).

Понятно, что такая исторія русской бороды, не могла не отразить своихъ слѣдовъ и въ завоенной причети. Бритье

сперва началъ оный пасквиль шпынскій защищать; а потомъ сверхъ всякаго чаянія, самъ себя тому пасквильному сочиненію авторомъ оказалъ; убо въ глаза предъ синодальными членами таковыя ругательства и укоризны всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь невозможно; и не удовольствуясь тѣмъ, еще послѣ того вскорѣ таковой же другой пасквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими явными уже духовному чину ругательствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшихъ нежели поповъ ставитъ, а при концѣ точно ихъ назвавши козлами, упомянепную ему при розсужденіи церковную клятву за едину тщету вмѣняетъ; изъ каковыхъ не христіанскихъ, да еще отъ профессора академическаго пасквилевъ, не иное что какъ противникамъ православныя вѣры и таковымъ продерзателямъ къ безстрашному кощунству духовнаго чина, явной поводъ происходить можетъ; а понеже между прочими вашего Импер. Величества родителя блаж. и вѣчной славы достойные памяти Государя Императора Петра Великаго правами, жестокія казни хулителямъ закона и вѣры, чинить повелѣвающими: военнаго артикула гм. 18-й 149 пунк., таковыхъ пасквилей сочинителей наказывать, а пасквильныя писма чрезъ палача подъ висилицею жечь, узаконено; того ради со оныхъ пасквилей всеподаннѣйше Вашему Импер. Велич—ву подноситъ синодъ копіи и всенижайше проситъ, чтобы Ваше Импер. Велич—во, яко Богомъ данная и истинная церкви и св. вѣры и духовному чину защитница, Высочайшимъ своимъ своимъ указомъ, таковые соблазнительныя и ругательныя пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означенаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ синодъ отослать, Всемилостивѣйше, указать соизволили.

новобранцевъ—особенно въ самомъ началѣ—казалось надругательствомъ надъ русской душей.

И вотъ въ записанныхъ нами завоенныхъ плачахъ, мы слышимъ прежде всего надсмѣшку надъ брадобрѣями.

Быдьте прокляты, злодіи супостатыи,
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая,
Сѣките вы кудри поскоряя,
Точите вы бритвы повостряя,
Ужъ вы брѣйте его да побѣляя.

Но рядомъ съ этой ироніей—сказывается и глубокое возмущеніе всѣми силами души. Мать рекрута неистово вопитъ:

Охти мни да мнѣ тошнёшенько!
Кабы мнѣ да эта бритва навостреная,
Не дала бы я злодійной этой некрести,
Надъ моимъ ноньку рожденіемъ надрыгатися;
Разспорола бы я груди этой некрести,
Ужъ я выняла бы сердце тутъ со печенью,
Разпластала бы я сердце на мелкі́ куски,
Я нарыла бы корыто свиньямъ въ мѣсиво,
А и печень я свиньямъ на уѣданьице....

Эту вѣковую борьбу народа противъ брадобритія, стоявшую ему безконечныхъ тяжкихъ воздыханій и горючихъ слезъ, тюремныхъ заточеній, ссылокъ на галеры, пролитой крови и головъ, сложенныхъ на дыбахъ или рукою палача—прекратилъ покойный Государь—Императоръ Александръ Николаевичъ! Всѣмъ извѣстно знаменитое дѣло Карташева, который заявилъ, что съ него могутъ снять одно изъ двухъ или бороду или голову. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе; но Царь-Освободитель помиловалъ его отъ этой казни, разрѣшилъ всѣмъ желающимъ носить бороду и чрезъ то освободилъ Русскій народъ отъ вѣковаго внутренняго смущенія и поруганія.

Со временъ Петровской реформы начались особенно частные побѣги отъ военной службы. Указъ за указомъ, начиная съ

1713 г., слѣдовали противъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Бѣглыхъ велѣно было клеймить, наколя имъ крестъ на лѣвой рукѣ и натирать порохомъ, Въ 1716 г. данъ былъ годичный срокъ на возвращеніе бѣглыхъ: если же кто не воспользуется этой льготой, того велѣно казнить смертью, а держащихъ бѣглыхъ лишать чиновъ и имущества. Въ 1717 году бѣглыхъ рекрутъ не прослужившихъ года велѣно было наказывать спицрутенами чрезъ весь полкъ три дня сряду, а у прослужившихъ годъ и бѣжавшихъ вырѣзывать ноздри и послѣ наказанья кнутомъ ссылать на галеры. Эти строгіе законы дѣйствовали въ теченіи всего XVIII вѣка. Разсказываютъ, что не менѣе ужасныя истязанія производились и надъ тѣми родителями, дѣти которыхъ убѣгали. Ихъ приковывали къ стулу, а стулъ въ ширину былъ аршинъ, а въ долготу полтора аршина и въ этомъ стулѣ былъ забитой пробой и цѣпь желѣзная съ сажень и кладаваютъ эту цѣпь на шею съ замкомъ. Заставляли голыми ногами по цѣлымъ часамъ стоять на льду или снѣгу, или же изобрѣтали новыя пытки. Вотъ нѣкоторые разсказы: Выпѣшаютъ пролубу и отъ той выпѣшаютъ другую, растояніемъ отъ пролубы до пролубы 5 саженъ; за тѣмъ кладутъ веревку на шею родителямъ, угнетаютъ ихъ за ду—другомъ въ пролубу—перетягиваютъ веревку—и тащатъ родителей изъ пролубы въ пролубу. Мало того, морили скотъ голодомъ, раскрывали въ домахъ крыши и даже разворачивали самые домы... Въ слѣдствіе этого и родители бросались на убѣгъ—и дома оставались пустыми.

Не смотря на всѣ эти ужасы, были такіе добрые и отважные люди, которые все-таки принимали бѣглыхъ и спасали ихъ.

Въ Кижахъ до нынѣ помнятъ еще священника Василья— который сохранялъ отъ поисковъ 2-хъ бѣглыхъ. Заслышавъ, что къ нему идутъ съ обыскомъ и уже не далеко отъ его дома; онъ велѣлъ работнику класть ихъ на навозныя дровни завалить ихъ навозомъ—и вывести въ лѣсъ, что бы они могли скрыться и убѣжать. Поимщики это видѣли, но ни кому

изъ нихъ не пришло въ голову, чтобы на дровняхъ подъ навозомъ лежалъ человѣкъ.

Въ виду такихъ явленій, нисколько не странно встрѣтить въ народной завоенной причети—со стороны матери или жены рекрута—совѣтъ» убѣжать со службы.

Вотъ что напр. причитывала жена своему мужу—рекруту:

На убѣгъ бѣги безчастная головушка,
Ты отай теки къ кокошѣ горегорькоей,
Не убоюсь я, горюша, не сполохаюсь,
Ужъ я сдію съ тобой доброе здоровьице;
Схичу—спрячу я надежную головушку,
Свою милую любимую сдержавушку,
Отъ этыихъ властей да страховитыихъ
Отъ этыихъ злодїевъ супостатыихъ.

Въ теченіи всего XVIII вѣка главнымъ убѣжищемъ для бѣглыхъ солдатъ служили раскольническія общежитія и скиты. Сюда вносили они духъ враждебный Государству и поддерживали фанатическое отношеніе къ нему раскола. Здѣсь—стояли они «по часовенкамъ спасеныимъ» и, перебирая свою лѣстовку, хлопотали о спасеніи души своей. Любопытно, что и это мелкое явленіе въ завоенной исторіи XVIII вѣка отразилось въ народной причети:

Такъ сестра, соболѣзнуя о своемъ братѣ—солдатѣ, между прочимъ выражаетъ, что если бы да ей крылышка гусиные, а полёты бы лебединые, она поднялась бы выше лѣсушку дремучаго, облетѣла бы всю Русію подселенную и по взыскала бы скачоную жемчужинку.

«И на пути да во солдатушкахъ походныихъ,
«И по этымъ бы казармамъ по казенныимъ
«И по часовенкамъ искала бы на-спа́сеньѣ.

Далѣе, издаваемыя «Причитанія» знакомятъ насъ съ нѣкоторыми народными взглядами на Царя, на барство и церковь.

Царь—въ «причети» всего чаще называется *«богомъ Русійскимъ»*. Это существенная и глубочайшая черта въ народномъ представленіи Верховной власти. Народъ олицетворяетъ и мыслитъ себя въ Царѣ, точно такъ, какъ олицетворялъ онъ свои нравственныя качества въ разныхъ богатыряхъ въ эпическій періодъ своей жизни. Сознавъ свою нравственную цѣлостность, какъ народа единаго по вѣрѣ и языку, почувствовавъ себя собраннымъ во единомъ Государствѣ, онъ—разсѣянный въ степяхъ и лѣсахъ на пространствѣ Восточной Европы, естественно, въ силу психическаго закона, долженъ былъ почувствовать и сознать себя въ единомъ лицѣ Государя. Великъ и могучъ народъ Русскій; таковъ же долженъ быть и тотъ образъ, въ которомъ онъ себя мыслитъ и сознаетъ. Власть Царя должна стать выше всякой власти обыкновенной и выше всякихъ личныхъ ограниченій. Кто знакомъ съ характеромъ и направленіемъ народной мысли, для того ясно, что народъ не можетъ иначе понимать ни самого себя, какъ націю, ни своего Государя, какъ представителя великаго народа.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о тѣхъ историческихъ условіяхъ, при которыхъ совершилось въ народномъ сознаніи нарожденіе такого образа Верховной власти. Это прямо не относится къ уясненію издаваемой нами «причети». Ограничимся лишь самыми существенными замѣчаніями.

Царь—*богъ Русійскій*. Образъ этотъ не то только выражаетъ, что Царь воленъ надъ животомъ и смертію каждаго своего подданнаго; онъ говоритъ намъ главнымъ образомъ о томъ, что лице Русскаго Царя народъ мыслитъ съ самыми святѣйшими движеніями добра и правды, что Царь, какъ богъ земной, поставленный волею Царя небеснаго, стоя на высотѣ Божественнаго намѣстничества и, такъ сказать, внѣ людскихъ отношеній, непрерывно бодрствуетъ днемъ и ночью, ревнуя о благѣ своего народа, по Божіимъ законамъ добра и правды, и въ то же время, ради того же народа, ведетъ

неустанную борьбу за свою жизнь съ боярствомъ, преслѣдующимъ свое, а не народное благо. При такомъ идеалѣ Царь является для народа лицемъ священнымъ—и власть Его—властію непрерѣкаемою. Древняя Русская Исторія свидѣтельствуетъ, что самодержавіе Русскаго Царя—всегда имѣло крѣпкую опору въ народномъ сознаніи. Всѣ попытки старой аристократіи возобладать верховенствомъ надъ народною жизнію разбивались объ этотъ несокрушимый образъ Русскаго царя, какъ «бога Русійскаго». Подъ его свѣточемъ было ясно, какъ у престола, такъ и въ темныхъ лѣсахъ, что у русскаго народа существуетъ только одна Верховная власть, это власть Царя земнаго бога. Благодаря этому исконному народному воззрѣнію, у насъ не создалось преобладанія классовъ и разныхъ тормазовъ—на историческомъ пути свободнаго развитія народной жизни. Въ данный моментъ исторіи—на ступени къ будущему—существуетъ только народъ съ своимъ Царемъ, какъ представителемъ лица народа.

Древняя русская исторія представляетъ великіе и торжественные моменты такого внутренняго единенія Царя и народа. Народъ обращался къ Самодержавной Власти съ челобитьемъ, чтобы для всѣхъ Царскихъ приказовъ уставлены были законы *всей землей*; съ другой стороны и Верховная власть, въ годину тяжкихъ испытаній Государственной жизни обращалась за совѣтомъ къ *Землѣ* и дѣйствовала по ея голосу.

Въ новой исторіи канцелярія отдѣлила Царя отъ народа и дерзновенно взяла на себя руководство народною жизнію. Оторванная отъ *земли*, она оказалась несостоятельною; зараженная дешевымъ либерализмомъ, падкая до государственной казны, она пошатнула свою собственную власть и заразила своимъ зловреднымъ духомъ—всѣ слои имѣвшіе къ ней отношеніе. Лишь въ наши дни вновь начинается обращеніе Верховной власти къ народу—и на помощь Государственнымъ канцеляріямъ, для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, приглашаются свѣдущіе «*Земскіе люди*».

Другая существенная черта, которая соединяется въ народной причети съ образомъ Царя—это благовѣріе. Царь всегда именуется здѣсь Царемъ *благовѣрнымъ* и все его наслѣдство *правовѣрнымъ*.

Какъ представитель лица народа—Онъ естественно вмѣстѣ съ тѣмъ есть представитель и его совѣсти и его вѣры. Съ царскимъ вѣнцемъ и скипетромъ народъ вручаетъ Ему и свой животъ и свое православіе; но не иначе цѣлуетъ крестъ, какъ за Царя благовѣрнаго и правовѣрнаго и не иначе жертвуетъ своей головой и жизнію, какъ за Царя Русскаго—православнаго. Въ эпоху «народнаго смущенія и церковнаго колебанія, народная масса, отлученная отъ церкви, долго надѣялась видѣть для себя опору въ «Царѣ православномъ»: она взывала къ его благовѣрію, она молила его, она угрожала ему, и наконецъ убѣдившись, что Царь неуклонно стоитъ на сторонѣ Греко-Кіевскаго книжнаго исправленія, разорвала связь съ Государствомъ, исключивъ Царя изъ своей молитвы. Исторія старовѣрческой догмы о немоленіи за Царей любопытна въ высшей степени; къ сожалѣнію здѣсь не мѣсто о ней распространяться. Укажемъ лишь главные ея моменты. Она находится въ самой внутренней связи съ исторіей безпоповства и представляетъ три періода въ своемъ развитіи; въ первый періодъ (1654—1695 г.) въ раскольническомъ сознаніи постепенно вырабатывается мысль объ отрицаніи правовѣрія Царя и въ Поморьѣ получаетъ значеніе догмы о немоленіи за царей; за тѣмъ эта догма—(1695—1738) входитъ въ религіозную практику и осуществляется въ религіозной жизни, хотя уже въ этотъ промежутокъ времени, съ ослабленіемъ мѣръ противъ раскола, начались попытки къ примиренію его съ Государственною властію. Наконецъ въ 3-й періодъ (1738—1800) указанная догма подвергнута критикѣ, обсужена и теоретически весьма основательно отвергнута, хотя въ религіозной практикѣ не многихъ сектъ продолжаетъ жить и до нынѣ. Книга *о моленіи Царстѣмъ,* примирившая расколъ съ государствомъ—

принадлежитъ знаменитому поморцу Даніилу Матѳееву: это ученѣйшій и замѣчательнѣйшій опытъ изслѣдованія, основанный на Библіи, твореніяхъ Отцевъ Церкви, Византійскихъ Историкахъ, Лѣтописяхъ, Хроникахъ и т. п. Но если Поморяне, равно какъ и поповцы, примирились съ моленіемъ за Царя, то ихъ молитва считается позволительною лишь за Царей живыхъ; поминать же царей неблаговѣрныхъ, т.-е. не раздѣляющихъ старовѣрческихъ вѣрованій, претитъ имъ ихъ совѣсть и ихъ канонъ. Эти наши замѣчанія достаточно показываютъ, какое глубокое значеніе имѣетъ «*благовѣріе*» въ народномъ представленіи Русскаго Царя.

Взглядъ «Причети» на барство весьма выразителенъ и близокъ къ исторической правдѣ. Бояре древней Руси, какъ представители сельско-хозяйственнаго ея устройства, въ дѣйствительности были такіе же хозяева, какъ и крестьяне. Жена старо-русскаго боярина была «хозяйка» попреимуществу, какъ и донынѣ «хозяйственность» считается первымъ достоинствомъ—жены крестьянской. Домострой, во многомъ несправедливо осмѣянный нашими историками, представляетъ драгоцѣнный идеалъ этой *хозяйственности* древней-боярской Руси.

Но вотъ въ новой исторіи въ семейное начало входятъ новыя стихіи; выступаютъ въ сознаніе и начинаютъ дѣйствовать въ жизни новыя понятія, понятіе *дамы*, *кавалера*, *ассамблей*, *баловъ* и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ культурномъ отношеніи эти понятія стоятъ выше воззрѣній, обусловливаемыхъ лишь хозяйствомъ дома. Нѣтъ сомнѣнья, что требованія красоты, граціозныхъ движеній, такта, естетическихъ ощущеній представляютъ уже высшую степень общественнаго развитія сравнительно съ старорусской точкой зрѣнія на семейную жизнь. Но подъ воздѣйствіемъ крѣпостнаго права эти новыя понятія получили слишкомъ узкое значеніе; женщина стала лишь бѣлоручкой и ея воспитаніе направлялось лишь къ тому, сдѣлать ее «красой гостиной» и предметомъ, интереснымъ для кавалеровъ—рыцарей. Древне-рус-

ское понятіе «Хозяйки» совсѣмъ исчезло изъ сознанія и быта боярства новой Исторіи. Забыли, что живутъ въ странѣ, гдѣ для насущнаго пропитанія «нужна сила звѣриная и потяги надо держать лошадиныи».

Пока владычествовало крѣпостное право, можно было жить съ этими новыми узкими понятіями; но какъ скоро это право исчезло, хозяйство оказалось не по силамъ нашему боярству, усвоившему лишь внѣшній лоскъ высшаго западнаго общества и отставшему отъ Домостроевскихъ сельско-хозяйственныхъ правилъ.

Вотъ какъ выражается этотъ взглядъ въ издаваемой «*Причети*».

И судьи—вла́сти-то пошли да скрозекозныи,
И начальнички пошли да все бездѣльныи,
У ихъ женушки пошли да бѣлорукіи,
У ихъ дочушки пошли да нечевухи:
И не ткіюшки оны да не прядѣюшки,
И одно у ихъ въ умы, да одно въ разумѣ,
И все бѣлила-то у ихъ да со румянами,
И какъ хвостомъ вертѣть, да какъ ногой тряхнуть;
И не знаютъ-то, безсчастныи, не вѣдаютъ,
И што вѣдь домъ вести, не головой трясти.

Еще осязательнѣе сказывается въ народныхъ плачахъ значеніе церкви въ народной жизни. Хотя Христосъ приходилъ основать именно церковь, хотя весь смыслъ его евангелія въ церкви, хотя все существо православія въ идеалѣ церкви, однако понятіе о ней такъ чуждо нашему общественному сознанію, что даже при объясненіи «Причети» требуется замѣчать о томъ, что такое церковь. Церковь Христова есть общество людей, стремящихся воплотить въ своей личной и общественной жизни идеалъ жизни Божественной, вдохновляемыхъ на этомъ пути евангельскою вѣрою и упованіемъ, подкрѣпляемыхъ общею молитвою и тайнодѣйствіями и связанныхъ вселенскимъ канономъ, какъ выраженіемъ церков-

ной правды. Не касаясь всѣхъ признаковъ даннаго понятія, мы остановимъ свое вниманіе лишь на идеалѣ церковной жизни. Христосъ предъ своими страданіями въ предсмертной своей молитвѣ такъ взывалъ къ Отцу Своему: *да будутъ и сіи едино* (т. е. всѣ его послѣдователи), *якоже Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ.* Вотъ идеалъ истинной церкви Христовой! Взаимобытіе въ глубокомъ значеніи этого слова, самоощущеніе себя въ личности своихъ ближнихъ—вотъ существо жизни церковной. Истинный сынъ ея не о себѣ живетъ, онъ живетъ въ другихъ и для другихъ; свою дѣятельность направляетъ къ облегченію страданій человѣчества, своимъ достояніемъ призрѣваетъ убожество и нищету, свои силы и дарованія посвящаетъ возвышенію и облагороженію человѣческихъ чувствъ или же смягченію труда человѣческаго. Только такимъ посильнымъ направленіемъ своей жизни къ благу общему каждый членъ церкви приближается къ Божественному идеалу и воплощаетъ въ себѣ то внутреннее единеніе, о которомъ молился Христосъ Своему Отцу. Только такой подъемъ нравственнаго сознанія и лишь подобное направленіе жизни человѣчества служатъ отображеніемъ истинной церкви Христовой.

Народъ нашъ не имѣетъ, конечно, понятія о церкви, но онъ живетъ въ ней и не головой только, но всѣмъ своимъ существомъ непосредственно. Онъ не возвысился до сознанія нравственнаго ея идеала, но жалость къ бѣдствующимъ, страждущимъ, но соучастіе въ горѣ ближняго, но посильная помощь нуждающимся несомнѣнно ему присущи. «Въ мірѣ калика-волокида, въ мірѣ калика не погине.»

Соучастіе другъ въ другѣ, обмѣнъ внутреннихъ движеній, взаимная помощь, сожалѣніе, соутѣшеніе въ народныхъ плачахъ сказываются поразительно. То и дѣло вопитъ вопленица: «Вы послушайте народъ да люди добрыи и да што я скажу печальная головушка». На голосъ несчастной жены или матери отзываются сосѣдки; каждая разсказываетъ свое горе, раскрываетъ свою душу и взаимно утѣшаютъ другъ друга.

Въ безвыходномъ несчастіи одна надежда на Бога. Жалѣя плачущую мать, сосѣдки уговариваютъ ее съѣздить въ церковь и помолиться.

И може, Господи Бладыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвятая мать Богородица застýпится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилосливой,
Ужъ какъ милое рожоно твое дитятко
И отъ злодійной этой службы Государевой.

Но особенно нравственное соучастіе этотъ—истинный духъ церковный, сказывается въ молитвѣ другъ за друга. Утѣшая несчастнаго рекрута, сосѣдки говорятъ ему:

«И за тебя да вси Бладыкѣ мы помолимся,
«Далъ бы Господи вѣдь добраго здоровьица,
«И ума разума во бýйну бы головушку.

Или вотъ мать, упрекая свою дочь за то, что не пришла въ церковь помолиться за брата, разсказываетъ, что народъ да люди добрыи остановили всю крестьянскую работушку, поспѣшились ко обѣдни богомольноей;

И на солдацки они слезушки смотрили,
И на солдацкое моленьице глядили,
И за походнаго солдатушка молились.

Литургія есть, такъ сказать, священная драма христіанскаго братотворенія. Воспроизводя жизнь Христа и Его новый завѣтъ, она есть осязательная проповѣдь объ идеалѣ церковной жизни: «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы». Народъ распозналъ глубокой смыслъ и духъ этого священнодѣйствія. Въ народныхъ плачахъ литургія не иначе называется, какъ *общей обѣдней богомольноей*.

Отсюда понятно и то, почему скорбящее народное сердце лишь здѣсь находитъ себѣ единственное утѣшеніе и облегченіе. Тяжело читать тѣ потрясающія мѣста, гдѣ выражается народная скорбь:

Какъ спамячу да я надежную головушку (вопитъ сол-
датка,)
И рвучи рветъ мое безсчастное сердечушко,
И трескомъ трескае безсчастная утробушка.

Она, бѣдная, кидается туда и сюда, подходитъ къ ларцамъ окованымъ, беретъ и цѣлуетъ оставшуюся покруту своего мужа, покланяется его патрету, возьметъ въ руки его желтые забритые кудерышки, или прижимаетъ дѣтей къ своей материнской груди, но ни что не веселитъ ея сердца, и лишь пуще въ ней обида разгоряется.

Мнѣ куда съ горя, горюшѣ, подѣватися, говоритъ она? Прикоротать ли жизнь свою безсчастную? Но тутъ раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ: воспокинуть вѣдь сердечныхъ надо дѣтушекъ: и тутъ сама того, побѣдна, я сполохаюсь: материнское вѣдь сердце не звѣриное и дѣтиная тоска не угасимая. Нейти ли лучше во темны лѣса дремучіи, и со обидушки во мхи да вѣдь дыбучіи? И уже тутъ моя кручина не уходится, и уже тутъ мое сердечко не утѣшится, и во мхахъ да вѣдь всѣ звѣри поразвоются, оны Господу Бладыкѣ поразжалятся. Ужъ не стать ли мнѣ на горы на высокіи и выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью. И уже тутъ мое сердечко не утѣшится и краснымъ солнышкомъ оно да не согрѣется. И мнѣ пойти съ горя ко синему ко морюшку, и мнѣ ко славному ко синему Онегушку? И на синемъ морѣ вода да сколыбается, и со желтымъ пескомъ вода да помутилася; и круто бьетъ теперь волна да непомѣрная—и по камешкамъ вода да разсыпается. И уже тутъ моя кручина не уходится и уже тутъ мое сердечко не утѣшится. Ужъ какъ зла эта великая обидушка и кругъ меня она, злодій, да обвивается, и за сердечушко, злодій, она хватается и съ того умъ разумъ въ головушкѣ мѣшается.

«Я пойду да въ Божью церковь посвященную,
«И помолюсь да я Богу отъ желаньица,
«Штобы Господи Бладыко Свѣтъ помиловалъ,

«И пресвята мать Богородица заступилась.
«И утолили бы печаль неутолимую,
«И угасили бы тоску неугасимую,
«И на моемъ да на безсчастномъ ретливомъ сердчѣ.
«И тутъ головушка моя да взвеселяется,
«И кручинушка моя да утишается,
«И тутъ злодій эта обида поуходится.

Вотъ гдѣ источникъ нравственныхъ утѣшеній для скорбящей души народа. Вотъ гдѣ спокойное пристанище въ его страдомой—крестоносной жизни! Каковы же должны быть люди которые хотѣли бы отнять у народа церковь и закрыть храмы, созданные его кровавымъ трудомъ для своей нравственной человѣческой потребы!

Не даромъ въ «Причети» отразилось даже закрытіе монастырей въ XVIII вѣкѣ:

Наступили бусурманы превеликіе,
Раззорили вси часовенки спасеныи
Раззорили вси пустыни богомольныи.

Трогательны нѣкоторыя солдацкія молитвы. Такъ напр. они просятъ Владыку милосердаго сохранить ихъ отъ удара отъ тяжолаго и отъ досадушки несносной; и Богородицу умоляютъ пріучить ихъ ко оружью завоенному:

И поворотушки держать да поскорёшеньку
И во шириночкахъ ходить да поровнешеньку,
И оружьице кидать да полегошеньку.

Еще трогательнѣе ихъ молитвы во время войны, когда они прежде всего взываютъ:

И спаси Господи Русію подселенную,
И благовѣрнаго царя да ты Русійскаго.

И за тѣмъ уже просятъ сохранить ихъ самихъ отъ напрасной смерти.

И сраженьице война да уходилась бы,
И порознесло бы дымъ да по чистымъ полямъ,
И горесть-чадъ да по лугамъ бы по зеленымъ.

Само собою разумѣется, что воинскій бытъ въ народныхъ плачахъ изображается съ поражающими подробностями.

Восемнадцатый вѣкъ есть вѣкъ самый мрачный и безотрадный для народной жизни. Гуманизмъ французскихъ философовъ, охватившій, такъ называемое, наше передовое общество, оставался лишь въ одной головѣ и не палъ на сердце. Не мало сказалось тогда краснорѣчія *о человѣкѣ*; забытъ лишь былъ одинъ человѣкъ—это человѣкъ въ лицѣ «русскаго народа». Гуманизмъ и крѣпостное право во всей своей силѣ властвовали у насъ въ одни и тѣ же историческіе дни. Французскій языкъ, воспринятый передовымъ обществомъ, не дѣлалъ его однако мягче и нѣжнѣе: презрѣніе же къ языку своего народа, дѣлало его напротивъ жесточе и грубѣе. Подъ внѣшнимъ блескомъ гуманнаго образованія таилась та же нравственная грубость и тотъ же дикій эгоизмъ, которые создали крѣпостное право.

До насъ дошла одна рукопись, подъ заглавіемъ: «Разговоры двухъ солдатовъ россійскихъ между собою, случившихся на Галерномъ флотѣ въ бывшей компаніи 1743 году». Прочитавъ эти разговоры, преосвященный Нилъ Архіепископъ Иркутскій, въ 1849 году, декабря 14 дня, собственноручно написалъ на нихъ:

Сердце содрогается при чтеніи нѣкоторыхъ страницъ и, прочитавъ ихъ, о тогдашнихъ властяхъ нашихъ, мы можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ:

Ecce vultures! Sed illud
Inter hos tamen interest et illos,
Quod cadavera vultures moventur,
Hi vivis quoque dethahant cruorem *).

Фельдфебельскій строй воинскаго быта, заведенный Императрицей Екатериной II въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи до-

*) Вотъ коршуны! Но то впрочемъ различіе между ними и сими (супостатами), что тогда какъ коршуны устремляются къ трупамъ, сіи рвутся на терзаніе живыхъ существъ.

шелъ до крайнихъ предѣловъ. Фронтъ, а не бой выступилъ на первомъ планѣ. Защита отечества, какъ главная цѣль военной силы, была забыта; казарма стала институтомъ, который долженъ былъ выучить солдата выправкѣ и ружистикѣ. Умѣть держать руки по швамъ, умѣть ловко подымать и опускать ногу, умѣть прилаживать свое плечо къ другому вотъ качества, которыми опредѣлялось достоинство солдата. Онъ трактовался, какъ автоматъ; онъ сталъ предметомъ забавы, и вотъ создалось наконецъ знаменитое изреченіе, что «война портитъ солдата.»

Теперь страшно даже подумать, какова была солдатская жизнь въ былое время. Звѣрскіе потребности ротныхъ командировъ, фельдфебелей пресыщались ранами и кровію солдатъ. Розги, палки, фухтели, скрозь-строй, вотъ педагогическія средства для поддержанія и развитія дисциплины, выправки и ружистики.

Не говоримъ уже о томъ, что не было никакого вниманія къ человѣческому достоинству солдата, никакой заботы о возвышеніи его нравственныхъ чувствъ. Солдаты были отпѣтыми, отверженными существами—мучениками, и за всѣ страданія черезъ 25 лѣтъ, просили милостыню въ лохмотьяхъ, иногда оставшеюся одною рукою.

Народная причеть знала всѣ эти ужасы и воспроизводила ихъ въ своихъ картинахъ, клеймя ихъ словомъ проклятія и осужденія. Нѣкоторыхъ завоенныхъ плачей невозможно читать безъ содроганія. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе могли производить они, когда разыгрывалась жизненная драма, ихъ создававшая.

Солдацкая служба называется здѣсь не иначе, «какъ грозной службой Государевой». Командеры, супостатами, злодіями, свирѣпыми, скрозекозными. Безъ креста и безъ души они; не жалѣютъ безсчастныхъ солдатъ;

«За пропащу ихъ собаку почитаютъ,
«И бьютъ да ихъ безсчастныхъ до умертвія.»

Солдацкое житье не иначе величается, какъ «великимъ безталаньицемъ и горегорькіимъ живленьицемъ».

Вотъ новобранымъ солдатамъ повыдали солдацкое платье.

«Не по ноженькамъ сапоженьки козловыи,
«Не по плечушкамъ мондеры суконъ сѣрыихъ,
«И на головушку имъ кивера пудовыи.

Грудь у ихъ на́-плотно подтянута, и сердце обрестовано.

Въ казармахъ живутъ они, словно тюремники:

Крѣпко на́-крѣпко воротушка призаперты,
И плотнёшенько рѣшоточки задвинуты.

Безъ спросу не выйдешь на улицу и безъ докладу не взглянешь во косѣвчато окошечко.

Трудно было ихъ видѣть. Сестра новобранаго солдата, навѣщавшая его, разсказываетъ:

«Я ходила какъ ко братцу ко родимому,
«У дверей да я дарила все придверничковъ,
«И угощала его крѣпкихъ караульщиковъ
«И придержала золоту казну безсчотную.

Выпустятъ ли ихъ на улицу, впереди идутъ провожатели, и позади даютъ солдата-караульщика.

Каждую минуту приходилось дрожать, чтобы въ чемъ-нибудь не сдѣлать провинки, чтобъ мундеры были наглажены, ружья начищены и сабли вострыя насвѣтлѣны; каждую минуту бьется у ихъ сердце, какъ волна да на синёмъ морѣ и оно кровью вѣдь сердечко обливается, словно вода въ крутой берегъ ударяется.

Хо́лодно было и го́лодно. Яденье было точно скотиное и питье было лошадиное; лакомствомъ были мякинные сухарики и сладкимъ питьемъ ржавая вода. Часто они голодали и съ жадности посыхали. Отъ царя они не обижены: «отъ царя пища хорошая составлена и отъ царицы добры питьица наряжены и то межу собой начальники съѣдаютъ.»

Не было имъ ни отдыху, ни покою — ни о Владычномъ праздникѣ, ни о свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ.

«И на отдо̀хъ да вѣдь солдатушкамъ—ученьице,
«И на утѣхушку солдатамъ—сабли выстрыи,
И имъ на праздничекъ—оружья завоенныи.

Вотъ они маршемъ идутъ на ученье — мимо славной палаты генеральской; имъ приказываютъ пѣть пѣсню *«веселёшенько»*—а имъ пѣсенки запѣть да не хотѣлось бы: щемитъ ихъ ретивое, замираетъ сердце; но волей - неволей по городу идутъ они тихошенько, и скрозь слезы поютъ они пѣсенку и скрозь обиду слова да выговариваютъ.

Въ студёную зиму, въ плящіе морозы, въ буйные вѣтры выходятъ они на чистое поле. Отъ стужи здрагиваетъ тѣло бѣлое; отъ оружья зябнутъ руки; отъ снѣгу стыпутъ ноги; отъ морозу сердце трескаетъ; но никуда тутъ не уве́рнешься и изъ ширинoчки не выскочишь.

Въ чемъ же состояло самое ученье?

«Стоятъ они день до вечера,
«И съ руки на́-руку оружье перекладываютъ,
«И съ ноги на́-ногу они да переступываютъ,
«И выше го́ловы оружье подымаютъ,
«И скорёшенько оружье заряжаютъ.

Когда стоятъ они въ ширинкахъ, ужъ такъ-то командиры надрыгаются: «чтобъ у всѣхъ голова было прямёшенька и плечо съ плечомъ у всѣхъ было ровнёшенько и въ едину̀ струну были бъ ноженьки наставлены.» Отойдутъ командеры и отдалѝ глядятъ—впрямь по плечушкамъ могучіимъ и вточь по буйной по головушкѣ:

Солдатушки стоятъ да не шатаются ли,
Оружьица у ихъ да не мѣшаются ли?

Но молодые новобраные солдаты въ вытяжку стоять не навыкли, поворотовъ держатъ не уміютъ, къ ружью не приминились и вотъ открывался просторъ для свирѣпыхъ порывовъ ротныхъ командировъ. Лишь замѣтятъ оны, что

«Оружьице у ихъ да все прома́хнется,
«Аль плечо съ плечомъ у ихъ да все не со́йдется,

«Аль ступня съ ступней у ихъ да не сровняется».
Закричатъ они, злодѣи, по звѣриному
«И по бѣлу лицу даютъ да имъ затрещенье,
«Аль по го́ловѣ даютъ да имъ зау́шенье,
«Аль подъ бѣлую-то грудь да имъ подтычину.

Хорошо еще, если скажутъ, за что именно бьютъ, а то невзначай приходилось получать «побои превеликіе».

Въ темномъ лѣсѣ звѣря устрашился бы; въ чистомъ полѣ змѣя убоялся бы. Не то въ грозной службѣ Государевой: «не начаешься горя накачаешься; не надіешься — обидушки навидишься.»

Не великую вину часто провинятся, но нѣтъ милости безсчастнымъ, нѣтъ прощеньица: подъ бока станутъ подтыкивать, подобьютъ ясны очушки, разбиваютъ буйну голову, даютъ розги по плечушкамъ, бьютъ безсчастну спинушку палками великими, странно—у́жасно, и не сто даютъ разомъ цѣлу тысячу; кровь ручьями разливается и тѣло съ мясомъ у безсчастныхъ тутъ мѣшается. И надо повытерпѣть всю эту обиду преужасную такъ, чтобы «голова не клонилась, сердце не корилось и слезы изъ глазъ не протекали: «при обиды быть безсчастнымъ—не розплакаться».

А вотъ и *«зеленая солдацкая улица:»* глубоко затрогиваетъ душу описаніе, такъ называемаго, *скрозь-строя*, который такъ часто практиковался въ былое время. Прошедшіе его безсчастные солдаты, падали на сыру землю—и не слышали рубахи на своемъ тѣлѣ; безъ сознанія, безъ чувствъ и движенія, отъ ранъ и побоевъ, лежатъ они полумертвые. Со слезами подымаютъ ихъ товарищи и спрашиваютъ:

«Есь ли душенька у васъ да во бѣлыхъ грудя́хъ?
«Есь ли зрѣньице у васъ да во ясны́хъ очахъ?

Но вотъ солдатъ стоитъ, по зарямъ вечернимъ и на часахъ полуночныхъ, у замковъ казенныхъ. У буточки, безсчастной, по снѣжку перистому похаживаетъ; отъ плящаго мороза съ ноги на ногу переступываетъ и сапогъ о́ сапогъ

покалачиваетъ. Но что же онъ думаетъ въ это время? Онъ смотритъ на свѣтёлъ мѣсяцъ и на частӹ звѣзды поднебесныя. Онъ ждетъ—не дождется, скоро ли закатится свѣтелъ мѣсяцъ и стеряются частӹ звѣздӹ:

«И скоро ль свѣтъ да ясна зоренька просвѣтится,
«И ростечетъ ли это красное вѣдь солнышко,
«И обогрѣетъ ли солдацкое сердечушко?

Вотъ солдатъ на синемъ морѣ, по чорному караблю похаживаетъ; прилетаютъ птицы и садятся на мачты. Онъ печальную птиченьку выспрашиваетъ: «ты откуль летишь птича, куды путь держишь и на мою ль летишь родиму на сторонушку?» Онъ заказываетъ съ ней низкое—поклонно челобитьице своимъ желаннымъ родителямъ и всѣмъ сусѣдямъ спорядовымъ.

Превосходно изображеніе воинской страды во время похода на войну.

И да мы трудъ бѣдны солдаты принимали
И мы трудились за Русію подселенную.
. .
И день и ночъ да на страженьицѣ стояли
И хлѣба соли мы пять сутокъ не ѣдали,
И десять денъ воды безсчастны не пивали;
И не видли мы въ дыму да красна солнышка,
И во туманѣ-то не видли свѣту бѣлаго
И съ огня—съ пламени буйна го́лова разтрескалась,
И дымомъ съѣло-то побѣдны наши очушки.

Но вотъ наступила «про́ща Государева» и солдатъ—на побывкѣ.

Разсказы его про солдацкое житье потрясающіе: голова его исколочена, костьица изломаны и спинушка распластана Вся утробушка моя да перержавѣла, говоритъ онъ;

Отъ подтычинъ я не вижу свѣту бѣлаго,
Отъ поушенья не слышу вѣтра буйнаго.

При каждой смѣнѣ погоды, такіе побои давали себя знать. Солдатъ жалуется, что

«Тоскуютъ-то солдацки бѣдны плечушка,
«И стонутъ бѣдны эты костьица изломаны;
И какъ въ чистомъ полѣ погода заподóймется,
«И у меня да тутъ — солдатушка походнаго
«И разболится да тутъ спинушка безсчастная,
«И станетъ синь да все подъ ясныи подъ очушки,
«И печаль—гòре на ретливоемъ сердечушкѣ.

Одно напоминаніе ему о военной службѣ производило на него подавляющее дѣйствіе: «свивалось его ретивое сердце и замирала его безсчастная утроба». Онъ желалъ лучше итти во матушку сыру землю и лечь къ Пречистой Пресвятой Богородицѣ, чѣмъ снова возвращаться на службу и тамъ принять смерть напрасную «отъ этыихъ властей неправосудныхъ, отъ этыихъ судей да скрозскозныихъ.»

Мать, взволнованная разсказами о подобныхъ жестокостяхъ, между прочимъ говоритъ ему:

Пасть бы вамъ въ ноги командерамъ и просить бы: «не бейте понапрасну—не терзайте-тко»; Но тутъ же сама соображаетъ: пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:

«Оны бéзъ-души судьи не правосудныи,
«Оны бéзъ-креста злодіи супостатыи!

Даетъ еще и другой совѣтъ: найти писаречка хитромудраго, съ своей стóроны,—съ Новгорода, и съ обидой бить челомъ на нихъ Царю благовѣрному и Царицѣ милосердой. Но также потомъ разсуждаетъ, что нѣтъ у злодѣевъ ни страху, ни совѣсти:

«И не допустятъ-то прошеньица безсчастнаго
«И какъ до этого царя да до великаго;
«И тутъ обыщутъ *) вѣдь солдатушковъ безсчастныихъ
«И все предъ этыимъ Царемъ-богомъ Русійскіимъ.

*) Т. е. обнесутъ, оклевещутъ.

Въ виду указанныхъ фактовъ становится весьма понятнымъ, почему въ прежнее время тѣ счастливцы—рекрута которымъ брили затылокъ, нагіе выбѣгали изъ рекрутскаго присутствія, нагіе бѣжали по городу — нагіе прибѣгали домой. И никого это не удивляло, никто этого не осужалъ и не останавливалъ; даже и тогда казалось понятнымъ: какъ въ самомъ дѣлѣ, на такой радости не бѣжать нагому—хотя бы то пришлось по цѣлому городу?

Такова была нѣкогда грозная служба Государева! Таковы были неправды, жестокости и мучительства — сопровождавшія страду солдацкую. Мы указали ихъ лишь въ общихъ чертахъ, далеко не изчерпывая всего содержанія народныхъ плачей. Да благословится же въ родъ и родъ имя Государя Императора Александра II, освободившаго свой народъ — и своихъ героевъ—отъ всѣхъ подобныхъ тягостей воинскаго быта и отъ всей этой ужасной страды солдацкой!

Но едва ли не самая важная сторона издаваемыхъ плачей—это сторона народно - бытовая. Мы встрѣчаемся здѣсь съ такого рода явленіями въ народной жизни, которыя невѣдомы нашей исторіи, не записаны въ дѣловыхъ бумагахъ и незначатся въ архивныхъ актахъ.

Заглянемъ въ крестьянскую избу, гдѣ раздавались эти «Плачи»; раскроемъ завѣсу семейной жизни, которая въ нихъ отражалась и посмотримъ, какое разлагающее дѣйствіе производила здѣсь старая рекрутская система.

Древне-русская семья сновалась на историческомъ преданіи и отличалась необыкновенною крѣпостію своего строя. Въ сѣверномъ краѣ—это была семейная община, которая численностію своей доходила до того, что безъ нарушенія церковныхъ законовъ родства, бывшіе здѣсь женихи могли брать себѣ невѣстъ у себя дома. Еще живы и теперь старики, которые помнятъ, что нѣкоторые дома въ Заонежьѣ состояли изъ 40 и 50 душъ.

Домашній бытъ имѣлъ древне-монастырскій общежительный характеръ и глава дома назывался потому «*настоятелемъ*

крестьянской жиры». Всѣ члены дома были люди *свои* и слушались наряда большака *настоятеля*. Братья бурлаки молодые составляли одну силу, опору семьи и державу старости родителей. Сѣверный крестьянинъ жилъ всегда по преимуществу своими сыновьями.

Но вотъ съ развитіемъ рекрутчины — въ народной семьѣ появился, такъ называемый въ «Плачахъ», небывалый дотолѣ «*казенный человѣкъ*».

Не вдругъ, конечно, могло привиться къ крестьянской избѣ понятіе «*казеннаго человѣка*». Не вдругъ могли народиться непріязненныя чувства къ своимъ собственнымъ дѣтищамъ, обреченнымъ въ «*казенные люди*».

Былая солдацкая служба, продолжавшая двадцать пять лѣтъ, отрывая удáлыхъ добрыхъ мóлодцевъ отъ сохи и бороны, совершенно разъѣдиняла ихъ съ народомъ, и, по окончаніи службы, дѣлала ихъ неспособными для крестьянской жизни. Чуждый преданій семьи, сдѣлавшись автоматомъ, благодаря фельдфебельской системѣ, онъ переставалъ быть «человѣкомъ» въ нравственномъ смыслѣ этого слова Нѣтъ, кажется, надобности распространяться здѣсь о грубости и низкомъ уровнѣ нравственнаго развитія стараго солдата, о чемъ уже много и не разъ было говорено въ нашей военной литературѣ. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя народныя пословицы, созданныя былымъ воинскимъ строемъ:

«Съ солдатомъ дружѝ, а топоръ за пóясомъ держи.
«Онъ Христова родня, только бойся какъ огня.
«Онъ самъ и честенъ, да шинель на немъ воръ.

Таковъ взглядъ на былаго солдата образовался въ народныхъ преданіяхъ!

Какъ скоро въ народной семьѣ нарождался сынъ, обреченный на солдацкую службу, онъ естественно считался уже не *своимъ*, онъ считался уже «*казеннымъ человѣкомъ*», — и изъ этихъ представленій возникала цѣлая исторія борьбы родительскихъ чувствъ, семейнаго разлада, нравственнаго огру-

бѣнія. Для родителей не всѣ стали равны сердечные ихъ дѣтушки.

Не милъ былъ сердцу матери этотъ *«казенный человѣкъ»*, когда она носила его во чревѣ; она нерадовалась, когда его родúла; она и не ласкала его, когда ростила. Мысль, что это будущій солдатъ, отравляла всѣ ея радости и ожесточала ея сердце въ ея отношеніяхъ къ рожоному дитятку. Лишь когда наступалъ часъ послѣдней разлуки, когда приходилось отправлять его въ горегорькое солдацкое житье, сердце ея вступало въ свои материнскія права и начинало убиваться горемъ. Но это истинное ея гореванье казалось уже *лицемѣріемъ* и лишь обижало удалаго добраго мóлодца. Онъ съ горечью обращалъ къ ней свои упреки и отрицалъ ея поздніяласки: «што подрачиваешь меня да по головушкѣ?» говорилъ онъ ей.—

«Я не дитятко тебѣ да не сердечное:
«И ты солдатушкомъ меня да вѣдь засіяла,
«И ты солдатушкомъ меня да вѣдь спорóдила;
«И не на красномъ да я солнышкѣ повырощенъ,
«И ужъ я росъ да на катучемъ синемъ кáмешкѣ;
«И не дитятко ты ростила измѣнушку.

И сродники и сусѣди упрекали мать за ея прежнее холодное и жесткое отношеніе къ сыну, какъ *«казенному человѣку:»* Такъ, тетка коритъ ее:

«Ты не матушка была да ему мачиха,
«И быдто ý-сердца его ты не носила;
«И знае-вѣдае ретливое сердечушко,
«И што вы ростили удáла добра мóлодца,
«И во людушки вы ростили казенныи,
«И на убойну эту службу Государеву.

Отецъ и мать все ладили на милыхъ своихъ дѣтушекъ, а онъ, безсчастной, не нашивалъ сапоженьковъ козловыхъ, не державалъ бурлацка цвѣтна платьица и была нé-дана ступистая лошадушка ѣздить по Бладычнымъ Божіимъ празднич-

камъ. Его не баловали кушаньемъ, не наважали питьями, а держали-то его словно подворничка, и почитали-то его да какъ работничка. Всю тяжолую работу старались взвалить на него. Вотъ встанетъ онъ по-утру ранехонько, обуется скорёхонько, накинетъ шубёнку, подпояшется веревчонкой и отправляется на крестьянскую работу въ темны лѣса дремучіи; а братья его дома остаются и на пуховой перинѣ прохлаждаются. Вотъ пріѣзжаетъ онъ домой, выпрягаетъ ступистую лошадушку, ставитъ на стойлы конинные, приходитъ въ хоромное строеньице, а у матушки ужъ произве́дены обѣды полуденные и накормлены всѣ милы ея дѣтушки. Станетъ онъ просить *«яденья со питемьицемъ»*, и по избѣ станетъ родитель тутъ похаживать и не съ ве́села на мо́лодца поглядывать и не ласково вѣдь съ имъ да разговаривать.

И такъ изо-дня въ день не видалъ онъ, безсчастной, великаго желаньица отъ родимой своей матушки.

Не больше встрѣчалъ онъ расположенія и отъ своихъ братьевъ:

«И ненавидли свѣты братьица родимыи
«И за столомъ его сидѣть да за дубовымъ.

Глядя на него они радовались только тому, что есть у ихъ *«замѣна»*—на службу Государеву.

А когда наступало время отправлять его на службу, они изживали его:

«И быдто лютаго звирѧ да изъ темна̀ лѣса̀,
«И быдто лютую змію да изъ чиста̀ полѧ.

Не съ пріязнію смотрѣли и сосѣди на удалаго добра мо́лодца, обреченнаго *«въ казенные людушки»*. Съ пренебреженіемъ о немъ говорили:

«Не участникъ онъ участковъ деревенскіихъ,
«И не дольщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
«И не косецъ да на луговыхъ буде поженкахъ.

Удалы добры мо́лодцы — поровечники—не были ему *подружье*:

Вотъ онъ, бывало, подойдетъ къ нимъ: во глазà они прилещаются, позаглазью спроговариваютъ:

«Вонъ казенной-то солдатушко пахаживае,
«И горемыка-та удалая погуливае.

Красны дѣвушки также не доставляли ему весельица. Подойдетъ онъ къ нимъ:

«И красны дѣвушки его да сторонилися,
«И бывъ чужанина его да полошилися.

При такихъ тяжкихъ условіяхъ и отношеніяхъ воспитывался и росъ *«казенный человѣкъ»* въ крестьянской семьѣ! Заклейменный позорнымъ именемъ «солдата», ненавидимый дома, презираемый въ сосѣдствѣ, отвергаемый ровнею и молодостью, онъ жилъ словно птиченька въ лѣсахъ да заблудящая.

«Отъ бладости во радости не бывано,
«И отъ рожденьица веселыхъ дней невидано!

Удивительно ли послѣ этого, что рекруты, не видя ничего отраднаго ни впереди, ни позади себя, ни предъ собою, ни за собою, принимая присягу, посылали проклятія своимъ родителямъ.

«И выше го́ловы кресты они здымали
«И отца съ матерью они тутъ проклинали!

Подобное же нравственное разложеніе крестьянской семьи производила былая рекрутская система, отнимая весьма часто мужа у жены и отца у малыхъ дѣтей. Положеніе послѣднихъ было ужасно. Печать отверженія и клеймо позорнаго имени всею тяжестію ложились на этихъ несчастныхъ и нравственно угнетали ихъ на каждомъ шагу.

Бѣда, постигавшая была такъ велика, что жена предчувствовала грозившую ей кручину. Сердце ея все пыло, красно солнышко ее не грѣло; теплое лѣтушко ее не взвеселяло. Она, какъ и другія жены мужнія ходила въ церковь и все не понимала «отчего жъ ея головушка кручинится и передъ чимъ ея сердечко разгоряется?» Замѣтили даже сосѣд-

ки ея тоску и стали судить и рядить объ ея причинахъ. Одна изъ нихъ побойчѣе другихъ, рѣшилась подойти и спросить:

«И ты скажи въ потай, спорядная сусѣдушка,
«И што вѣдь грубая стоишь да не веселая,
«И ты во добромъ ли теперь да во здоровьицѣ,
«И по согласью ли ты съ надёжноей головушкой?
«И по совѣту ль во любимой семеюшкѣ?
Што поблёкло твое бѣло это личушко,
И цвѣтно платье на тебѣ не розцвѣтаетъ?

Она усмѣхнулась и отвѣтила, что въ люби живетъ съ надеженькой и, кажись, все въ домѣ по согласьицу, но не знаетъ, передъ чимъ ноетъ ея ретливое сердечушко.

Предчувствіе ея оправдалось: мужа ея отдали въ солдаты.

И стала слыть она не вдовой—женой не мужней, а бѣдной солдаткой горегорькою: ея дѣти стали дѣти солдацкіе и вольные и безунёмные.

Положеніе ея въ семьѣ отпынѣ беззащитное и безнадежное. Ее постоянно корятъ, что нѣтъ у ней пахаря на чистомъ полѣ, нѣтъ сѣнокосца на луговыхъ пожняхъ и воскормителя нѣтъ въ домѣ родителя. Не видитъ она почоту отъ братьевъ богоданыхъ и не слышитъ краснословья отъ невѣстушекъ голубушекъ. Боячи ходитъ она по хоромному строеньицу и со страхомъ по дубовымъ мостиночкамъ.

Выходитъ ли на улицу, надо итти тихошенько, съ поклонной головой и покорнымъ сердцемъ, «штобы буйны эты вѣтры не навіялись и понапрасну добры люди не набаялись.» Того и бойся; пойдетъ слава:

«Што вольная солдатка самовольная,
«И што лѣнивая она да не станливая,
«И свѣтамъ братцамъ богоданымъ непокорная.

Жалкое положеніе дѣтей ея усиливало ея нравственныя страданія. Она не знала, что съ ними дѣлать:

«Въ работнички ль отдать—дѣти малёшеньки,
«И въ пастухи ли-то отдать—дѣти глупёшеньки.

Въ родственной семьѣ дѣти ея, какъ будто чужіе:

«И хоть желанны живутъ дядюшки—не батюшки,
«И хоть спацливыи вѣдь дяденьки—не матушки.

Вотъ побѣгутъ дѣти «по мостиночкамъ дубовымъ» и дядюшки станутъ на нихъ и́скоса поглядывать и станутъ и́зрыхла-то дяйны поговаривать, што солдацкіе вѣдь дѣти «хлопотливые».

Вотъ подойдутъ они къ столу и «къ хлѣбу соли — дару Божьему»

Ихъ подернутъ-то за бѣлые за рученьки,
Ихъ отпёхнутъ отъ стола да отъ дубоваго,
И глупыхъ щелвутъ ихъ во буйну головушку,
Ихъ подернутъ-то за жолтыи волосушки.

Дѣти, конечно, заобидятся; съ горючими слезами идутъ къ матери и жалуются. Она беретъ ихъ за руки и уговариваетъ:

«Ужъ вы глупы мои дѣти неразумныи,
«И вы сидили бы, безсчастны, въ дверномъ у́голку,
«И вы бы на грѣхъ-отъ къ столу не подходили бы.

А у самой, какъ огнемъ горитъ ретливое сердечушко и какъ смолой кипитъ безсчастная утробушка; и на три рядъ ея сердечко припрострескало и на четыре рядъ утроба перелопала».

Кручину приходилось высказывать ей катучу бѣлу камешку и рутить слезы во сине море, штобы не спровѣдали братцы богоданые,

«Гдѣ была бѣдна горюша—съ дѣтми плакала
«И разсказала гдѣ великую кручинушку.

Или вотъ приходитъ она съ улицы, малы дѣтушки кругомъ ея обхаживаютъ и восклинаютъ:

«Гди была наша родитель—родна матушка.
Што заплакала вѣдь ясны свои очушки?

Еще больше разгорится въ ней обида и она съ досадой отгонитъ ихъ отъ бѣлыхъ своихъ рученекъ.

Иногда ея материнское сердце возчувствуетъ потребность раздѣлить свои ощущенія съ дѣтской душой: возьметъ она ихъ на руки, но малы дѣтушки, точно бѣлочки, въ глаза да ей поглядываютъ, и не толкуютъ-то, безсчастну разговаривать.

Вотъ она на работѣ, не жалѣетъ себя, и желаетъ добиться одного, чтобы хотя въ семьѣ и ненавидѣли ее, но лишь бы дѣтушекъ не обидили:

«Отъ дубоваго стола да не отдернули,
«И въ обидную головушку не щолнули.

Но работой трудно этого добиться. Вотъ приходитъ она съ работы поздно вечеромъ и видитъ:

«Спятъ да малы дити голоднёшеньки,
«Оны спятъ бѣдны безсчастны на голыхъ доскахъ,
«И бѣлы рученьки у ихъ да пораскиданы,
«И бѣлы ноженьки у ихъ да порозметаны;
«И малы дѣтушки вѣдь спятъ да призаплакавши.

Хоть усталая придетъ она да опристалая, не посмѣетъ сѣсть на удохъ на брусовую лавочку и устлать дѣтушкамъ пуховую перинушку. Она спроситъ у невѣстокъ: ладить ли ужина вечорная? Искоса взглянутъ и съ досадой ей скажутъ: «видно го́лодна пришла, да и холодна, што спѣшишь ты ко столу ко дубовому». Пойдетъ прочь она, заобидится, приклонитъ буйну голову, утупитъ очи во дубовой полъ; сойдетъ въ мелкорубленую клѣто́чку, сядетъ на кроваточку, подожметъ свое сердечушко и начнетъ причитать.

Любопытны тѣ воззванія, кои обращала она къ своей надежной головушкѣ—къ солдатушку походному.

«И прилети хоть перелётной малой птиченькой,
«И хоть съ чиста́ поля лети да чорнымъ ворономъ,
«И со синя моря лети да бѣлымъ лебедемъ;
«И бѣлой лебедь ты садись да на крылечушко,
«И чорный воронъ ты садись да на окошечко.

«И стану спрашивать, горюшица, вывѣдывать;
«И не чорной воронъ—не солдатъ ли ты походной?
«И бѣлой лебедь—не надежна ль ты головушка?

Она высказывала ему свое горе и указывала на положенiе дѣтей его:

«И часто спятъ да малы дѣтушки безъ ужина,
«И не обутыи они да не одѣтыи;
«И у стола да слывутъ дѣтушки ѣдучiи,
«И въ избы они, безсчастны, хлопотливыи.

Случалось иногда, что дяди и тетки сдобрятся надъ солдацкими дѣтушками; прiѣзжаютъ изъ гостей и даютъ имъ по пряничку. Дѣти бѣгутъ къ матери и на радостяхъ хвастаютъ гостинцемъ. Она беретъ ихъ на-руки, прижимаетъ къ сердцу и возноситъ спасибо съ благодарностiю—свѣтамъ братцамъ богоданымъ, што не-обошли сердечныхъ ейныхъ дѣтушекъ, а сама еще больше ростоскуется, и ростоскуется побѣдна, порасплачется.

Вотъ дѣти выбѣгаютъ на улицу, но и здѣсь не много встрѣчаютъ радостей: не посмѣютъ подойти къ малымъ поровечникамъ: отдали постаиваютъ да поглядываютъ; а тѣ надъ ними ругаются: «што солдацкiи вы дѣти самовольныи».

«И обижаютъ ихъ ребята все отецкiи
«И въ пай играть съ собой не привѣчаютъ.

Порасплачутся, безсчастны, поразжалятся. Мать успокоитъ ихъ и велитъ имъ играть у своего крыльца, подъ своими косѣвчатыми окошечками.

И такимъ образомъ каждый день у ней кровью сердечко обливается и столько глядячи на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.

Въ безъисходномъ горѣ, чувствуя тяжесть своего отверженiя въ семьѣ, солдатка идетъ наконецъ за совѣтомъ къ *«вдовѣ благочесливой»* и проситъ придать ей ума-разума въ головушку, какъ ей жить и какъ ростить сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ. Та учитъ ее, что

«Безъ краснаго миженьска тебѣ солнышка,
«И отложить да набъ Бладычны Божіи праздничи,
«И набъ забросить вся любимая покрутушка;
«И у своихъ да свѣтовъ братцевъ богоданыихъ
«И безотвѣтной набъ горюшѣ быть работницей,
«И набъ на лавочкѣ горюшѣ не посѣживать
«И надо по́-часту въ окошко не поглядывать;
«И какъ ростить-то сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
«И надо плеточкой, горюшѣ, обвиватися,
«И надо ласково, горюшѣ, обходитися,
«И все ко свѣтушкамъ ко братцамъ богоданымъ.

Таково было положеніе солдацкой семьи въ крестьянскомъ домѣ! Оно продолжалось до тѣхъ поръ, пока Царь-Освободитель Александръ II не измѣнилъ воинской системы и не излилъ на свой народъ благость своего сердца введеніемъ всеобщей повинности для защиты роднаго отечества. Теперь нѣтъ уже въ крестьянской семьѣ былаго *«казеннаго человѣка»*, обреченнаго на царскую службу со дня своего рожденія; теперь солдацкая семья не можетъ отчаяваться въ своей беззащитности, такъ какъ скоро кончается срокъ службы, и «надежная державушка» скоро снова возвращается въ свой домъ со всѣми правами на крестьянскую жиру и крестьянское хозяйство. Измѣнился воинскій порядокъ, измѣнились народныя понятія—измѣнились и семейныя отношенія въ крестьянской избѣ. Да будетъ же благословенно имя Царя-Освободителя Александра II въ роды родовъ!

Наконецъ, настоящій томъ «Причитаній», какъ и первый, имѣетъ немаловажное значеніе и въ исторіи русскаго языка. Особенности, относящіяся къ говору, словообразованію, словоизмѣненію и синтаксису, указаны нами въ «Замѣчаніяхъ», приложенныхъ къ концу книги. Здѣсь считаемъ нелишнимъ указать только на нѣкоторыя слова и обороты, служащія къ уясненію слова о полку Игорева, этого драгоцѣннаго наслѣдія кіевскаго дружиннаго эпоса.

Въ «Словѣ:» *заря— свѣтъ*. Здѣсь встрѣчаемъ: *И скоро-ль свѣтъ да ясна зоренька просвѣтится* (76, 58).

Въ «Словѣ:» *свычай—и обычай*. Здѣсь встрѣчаемъ аналогію: *и по согласью ли съ надежной ты головушкой и по совѣту ль во любимоей семеюшкѣ*. (148, 128—129).

Въ «Словѣ:» *Половецкую землю цвѣлити*. Здѣсь: *И не кливилъ да ты вѣдь малыхъ этыхъ дѣтушекъ*. (52, 21).

Выше приведено нами мѣсто, которое живо рисуетъ *трудъ*, какъ воинскую страду, и можетъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ выраженію «*трудными словесы*» пѣсни Игоревой.

Наконецъ здѣсь встрѣчаемъ цѣлый завоенный плачъ, весьма близко подходящій къ Причитанью Ярославны. Жена, оплакивая свою умоленую ладу милую, также дѣлаетъ обращенье къ вѣтрамъ —скорымъ ходателямъ, къ умолёному красну солнышку и и ко матушкѣ быстрой рѣкѣ. (11, 1 стр. 87—94). Плачъ этотъ мы считаемъ настолько драгоцѣннымъ, по его внутреннему отношенію къ плачу Ярославны, что не можемъ воздержаться отъ того, чтобы не привести здѣсь изъ него хотя нѣкоторыхъ характерныхъ мѣстъ.

Такъ ты послушай, лада милая,
Напишу я писмо грамотку,
Я отъ себя, горюха бѣдная,
Не перомъ я не чернилами,
Напишу я горючимъ слезамъ,
Такъ я пошлю—то писмо-грамотку,
Я со старымъ ходателямъ,
Со вѣтрами я со буйнымъ.
Умолёные вѣтры буйные,
Ужъ вы скорые ходатели!
Вы снесите писмо-грамотку,
Во города-те вы во дальные,
Во дальные да во украйные,
Во полки да во солдацкіе;

Такъ отыщите ладу милую,
Гдѣ моя да лада милая;
Такъ вы отдайте писмо-грамотку,
Такъ вы скажите ладѣ милоей,
Што у мня нѣту золотой казны.

.

.

Еще слушай, лада, милая,
Закажу тебѣ, горюшица,
Я тебѣ да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненьиче,
Со краснымъ да солнцемъ праведнымъ:
Умолёно красно солнышко,
Ужъ ты солнце мое праведное!
Ужъ ты свитишь, ты на весь бѣлой свѣтъ;
Такъ освѣти-тко ладу милую,
На чужой на дальной сто́ронѣ,
Въ грозной службѣ Государевой.
Умолёное красно солнышко,
Ты красишь да солнцѣ красное,
Ты на всю да подселенную,
И на всѣхъ народъ-да людей добрыихъ:
И ты окрась да красно солнышко,
И ты мою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Во полкахъ да солдацкіихъ,
Въ городахъ да ты во дальныихъ,
Во дальныихъ да во украйныихъ.
Ты скажи-тко, красно солнышко,
Отъ меня да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненьиче,
Отъ меня да отъ горюшицы,
Отъ вдовы да корегорькія.
Какъ я живу-то же, горюшица,
Безъ тебя мой лада милая,

Я потише воды быстрыя,
Пониже травоньки шелковыя:
.
.
Я пошлю тебѣ, да лада милая,
И еще да челобитьиче.
Низкоѐ да поклоненьиче,
Я по матушкѣ быстрой рѣки,
Я къ своей да ладѣ милоей;
Въ города-те да во дальные,
Во дальные да во солдацкіе,
Я къ своей ладѣ любимоей.
Ты рѣка ли—моя риченька,
Ты рѣка ли моя быстрая;
Ты скажи-тко челобитьице,
Ты моей ли ладѣ милоей,
Ладѣ милоей любимоей:
Ужъ какъ подходитъ Господнёй Праздничекъ,
На родимой на сторонушкѣ,
И твои-те соколы-братья милые,
На весельѣ и на радостяхъ,
Ужъ какъ я то ли, горюшица,
Вдова солдатка горегорькая,
Надѣваю я, горюшица,
Троура на себя черные,
Черные да не ражіе.

Собиратель.

Москва. 1-го марта.
1882 года.

I.

ПЛАЧИ О ХОЛОСТОМЪ РЕКРУТѢ.

I. Ирины Өедосовой.

Въ избѣ много народу. Мать вопитъ.

Я чего да сижу, мать бѣдна безсчастная,
Сирота теперь сижу да безпріютная,
И на брусовоей сижу да бѣлой лавочкѣ,
И подъ печальнымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И подъ туманноей стекольчатой околенкой;
Я сижу, бѣдна горюша, призадумавши,
И чужихъ ба́сенокъ, горюша, пріослухавши;
Подивуютъ мнѣ-ка до́бры эти людушки
И посрѣкаются спорядныи сусѣдушки:
И, знать, на радости сидитъ да на весельицѣ
И на великой, знать, Господней Божіей милости:
У ей вси вкупѣ сердечны, видно, дѣтушки.
Я гляжу—смотрю, печальная головушка,
И што вѣдь при́брались народъ да люди добрыи:
И не весельице у насъ, да не забавушки,
И не тихіи смиренныи бесѣдушки,
И не честно́е у насъ да пированьице.
Нонь какъ этымъ учётнымъ долгимъ го́дышкомъ
И сочинилась грозна служба Государева,

И сволновался непріятель земли русской,
И присылать стали указы Государевы,
И собирать стали уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ
Какъ на сходку вѣдь теперь да на обчественну,
И тутъ писать стали уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ
Да на этотъ на гербовой листъ-бумаженьку,
И призывать стали судьи́ неправосудныи
И все ко этыимъ ко жеребьямъ дубовыимъ.
Ужъ какъ этыи уда́лы добры мо́лодцы
И передъ Го́спода глаза да вѣдь крестили
И Богородицѣ молитовку творили;
И оны брали жеребія́ да тутъ дубовыи:
И пойти надо тутъ во службу Государеву.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ
И хоть не скованы да рѣ́звы у ихъ по́женьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бѣ́лы ру́ченьки,
И обрестованы указомъ Государевымъ.
Вотъ похаживатъ сердечно мое дитятко,
И онъ по доброму хоромному строеньицу,
И да онъ буйной то головушкой пока́чиватъ,
Онъ жолтыма кудеркама потряхиватъ,
И молодецкима—то ручкама помахиватъ,
И онъ на память то словечка спроговариватъ,
И говоритъ столько скачоная жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да все несчастная,
«Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
«Сустигае грозна служба Государева;
«И на роду́, да видно, служба мнѣ уписана,
«И, видно на̀-дѣлу бурлаку доставалася.
Тутъ онъ сма́хне свои бѣлы эты рученьки
И на бурлацку молоде́цкую головушку
И на завивныи па жолтыи кудёрышка;
И не жаліе молодецкихъ кудеръ жолтыихъ
И съ горя рветъ да свои жолтыи куде́рышка.

Тутъ онъ смáхнетъ молоде́цки бѣлы рученьки,
Онъ на этую па грудь да молодецкую,
И подожметъ свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй да молодецкое сердечушко,
«Не унывай да молодецкая утробушка.
И онъ пройдетъ да по хоромному строеньицу,
И онъ спроговоритъ единое словечушко,
Всимъ приближнимъ спорядовыимъ сусѣдушкамъ,
Всимъ дружья̀мъ да молодца̀мъ своимъ пріятелямъ,
Въ собину́ да душамъ краснымъ, скажетъ, дѣвушкамъ:
«Поглядите-тко народъ да люди добрыи,
«И на печальнаго бурла́ка на молóдаго!
«И какъ хожу я по хоромному строеньицу,
«И по свѣтлоей хожу да я по свѣтлицѣ:
«И я не пьянъ, да съ горя, мóлодецъ, шатаюся;
«Безъ воды да рѣзвы ножки подмываетъ,
«Безъ огня мое сердечко розгоряется,
«Безъ смолы моя утроба роскипляется,
«Дума думушку бурлака пошибаетъ,
«И умъ за разумъ у бурлака забѣгаетъ.
«Вы простите-тко души да красны дѣвушки!
«Какъ што сдіется надъ дóбрыимъ надъ мóлодцемъ,
«Какъ возмутъ да въ грозну службу Государеву,
«И вы воспомните души́ да красны дѣвушки,
«И спамятите-тко бурла́ка розмолодаго,
«Вы на этыихъ горахъ да на искатныихъ,
«И вы на тихихъ на смиренныихъ бесѣдушкахъ!
«Помолитесь-ко старушки стародревніи,
«Вы Пречистой Пресвятой да Богородицѣ,
«Штобы Господи Владыко Свѣтъ помиловалъ,
«Какъ отъ этой бы отъ службы Государевой,
«И возратилъ бы на судиму Богъ сторонушку,
«И рыболовушкомъ на сине бы Онегушко,
«И меня пахаремъ на чисто бы на полюшко,
«И воскормителемъ желаннымъ бы родителямъ.

«И не тоскуй моя родитель, родна́ матушка,
«И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
«И ты не дай тоски къ ретливому сердечушку,
«И ты обидушки ко зяблоей утробушкѣ.
Я гляжу, смотрю, побѣдная головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И какъ не бѣлая березка нагибается,
И не шатучая осина разшумѣлася;
Добрый мо́лодецъ кручиной убивается;
Не дай, Боже, вѣдь того, да Боже Господи,
Розставаться со сердечнымъ со дитяткомъ.
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку:
Какъ дѣтиная тоска—не угасимая,
И какъ жива эта разлука пуще мертвой.

Пріѣзжаютъ за рекрутами земскіе власти; мать вопитъ:

И прошелъ де́нечикъ теперь да не видаютца,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечику судьи да подъѣзжаютъ:
И тутъ подогнаны ступистыи лошадушки,
И не по разуму любимы хоть извощички,
И про сердечное рожено мое дитятко.
И по фатерушки судьи да все похаживаютъ,
И добра мо́лодца оны все поваряживаютъ:
«И ты справляйся молодѐцъ да поскорешеньку,
«И одѣвайся-тко, бурлакъ, да суровёшенько,
«И у крыльца стоятъ ступистыи лошадушки,
«И отправляйся въ путь—широкую дороженьку,
«Ты ко славному ко городу Петровскому,
«Ко принемноей полатѣ бѣлокаменной.
И какъ у мо́его сердечнаго у дитятка
И подломились да тутъ рѣ́звы его ноженьки,
И подрожали молодецки бѣлы ру́ченьки,

И поблекло его бѣлое тутъ личушко,
И пріужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота съ лича у свѣтушка стерялася,
И съ горя жолтыи кудерки развѣваются;
И хоть одѣтъ да онъ во цвѣтное во платьице,
Хоть надѣты вѣдь тулупы одинцовыи,
И не цвѣтетъ да теперь цвѣтно на немъ платьице
И не красйтъ да добра мо́лодца покрутушка,
Не согрѣватъ да кунья шубка соболиная.
Сдай-волю-те-тко народъ да люди добрыи,
И смилосердуйтесь судьи̇ да милосердыи!
Вы возмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку,
Вы рожоное сердечно мое дитятко.
Я удумаю, побѣдная головушка:
Схичу-спрячу я скачоную жемчужинку
Я отъ этыихъ властей немилосердыихъ,
Я отъ этыихъ судей не правосудныихъ.
Я запру да вѣдь во свѣтлу его свѣтлицу,
Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболинымъ одѣялышкомъ,
Призадвину я ситцѐвы занавѣсочки;
И отвѣчать буду судья̇мъ да я обманывать:
«Пріотправила сердечно мое дитятко.
«Онъ ко городу уѣхалъ ко Петровскому,
«И онъ не ждалъ да васъ властей вѣдь милосердыихъ,
«Онъ казеннаго не ждалъ да все извощичка.
И пороздумаюсь побѣднымъ умомъ разумомъ:
Нынь не скроешь—то сердечнаго вѣдь дитятка:
Времена теперь пошли да все бѣдовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи.
И дай-волю-те-тко судьи̇ вы правосудныи
Ужъ какъ мо́ему сердечному то дитятку,
И съ горя систь ему на саночки дубовыи,

И попроѣхать на ступистоей лошадушкѣ,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушкѣ по ши́рокой по у́личкѣ
И со малыма ему да поровечникамъ:
Какъ споютъ оны солдацку ему писенку
И воспотѣшатъ-то уда́ла добра мо́лодца.
И взвеселятъ его унылую утробушку.
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко,
И укатись, да мое красное ты на́ золотѣ,
И укатись да отъ родимой нонь отъ родинки,
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на уречныи недѣлюшки;
И въ города да удались ты незнакомыи,
И ты за крѣпости уйди новогородскіи;
И не знали бы судьи не правосудныи,
И не довѣдались бы власти страховитыи;
И тоей порушкой теперь да тымъ времечкомъ,
И припаполнятся наборы Государевы;
И ты останешься сердечно мое дитятко
И во своей да молодецкой вольной волюшкѣ.
И пораздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
«Никуда нынь не удешь да не упрячешься»
Времена теперь пошли да все бѣдовыи,
Хитроумны стали власти скрозекозныи.

Рекрутъ къ судьямъ:

И какъ у нашего хоромнаго строеньица,
Какъ у этого крылечика перёнаго,
Какъ у этого столба да у точенаго,
Есть подогнаны ступистыи лошадушки,
И подъ меня да подъ безсчастна до́бра мо́лодца;
И все извощички крестьяна полномочныи,
И челомъ бьютъ да мнѣ-ка судьи покланяются.

И со мной дію́тъ оны до́брое здоровьице.
И какъ до сегоднишна учётна долга го́дышка,
И въ моемъ по́росту да было въ возрастаньицѣ,
И не знали меня до́бры эты людушки,
И по изотчинкѣ меня не нарекали,
И не били-то челомъ, низко не кланялись;
И столько знать да стали до́бры эты людушки,
И примичать стали судьи́ да правосудныи,
И какъ брать надо во службу Государеву.
И охти мни да добру мо́лодцу тошнешенько!
И дай-волю-те-тко судьи́ вы правосудныи,
И снаровите-тко вы власти милосердыи,
И мнѣ пройти да похоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мни проститься со хоромнымъ строеньицемъ,
И во двори да со любимоей скотинушкой,
И во конюшенькѣ проститься съ конемъ до́брымъ.

Мать къ мо́лодцамъ:

И вы послушайте уда́лы добры мо́лодцы
И ужъ вы милыи любимы поровечники:
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачопую жемчужинку.
И ты пройди да вѣдь уда́лой доброй мо́лодецъ,
И по прогулушкѣ по ши́рокой по уличкѣ,
И ты мѣняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице;
И да мы по́глядимъ, печальныи головушки,
И какъ ведутъ да дружьё-братьица пріятели,
И какъ тобя, нашу скачопую жемчужинку,
И подъ безсчастны молодецки бѣлы рученьки,
И воспѣваютъ-то солдацку жалку писенку

И уласкають-то скачоную жемчужинку.
И съ деревенскіимъ селомъ, да свѣтъ, прощается
И сговоритъ наша скачоная жемчужинка:
«И ты прости прости село да деревенское,
«И прости уличка бурлакушка рядовая,
«И вси сусѣдушки простите спорядовыи,
«И вы простите вси старушки стародревніи,
«Меня малыи бладенцы недоросточки,
«И да вы вдовушки простите-тко побѣдныи,
«И меня горькіи безсчастны вы сироточки;
«И какъ ходилъ я по прогульной этой у́личкѣ
«Я не впервое прошолъ, бурлакъ, послѣднее,
«И проторилъ да эту малую тропиночку,
«Я до матушки теперь да до сырой земли:
И отъ меня да отъ доро́дня добра мо́лодца,
И отъ злодѣйской отъ великой отъ кручинушки,
И мать сыра земля теперечко шатается,
И отъ горючихъ слёзъ слѣдочки заплываются.

Рекрута̀ ѣдутъ кататься по деревнѣ; мать вопитъ:

И пойду—выйду я на ши́року на у́личку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Какъ онъ и́де [1]) по прогульной этой у́личкѣ,
И на ступистоей удалой на лошадушкѣ,
И онъ на саночкахъ, мой свѣтъ, да самокатныихъ,
И какъ подвязаны звонъ-унылы колокольчики;
И спотѣшатъ себя сердечно мое дитятко,
И взвеселятъ да молодецкую утробушку.
И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
Вы приближни спорядовыи сусѣдушки,
И вы смотрите-тко, вѣдь родъ-племя любимое,

[1]) Иде́, т.-е. ѣдетъ.

Вы добротушки—желанны родны тётушки,
И вы отданыи сестрицы сдвуродимыи,
Вы—на милую скачоную жемчужинку.
И хоть гулятъ столько скачоная жемчужинка,
И онъ не съ радости, нашъ свѣтъ, да не съ весельица,
И со злодійноей великой со кручинушки,
И съ проклятоей теперь да со досадушки;
И по пути, да по широ̀кои по дороженькѣ,
И добрый конь нонь-ко идетъ да спотыкается,
И лошадина голова да принаклонена;
Какъ на санкахъ добрый мо́лодецъ шатается;
И не вёшный этотъ ручей разливается,
И бѣдный мо́лодецъ слезами умывается;
Онъ снимаетъ-то съ головушки тутъ шапочку,
И на всѣ на три, четыре на сторонки покланяется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И съ горя молвитъ-то, нашъ свѣтъ, да таково слово:
«И ты прости, прости село да деревенское,
«И ты усадьба-то прости да красовитая,
«И вы деревенки простите садовитыи,
«И вы простите тёмны лѣсушки дремучіи,
«И вси сахарніи садовы деревиночки,
«И вы простите-тко луга да сѣнокосныи,
«И добра мо́лодца поля да хлѣбородныи,
«И сине славное прости да ты Онегушко,
«И ты родимая прости меня сторонушка,
«И прости волость-то меня да красовитая,
«И ты сторонушка прости меня гульливая,
«И ты гульливая сторонка щегольливая;
«И ты прости да молодецка вольна волюшка,
«И ты прости да Божья Церковь посвященная,
«И Пресвятая Мать прости да Богородица.

Съ гулянья заѣзжаютъ въ церковь; мать вопитъ:

И говоритъ еще скачоная жемчужинка:
И теперь съѣзжу въ Божью Церковь посвященную,
И попрошу да я попа отца духовнаго,
И воспокаюся служителю церковному,
И помолюсь да я Богу отъ желаньица,
И прослужу да я молсбенъ Богородицѣ,
И я поставлю Ей свѣщи да воску ярова,
И положу—то пелены да Ей шелковыи;
И помолюсь да со слезами со горючима
Ужъ я этому Бладыкѣ все небесному:
И сохранилъ бы меня Господи помиловалъ,
И отъ принемноей полаты бѣлокаменной,
И какъ отъ этой бы отъ службы Государевой.
И ты спаси да Пресвята мать Богородица,
Ты отъ этыихъ властей немилосердыихъ,
Ты отъ этыихъ судей да все безбожныихъ!
И вы простите-тко попы отцы духовныи,
И благодѣтели служители церковныи!
И на духовныихъ молитвахъ вспомяните-тко
Вы меня да все удáла добра мóлодца!
И буде вóзращусь на родимую сторонушку,
Я со этого со города Петровскаго,
Розсчитаюсь я за ваше утруженьице;
И за молитовки-то ваши вѣдь церковныи
Ужъ я сдїю вамъ духовно угощеньице.

По пріѣздѣ изъ церкви родные зовутъ рекрута въ гости. Провожая, въ дверяхъ мать вопитъ:

Я гляжу—смотрю, кокоша горегорькая,
И на сердечное гляжу да я на дитятко,
И какъ идё да онъ по широкой по уличкѣ
И во любимое идё да во гостибище
И ко добротушкѣ къ желанной идё тётушкѣ.

Тетка, встрѣчая, вопитъ:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико переное,
Да я стричю то любимо свое племнятко,
И подхвачу его подъ праву бѣлу рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку.
Я гляжу—смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна со́кола:
И хоть съ дружьёмъ идё, мой свѣтъ, да со прїятелямъ
И съ холостьбой идё, желанье, неженатой,
И онъ не княземъ-то идё ко мнѣ моло́дымъ
И онъ не славнымъ женихомъ да наряженымъ,
И хоть не первое идё, мо́же, послѣднее,
И со злодійноей идё да со кручинушкой,
Онъ ко мни да во любимое гостибище;
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,
И ты по прежнему поди да по досюльному,
И какъ ходилъ да ты къ печальноей головушкѣ,
И ты во радости ходилъ да во весельицѣ;
Какъ про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовыи столы да поразставлены,
И тонки бѣлы скатерти да поразосланы;
И сахарни тебѣ ѣствы приналажены,
И съ Новагорода питья тебѣ доставаны.
И ты пройди, мое любимо мило племнятко,
Ты въ мое пройди хоромное строеньице,
Ты во свѣтлую проиди да мою свѣтлицу,
И ты роздѣнь да молодецко цвѣтно платьице;
И положу да я на стопочку точеную,
И посажу тебя на стулъ да на кленовой,
И угощу я тебя, дитятко, учёстую;
И ты садись, да нашъ сдовольной бѣлой свѣтушко,
И ты гости, гости любимо мое племнятко,

Пока во́ своей бурлацкой вольной волюшкѣ.
И я гляжу—смотрю, печальная головушка,
И на сердечнаго любимаго племянничка:
И ужъ онъ ѣствушекъ, горюнъ, не искушаетъ,
И медвянаго питья не испиваетъ;
Онъ горючима слезама обливается,
Онъ великоей кручиной утирается.
Жаль тошнёшенько побѣднымъ головушкамъ.
Намъ сердечнаго любимаго племянничка.
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитятко съ сусѣдами прощается,
И во слезливу путь-доро́жку отправляется;
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидать нашу скочоную жемчужинку.
И ты послушай же, любимо мое племнятко:
Какъ што сдіется, скачоная жемчужинка,
Какъ соймутъ да молодецку вольну волюшку,
Какъ приведутъ да во полату бѣлокаменну,
И по раздѣнутъ у васъ цвѣтно это платьицо,
И васъ поставятъ-то подъ мѣру Государеву,
Какъ подъ эту подъ линѣечку дубовую,
И у тебя, наша скачоная жемчужинка,
И тутъ подломятся бурлацки рѣзвы ноженьки,
И подрожатъ да молоде́цки бѣлы рученьки,
И пріужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны о́чушки.
И тутъ повыстанутъ судьѝ неправосудныи
Со этыихъ съ стульицевъ кленовыихъ,
Оны на́-свои на рѣзвыи на ноженьки,
Какъ отъ этыихъ столовъ да отъ дубовыихъ;
Въ бѣлокаменной полатушкѣ похаживаютъ,
И козловы сапоги у ихъ поскрипываютъ,
И оны въ точь глядятъ во ясны вамъ во о́чушки,
И по головушки начальники подрачиваютъ,

«И всимъ здоровъ да молоде́цъ-то этотъ бравой».
И столько слушайте народъ да люди добрыи:
И не радили бы побѣдны мы головушки,
И отпустить нашу скачоную жемчужинку,
И во злодийную полату во принемную.
И буде Господи Бладыко не помилуетъ
И какъ во этой во полатѣ бѣлокаменной,
И буде *«лобъ»* скричатъ жанда́ры Государевы,
И тутъ подхва́тя вершала̀ да все моло́дыи
Какъ тобя, нашу скачоную жемчужинку,
И поса́дя какъ на стульица кленовыи,
И во рукі̀ оны берутъ да бритвы вострыи,
И оны брить да будутъ жолтыи кудёрышка,
И у тобя да у скачоной у жемчужинки,
И волоса падутъ, нашъ свѣтъ, да на дубовой полъ;
И тутъ ты сдынешь свои бѣлы эты рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки съ очей да проливаются;
«И куды волюшка моя да подѣвалася,
«И молодецкіи кудёрка истерялися».
И прибери свои завивны кудри жо́лтыи,
Ты со этого полу̀ да со дубоваго,
И ты клади да во гербовой листъ бумаженьку,
И отошли да на родиму свою родинку,
И на погляженьице желанныимъ родителямъ,
И на утѣхушку намъ сро́дчамъ—-милымъ сродничкамъ.
И не поставь въ гнѣвъ, скачоная жемчужинка,
И хоть я у́ныло, горюша, причитала,
И во слезахъ тобѣ, побѣдна, розсказала
Про злодійную палату бѣлокаменну.
И ты гости, да тепло-красное наше солнышко,
И пока на́—своей родимой ты сторонушкѣ,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милымъ спорядовыимъ сусѣдушкамъ.
Какъ тобя, да тепло-красно наше солнышко,
Сожалїютъ вси спорядныи сусѣдушки!

Рекрутъ къ подружью.

И спасетъ Богъ да вамъ дружьѐ братья-пріятели,
И што спѣвали вы унылы жа́лки писенки,
И воспотѣшили уда́ла добра мо́лодца,
И молодецку мою зяблую утробушку:
И нынь сердечушко мое не утѣшается,
И молодецкая головушка кручинится;
И поскореньку на—бъ бурлаку распроститися,
И мнѣ-ка со́-своей родимой со сторонушкой,
И суровёшенько мни на-бъ да отправлятися
И во злодійну эту службу Государеву.
И жаль тошнешенько уда́лу добру мо́лодцу,
И поразстаться со родимой мнѣ-ка родинкой,
И мнѣ съ дружье́мъ-братьемъ теперичко съ пріятелямъ.

Проводы, угощенье и прощанье.

Поглядите-тко народъ да люди добрыи,
И вси приближни спорядовыи сусѣдушки:
И какъ во этомъ во поче́стномъ во большомъ углу,
Уже вси вкупѣ уда́лы добры мо́лодцы—
Вси сидятъ тутъ рекрута́ да очередныи.
И не уяданьице—имъ ѣствушка сахарніи,
И не въ сласть да имъ сладка ноньку водочка;
За столомъ да ихъ головки принаклонены,
И о сыру землю—ихъ очюшки утуплены;
И тутъ великоей обидой забавляются,
И оны горькима слезама обливаются;
И говорятъ да имъ тутъ вла́сти поставленыи:
И съ родомъ съ племенемъ, бурлакушки, прощайтесь-ко
И въ путь дороженьку, рекру́ты, отправляйтесь-ко;
И отвѣтъ держатъ имъ рекрутика моло́дыи:
Дай-волю-тетко судьи̑ вы милосердыи,

«И хоть еди́ной часъ вы дайте-тко минуточку,
Намъ потѣшить свое сердче молодецкое»;
И, знать, пришла да вѣдь пора да тое времечко,
Изъ за стола пойти бурлакушкамъ моло́дыимъ,
И отъ кушаньевъ пойти да отъ сахарныихъ,
И отъ питьицевъ пойти да отъ медвяныихъ;
И нынь долитъ да ихъ великая кручинушка,
И ушибатъ да ихъ великая тоскичушка.
И оны крестъ кладутъ, бурлаки, по писаному,
И передъ Господомъ вѣдь славу сотворяютъ.
И затопляли тутъ свѣщи да воску ярова,
И на бурлацкіи колѣна становилися;
И сговорятъ да тутъ рекрутика моло́дыи,
«Ужъ ты Спасъ да нашъ Бладыко многомилосливой!
«И Ты спаси да насъ безсчастныхъ добрыхъ мо́лодцевъ
«И Ты отъ этоей отъ мѣры Государевой!
«И Ты Покровъ Мать Пресвятая Богородица!
«И Ты покрой да насъ рекрутиковъ моло́дыихъ
«И отъ злодѣйской ты отъ службы Государевой».
И тутъ повыстали на рѣзвы оны поженки,
И приклонили свою буйную головушку
И со бладой вышины да до сырой земли;
И на всѣ на три четыре на сторонушки,
Всимъ окольныимъ сусѣдамъ покланялися.
И въ собину поклонъ желанныимъ родителямъ,
И во пристаршіи да держатъ оны поженки.
«И вы простите-тко, желанныи родители,
«И во всей глупости простите насъ—во дурости,
«И благословите-тко, желанныи родители,
«И намъ поѣхать во путь ши́року дороженьку,
«И надѣлите-тко таланомъ вы насъ участью,
«И всей великоей Господней Божьей милостью».
И вы смотрите-тко, народъ да люди добрыи:
И какъ не бѣлыи березки нагибаются,
И съ отцемъ съ матерью рекрутики прощаются,

И оны червышкомъ, безсчастныи, свиваются,
И оны клубышкомъ, побѣдныи, катаются,
И въ безъизвѣстную сторонку снаряжаются;
И не ясенъ соколъ съ тепла гнѣзда слетаетъ,
И добрый мо́лодецъ изъ дому выѣзжаетъ.
И нынь по поздному теперечко по вечеру,
И по закату тепло-красного вѣдь солнышка,
Тутъ повыстали бурлакушки сердешныи,
И какъ повышли со хоромнаго строеньица,
И у крылечика оны обстановилися,
И какъ зглянули на хоромное строеньице,
И на свѣтлую зглянули оны свѣтлицу,
И сняли шапочки со бладыхъ со головушекъ,
И на три сто́роны бурлаки покланялися
И со строеньицемъ оны да распростилися:
«И ты прости, прости хоромное строечьеце,
«Прости свѣтлая тёсова нова горенка,
«И не бывать да на родимой буде родинкѣ,
«И не хаживать по хоромному строеньицу,
«И намъ не сиживать во свѣтлой буде свѣтлицѣ
И поклонилися безсчастныи рекрутики,
И печальныи уда́лы добры мо́лодцы,
И своимъ да все ступистымъ лошадушкамъ:
«И спаси Господи ступистыихъ лошадушекъ,
«И што возили насъ печальныхъ добрыхъ мо́лодцевъ
«Все по этыимъ Бладычныимъ по праздничкамъ,
«И по тихимъ по смиренныимъ бесѣдушкамъ,
«И по упылымъ слезливыимъ по свадебкамъ;
«И знае—вѣдае безсчастно ретливо сердче:
«И намъ не ѣзживать на ступистыихъ лошадушкахъ,
«И намъ не сиживать на санкахъ самокатныихъ.
И ужъ какъ тутъ эты рекрутики печальныи
И оны по́джали ретливое сердечушко,
И сговорили тутъ, безсчастны, таково слово:
«И ты не ной наше сердечко молодецкое,

«И не тоскуй наша утробушка бурлацкая,
«И жаль розстаться со родимой со сторонушкой.
И со тоски да тутъ пали рекрута о сыру землю;
И подхватили да ихъ су́дьи поставленыи,
И взяли мо́лодцевъ подъ правую подъ рученьку,
И посадили во печальны дубовы́ сани,
И пріукрыли соболинымъ одѣялышкомъ;
И пріотто́лкнули желанныихъ родителей,
Отъ своихъ оны сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ,
И отпѣхнули сродчевъ сродничковъ любимыихъ;
И тутъ извощички добры̀хъ конѐй понудили,
И добры ко́нюшки пошли да суровёшенько;
И быдто сѣрый волкъ подъ кустышкомъ поукиватъ,
И такъ бурлаки путь-дороженькой тоскуютъ,
И въ дубовы̀хъ саняхъ—оны да горекуютъ
И не далѝ то имъ судьи́ немилосердыи
И со старыма старушкамъ имъ проститися,
И на всѣ сто́роны рекрутамъ поклонитися;
Какъ везутъ да ихъ извощички не милыи,
И не по разуму ступистыи лошадушки;
И далѣ далѣ отъ родимоей сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровкому,
Какъ ко этому принёму Государеву.

Къ матери—двоюро̀дная сестра:

И ты послушай, бѣдна мать да горегорькая:
Хоть спаряжашь свою скачоную жемчужинку,
И ты не въ славны города да понизовыи,
И не въ извощички, горюша, ты въ охотныи,
И не въ бурлакушки, горюша, ты во вольныи,
И не по эту золоту казну довольную;
И погляди, бѣдна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла ѧ̀сна-со́кола:

И по мостиночкамъ, нашъ свѣтъ, да онъ похаживатъ,
И онъ во цвѣтноемъ бурлацкоемъ во платьицѣ;
И не красит̀ъ на немъ да цвѣтно это платьице,
И со кручинушки головушка не гладится,
И со обиды волосъ къ волосу не ладится,
И со печали жолты кудри рострепалися;
И не темны лѣса ко зени приклонилися,
И не камышки нонь съ горъ да поскатилися,
И добры людушки бурлаку сдивовалися:
И до сегоднишня Господня Божья де́нечка,
И какъ до этой до студёной холодно́й зимы,
И бывъ свѣща у насъ была да нетоплёная,
И какъ верба́, да былъ, нашъ свѣтъ-то, золочоная,
И бывъ сахарная онъ былъ да деревиночка,
И какъ налимная изюмна ягодиночка;
И ужъ какъ этоей студёной холодно́й зимой,
И наша милая скачоная жемчужинка,
И быдто деревцо, нашъ свѣтъ, да подсѣченое,
И во сыромъ бору береза подсушоная,
И недозрѣвша какъ теперь да ягодиночка,
И быдто вёшная земля да ворошоная,
И на лугахъ трава, нашъ свѣтъ, да подкошоная,
И быдто рыбинка во сѣтку изловлёная,
И какъ ясѐнъ сокѐлъ во клѣтку посажѐной;
И какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ
И скрозь туманъ да печё красно это солнышко,
Скрозь-то темный лѣсъ свѣтлѣетъ младъ свѣтёлъ мѣсяцъ
И скрозь облакъ-то течетъ да наша милая звѣзда да подвосточная.
И ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
И на сердечное рожоно свое дитятко;
И нынь не годышекъ вѣдь съ имъ да годовать,
И не уречная недѣля красоватися;
И прошла зимушка студёна — не видаютца,
И вдругъ недѣли миновались — не слыхаютца;

И на часу́ наши бурлаки одѣваются,
И во злодійную палату снаряжаются.
И ты послушай, свѣтъ—сестрица сдвуродимая:
И какъ ночесь да было тёмной этой ноченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитятко,
И было у́брано хоть складнее зголовьице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру,
И сговорилъ да тутъ, скачоная жемчужинка:
И я послѣднюю-то сплю да темну ноченьку
И я на этой на пуховоей перинушкѣ,
И на убраномъ я на складнемъ на зголовьицѣ:
И ты послушай же, родитель—родна матушка,
И не клони да въ сонъ побѣдной буйной го́ловы,
И подлѣ сядь да на тесовую кроваточку
И супротивъ да ты обиднаго сердечушка;
И ты гляди—смотри, родитель, во бѣло̀ лицо,
И ты погладь да по безчастной буйной го́ловы,
И подрочи́ ты по безсчастнымъ по бѣлы́мъ грудя́мъ,
И не жалѣй, зажги свѣщи да воску ярова;
И темной ноченькой свѣщи горятъ—туманятся,
И какъ безсчастной добрый мо́лодецъ печалится;
И не спокойна была тёмна ему ноченька;
И знать, што—вѣдае ретливое сердечушко.
И нынь надъ мо́лодцемъ великую незгодушку;
И онъ не сномъ да тёмну́ ночку коротаетъ,
И онъ горючима слезама обливается;
И отъ побѣдныхъ молодецкихъ его слёзушекъ,
И потонувши круто-складнее зголовьице,
И полѣнявши наволочечки шолковыи;
И съ тоски смахне молодецки свои рученьки
И на печальную молодецкую головушку,
И съ горя рветъ да свои жолтыи кудёрышки,
И подастъ да онъ родимой своей матушкѣ:
«И ты возьми, моя родитель жалосливая,
«И мои жолтыи завивныи кудерышки,

«И ты клади да во гербовый листъ бумаженьку,
«И положи кудри во правую во пазушку,
«И прижимай да ты къ ретливому сердечушку;
«И знаю—вѣдаю, горюнъ, да я печальной:
«И што забудешь ты, родитель—родна матушка,
«И ты меня—свое сердечно мило дитятко;
«И ты вѣдь поясокъ носить будешь слабёшенько,
«И ты обро́нишь мои жолтыи кудерышки,
«И подоймýтъ—да свѣты братьица родимыи
«И мои жолтыи завивны тамъ кудерышки,
«И повыкинутъ съ хоромнаго строеньица,
«Иль сожгутъ оны въ огни да въ этомъ пляцеемъ
Еще слушай же сестрица сдвуродимая:
Ужъ какъ этую скачоную жемчужинку
И ты въ безсчастный день во середу засїяла,
И въ безталанный день во пятницу вспоро́дила;
И, знать, не въ ту пору на свѣтъ ты попустила,
И когда Божїи были церкви пріотворены,
И во церквахъ да Божіи книги пріотомкнуты,
И двери Царскіи въ церквахъ были пріотперты;
И въ безталанный часъ по вечеру родила,
И когды ку́знецы во ку́знецахъ стояли,
И какъ булатъ—это желѣзо розжигали,
И ко оружьицамъ замки да прилагали;
И на—роду́ служба ему, свѣту, уписана,
И на—дѣлу́ ему отъ братьевъ придѣлялася.
Еще слушай же сестрица сдвуродимая:
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя дѣтушки,
И то гордливы, тыи дѣтушки спѣсивыи.
И попеняю при всѣхъ добрыихъ я людушкахъ,
И посрекаюсь при спорядныихъ сусѣдушкахъ;
И ты не матушка была да ему—мачиха,
И быдто у́—сердча его ты не носила;
И не слыхалъ да онъ, любимо наше племнятко,

И какъ отъ васъ своихъ желанныхъ родителей,
И онъ не ласкова прелестнаго словечушка,
И не видалъ да онъ, скачоная жемчужинка,
И отъ васъ да онъ великаго желаньица,
И ненавидли свѣты-братьица родимыи,
И за столомъ его сидѣть да за дубовыимъ,
И на стульицахъ его да на кленовыихъ.
И возрасталъ какъ онъ, любимо наше племнятко,
И онъ не нашивалъ сапоженьковъ козловыихъ,
И онъ не держивалъ бурлацка цвѣтна платьица,
И была не́—дана ступистая лошадушка
И ходить—издить по Владычныимъ по праздничкамъ;
И его кушаньемъ вѣдь вы не наважали,
И все крестьянскоей работой утружали;
И вы держали—то его вмѣсто подворничка,
И почитали-то его да какъ работничка.
И говоритъ тебѣ, сердечно мило дитятко,
Онъ пеняетъ жалосливой тебѣ матушкѣ:
«И попустила што великое желаньице,
«И по головушкѣ, родитель, нонь подрачиваешь:
«Я не дитятко тебѣ да не сердечное,
«И ты солдатушкомъ меня да вѣдь засіяла,
«И ты солдатушкомъ меня да вѣдь споро́дила;
«И не на красномъ да я солнышкѣ повырощенъ,
«И ужъ я росъ да на катучемъ синемъ камешкѣ;
«И не дитятко ты ростила, измѣнушку;
«И надсмѣхались свѣты братьица родимыи,
«И надрыгалися желанныи родители;
«И удивляюсь я удалый добрый мо́лодецъ,
«Ужь какъ этоей студёной но́ньку зимушкой,
«И стали свѣтушки вѣдь братьица ласко́выи,
«И родима моя матушка спацли́вая;
«И кругомъ около, родитель то подхаживатъ,
«И хоть во я́сны мни—ка очушки поглядыватъ,
«И уласкаютъ свѣты братьица родимыи,

И все милыма прелестныма словечушкамъ,
И утѣшаютъ то безсчастна добра мо́лодца.
И я того, бѣдный бурлакъ, да обиждаюся:
И при послѣ́ди я скажу да поры – времечки:
«И мнѣ-ка не было, бурлаку, преберёгушки,
«И отъ родителей великаго желаньица;
«И ужъ какъ мнѣ-кова безчастну до̀бру мо́лодцу
«И мнѣ-ка не́—было вѣдь сладка уяданьица;
«И мнѣ медвянаго бурлаку упиваньица;
«И не настроено да мнѣ-ка цвѣтно платьица,
«И все вы ладили на милыхъ другихъ дѣтушекъ.
«И я повы́стану по утрышку ранёшенько,
«Я обуюсь въ сапожепка поскорёшенько,
«Я одѣну хоть шубёнку стозаплатнюю,
«И подпояшусь я, побѣдной, хоть веревчонкой,
«И снаряжусь да на крестьянскую роботушку,
«Я во эты́ во темны лѣса дремучїи,
«Я за этыма травама за зеленыма;
«И мои братьица въ домы́ да остаются,
«И на пуховоей перинкѣ прохлаждаются;
«И хоть прїиду [1]) со темныхъ лѣсовъ дремучїихъ,
«И я повыпрягу ступистую лошадушку,
«И приведу да я на стойлы на конины,
«И задамъ ло́шадямъ яденья со питемьицемъ,
«И я приду да во хоромное строеньице;
«И у моей да у родителя у матушки
«И произведены обѣды полуденныи;
«И отдыхаютъ-то сердечны у ней дѣтушки,
«Какъ мои да милы братьица родимыи;
«И по избы́ стану, безсчастной, я похаживать,
«И говорить стану родителю я матушкѣ:
«И вы накройте-тко на столъ да на дубовой,
«И вы дайте мнѣ яденья со питемьицемъ;

[1]) Прїиду см. прїѣду.

«И по избы́ станешь, родитель, ты похаживать,
«И ты не съ ве́села на мо́лодца поглядывать,
«И ты не ла̀сково со мной да разговаривать.
«И ужъ какъ этоей студёной холодной зимой,
«И сдивовалися вѣдь до́бры эты людушки;
«И хоть стала нонь близёшенько подхаживать,
«И въ устахъ де́ржишь хоть прелестныи словечушка,
«И во сердцѣ нѣту великаго желаньица,
«И лицемѣришь нонь при до́брыхъ столько людушкахъ,
«И обиждашь столько уда́ла добра мо́лодца;
«И мнѣ-ка и́зъ—роду вѣдь было да изъ племени,
«И все желанная родитель была—тётушка,
«И на любимое была да краснословьице,
«И на сердечное великое желаньице,
«И на заступушку была на приберёгушку;
«И у меня нонь у безсчастна до̀бра мо́лодца,
«И такъ побѣдное сердечко розгорѣлося,
«И такъ обидушка съ досадой росходилася:
«И не ласкайте, свѣты-братьица родимыи;
«И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
«И не диви да многихъ до́брыхъ столько людушекъ:
«И я не дитятко тебѣ да не рожоное;
«И, знать, не трудничекъ я вамъ да не роботничекъ,
«И не старатель былъ крестьянской, видно, жирушки,
«И не рачитель до участковъ деревенскіихъ;
«И знае - вѣдае ретливое сердечушко,
«И што вы ро́стили уда́ла добра мо́лодца,
«И во людушки вы ростили казенныи,
«И на убойну эту службу Государеву,
«И на измѣну свѣтамъ братьицамъ родимымъ.
«И высокі́, да знать, вы терема построите,
«И знать, зелёныи сады́ да принасіете,
«И винограду, видно, въ садику наростите;
«И какъ послѣ́ меня безсчастна добра̀ мо́лодца,
«И принаскопите казну да вы безсчотную,

«И будутъ дѣтушки стоять ваши любимыи,
«И во у́личкахъ стоять оны рядовыихъ,
«И во лавочкахъ стоять оны торговыихъ;
«И ужъ какъ я да горегорькой е дѣтинушка,
«И единёшенекъ уда́лой доброй мо́лодецъ,
«И отрѣшонъ да отъ крестьянской я отъ жирушки,
«И прїотказанъ отъ хоромнаго строеньица,
«И быдто птиченька въ лѣсахъ да заблудящая.
«И также я бѣдной безсчастный добрый мо́лодецъ!
«И прости—и́звини, родитель родна матушка,
«Што попенялъ да я при до́брыхъ тебѣ людушкахъ,
«И посудьячилъ при спорядныихъ сусѣдышкахъ.
«И я клоню тебѣ безсчастну буйну го́лову
«И молодецко безталанное сердечушко.
И я скажу тебѣ, сестрица сдвуродимая,
И гля людей—зря—рушишь го́рьки свои слезушки,
Какъ вѣстимо всѣмъ спорядныимъ сусѣдушкамъ
И про его да молодецко возростаньице,
И какова была отъ васъ да приберёгушка;
И онъ гнѣвёнъ да нашъ сдово́льной бѣлой свѣтушко,
Што говорятъ да его братьица родимыи:
«И мы возро́стили себѣ да все измѣнушку»
И оны хо́дя свѣты братья—взвеселяются
И слава Богу то теперь да слава Господу!
«Е замѣна въ грозной службѣ Государевой»

Рекрутъ къ тёткѣ.

И спасетъ Богъ да сдвуродима мила тётушка
И на твоемъ складне-умильномъ причитаньицѣ,
И на твоихъ да на розсказахъ правосущїихъ.
Ужь какъ я да розбесчастной доброй мо́лодецъ,
И безталанная побѣдная головушка,
И я въ безсчастный день во середу засїянъ,

И въ безталанной день во пятницу вспороженъ,
И я солдатушкомъ въ купели вѣдь окупанъ,
И во казенныи во людушки возрóщенъ;
И меня въ зыбонькѣ солдатушка качали;
И вдвое-втрое тутъ мни горя накачали;
И ужь я взросъ да па катучемъ синемъ камешкѣ,
И къ завоенному оружьицу, воскормленъ,
И на измѣну свѣтамъ-братьицамъ родимымъ;
И отъ блàдости во радости не бывано,
И отъ рожденьица веселыхъ дней не видано;
И не видалъ да я великаго желаньица
И отъ родителя—родимой своей матушки;
И не слыхалъ да я прелестныихъ словечушекъ
И отъ своихъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ;
И поровечники вѣдь мни были не пóдружьё:
И подойду я къ нимъ удàлои доброй мóлодецъ
И во глаза-то мни оны да прилещаются,
И по-сторонь оны *«служивымъ»* нарекаютъ;
И говорятъ да тамъ сусѣди спорядовыи:
«Не участникъ онъ участковъ деревенскіихъ,
«И не дóльщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
«И не косецъ да на луговыхъ буде пóженкахъ;
И во глаза лестáтъ дружьё-братья пріятели,
И по заглазью-то оны да спроговариваютъ:
«И вонъ казенный-то солдатушко похаживае,
«И горемыка-та удáлая погуливае.
И подойду да я ко краснымъ ко дѣвушкамъ,
И вѣдь тутъ да мни, безсчастну, не весельице:
И красны дѣвушки миня да сторонилися,
И бывъ чужанина миня да полошилися.
И вдругъ подрѣже тутъ побѣдно ретлѝво сердче,
И пустылая родима каже родинка!
И еще слушай же, родитель—мила тётушка:
И ты пойдѝ со мной ко городу Петровскому,
И да ты пóгляди родитель—мила тётушка,

И какъ въ злодійной вѣдь палатѣ бѣлокаменной,
И насъ до́—гола побѣдныхъ роздѣвать будутъ,
И становить станутъ подъ мѣру Государеву,
И принимать станутъ безсчастныхъ добрыхъ мо́лодцевъ
И во злодійную во службу Государеву;
И станутъ брить да наши жолтыи кудёрышки,
И приберёшь моя родитель—мила тётушка,
И мои жолты молодецкіи кудёрышки,
На доброумьице себѣ —на погляженьице,
И на роздій себи великоей кручинушки;
И ты увидишь тутъ, родитель мила-тётушка,
И какъ насъ сводятъ въ Божью церковь посвященную
И принимать да насъ присягу уреченную,
И служить да вѣрой правдой намъ солдатушкамъ,
И безъ измѣны то Царю-богу Русійскому.
И тутъ повысмотришь, родитель—мила тётушка,
И какъ водить станутъ безсчастныихъ солдатушковъ
И пріучать да ко оружіямъ завоеннымъ,
И насъ ко этымъ пистолетамъ зарукавнымъ;
И какъ съѣдешь на родиму нашу сто́рону,
Пороскажешь многимъ добрымъ столько людушкамъ
И всимъ приближнимъ спорядовымъ сусѣдушкамъ.

Вопитъ сосѣдка, у которой братъ въ солдатахъ:

Я стою -гляжу, кручинная головушка,
И што въ потай рушу́, побѣдна, горючі́ слёзы,
И не попущу да я, кокоша, жа̀лка го́лоса,
И я обидной горькой причети солдацкой;
И подивуютъ мнѣ-ка до́бры эты людушки,
И посрекаются спорядны вси сусѣдушки;
Я сестра, видно, стою да вѣдь безбратняя,
И, знать, сердечушко мое да безпечальное;
И у меня вѣдь у побѣдной у головушки

И їединá также скачоная жемчужинка,
И единóутробной, свѣтушко-братецъ родимой,
И также отданъ въ грозну службу Государеву:
Ужъ какъ трéтей-то учётный идё гóдышекъ,
И какъ я да была въ городѣ Петровскоемъ,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила уречную недѣлюшку,
И насмотрѣлась на безсчастныхъ я головушекъ,
И на побѣдну, горьку жизнь да я солдацкую.
И не дай, Господи, на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
И глядить-смотрить на подстрильныхъ ясныхъ сóколовъ!
И отрѣшенны-то отъ добрыхъ оны людушекъ,
И прїотрекнутся отъ сродчевъ оны сродничковъ.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И какъ похаживатъ нашъ сдовóльной бѣлой свѣтушко,
Ужъ какъ милой спорядовой нашъ сусѣдушко
И онъ по доброму хоромному строеньицу,
И какъ тоскуетъ-то ретливое сердечушко,
У дорогой милой скачоноей жемчужинки.
И мнѣ-ка смить ли-то, печальноей головушкѣ,
И подойти, бѣдной горюшицѣ, близёшенько,
И наложить свои безсчастны бѣлы рученьки
И на побѣдны молодецки твои плечушки,
И на безсчастну молодецкую головушку:
И не огонь иду, горюшица, не óбпалю
И не змѣя иду, побѣдна, я не óклюну.
И сама пó—себѣ, горюша, разумѣть могу,
Я по свѣтушкѣ по братцѣ разумїю васъ:
И жаль розстаться съ молодецкой вóльной вóлюшкой,
И роспроститься со родимой со сторонушкой.
И ты послушай, спорядовой мой сусѣдушко:
И не радїю я, побѣдная головушка,
И тоби быть да въ грозной службѣ Государевой;
И возврати Господи скачоную жемчужинку,
И тебя взадъ да на родимую сторонушку,

И большакомъ да тебя въ домъ-то настоятелемъ,
И тебя пахаремъ на чисто взадъ на полюшко,
И сѣнокосцемъ на луговыи на поженки,
И сѣвчемъ да на роспашисты полосушки,
И рыболовушкомъ на сине на Онегушко.
И какъ тобя, да тепло красно наше солнышко,
И наша милая свѣща да не топлёная,
И сожалїютъ вси спорядныи сусѣдушки
И за твои да за умильныи словечушка:
И какъ смиреньице у тя было со кротостью,
И ты не плутъ да былъ вѣдь—свѣтъ-то—не разбойничекъ,
И краснымъ дѣвушкамъ вѣдь ты да не насмѣшничекъ,
И молодымъ женамъ вѣдь ты да не проказничекъ,
И какъ мужнїимъ то жонамъ не стыдитель былъ—
И долгихъ вечеровъ, нашъ свѣтъ, да не просиживалъ,
И тёмныхъ ноченекъ, нашъ свѣтъ, да не прогуливалъ.
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тобя да златокрыла ясна сокола:
И нынь подъ тученькой ты ходишь гряновитоей,
И ты подъ облакой вѣдь е да страховитоей.
И ты думаешь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И возрачусь да на родиму, може, рóдинку,
И ты послушай-ко, скачоная жемчужинка,
И не поставь во гнѣвъ, сдовольной бѣлой свѣтушко:
И буде Господи Владыко не помилуетъ,
И отъ злодїйной тобя службы Государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походныи,
И ты во дальную путь-широку дорóженьку,
И въ безъизвѣстну незнакомую сторонушку,
И я понáкажу, печальная головушка,
И какъ тобѣ, милой спорядной мой сусѣдушко:
И не случится ль тобѣ слышать—
И тамъ про братца про родимаго,
И увидать мою скачоную жемчужинку;
И во едúной во казармы, може, сóйдетесь,

Иль на стрѣтушкѣ, безсчастны, може, стрититесь,
И да вы ду́-друга, побѣдны, прїузнаете—
И за однимъ, може, столомъ да вы тамъ будете,
И, може, сядите за столъ да противъ ду́-друга—
И вы на ду́-друга, побѣдны, усмотри́тесь-ко,
И потихошеньку́ вѣдь вы розговоритесь-ко:
«И съ коей сто́роны, солдатъ, какой губеренки,
«И сколько лѣтъ служишь во службѣ Государевой,
«И ты которой годъ въ солдатушкахъ походныихъ?
И тутъ вы ду́-другу, побѣдны, пороскажитесь,
И вы, безсчастны тутъ солдаты, порасплачетесь
И ты скажи, да спорядовой мой сусѣдушко,
И моей милоей скачоноей жемчужинкѣ,
И скажи низкое поклонно челобитьице,
И ты, скажи еще сдовольной бѣлой свѣтушко:
И таки ль гнѣвъ несе скачоная жемчужинка,
И все на насъ да на печальныихъ головушекъ,
И што не пише скорописчатой онъ грамотки,
И не упише свою жизнь бѣдну солдацкую;
И таки-ль нѣтъ да ему во́льной столько волюшки,
Иль на письмо нѣтъ золотой казны безсчотноей,
И нѣтъ попутьщичковъ оттуль, видно, ходаталей.
И ты поро́скажи, спорядной мой сусѣдушко,
И што не знаемъ мы, горюшицы, не вѣдаемъ,
И во какой ордѣ, нашъ свѣтъ, да во какой земли;
И што по утрышку его мы восликаемъ,
И по вечернїимъ зарямъ да вспоминаемъ.
И ты скажи, да тепло красно мое солнышко:
И какъ тоскую я по братцѣ по родимоемъ;
И кабы мнѣ-кава, печальноей головушкѣ,
И были крылышка горюшѣ бы гусиныи,
И были по́лёты, побѣдной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась,
И выше лѣсушку, побѣдна бы, дремучего,
И на безродну бы на чу́жу на сторонушку,

И я во дальны города бы незнакомыи;
И облетѣла всю Русїю подселенну бы,
И повзыскала бы скачоную жемчужинку,
И на пути да во солдатушкахъ походныихъ,
Я по этымъ бы казармамъ по казенныимъ,
И по часовенкамъ искала бы на спа́сеньи,
И по зеленыимъ лугамъ да тамъ на—стра́женьи;
Я слетала бы за си́не за Онегушко,
Я во это во кеянъ да сине морюшко,
Повзыскала бы по чорнымъ бо̀льшимъ ко́раблямъ,
И я по этымъ берегамъ да незнакомыимъ,
И признавала бъ свѣтушка̀ братца родимаго,
И по солдацкому безсчастну бѣлу личушку,
И по печальнымъ его яснымъ по очушкамъ,
И по обиднымъ по солдацкимъ розговорюшкамъ.
И знаю—вѣдаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-безсчастную.
И какъ въ три-го́ды рѣзвы ножки притопталися,
И всѣ солдацки сапоженка придержалися,
И по походушкамъ мондеры притаскалися,
И заболѣли то солдацки его плечушка,
И столько носятца ранчѝ эты казенныи;
И подрожали, може, бѣлы его рученьки,
И столько держачи оружьица военныи;
И притомивши то, скачоная жемчужинка,
Ужъ онъ ходячи, нашъ свѣтъ, да по походушкамъ,
И онъ сто́ячи, побѣдной, караульщикомъ
Все у этыихъ замко̀въ да у казенныихъ.
И еще слушай же, спорядной мой сусѣдушко,
И ты скажи да свѣтушку братцу родимому:
И какъ послѝ его, скачоноей жемчужинки,
И измѣнилася крестьянска наша жи́рушка,
И издержалась золота̀ казна безсчотная.
И ты еще скажи спорядной мой сусѣдушко:
И хотя жъ есть да свѣтушки братцы родимыи,

И все не спа́цливы къ солдатушку безсчастному;
И какъ въ злодійну его службу пріотправили,
И прозабыли его братьица родимыи,
И не распро́дають любимоей скотьнушки,
И не пришлю́тъ да золотой казны по на́добью,
И на росходъ ему солдатушку безсчастному.
И сдай-волю, да спорядовой мой сусѣдушко,
И мни поро́сказать про службу Государеву
И што я видѣла, печальная головушка,
И какъ была да я во городѣ Петровскоемъ,
И отпускали какъ солдатушковъ безсчастныихъ,
И ихъ во партіи, побѣдныхъ, во собраной,
И какъ идутъ да путемъ ши́рокой дороженькой,
И оны въ дальную орду да безъизвѣстную.
И какъ съ поранному было да всё по утрышку,
И приходили эты дядки-то со старшима,
И оны про́шли по казармамъ по казенныимъ,
И оны громко всимъ солдатушкамъ сказали:
«И вамъ отправка сего-де́печка Господняго
«И вамъ со города теперь да со Петровскаго.
И какъ у этыхъ у солдатушковъ безсчастныихъ,
И въ крѣпкой сонъ да у солдатушковъ не за́бранось;
И тутъ повы́стали солдатушки побѣдныи
И какъ со этыхъ оны коекъ со казенныихъ,
И тутъ Іисусову молитву сотворили,
И во слезахъ глаза солдатушки крестили;
И не ключевоей водой да умывалися,
И какъ не въ бѣло поло́тно да утиралися,
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великоей обидушкой,
И обували сапоженки тутъ казенныи,
И на плечушки шанельчишки походныи,
И крѣпко на́крѣпко сердечко подтягали;
И приходили хотя дядьки-то со старшима
И ихъ повывели на ши́року на у́личку,

И ихъ въ шариночку солдатовъ становили
И по единушкѣ солдатовъ выкликали,
И во походныи солдаты назначали;
И какъ въ шариночкѣ побѣднушки стояли,
И ужъ такъ да камендѐры надрыгались:
И какъ стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
И глядили бы, безсчастны, веселёшенько
И бѣлы рученьки были бъ да порозставлены,
И въ їедину̀ струну бы поженьки наставлены;
И говорили бы солдаты умильнешёнько,
И привыкали бы къ ученію хорошохонько.
И на супротѝвъ стоимъ, побѣдны мы головушки,
И по близёшеньку вѣдь насъ не подпущаютъ,
И какъ злодіи-камендеры скрозекозныи;
И нѣту душеньки у ихъ да во бѣлы̀хъ грудѝхъ,
И нѣту совѣсти у ихъ да во ясны̀хъ очахъ
И нѣтъ креста-то вѣдь у ихъ да на бѣлòй грудѝ;
И не въ могуту имъ умильно причитаньице,
И имъ не по́-сердцу горючи наши слезушки;
И какъ приставлены судьѝ да все немилосливы,
И тутъ привозятъ они бочки съ ключевой водой,
И тутъ надъ нама-то оны да надрыгаются;
И какъ начальнички стоятъ да тамъ не русскіи,
И какъ судьишечка вѣдь тамъ не Новгородскіи;
И велятъ оны изъ трубъ да все пожарныихъ
И насъ окачивать побѣдныихъ головушекъ,
И все тушить пожаръ въ ретливыихъ сердечушкахъ:
Ой, тошнёхонько побѣднымъ намъ головушкамъ;
И не въ могуту намъ се-свѣтное живленьице
И все отъ этыихъ властей да страховитыихъ,
И все отъ этыихъ судей на скрозекозныихъ.
И суди Господи злодіямъ-супостатыимъ
И за ихъ тяжкіи велики беззаконія!
И Ты услышь наши молитвы изутробныи
И Ты узрѝ да наши слезы горегорькіи!

И при послѣди-то, походѣ—этой времечкѣ,
И какъ на насъ да на побѣдныихъ головушекъ
И быдто бѣлочки солдатушки поглядають,
И бывъ упа̀лы сѣры заюшки посматривають,
И не посміютъ—то уда̀лы добры мо́лодцы,
И съ ноги на́—ногу оны да все пере́ступить,
И скинуть ясныихъ безсчастныхъ своихъ о́чушекъ,
И все на насъ да на печальныихъ головушекъ,
И у которыхъ е желанны хоть родители,
И у которыхъ е сестрицы хоть родимыи.
И хотя жъ клубышкомъ, горюши мы, катаемся,
Хотя червышкомъ безсчастныи свиваемся,
И не повиря намъ побѣдныимъ головушкамъ,
И столько этыи властѝ не милосердыи.
И жаль тошнёшенько побѣднымъ намъ головушкамъ
И своихъ милыихъ скачоныхъ намъ жемчужинокъ;
И на три рядъ наше сердечко прирострескае,
И на четыре рядъ утроба перелопала,
И столько глядячи на братьицевъ родимыихъ.
И подходить стали судьѝ неправосудныи,
И какъ ко этыимъ солдатамъ новобраныимъ,
И наливали тутъ по чары зелена̀ вина
И оны въ музыку злодіи заиграли,
И барабанщикъ барабанъ да пробиваетъ;
И сговорятъ да тутъ судьѝ не правосудныи:
«Маршъ! Въ походъ пойти безсчастныи́мъ солдатушкамъ».
И позади пошли, побѣдны мы головушки,
И мы не знаемъ то, кокоши горегорькіи,
Въ кую путь пошли широ́кую дороженьку:
И сговорятъ да тутъ судьѝ неправосудныи:
«И вы прибравыи солдатики моло́дыи
«И вы по городу пойдете по Петровскому
«И мимо славную палату енеральскую
«И вы пойди́те новобраны веселёшенько,

«И пойте писенку, походны, умильнёшенько;
И столько діется солдатушкамъ безсчастнымъ,
И имъ писенки запить да не хотѣлось бы;
И ущемлятъ у ихъ ретливое сердечушко,
И обмираетъ у ихъ зяблая утробушка;
И впереди идутъ все дядьки да со старшима,
И позади идутъ вѣдь крѣпки караульщички,
И середи да музыканы съ барабанами;
И какъ по городу идутъ оны тихошенько,
И скрозь слезы поютъ жа́лку оны писенку.
И скрозь обидушку словечка выговариваютъ,
И немѣшаются, ногама-то выступываютъ,
И ретливо сердчё вѣдь кровью запечатано.
И не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣту
И роставаться-то со братьицемъ родимымъ,
И отпущать да во солдатушки походныи!
И не глядили бы побѣдны ясны о́чушки,
И на безсчастное житье да на солдацкое,
И на слезливо ихъ, побѣдныхъ, разставаньице.
И какъ жива эта разлука пуще мертвой;
И не радила бы побѣ́дна я головушка,
И я не роду бы крещоному, не не́крести,
Какъ ходить да по̀ солдатущкамъ походнымъ.
И я не знаю вѣдь, печальная головушка,
Кое день, да кое темная де ноченька;
И во горяхъ, бѣ́дна кокоша, во кручинушкѣ,
И по сырой землѣ, горюшица, каталася.
И сговорила тутъ скачоная жемчужинка,
И мой безсчастной, свѣтушкò, братецъ родимой:
«И ты прости, прости, сестрица свѣтъ-родимая,
«И ты во всей вины прости да во всей глупости.
И сговорилъ да еще, красно мое солнышко,
И со правòй руки подàлъ да мни злачо́нъ перстень.
И отъ сердечка опояску новгородскую,
И со кормана онъ платокъ да левантеровой.

Вси подàлъ да онъ утѣхи молодецкiи;
И сговорилъ да при-послѣди таково слово:
«И я дарю тебѣ, сестрица свѣтъ родимая,
«Я на память-то, сестрица, свой злачéнъ перстень
«На доброумье опояску новгородскую,
«И ни роздїй тебѣ великоей кручинушки,
«И со кормана я платокъ да ливантеровой;
«И спамятй меня, сестрица свѣтъ родимая,
«И ты гляди да на послѣднiи подарочки,
«И точно нá—меня удàла добра мóлодца;
«И ты держи эты любимыи подарочки
«И да ты въ день держи на бѣлыхь своихъ рученькахъ,
«И да ты въ ночь вѣдь у ретливаго сердечушка,
«И мой злачонъ перстень держи, бѣдна, по праздничкамъ,
«И прилагай, бѣдна, ко блёклому ко личушку,
«И прижимай да ко безсчастпу ретливý сердчу.
Ужъ вы слушайте народъ да люди добрыи!
Какъ прощалася, побѣдна, разставалася,
Я со свѣтушкомъ со братцемъ со родимымъ,
И мы плотнёшенько ко сердчу прижималися,
И во сахарнiи уста да целовалися;
И сговорилъ еще, скачоная жемчужинка,
И съ горя малое единое словечушко:
И онъ челомъ билъ, мой вѣдь свѣтъ, да низко кланялся,
И онъ до матушки, нашъ свѣтъ, да до сырой земли,
Ужо всимъ вкупи спорядныимъ сусѣдушкамъ,
И онъ воздàлъ да всимъ спасибо съ благодарностью,
И онъ за ваше за великое желаньице.
И буде, вирите народъ да люди добрыи,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слезное со братцемъ разставаньице,
И я про бѣдное солдацко похожденьице,
И я не въ день забыть, не въ темну ночь осеннюю.
И поглядите многи дóбры столько людушки,

И вы на этого безсчастна до̀бра мо́лодца,
И вы на этого сусѣда спорядоваго!
И онъ тонёшенекъ теперь да какъ тетивочка,
И молодёшенекъ, нашъ свѣтъ, да какъ травиночка,
И зелена̀ стоитъ бывъ онъ да деревиночка,
И не доро̀сла какъ кудрявая рябинушка,
И не дозрѣла борова да ягодиночка.
И молчи̇-то-ко, спорядной мой сусѣдушко:
И какъ ты со́йдешь-то во службу Государеву,
И на словахъ да ты безсчастный, все простёшенекъ,
И умомъ разумомъ, побѣдной, ты глупёшенекъ,
И ты потыченья, побѣдной, наувидишься,
И ты поу́шенья, безсчастной, напринимашься;
И тутъ избита-то безсчастна будетъ спинушка,
Всё подбиты будутъ я̀сны твои очушки,
Исколочена безсчастна буде го́лова,
Какъ подсѣчены вѣдь рѣзвы будутъ ноженьки,
И придосажено ретливое сердечушко,
И пріобижена безчастная утробушка;
И въ темномъ лисѣ—да ты звѣря устрашился бы,
И въ чистомъ полѣ—да ты змѣя убоялся бы;
И въ злодійной этой службы Государевой
И не начаешься—ты горя накачаешься,
И не надіешься—обидушки навидишься;
И не взначай да получать будешь поу́шенья,
И ты не знашь за што побои превеликіи.
Уже ой—да горе служба Государева:
И какъ ѣденьице вамъ буде вѣдь скотиное,
И точно, питьице побѣднымъ, лошадиное:
Уѣданьице—вамъ будутъ вѣдь сухарики,
И вамъ питемьице-то во́душка со ржавушкой;
И хоть не великую вину да вы провинитесь,
И нѣту милости, безсчастнымъ, нѣтъ прощеньица;
И подъ бока станутъ солдацкіи подтыкивать,
И подобьютъ да ваши я́сны эты очушки,

И побѣдную безсчастную головушку,
И даютъ розги во безсчастны ваши плечушки,
И уже бьютъ да такъ безсчастну вашу спинушку
И страшно—у́жасно вѣдь палкама великима,
И вамъ не сто даютъ вѣдь разомъ цѣлу тысячу;
И тѣло съ мясомъ у безсчастныихъ смѣшается,
И какъ изъ плечь да ручьемъ кровь-то разливается.
И какъ отъ этыихъ побоевъ отъ тяжолыихъ,
И тутъ безсчастна бы головка не клонилася,
И тутъ солдацкое бы сердче не корилося,
И на-бъ повынести могучимъ вашимъ плечушкамъ,
И эты смертныи побои да тяжелыи,
И на-бъ повытерпѣть безсчастному сердечушку,
Ужъ какъ всю эту обиду преужасную;
И тутъ утробушка у васъ не унывала бы,
И горючй слезы у васъ не протекали бы,
И какъ предъ этыимъ начальствомъ предъ всевышніимъ,
Какъ предъ этыимъ злодіемъ супостатыимъ;
И веселымъ на-бъ быть, побѣднымъ, не смѣятися,
И при обиды вамъ, несчастнымъ, не росплакаться;
И межу собой начальники смущаются,
И надъ безсчастныма солдатамъ изъѣзжаются.
И не поставь во гнѣвъ, спорядной ты сусѣдушко,
И што жа́лобно, горюша, причитала,
И про злодійну грозну службу розсказала;
И хоть я не́—была во службы Государевой,
И не ходила по походамъ я солдацкіимъ,
И столько бы́ла я во городѣ Петровскоемъ—
Я одинова со братцемъ со родимыимъ,
Хоть одну была уречную недѣлюшку,
Я навидѣлась, побѣдная го́ловушка,
И насмотрилась на солдатовъ новобраныихъ,
Какъ ходили на ученьице великое;
И хотя жъ вѣтрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозама крещенскима,

И все невѣрны камандеры страховитыи,
И столько этыихъ солдатушковъ моло́дыихъ
И прiучали ко оружiю завоенному,
И што бы вдругъ ровно на право повернулися,
Што бъ въ минуточку оружья перекинули;
И ихъ повыстанетъ—ширичочки казенныи;
И плечо съ пле́чомъ ровно бъ у нихъ ровнёшенько,
И буйна го́лова была бъ у ихъ прямёшенька;
И отойдутъ да камандеры тутъ вѣдь ротныи,
И оны впрямъ глядà по плечушкамъ могучïимъ,
И оны вточь глядà по буйной по головушкѣ;
И новобраныи солдатушки безсчастныи,
И все къ оружьицу оны не приминилися,
И оны въ вытяжку стоять да не навыкли,
И поворотушковъ держать да не умïютъ;
И горячи да эты ротныи—свирѣпыи,
И отдали́ да оны скоро поразо́йдутся,
И закричатъ оны злодiи по звѣриному;
И какъ этыихъ безчастныихъ солдатушковъ
И оны ткнутъ да все во правое во плечушко;
И какъ у этыихъ солдатушковъ безсчастныихъ,
И со ясныхъ очей да слезы вдругъ повытекутъ.
И какъ у насъ да у печальныихъ головушекъ
И обмиратъ наше ретливое сердечушко,
Ужъ какъ глядячи на скачоныихъ жемчужинокъ;
Хоть въ бѣло личё дуютъ буйны эты вѣтрышки,
Въ ясны̀—о́чи бьетъ погода не помѣрная,
И ни куды, бѣдны солдаты, не увернешься,
И по фатерышкамъ, безсчастны, не разойдешься;
И отъ снѣжку да зябутъ рѣзвы у ихъ ноженьки,
И отъ оружьица безсчастны ручки бѣлыи,
И отъ морозушку сердечко перетрескаетъ;
И не одѣты тамъ собольи бѣлы шубоньки,
И одны только мундеры суконъ сѣрыихъ;
И у ихъ здрагиватъ безсчастно тѣло бѣлое,

И мнѣ-ка жаль того побѣдноей головушкѣ:
И лучше я, бѣдна горюшица, радѣла бы
Ему скорую злодійну бы смерётушку,
И отпустила бы, горюша, во сыру землю;
И тутъ не ржавѣло бъ побѣдно ретливо сердчё,
И гдѣ таскается безсчастно наше дитятко,
Иль зябетъ да по студёной онъ по зимушкѣ;
И лѣтной по́рой на дождяхъ стоитъ сыпучіихъ,
И на страстя́хъ, може, свѣтушко на у́жастяхъ;
И мое трескае ретливое сердечушко.
Ой, безсчастныи солдаты, не таланныи!
И какъ у васъ да у побѣдныихъ головушекъ,
И безъ угару розболится буйна го́лова,
И отъ побоюшковъ у васъ да отъ тяжолыихъ;
На-бъ бояться то судей неправосудныихъ,
И покоряться на-бъ властямъ немилосердыимъ,
И подрожать да вамъ кажинную минуточку,
И буди проклята на семъ да на бѣломъ свѣтѣ—
Ужъ какъ это зло великое несчастьице,
Все злодійное проклято безталаньице—
Ужъ какъ эта грозна служба Государева!
И трудна̀-тя́жела вѣдь служба Государева:
И день и ночь служить солдатушкамъ безсчастныимъ;
И нѣтъ спокою-то вѣдь темной этой ноченькой,
И нѣтъ отдоху на Бладычны Божьи праздники;
Дробить на-бъ, да какъ начальству-то явятися:
Штобъ мундеры суконъ-сѣрыихъ наглажены,
Какъ оружьице все было бы начищено,
И сабли вострыи все были бы насвѣтлены,
И плотно на́-плотно вѣдь были бъ подпоясаны,

Если рекрутъ пошелъ охотой за братьевъ, то продолжаетъ:

Да ты слушай же, спорядной мой сусѣдушко!
И ты окинулся на братьицевъ родимыихъ,

И на ихъ ласковы прилестныи словечушка:
И ублаждаютъ тебя добраго вѣдь мо́лодца,
И тебѣ цвѣтно ноньку платьице наряжено,
И тебѣ ѣствушки сахарныи составлены,
И тебѣ пи́тьица медвяныи нала́жены,
И для прогулушки добры́ кони подпряжены.
И да ты ду́машь, спорядовой мой сусѣдушко.
И што вѣдь вѣкъ будетъ тебѣ да уваженьице;
И не вѣко́во уваженьице—часо́вое.
И тебя сда́ютъ какъ во службу Государеву,
И позабудутъ свѣтушки́ братцы родимыи.
И буде, Богъ судитъ Бладыко многомилосливой,
И по благу́ служить вѣдь службу Государеву,
И буде, выслужишь уречны эты годышки,
Буде, возвра́тишься на родимую сторонушку;
И не будетъ тутъ отъ братьевъ уваженьица,
И пріобидятъ тутъ солдатушка безсчастнаго,
И сговорятъ да тебѣ братьица родимыи:
«И ты не дольщичекъ крестьянской нашей жирушки,
«И не участничекъ участкамъ деревенскїимъ,
«И не пристройщичекъ къ хоромному строеньицу,
«Ты не пайщичекъ любимоей скотинушки.
И позабудутъ свѣтушки́ братцы родимыи,
Оны нынѣшню напасть—бѣду великую,
И сговорятъ еще солдатушку безсчастному:
«И ты вѣдь дольщичекъ все службы Государевой,
«И ты участничекъ солдатушковъ походныихъ,
«И ты пайщичекъ казармамъ все казенныимъ,
«И половинщикъ ты оружіямъ завоенныимъ,
И за обидишься, солдатъ, ты закручинишься
И во слезахъ да ты отвѣтишь таково слово:
— Богъ судья вамъ, свѣтушки́—братцы родимыи;
— И какъ во ту́ пору было́, да въ тое времячко,
— И когда грозна эта служба сустигала,
— И вы не шли да туды, братцы, не сдавалися,

— И вы вѣдь мной да горегорькимъ замѣнялися;
— И кабы зналъ да я, безсчастной, про то вѣдалъ бы,
— И васъ не слушалъ бы я братьицевъ родимыихъ,
— И не окинулся бъ на ла́сковы словечушка,
— И не смѣнялъ бы умъ—тотъ разумъ на безумьице,
— И я не шолъ бы въ грозну службу Государеву;
— И хоть бы въ горѣ жилъ, на вольной своей волюшкѣ,
— И хоть я въ ху́домъ былъ, побѣдной, во житьишечкѣ,
— И столько на̀—своей любимой бы сторонушкѣ;
— И какъ за васъ да свѣтушкѝ братцы родимыи
— И много страсти я приви́далъ, много у́жасти
— И большѝ того—побоевъ привеликіихъ;
— Бѣлы рученьки мои да примахалися,
— Бѣлы ноженьки мои да притопталися,
— Ясны очушки мои да притомилися,
— Бѣдна спинушка моя да пороспластана,
— И вся утробушка моя да перержавѣла;
— Отъ подтычинъ—я не вижу свѣта бѣлаго,
— Отъ поу́шенья не слышу вѣтра буйнаго.
— Богъ судья вамъ, свѣтушки братцы родимыи.
И тутъ воспомнишь ты кручинную головушку,
И ты меня да вѣдь приближную сусѣдушку,
И говорила какъ спорядная сусѣдушка,
И такъ вѣдь и́збылось и въ точь все обрѣща́лось.
И ты не гнѣвайся, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И на мое да ты не складне причитаньице;
Хоть не умильно я, горюша причитала,
Столько ума-разума въ головку придавала.
И хоть не много жизнь солдацкую видала;
Знаю-вѣдаю, побѣдная горюшица,
Каково да имъ безсчастнымъ уваженьице.

Сусѣдка къ матери, если она не причитаетъ:

Порастроньтесь-ко, народъ да люди добрыи,
Дайте мистечка вы мни да не сомношечко,
И съ одпу лѣтную со малую тропиночку,
И вы со этую дубовую мостиночку,
И не на дóбромъ мни комони проѣхать,
И їединóй пройти, кручинной мни головушкѣ,
И мнѣ ко милоей спорядноей сусѣдушкѣ,
И повзыскать мнѣ-ка, печальноей головушкѣ,
И мнѣ побѣдной бѣдну матерь горегорькую.
И я гляжу—смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную сусѣдушку,
И што сидѝтъ да на брусовой она лавочкѣ,
И у ей пóджато ретливое сердечушко,
И принаклóнена безсчастна буйна гóлова,
И утуплены вѣдь очи на дубовой полъ,
И во потáй рушѝтъ, горюша, горючі̀ слезы̀.
И ты послушай же, спорядная сусѣдушка:
И не попустишь ты унылой жàлкой гóлосокъ,
Хоть не умѝльное бы складне причитаньице,
Все не глѧ́ чести, горюша, не глѧ пóхвалы,
И со великой бы злодїйной ты кручинушки;
И хоть горю́чи, бѣдна, слезы проливаешь,
И не повѝря того дóбры тебѣ людушки;
И про тебя да про безсчастную головушку,
И межу ду́-другомъ тихонько розговариваютъ:
«И не жалiе, знать, сердечнаго вѣдь дитятка,
«И свою милую скачоную жемчужинку»
И не могла стерпѣть, кручинна я головушка,
И содержить свое ретливое сердечушко;
И подошла да я кручинная головушка,
И наздыну свои безсчастны бѣлы рученьки,
И на—твои столько печальныи на плечушки.

Ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И што сидишь да на брусовоей на лавочкѣ
И не подходишь ко сердечному ко дитятку;
И онъ похаживатъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
Хоть по доброму хоромному строеньицу;
И нѣту сродчевъ у него, да видно, сродничковъ,
И нѣту любушекъ—сестрицъ, видно, родимыихъ,
И по головушкѣ никто да не подрачиваетъ,
И по безсчастнымъ его плечамъ не поглаживаетъ;
И подойди—да ты родитель—родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки бѣлыи,
И на печальну молодецкую головушку
И на безсчастныи могу́чи его плечушки;
И видно у́ тебя, печальной у головушки,
И плотно-каменно, ретливо, знать, сердечушко,
Што отдали́ ходишь, горю́шица, туляешься
И отъ сердечнаго рожонаго отъ дитятка;
И какъ у тво́ей—скачоноей жемчужинки,
И закручинилась безсчастная головушка,
И закатился, знать, катучей бѣлой камешекъ
И на печальное бурлацкое сердечушко,
И на безсчастну молодецкую утробушку;
И онъ безъ вѣтрышка, нашъ свѣтущко, шатается,
И ума-разума, побѣдной, онъ срекается,
И онъ похаживаетъ, свѣтъ, да выговариваетъ,
И онъ во всѣ въ эвты во добрыи во людушки,
И сговоритъ да онъ, побѣдной, таково слово.
«И я не знаю добрый мо́лодецъ, не вѣдаю,
«И што разгнѣвалась желанна моя матушка
«И на безсчастнаго уда́ла добра мо́лодца,
«И кругомъ около родитель не обхаживатъ,
«И ко мни во́— глазы родитель не поглядыватъ,
«И про́ запасъ да въ молодецко бѣло личушко;
«И подойди—скажи, родитель—родна матушка,
«И чимъ разгнѣвалъ я уда́лой доброй мо́лодецъ

«И отрѣшилъ чимъ я родительско желаньице;
«Аль ты слушаешь любимыхъ своихъ дѣтушекъ,
«И моихъ ми́лыхъ свѣтовъ бра́тьицевъ родимыихъ;
«Ты подумай же, родитель—родна матушка,
«Какъ мои да свѣты братьица родимыи
«Изживаютъ миня бѣдна добра мо́лодца
«И быдто лютаго звѣрі да изъ темна̀ лѣса,
«И быдто лютую змѣю да изъ чиста̀ поля̀;
И, знать, что я бѣдной безсчастной доброй мо́лодецъ,
И, знать, не дитятко тебѣ да не рожоное,
И, знать, не вси ровны сердечны тебѣ дѣтушки,
И теби по́—люби, знать, дѣти оставаются.
Ужъ какъ вы, мои желанныи родители,
Изгоняете безсчастную головушку,
И быдто заишка съ подъ ракитова подъ кустышка,
И горносталя съ подъ катуча бѣла камешка;
И можно знать, моя родитель—родна матушка,
И про безсчастнаго уда́ла добра мо́лодца:
Уже такъ мое сердечко разгоряется,
И зла великая кручина росходилася,
И на сердечушкѣ тоска да роспалилася,
И бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей теряется;
И чѣмъ разгнѣвалъ я, родитель—тебя матушку,
Такъ ты въ томъ прости, родитель жалосливая,
И не гнѣвила бы, побѣдна моя матушка,
И при послѣди-то меня да поры времячки;
И не дивила бы ты добрыихъ-то людушекъ,
И не знобила бы безсчастнаго сердечушка.
И мнѣ пройти было, безчастну добру мо́лодцу,
И мнѣ во этой бы унылой заднiй у́голокъ
И ко желанноей къ родителю ко матушкѣ,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да все печальное сердечушко;
И не прошу да я уда́лый добрый мо́лодецъ
Я не злата-то у васъ да все не се́ребра;

И не прошу да золотой казны по на́добью,
Я прошу столько, родитель—родна матушка,
Я родительско прощенье—съ бласловленьицемъ.
И какъ што сдіется родитель моя матушка,
И надъ безсчастноей бурлацкоей головушкой,
И какъ во этой во полаты бѣлокаменной,
И буде, Богъ судитъ безсчастну добру мо́лодцу
И во злодійной быть во службѣ Государевой,
И не спокиньте-тко безсчастна добра мо́лодца,
И вы пріидьте-тко во городъ во Петровской:
И не забытьте, свѣты братьица родимыи,
И во походъ меня безсчастна проводите-тко;
И обмендерятъ какъ безсчастныхъ насъ головушекъ
И увидаете, сердешныи, узнаете,
Тутъ про нашу бѣдну жизнь да про солдацкую,
И про безсчастное яденье со питемьицемъ,
И про тяжкіи побои превеликіи,
И про зло это начальство—страховитое,
И про злыхъ этыхъ судей да скрозекозныихъ.

Другая соспдка къ матери:

Я отвѣтъ держу, кручинна нынь головушка,
И я теби милой спорядноей сусѣдушкѣ;
И да ты слышала, побѣдна, въ глаза видѣла:
И скро̀зь обиду твое дитятко высказыватъ,
И скрозь горючи онъ вѣдь слезы выговариватъ;
И приклонилъ свою безсчастну онъ головушку,
И покорилъ да безталанно ретливо̀ сердчё;
И онъ со этыма слезама со горючима,
И онъ при всихъ да вѣдь при добрыихъ при людушкахъ,
И при ближниихъ спо̀рядовыихъ сусѣдушкахъ;
И онъ повысказалъ уда́лой доброй мо́лодецъ
И како̀ его изъ дому похожденьице;

И жаль тошнешенько уда́ла добра мо́лодца:
И онъ возрастомъ, нашъ свѣтъ, да не малёшенекъ,
И на̀ походочку, нашъ свѣтъ, да быдто стопочка,
И во лицы да все бѣлила со румянама,
И развесёлы молодецки я̀сны очушки;
И по полатушкѣ пройдетъ, да свѣтъ, не стря́хнется,
И говоритъ, да нашъ свѣтъ-то, не мѣшается,
И знать, приглянется судья́мъ тамъ поставле́нымъ.
И ты послушай спорядовая сусѣдушка:
И кабы у́—тебя кручинной у головушки,
И во сердцы́ было велико-бы желаньице,
И во устахъ были прелестны-бы словечушка,
И до печальнаго сердечнаго до дитятка,
И не допустила-бы, побѣдна, во рѣзвы̀ ноги̇
И ты приняла-бъ на бѣлы свои рученьки,
И отъ тошна̀ горя̀, къ сердечку прижимала-бы,
И со кручины къ бѣлу ли́чю прилагала-бы,
Уговорила-бы дитё да уласкала-бы,
И наказала бы сердечному ты дитятку,
И ты умильнымъ родительскимъ словечушкомъ:
«И какъ поѣдешь ты сердечно мило дитятко
«И ко злодійному ко городу Петровскому,
«И на пути да гди на ши́рокой дороженькѣ,
«И гдѣ увидишь ты часовни богомольныи,
«Гдѣ прознаешь да ты церквы посвященныи,
«И во часовенки зайди да ты на спа́сенье
«И въ Божьи Церквы заходи да ты на мо́ленье,
«И да ты ставь-ко тамъ свѣщи да все рублевыи,
«И засуляй-ко пелены да все шелковыи,
«И ты Пречистой Пресвятой да Богородицѣ;
«И молись да ты тамъ Богу отъ желаньица,
«Штобы Господи-Бладыко свѣтъ помиловалъ
И отъ злодійной грозной службы государевой,
И возвратилъ-бы на родиму тебя родинку,
И во свой да домъ, крестьянскую во жирушку;

И ты начальству во палаты не годился-бы,
И чернымъ ворономъ въ глаза да показался-бы;
И ты послушай спорядовая сусѣдушка:
И когда дитятко тебѣ да покарялося,
И какъ безсчастная головка преклонялася,
И ко теби да все во рѣзвыи во ноженьки,
И у тобя, моя спорядная сусѣдушка,
И не сдынулись тутъ вѣдь бѣлы твои рученьки
И на печальну, на бурлацкую головушку
И на обидны его жолтыи кудёрышка.
И знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тобя да у спорядной у сосѣдушки
И не воротится вѣдь нынь да все рѣчистъ языкъ.

Сосѣдка, у которой братъ въ солдатахъ, къ народу:

И вы послушайте, народъ да люди добрыи,
Што вѣдь я скажу, кручинная головушка:
Сама пó-себи, горюша, разумить могу;
Я была въ такой жъ великоей кручинушкѣ,
Я въ несносноей злодїйноей тоскичушкѣ;
И какъ со свѣтушкомъ я братцемъ разставалася
И все горючима слезама обливалася,
И во горя́хъ добрыхъ людей не узнавала,
И родимаго я братца не видала.
Не дивуйте-тко, народъ да люди добрыи,
И также этой спорядовоей сусѣдушкѣ:
Вѣдь дѣтиная тоска — не угасимая;
И, може, нѣтъ да ума разума въ головушкѣ
И у ей рóзмыслу въ ретливоемъ сердечушкѣ;
И какъ сегодня, сего дéнечка Господняго,
И безъ ума, да може, мать ходитъ—шатается.
И вы не вирите спорядныи сусѣдушки
И намъ безсчастнымъ, кручиннымъ головушкамъ:

И вы во добрыихъ живете все во жирушкахъ,
И вы незгоды надъ собой да не видаютца,
И вы кручины-то— печали не слыхаютца;
И може, рада-бы она да причитать,
И она въ грамоты, горюша, не училася,
И все отъ добрыхъ людей да не понятная;
И не начаялась она да не надїялась,
И надъ собой да все великоей кручинушки:
И она въ до́брой во крестьянской жила жирушкѣ,
Въ добрѣ ростила сердечныхъ она дѣтушекъ;
И она думала побѣднымъ, може, разумомъ;
Што повырощу сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И отпущу да ихъ на чу́жу на сторонушку,
И по охотнымъ бурлацкіимъ роботушкамъ,
И наживутъ да золотой казны по надобью,
И да мы при́беремъ бурлакушка охотничка,
И добра мо́лодца возьмемъ да мы нанемщичка,
И задаи́мъ да золотой казны безчетноей,
И слободимъ да мы бурлацкую головушку.
И не по думушкамъ теперь да дѣло ставится,
И не по розмысламъ у ей да обрѣщается:
И хоть возро́стила сердечныхъ еще дѣтушекъ,
И сожалѣла отдать въ добрыи во людушки,
И содержала на родимой ихъ сторонушкѣ,
И все во доброй, во крестьянскоей во жирушкѣ.
Еще думала спорядная сусѣдушка:
Може, годышки-то будутъ не бѣдовыи,
И не придутъ скоро наборы Государевы;
И какъ по ейному великому безсчастьицу,
И пошли годышки теперь да все бѣдовыи,
И времена пошли съ бѣдама со напастями,
И частѣ́ пошли наборы Государевы,
И выбирать стали уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ,
И все по полному бурлацкому по возрасту,
И красотой да все по бѣлому по личушку,

И на походочку, бурлакушковъ, щебливую,
На поговорюшку рекрутиковъ учливыихъ;
И какъ у ей да тутъ спорядноей сусѣдушки,
И тутъ повóзрасла сахарна деревиночка,
И вдругъ вѣдь ра̀зцвѣла изюмна ягодиночка;
И тутъ вѣдь знать стали народъ да люди добрыи,
И тутъ провѣдали судьи̇ неправосудныи,
Што къ набору е скачоная жемчужинка.

Къ матери:

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И ты проглупала скачоную жемчужинку,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Какъ въ досюльны времена да было годышки,
И были людушки вѣдь е да запростѣйшіи,
Ужъ какъ прежній-то народъ да былъ вѣдь спáцливой,
И Новгородскіи крестьяна не балóвливы,
И какъ судьи̇ да въ тую пору правосудливы,
И какъ власти̇ да тогды были милосердыи,
И были врéмячка въ ту порушку спокойныи.
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што вѣдь времечко идетъ да ускоряется,
И пошли людушки вѣдь е да все балóвливы,
И судьи̇—влáсти-то пошли да скрозекозныи,
И начальнички пошли да все бездѣльныи,
У ихъ женушки пошли да бѣлорукіи,
У ихъ дочушки пошли да нечевухи:
И не ткїюшки оны да не прядѣюшки,
И одно у ихъ въ умы, да одно въ разумѣ,
И все бѣлила-то у ихъ да со румянами,
И какъ хвостомъ вертѣть да какъ ногой тряхнуть;
И не знаютъ-то, безсчастныи, не вѣдаютъ,
И што вѣдь домъ вести—не головой трясти;

И какъ отъ этаго велика беззаконія,
И какъ отъ ихнаго теперь неправосудья,
И на часу да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да разсуждаются;
И мужиковъ-то все судить да добераются,
И ихъ на̀ гладко безсчастныхъ раззоряютъ.
И какъ за наше за велико согрѣшенье,
И пошли годышки вѣдь нонь да все бѣдовыи,
И зачастую непріятель все волнуется,
И подъ Русїю подселенну подбирается,
И пошли ча́сты нонь наборы Государевы.
И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И да ты вла́стна всѣмъ сердечнымъ своимъ дѣтушкамъ,
И ты бы ладила въ уречны ихъ во годышки,
И ты бы славныимъ купцамъ да все богатыимъ,
И ты бы на́жила золотой казны безсчетноей;
И не спала бы ты по темныимъ по ноченькамъ,
И ты ѣздила бъ къ судьямъ неправосудныимъ,
И ты по этымъ писарямъ да хитромудрыимъ,
И на безлюдьѣ золотой казной дарила бы,
И штобъ подальше жеребьямъ да отложили-бы
И твою милую скачону бы жемчужинку;
И нынь схватилася, спорядная сусѣдушка,
И жалить да все сердечно свое дитятко,
Какъ по близёшеньку въ бумажку записали;
И ты проспала-то по темныимъ по ноченькамъ,
И нынь проглупала по Божіимъ по де́нечкамъ;
И на-бъ вдру́гъ спустить сердечно нонько дитятко,
Изъ очей да вѣдь скачоную жемчужинку,
И единёшенька удала добра мо́лодца,
И отъ доброей крестьянскоей отъ жирушки.
И вамъ укоръ да отъ спорядныихъ сусѣдушекъ;
И обиждаться-то сердечно буде дитятко,
Што поотдали во службу Государеву,
Пожалили свѣтушко̀въ—братцевъ родимыихъ.

И знать такъ сужено скачоноей жемчужинкѣ,
И на-роду̀ судьба безсчастному уписана,
И на дѣлу̀ да видно, служба доставалася
Твоему да все печальну милу дитятку.
И какъ на этой на уречной на недѣлюшкѣ;
Я замѣтила печальная головушка:
И какъ поѣдетъ-то безсчастной доброй мо́лодецъ,
Онъ на доброй на ступистоей лошадушкѣ,
И на хорошiихъ на санкахъ самокатныихъ,
И онъ на славноемъ коври Новогородскоемъ,
И принаклонитъ-то булацкую головушку;
Я повыду на крылечико перёное,
Я гляжу да на путь широку дороженьку,
Я въ роздольице, горюша, во чисто̀ поле,
И на безсчастнаго удала до̀бра мо́лодца;
И онъ иде путемъ ши́рокой дороженькой,
И онъ раздольцемъ, побѣдной, все чисты́мъ поле́мъ,
И онъ глядитъ да на четыре вси сторонушки,
И молодецки горьки слезы проливаетъ,
И онъ съ головушки фуражечку снимаетъ,
И кашемировой платочикъ вынимаетъ;
Имъ подмахиватъ безсчастно бѣло личушко,
И утираетъ, безталанной, горючи̇ слезы̇,
Знать – што вѣдае ретливое сердечушко
И надъ собой да злу великую незгодушку;
И прогляжу, бѣдна горюша, я безсчастная,
И какъ на свѣтушка я братца на родимаго.

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И ты бы взя́ла золотой казны по надобью,
И ты сходила бы во у́лички рядовыи,
И ты во лавочки зашла бы во торговыи,
И закупила листъ бумаженьки гербовоей
И наняла бы писаревъ да хитромудрыихъ;
И ты списала у скачоной бы жемчужинки,

И его ла́сковы, прелестны бы словечушки,
И ты учливу бы умильню поговорюшку,
И ты цвѣ́тно бы бурлацко его платьице,
И безсчастно молодецко его личушко,
Безталанны бы слезливы ясны очушки;
И ты держала бы во правой бѣлой рученькѣ,
Прижимала бы къ ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку;
Ты на свѣ́тло бы Христово воскресеньице,
На стопочкѣ держала бы точеной.
Какъ во нашемъ селѣ да деревенскоемъ,
Какъ у нашей Божьи церквы посвященной,
И во приходѣ буде праздничекъ годо́вой;
Какъ прiѣзжать да станутъ сродчи милы сродничкн,
И соберется вся порода именитая,
И да вы сладите обѣды полуденныи,
И тутъ сходила въ мелкорублену бы клѣточку,
И ты бы при́несла патретъ да ли́че бѣлое,
И становила бы за столъ да за дубовой,
Ты на это бы косѣвчато окошечко;
И сродчи-сроднички глядили-любовались бы;
И ты сама сѣла, побѣдна бы головушка,
И супроти́въ бы ты патрета лича бѣлаго,
И ты дрочи́ла по гербовой бы бумаженькѣ,
И тутъ воспомнила сердечно ты бы дитятко;
Вси бы родъ—племя любимо—вспамятилибы,
Какъ за этымъ столомъ да за дубовымъ;
И наглядѣлась-бы, спорядна ты сусѣдушка,
Какъ на сердечное рожоно свое дитятко;
И ты бы причетью, горюша, причитала,
И сговорила бы, безсчастна, таково слово:
«Хотя жъ при́брались вы, родъ—племя любимое,
«Хотя жъ вси вкупѣ—порода именитая,
«И едино́й нѣту скачоноей жемчужинки;
«И мы не знаемъ-то, побѣднушки, не вѣдаемъ,

«Гдѣ побѣдное дитё да обрѣщается;
«И свѣты братьица съ породой угощаются,
«И за дубовымъ столомъ да прохлаждаются,
«И единò, може, безсчастно это дитятко
«И трои суточки вѣдь, дитё, не ѣдаютца,
«И недѣлющку спокою не видаютца;
«И, можетъ, на́—страсти, нашъ свѣтушко, на у́жасти,
«И на сраженьицѣ нашъ свѣтъ, да на великоемъ;
«Не до Владычнаго Господняго до праздничка -
«И не до сладкаго ему да уѣданьица;
«И можетъ, горькима слёзама обливается,
«И ретливо сердче вѣдь кровью запечаталось,
«Какъ во этой грозной службѣ Государевой,
«И во безчастныихъ солдатушкахъ походныихъ.
«И въ слезàхъ - вспо́мнитъ онъ родиму свою родинку,
«И сговоритъ столько безсчастной доброй мо́лодецъ
«И межу братіей—солдатамы походныма:
«Какъ сего—дня, скаже, дѐнечка Господняго,
«Какъ на мо́ей на родимой, скаже, сто́ронѣ,
«И какъ у нашей Пресвятой да Богородицы,
«И е престолъ да вѣдь Господень Божій праздничекъ,
«И е гуляньице на ши́рокой на у́лицѣ,
«Какъ собраньице душàмъ да краснымъ дѣвушкамъ,
«Все гульбищечко уда́лымъ до́брымъ мо́лодцамъ;
«Ужъ какъ мы, бѣдны безсчастныи солдатушки,
«Не на гульбищечкѣ вѣдь мы да прохлаждаемся,
«Съ завоеннымъ мы оружьемъ забавляемся,
«И насъ не носятъ съ горя рѣзвы ноньконоженьки,
«И не глядятъ да на свѣтъ я́сны наши очушки.
И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И пожалѣла золотой казны безчотной,
И не пожалѣла ты сердечно свое дитятко;
И ты не на́няла писаречка хитромудраго,
И не списала еще, побѣдна ты головушка,
Какъ вѣдь дитятко тебѣ да выговаривалъ,

И скрозь обиду при добрыхъ людяхъ высказывалъ,
Што ублаждали-то его да какъ нанемщика;
И обиждалося сердечно мило дитятко,
И на тебя да на родитель все на матушку,
И онъ на свѣтушковъ на братьицевъ родимыихъ.
И не списала на споминъ своей скачоноей жемчужинки,
И на роздій своей великоей кручинушки.
И мо́лча—схватишься, спорядная сусѣдушка,
Да какъ по́живешь съ любимыма со дѣтушкамъ,
И не будстъ-то побѣдной приберёгушки,
И уваженьица отъ милыхъ своихъ дѣтушекъ;
И тутъ воспомнишь ты скачоную жемчужинку,
И ты печальное сердечно свое дитятко,
И скрозь обидушку, горюша, ты великую.
И да ты до́ждешься разливной весны красной,
И ты повы́дешь все на ши́року на у́личку,
И съ горя со́йдешь ты къ кру́тому ко́ бережку;
И быстры риченьки теперь да поразо́льются,
И синѐ славное Онего порасполется,
И ты гляди́ть станешь за сине за Онегушко,
И ты нагля́дать будешь чо́рныхъ бо́льшихъ ко́раблей
Издалека̀, бѣдна горюша, изъ синя́ моря,
Не забиліютъ ли тамъ то́нки бѣлы парусы,
И не покажутся ли чо́рны бо́льши ко́рабли,
И неподъѣдетъ ли сердечно мило дитятко,
И онъ ко пристани, нашъ свѣтъ, да корабельной,
И онъ на тихіи, нашъ свѣтушко, на за́води;
И недождёшься ты, печальная головушка;
Взадъ воротишься въ хоромное строеньице.
И ты патретъ взяла бъ—бѣло его личушко,
И ты ходить стала бъ по хоромному строеньицу,
И ты во свѣтлую сходила бы во свѣтлицу,
И ты носила бы патретъ да бѣло личушко,
И супроти́въ очей во бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
И ты клала бы на столъ да на дубовой,

И обходя жъ да ты патрету поклонялася,
И ты горючима слезамы обливалася,
И тутъ раздѣяла велику бы кручинушку,
И тутъ спромолвила едйно бы словечушко:
«Наглядитесь-ко безсчастны мои очушки,
«И вы на эту на гербовую бумаженьку,
«И какъ на милое, сердечное на дитятко.
И пораздумайся побѣднымъ своимъ разумомъ:
И твои ноженьки, побѣдна, притопталися,
И твои бѣлыи-то ручки примахалися,
И ясны очушки твои да притомилися,
И твоя сйла у безчастной придержалася,
И твой вѣкъ да у горюши скоротался вѣдь,
И пристарѣла ты, спорядная сусѣдушка.
И не видать, може, сердечна будетъ дитятка,
И, може, нá—слыхѣ, горюшѣ, не слыхать буде;
И быдто вёшная вода со льдомъ разóйдется,
И также ты бѣдна со дитяткомъ разстанешься:
И поразлучать-то побѣдную головушку,
Какъ во этомъ тебя городѣ Петровскоемъ.
Во припемноей палатѣ бѣлокаменной,
Ужъ какъ этыи судьй неправосудныи,
Ужъ какъ этыи властѝ немилосердыи:
И отведутъ этыхъ безсчастныихъ рекрутиковъ
Какъ во эты во казармы во казенныи;
И вы безъ спросу къ нимъ, побѣдныи, не сходите.
И безъ докладу вы въ глаза да не увидите;
И какъ ихъ выпустятъ на шйроку на ýличку,
И впереди да у ихъ будутъ провожатели,
И позади даютъ солдата караульщика;
И хоть пойдешь, бѣдна, въ казармы во казённыи,
И золотой казной вѣдь надо подаритися,
И угостить надо вѣдь дядковъ-то со старшима,
И угостить надо, горюшицѣ, уподчивать.

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И я поро́скажу печальной все головушкѣ,
И накажу теби спорядноей сусѣдушкѣ;
Я сама была, печальная головушка,
И во злодійномъ бы́ла городѣ Петровскоемъ,
Я со свѣтушкомъ со братцемъ со родимыимъ;
Я сама знаю, горюша про то вѣдаю,
И какъ ходить да во казармы во казенныи,
И по часамъ ходить туды да по минуточкамъ.
Я ходила какъ ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила все придверничковъ,
И угощала его крѣпкихъ караульщиковъ;
И придержала золоту казну безсчотную;
И хотя жъ при́демъ мы по утрышку ранёшенько,
И крѣпко—на́ крѣпко воротушки призаперты,
И плотнёшенько рѣшоточки задвинуты;
И кругомъ—о́коло, горюшицы, похаживаемъ,
На часовы́хъ этыхъ солдатушковъ поглядываемъ,
И поскорёшеньку-ль ворота поотложатся,
Што рѣшоточки въ казармы пріотдвинутся-ль,
Скоро-ль вы́пустятъ скачоныихъ жемчужинокъ,
Прогуляться ихъ на ши́року на у́личку,
И повидать да намъ побѣдныимъ головушкамъ:
И ты воспомнишь, спорядовая сусѣдушка,
И мое бѣдное, уныло причитаньеце;
И не радѣла бы, печальная головушка,
Поразстаться-то съ сердечнымъ тебѣ дитяткомъ.
И все не вирятъ-то суды́ неправосудныи,
Не разуміютъ все власти́ немилосердыи,
Што намъ жаль-тошно сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно-мило дитятко:
И быдто вёшная земля да ворошоная,
И твое милое сердечно сидитъ дитятко,
И вдругъ подзяблая изюмна ягодиночка,

И вдругъ подсохлая сахарна деревиночка;
И скрозь туманъ да пече красно это солнышко
И на безсчастнаго уда́ла добра молодца;
И долитъ его великая заботушка,
Ушибатъ его злодійная незгодушка;
И жаль разстаться-то сдовольну бѣлу свѣтушку,
И ему съ добрыимъ, хоромныимъ строеньицемъ,
И со свѣтлой ему да все со свѣтлицей.
И какъ сего-дня, сего де́нечка Господняго;
И какъ у васъ да во столовой новой горенкѣ,
И хоть разставлены столы у васъ дубовыи,
И на столахъ да самовары хоть шумячіи,
И хоть садилися сердечны твои дѣтушки
И на стульица садились на кленовыи,
И дружьевъ братьицевъ садили все пріятелей,
И своихъ милыихъ садили порове́чниковъ,
И мы глядили все, побѣдныи головушки,
И со сторо̀нъ да на скачоныихъ жемчужинокъ,
И у единаго сердечнаго у дитятка,
Какъ дрожатъ да молодецки бѣлы ру́ченьки,
Какъ поднять да эта чайна столько чашечка,
И онъ не чаю столько, свѣтъ, да искушаетъ
И онъ горючи—бѣдны слезы проливаетъ:
И твои дѣтушки вѣдь тутъ сильно расплакались;
И за дубовыимъ столомъ да разобидились,
И оны ду́—другу тутъ братья покоряются,
И едину̀ да свѣту братцу покланяются,
И наливаютъ ему чару зелена̀ вина.
И говоритъ эта скачоная жемчужинка,
Онъ своимъ да свѣтамъ братьицамъ родимыимъ:
И што за чудышко теперъ да причудилось,
И што за дивно въ домѣ диво проявилось?
Што дубовыя столы да поразставлены,
И тонки, гладкіи сукна̀ да поразостланы,
И што собраньице народу—людямъ добрыимъ;

И я взгляну да на косѣвчаты окошечка,
И прикручинивши косѣвчаты окошечки,
И па слезахъ стоятъ стекольчаты окóленки;
И при печали самовары-то шумячіи;
И што почтеньице отъ братьевъ угощеньице,
Ужъ какъ мнѣ-кова удáлу дòбру мóлодцу?
И не честнòе вѣдь у насъ да пированьице:
И не весёлое у насъ да столованьице:
И за столомъ да я не князь сижу молóдой,
И сижу мóлодецъ теперь я подъ неволюшкой,
И при досадушкѣ сижу да я несносной.
Ужъ вы слушайте, дружьё-братьё-пріятели,
Ужъ вы пейте—чаи, кофеи горячіи,
Взвеселите-тко побѣдную головушку,
Вы воспойте-тко унылу жàлку писенку;
Я мѣнять буду кручину на весельице;
И какъ послѝ меня дородня дòбра мóлодца,
И вы поидите, бу̀рлаки, на гуляньице,
И вы на тихіи смиренныи бесѣдушки,
И вы воспомните безсчастна дòбра мóлодца
И во шестерочкахъ, бурлакушка, веселыихъ;
И столько нé—вѣсто, дружьё-братьё пріятели,
Не могу да знать удалой дòброй мóлодецъ,
И мнѣ-ка быт̀ь ли на родимой на сторопушкѣ;
И сговоритъ еще удалой дòброй мóлодецъ:
«И супротѝвъ стоишь, родитель-родна матушка,
«И хотя жъ рушишь ты, горюша, горючѝ слезы̀:
«И какъ после меня, родитель жалосливая,
«Буде сжалýешься до безсчастна дòбра мóлодца
«И ты гляди, моя родитель—родна матушка,
«На моихъ дружьёвъ гляди да на пріятелей,
«И на любезныихъ гляди да поровечниковъ;
«И зазови моихъ любезныхъ поровечничковъ,
«Хоть на Бладычной ты Господень Божій праздничекъ
«И угости, моя родитель, ихъ уподчивай,

«Будто своего. родитель да ты дитятка.
И ты послушай же, спорядная сусѣдушка:
И примѣчай его ласко́выи словечушка,
И прилагай слово къ ретливому сердечушку,
И поплотнѣе ты ко зяблоей утробушкѣ.

Къ рекруту:

И ты послушай, златокрылой нашъ ясёнъ сокòлъ,
И да ты милой, спорядовой нашъ сусѣдушко!
И не забыть буде побѣднымъ намъ головушкамъ,
Все тебя да намъ уда́ла дòбра мо́лодца.
И мы сберемся какъ, спорядныи сусѣдушки,
И на сиди́му, на прядимую бесѣдушку,
И хоть придутъ да твои милы поровечники,
Не забудемъ мы, печальныи головушки,
Все тебя да златокрыла я̀сна со́кола,
И все печальныихъ словечушекъ слезливыихъ
И все обидныихъ наказовъ молодецкiихъ;
И скрозь обиду дòброй мо́лодецъ высказывалъ,
И скозь злодiйную кручину выговаривалъ,—
И жаль тошнёшенько — побѣднымъ намъ головушкамъ,
И тебя милую скачоную жемчужинку;
И поговорюшка была твоя учливая,
И разговорушки-то были чваковитыи;
И ты шутилъ да все на ши́рокой на у́личкѣ,
И не обидѣлъ ты вѣдь добрыихъ-то людушекъ,
И не груби́лъ да спорядовыихъ сусѣдушекъ,
И не кливи́лъ да ты вѣдь малыхъ этыхъ дѣтушекъ;
И шутя́ времечко у свѣта проходило.
И сожалїемъ мы, печальныи головушки,
И за твое да за велико доброумьице,
И за прелестны твои ла́сковы словечушка;
Вси жалїютъ многи до́бры тебя людушки,

Вси окольныи спорядныи сусѣдушки,
И жалїютъ тебя малы недоросточки.
И за столомъ да сидитъ мо́лодецъ дубовымъ,
И хоть на стульицахъ, нашъ свѣтъ, да на кленовыихъ,
И молодецкой бу́йной го́ловой покачиватъ,
Онъ безсчастныма кудеркама потряхиватъ,
И онъ горючима слезамы обливается,
И великоей кручиной утирается;
И не въ любимую дороженьку справляется,
И не по разуму извощички моло́дыи:
И не везите-тко ступистыи лошадушки,
И вы безсчастнаго уда́ла до̀бра мо́лодца,
И ко злодійному ко городу Петровскому,
Ко принемноей палатѣ бѣлокаменной;
И на пути да до̀бры кони становитесь-ко,
Ужъ вы взадъ да со дорожки воротитесь-ко;
И возвратись да нашъ спорядной ты сусѣдушко,
И ты взадъ да на родимую сторонушку,
На утѣхушку ты намъ—на доброушьице.

Къ матери:

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И ты отпустишь какъ сердечно свое дитятко,
Ты къ злодійному ко городу Петровскому,
И затопи, бѣдна, свѣщи̂ да воску я́рова,
И ты Пречистой Пресвятой да Богородицѣ,
И ты молись, бѣдна горюша, съ горючмы слезмы
Ты вѣдь Господа Бладыку все упрашивай,
И сохранилъ бы столько Господи помиловалъ,
И твое милое сердечно это дитятко,
И все отъ этой грозной службы Государевой,
И отъ безсчастныихъ солдатушковъ походныихъ,
И возвратилъ бы онъ рожоно твое дитятко,

Его въ домъ да во крестьянскую во жирушку,
Воскормителемъ побѣднымъ бы головушкамь.
И ты послушай, спорядовая сусѣдушка,
И што скажу да я, кручинная головушка:
И будѐ Господи его да не помилуетъ,
Отъ злодійноей отъ службы Государевой,
И да ты съидешь какъ ко городу Петровскому,
И про запасъ гляди, побѣдна ты головушка,
И на сердечное печально свое дитатко;
И подли сядь да ты скачоноей жемчужинки;
И ты подумай при послѣди думу крѣпкую.

Потуряютъ-то судьи неправосудныи,
Потужаютъ въ путь широкую дороженьку,
И сговорятъ столько судьи неправосудныи:
«Одѣвайся-тко удалой доброй молодецъ,
«Надѣвай-ко свое цвѣтно это платьице,
«Снаряжайся со хоромнаго строеньица,
«Ты прощайся со родителью со матушкой,
«И съ сусѣдами прощайся спорядовыма,
«Съ своей милоей породой именитою,
«Съ дружьёмъ—братьицемъ—прощайся со пріятелемъ.

Къ сестрамъ двоюроднымъ:

Вы послушайте-тко, бѣлыи лебёдушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимыи!
И како-жъ было сердечное желаньице,
Все до васъ было до бѣлыихъ лебёдушекъ:
И уласкалъ всегда скачона васъ жемчужинка.
Какъ приходить стане Владычный Божій праздничекъ,
И говорить да стане братецъ-красно солнышко:
И ужъ вы любушки сестрицы сдвуродимыи,
И вы давайтесь у желанныихъ родитель,

И вы къ Бладычному Господнему ко праздничку,
И во любимо во сердечно во гостибище;
И я свезу да васъ тамъ бѣлыихъ лебёдушекъ.
И допрежъ сего—поры да этой времечки,
Вы снарядитесь лебёдушки скорёшенько,
И вы пойдите со братцемъ суровёшенько;
И любовались мы, спорядныи сусѣдушки,
Какъ ходили вы, лебёдки, по гуляньицамъ,
И утѣшались вы со братцемъ—взвеселялися;
И какъ цвѣло да на васъ цвѣтно это платьице,
И алили въ косы алы у васъ ленточки;
И вы воспомните-тко, бѣлыи лебёдушки:
И да вамъ лѣтной, былъ голубушкамъ, повозничекъ,
И да вамъ зимной безотвѣтной былъ извощичекъ;
И да вы издили со братцемъ сдвуродимыимъ,
И по гульбищечкамъ вѣдь вы да по прокладбищамъ,
По искатъ горамъ вы издили высокїимъ,
Вы по этыимъ уныльимъ по свадебкамъ,
И по тихїимъ смиренныимъ бесѣдушкамъ,
И красовались вы сдовóльнымъ бѣлымъ свѣтушкомъ;
И на добрòмъ конѣ—была сбруя золочоная,
И на васъ цвѣтно было платьице покуплено,
И какъ пошиты были шубки соболиныи;
И тутъ снарядитесь съ довóльнымъ бѣлымъ свѣтушкомъ,
И вы усадитесь во санки самокатныи;
И со сторонь да глядя добры эты людушки,
И все дивуются спорядныи сусѣдушки,
И какъ вы идите съ любимыимъ повозничкомъ
И взвеселяетесь путь-шúрокой дороженькой,
И воспѣваете унылы жàлки пи́сенки;
И шутя времячко, голубки, провожали,
И за весельицемъ дорожку коротали,
И вы со свѣтушкомъ со братцемъ сдвуродимыимъ,
И вы со милымъ соколочкомъ златокрылыимъ,
И онъ заступушка вамъ былъ да заборонушка,

И онъ стоялъ по васъ вѣдь бѣлыихъ лебедушкахъ,
И онъ за вашу за бажону волю вольную.
И вы воспомните, души́—да красны дѣвушки,
И по разливноей его да вёсны красной,
И вы на трудноей крестьянскоей роботушкѣ,
И на чистыихъ поляхъ да хлѣбородныихъ,
И на зеленыихъ лугахъ да сѣнокосныихъ,
И гдѣ роботушку со братцемъ роботали,
И за еди́но жалки писенки спѣвали:
И онъ вѣдь сло́вечкомъ-то васъ да не огру́билъ
И онъ тяжелоей роботой не огру́зилъ;
И были ла̀сковы прелестны вамъ словечушка
И вамъ отъ эта соколочка златокрылаго,
И вамъ отъ свѣтушка отъ братца сдвуродимаго.
И вы послушайте коса́ты лѣтны ла́стушки:
Какъ што сдіется надъ имъ да какъ што сбудется,
И хто возить да буде бѣлыихъ лебёдушекъ;
И вамъ не буде столько лѣтнаго повозничка,
И да вамъ зимна безотвѣтнаго извощичка;
По гульбищечкамъ у васъ да по прокладбищамъ,
И впереди у васъ не буде передовщичка;
Какъ сдіется надъ братцемъ я̀снымъ со́коломъ,
И пріотмѣните Бладычны Божїи праздничкн,
Пріотложите смиренныи бесѣдушки,
Вси унылыи слезливы эты свадебки.
И какъ поѣдутъ-то совѣтны ваши по́дружки,
И тутъ вы станете, печальныи головушки,
И вы похаживать по хоромному строеньицу,
И вы поглядывать въ косѣвчато окошечко,
И вы посматривать на ши́року на у́личку,
И тутъ вы горькима слезамы обливатися,
И тутъ великоей обидой отиратися:
И хоть отпу́стя васъ, побѣдныхъ, на гуляньице,
И цѣлый день пройде у васъ, бѣдныхъ, справляюца,
И вамъ повозпичка, побѣднымъ, дожидаютца,

И какъ посли́ да свѣта-братца сдвуродимаго,
И ужъ какъ эта соколочка златокрылаго,
Не сугрѣватъ да васъ сугрѣвна ваша шу́бенка,
И не цвѣтетъ да на васъ цвѣтно нынько платьице,
И все со этой со великой со кручинушки,
И со злодійноей великоей обидушки.
И добры людушки того да принабаются,
И вси сусѣдушки того да насрѣкаются.
И какъ посли́ да свѣта братца сдвуродимаго,
Ужъ какъ эта соколочка златокрылаго,
Ужъ вы пойдете какъ бѣлыи лебедушки,
И вы на трудную, крестьянску какъ роботушку,
И вспомятуете, побѣдны, потоскуете;
Потоскуете, безсчастны, порасплачитесь:
И середи да тепло-краснаго вѣдь лѣтушка,
И жалобно́ да печё красно это солнышко,
И уныло́ да въ саду птички возжупляютъ,
И оны причетью вѣдь пташки причитаютъ;
И какъ у васъ да у печальныихъ головушекъ,
И унывать стане ретливое сердечушко,
И ушибать стане великая обидушка:
И посли свѣтушка вѣдь братца ясна со́кола
И на лугахъ да вамъ вѣдь свѣтъ-отъ не объявится,
И на чисто́мъ полѣ вѣдь братецъ не покажется:
И тутъ вы сядите, обидны красны дѣвушки,
И подъ ракитовой, горюши, этотъ кустышокъ,
И на катучей да вы сядите на камешокъ,
И думу думать да вы станете тутъ крѣпкую,
И восликать да свѣта братца сдвуродимаго:
«И какъ на эту бы пору́ да въ это времячко
«Пріобъявился бы сдово́льной бѣлой свѣтушко,
«И онъ во этомъ бы солдацкомъ хоть во платьицѣ,
«И показался хоть на минутной бы часочикъ,
«И поглядили бы во ясны мы во очушки,
«И мы въ печальное во блёклое во личушко;

«Не устрашились бы, горюши, не споло́хались,
«И мы спросили бы, побѣдныи головушки,
«Про безсчастно горегорько живленьице,
«И безталанное солдацко похожденїе;
«И мы до-сы́та вѣдь побѣдны, накормили бы,
«И сладкой водочкой его горе роздїяли бъ.
И не увидите вы, бѣлыи лебёдушки,
Изъ подъ кустышка, побѣдны, сѣра заюшка,
Изъ подъ камешка, горюши, горносталюшка;
И прибирайте-тко, души́ да красны дѣвушки,
И вы на горушкахъ его да на высокiихъ,
И на гульбищечкахъ его да на прокладбищахъ,
Изъ бурлаковъ прибирайте вы моло́дыихъ,
И вы по цвѣтному, горюшицы, по платьицу,
Вы по бѣлу молодецко́му по личушку,
Вы по яснымъ молодецкимъ его очушкамъ,
И по жолтыимъ завивныимъ кудёрышкамъ,
И по походочкѣ бурлацкоей щебливой,
Поговорюшкой его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горюшицы, по во́лосу,
И супроти́въ своей скачоноей жемчужинки,
И супроти́въ да свѣта братца сдвуродимаго.
И мо̀лча—схва́титесь, голубушки, наплачитесь,
Спамятуете, побѣдны, натоскуетесь;
И не подсядите къ скачоноей жемчужинкѣ,
И вы ко свѣтушку ко братцу сдвуродимому.
И не поставьте въ гнѣвъ вы, бѣлыи лебёдушки,
И што причитаю я, печальная головушка.
Я сама знаю, горюша, сама вѣдаю
И про злодїйную великую обидушку,
И како̀ да е со братцемъ разставаньице.
Какъ со свѣтушкомъ я братцемъ разставалася,
И я на вѣки̇ съ нимъ, горюшица, прощалася.
И не надїюся, побѣдная головушка,
Я дождаться своего да я̀сна со́кола

Со злодійной этой службы Государевой;
И онъ во сня́хъ да мни, горюшицѣ, не кажется,
И на яву̀ мнѣ-ка, горюшѣ, не объявится,
И не на трудной мнѣ крестьянскоей роботушкѣ,
И не у синяго у славнаго Онегушка,
Не на тихіихъ, горюшѣ, мнѣ на за́водяхъ,
И не на пристаняхъ, горюшѣ, корабельныихъ.
И также вы, бѣдны кручинныи головушки,
И про запасъ да вы глядите на красно свое солнышко,
И вы на свѣ́тушка на братца сдвуродимаго.
И какъ у вашей у скачоноей жемчужинки,
И подрѣзано вѣдь нынь да ретливо̀ сердчѐ;
И на—бъ пойти да со родимой со сторонушки,
Какъ со добраго хоромнаго строеньица;
И жаль разстаться-то бурлакушку тошнёшенько,
И роспроститься съ родомъ племенемъ скорёшенько;
И онъ горючима слезама омывается,
И ретливо̀ сердчѐ вѣдь кровью обливается;
И со злодійноей великоей кручинушки,
И цвѣтно платьице по швамъ да розшивается;
И со этоей великой обидушки,
И роспоялися перстнѝ его жуко́венья
И на его да молодецкихъ бѣлыхъ рученькахъ;
И хоть дружьё—братьё ведутъ его пріятели,
И хоть по до́брому ведутъ да по строеньицу,
И по свѣтлоей ведутъ да его свѣтлицѣ,
И онъ не пьянъ да съ горя, мо́лодецъ, шатается.
И не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
И какъ смотрѣть да на безсчастныхъ до́брыхъ мо́лодцевъ,
И на горючіи бурлацки смотрѣть слезушки,
И на тоску да ихъ глядѣть вѣдь молодецкую;
И лучше на́—свѣтъ оны были бъ не спорожены,
И какъ безсчастныи сердечны эты дѣтушки,
И безталанныи солдаты новобраныи.

Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ,
И все горитъ свѣща теперечко туманится,
И Пресвята мать Богородица печалится,
И сожалїетъ-то уда́ла до̀бра мо́лодца,
И какъ безсчастнаго рекрутика моло́даго.
И ты садись поньку удалый до̀брый мо́лодецъ,
И да ты милой спорядовой мой сусѣдушко,
И ты во этотъ во поче́стной во большой уголъ,
И ты на лавочку, нашъ свѣтъ, да на дубовую,
И ты подъ мило подъ косѣвчато окошечко,
И подъ туманную стекольчату околенку.
И вы глядите-тко народъ да люди добрыи:
И поскорёшеньку сестрицы подвигаются,
И какъ клонятъ да оны буйну свою го́лову
И какъ корятъ оны ретливое сердечушко,
И при послѣ́ди-то теперь да поры времечки,
И все ко свѣтушку ко братцу я́сну со́колу;
И сожалїютъ оны братца сдвуродимаго,
И разстаются съ соколочкомъ златокрылымъ,
И говоритъ да имъ скачоная жемчужинка,
И скрозь слезушки, побѣдной, имъ наказыватъ:
«И какъ пойду да я во службу Государеву,
«И вы лѣтныи косаты мои ластушки,
«Не забытьте вы безсчастна до̀бра мо́лодца,
«Ни забытьте вы солдата горегорькаго!
«И вы спровѣдайте у добрыихъ у людушекъ,
«И напишите скорописчатую грамотку,
«И вы пошлите-тко на чу́жу на сторонушку
«Ко безсчастному солдату горегорькому.

Мать къ сусѣдямъ:

Вы послушайте, народъ да люди добрыи,
И вси сусѣдушки мои да спорядовыи!

Какъ утрось было съ поранному поутрышку,
Какъ до ранняго пѣту́нья воспѣваньица,
И до унылa соловьинаго жупляньица,
И красно солнышко въ туманѣ выкаталось;
И добрый мо́лодецъ съ кручинушки ставаетъ,
И со обиды рѣзвы ножки обуваетъ,
И со печали цвѣтно платье надѣваетъ,
Горючмы слезмы личё да обмываетъ,
И сговоритъ да онъ, побѣдной, таково слово,
И онъ мни да все родимой своей матушкѣ:
«И бласлови да на сесь день меня Господней
«И ты, желанная родитель моя матушка.»
И сговоритъ еще безсчастной до̀брой мо́лодецъ,
И онъ въ обидушкѣ, побѣдной, таково слово:
«И я спалъ да вѣдь безсчастной до̀брой мо́лодецъ,
«И, знать, послѣднюю Господню Божью ноченьку,
«И во своей да я во свѣтлоей во свѣтлицѣ,
«И на этой на тесовой на кроваточкѣ,
«И на своей да на пуховой на перинушкѣ,
«И на этомъ крутомъ складнеемъ зголовьицѣ,
«И я подъ тёплымъ соболинымъ одѣялышкомъ;
«И не сномъ-то короталъ да я вѣдь темну эту ноченьку,
«И думалъ думушку, безсчастный, во безсоньицѣ,
«И обливался я слезамы во кручинушкѣ,
«И ретливо мое сердечко подмывало,
«И безсчастная утроба обмерала,
«И, знать, приходитъ та пора да это времечко,
«И какъ послиднїи часы да со минуточкой,
«И какъ мнѣ-кова уда́лу до̀бру мо́лодцу
«И на-бъ поѣхать со хоромнаго строеньица,
«И разлучиться со родителью со матушкой,
«И порозстаться съ родомъ племенемъ любимыимъ,
«И на вѣкъ бросить да родиму эту сто́рону.
«Ой, тошнёхонько, родитель жалосливая,
«Мни безсчастному уда́лу до̀бру мо́лодцу

И не повирите народъ да люди добрыи:
И не въ могутушку слезливыи словечушка.
И не по лѣтушкамъ великая ознобушка,
Ужъ какъ мни, да вѣдь кокошѣ горегорькоей;
Вдругъ какъ треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала безсчастная утробушка,
И отъ тошна̀ долитъ великая кручинушка,
И на глазахъ слезы у бѣднушки не ставятся,
И не въ моготу мни се-свѣтное живленьице.

Сусѣдка утѣшаетъ.

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И не давай тоски къ ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко.
И знаемъ—вѣдаемъ, кокоша горегорькая,
И не въ спокоѣ што ретливое судечушко,
И про твою да мы великую незгодушку,
И про проклятую злодійную кручинушку.
И да ты съѣзди-тко, кокоша горегорькая,
И ты во эту Божью Церковь посвященную,
И ты ко этой Пресвятой да Богородицѣ,
И помолись да ты Владыкѣ отъ желаньица,
И ты крестъ клади, горюша, по писаному,
И ты поклонъ веди, побѣдна, по учёному:
И ты поставь свѣщу, горюшица, рублевую,
И пелену да положи ты вѣдь шолковую,
Ужъ какъ этой Пресвятой да Богородицѣ,
И ходателю Миколѣ многомилосливу;
И поклоняйся ты до матушки сырой земли,
И ты съ горючима слезама материнскима;
И ты проси да Пресвятую Богородицу,
И отъ желаньица проси да со усердіемъ:
И сохрани да Пресвята мать Богородица,

И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты отъ этоей тоски неугасимоей,
И ты отъ этоей печали неудольноей.
И, може, Господи Бладыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвята мать Богородица заступится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилосливой,
Ужъ какъ милое рожоно твое дитятко,
И во пути да во широ̀коей дороженькѣ,
И отъ злодійной этой службы Государевой,
И отъ этыихъ солдатовъ новобраныихъ,
И отъ этыихъ полковъ да вѣдь походныихъ.

Къ рекруту—сусѣдка.

И ты послушай, спорядо́вой нашъ сусѣдушко:
И за тебя да вси Бладыкѣ мы помолимся,
И мы Пречистой Пресвятой да Богородицѣ,
Што бы Господи Бладыко Свѣтъ помиловалъ,
Далъ бы Господи вѣдь добраго здоровьица,
И ума разума во буйну бы головушку,
И понятія въ ретливо бы сердечушко,
И тебѣ мудрости въ бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице;
Вѣдь смиреньице у тя было со кротостью,
И всимъ челомъ да было низко поклоненьице;
Ты по уличкѣ ходилъ да свѣтъ тихошенько
И ты головушку носилъ да понизёшеньку;
Поговорюшка была твоя ровнёшенька,
И сердечушко вѣдь было не спѣсивое,
И добрый мо́лодецъ ты былъ да не гордли̇вой;
И да ты стараго сусѣда не огру́билъ,
И да ты малаго бладенца не оби́дилъ.
И быде со́йдешь ты во службу Госу̀дареву,

И спаси Господи удáла дòбра мóлодца
И отъ побоевъ-то тебя да отъ тяжолыихъ,
И отъ страстей—властей тебя да страховитыихъ;
И ты послушай, спорядовой мой сусѣдушко,
И не поставь во гнѣвъ сдовóльной бѣлой свѣтушко,
Што понáкажу, кручинная головушка,
И не шали да ты тамъ, дитё, не сбалуйся-тко,
Не упивайся во хмѣльны да тамъ напиточки;
И можетъ, дастъ да Господь службу не тяжолую,
И раскрое Богъ науки вси великіи,
И тебѣ да все во службѣ Государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,
И, може, судитъ Богъ Владыко многомилосливой,
И побывашь да на родиму ты сторонушку,
И съ родомъ племенемъ, безсчастной, увидаешься;
И издалёка да вѣдь солдаты ворочаются,
И на великіихъ сраженьицахъ спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой сусѣдушко:
И какъ катучей этотъ камень не мохнатѣетъ,
И такъ походной-то солдатъ да не богáтѣетъ.
И ты запрóдалъ бы любимую скотинушку,
И да ты взялъ бы золотой казны по нáдобью.
И какъ во этой въ грозной службѣ Государевой,
И вы придержитесь, побѣдны, притаскаетесь,
И тамъ износится солдацко у васъ платьице,
Вси притопчутся казенныи сапóженьки;
И вы къ начальству появиться не посмїете;
И вамъ вѣдь нé-нажить мундеровъ—суконъ сѣрыихъ,
И вамъ вѣдь нé-обуть безсчастныхъ своихъ нóженекъ.
И еще слушай-ко, спорядной нашъ сусѣдушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаемъ ли, спорядныи сусѣдушки,
И мы тебя да златокрыла ясна сóкола
И какъ на семъ да мы, горюши, на бѣломъ свѣтѣ.
И хоть чрезъ три да вы учетныхъ этыхъ годышка,

И хоть каку, да ни е, вѣсточку послали бы,
И хоть три строчки вы, побѣдны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да вѣдали:
И вы въ какой орды, безсчастны, во коѣй земли,
И въ сухопотномъ ли вы, свѣты, похожденьицѣ,
И у синя моря ль вы, свѣты, на сраженьицѣ,
Аль на крýтомъ вы вѣдь, свѣтушки, на бéрежку,
На жолтыхъ пескàхъ стоите ль на сыпучіихъ;
И уже гдѣ да вы, побѣдны, сохраняетесь,
И отъ злодіевъ—непрїятелей спасаетесь,
И въ раздольицахъ степяхъ ли во великїихъ,
Аль въ долинушкахъ, побѣдныи, во дикїихъ;
И упишите намъ, сдовóльны бѣлы свѣтушки.
И у вàсъ, мòже, безсчáстныхъ у солдатушковъ,
И золота казна на тотъ-часъ не случается,
И хитромудры писаря будутъ призаняты,
Аль не будетъ у васъ вольной столько волюшки;
И тутъ приде да какъ разливна красна вёснушка,
Какъ повытаютъ снѣжечки со чистà поля,
И повынесе ледочки со синя моря,
И будутъ кóрабли въ синёмъ морѣ шататися,
И вы на кóрабляхъ, безсчастныи, скитатися,
И тамъ увидите да малу эту птиченьку,
И какъ летитъ она въ родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птицѣ поклонитесь-ко,
И пословечно перелётной накажите-тко,
И все ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному,
И со обиды объ солдацкоемъ живленьицѣ;
И мы глядить будемъ, кручинныи головушки,
И на печальну перелётну малу птиченьку,
И коя лéтитъ ниже облачка—низёшенько,
И она машетъ столько крылышкомъ тихошенько,
И она гóлосомъ ведётъ да унылёшенько
И она жáлобно вѣдь птичка розговаривае,

И она бьетъ челомъ тутъ намъ да покланяется,
И пороскаже тутъ печальнымъ намъ головушкамъ:
«И лечу птиченька съ за горъ я съ за высокїихъ,
«И съ за лѣсушковъ лечу да съ за дремучїихъ,
«И я со дальноей со чужей со сторонушки,
«И съ за славнаго съ за синяго съ за морюшка,
«И мы вѣдь летячи дорожкой прїустали,
«И въ синемъ морюшкѣ корабль да увидали,
«И на спокой да мы на отдыхъ становилися,
«И мы на ка́рабли на мачты тутъ садилися,
«И много у́жасно солдатовъ мы смотрѣли;
«И какъ одинъ столько солдатушко безсчастной,
«И онъ по ка́раблю солдатушко похаживатъ,
«И онъ печальну меня птиченьку высматриватъ:
«И ты откуль летӥшь вѣдь птича, куды путь держишь,
«И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
«И ты лети да эта птиченька тихошенько,
«И ты вѣдь сле́тишь на родиму мою родину,
«И ты подъ сиверну холодную сторонушку,
«И ты за славное за сине за Онегушко,
«И увидашь моихъ желанныихъ родителей,
«И всихъ спорядныихъ моихъ да ты сусѣдушекъ;
«И скажи низкое поклонно челобитьице
«И отъ меня да отъ солдатушка безсчастнаго.

Къ братьямъ:

И вы послушайте, спорядныи сусѣдушки,
Да вы ми́лы—свѣтушкӥ, братцы родимыи:
И не забытьте вы безсчастна до̀бра мо́лодца,
И своего да свѣтушка̀ братца родимаго.
И тяжела̀ да ему служба доставается:
И на часахъ ему стоять да на всеночныихъ,
И по зарямъ ему, безсчастну, по̆вечернїимъ,

И во полнòчь да подъ звѣздамъ-то подъ восточнымъ,
И студёноей холóдной этой зимушкой—
И на снѣжкахъ стоять, побѣдному, перистыихъ
И на студёныихъ морозахъ-то на плящїихъ;
И какъ дрожитъ его ретливое сердечушко,
И отъ вѣтрà да зябетъ блёкло его личушко;
И тутъ онъ скажетъ-то единое словечушко:
«Ой, безсчастны мы на свѣтѣ уродилися,
«И безталанна бѣдна жизнь наша солдацкая,
«И горегорька наша служба Государская.
Ужъ какъ вы, да свѣты братьица родимыи,
И про злодїйну эту службу не прознаете,
И на родимой вы сторонкѣ оставаетесь,
И во своемъ да во хоромномъ во строеньицѣ,
И на тесовыихъ своихъ да на кроваточкахъ,
И на мягкiихъ пуховыихъ перинушкахъ;
И не позя́бнутъ у васъ рѣзвы эты ноженьки,
И не подвiе вѣтромъ блёклого вѣдь личушка;
И на медвяномъ да вы въ домѣ уѣданьицѣ,
И на утѣхушкахъ вѣдь вы да на забавушкахъ.
И не забыть-те жъ вы безсчастна дòбра мóлодца
И своего да свѣтушка братца родимаго.

Кагда брїютъ лобъ; мать вопитъ:

Быдьте прокляты злодїи—супостатыи!
Вергай—скрóзь землю ты нехресть вся поганая;
И сѣките вы кудри поскоряя,
И точите вы бритвы повостряя,
И ужъ вы брїйте его да побѣляя;
Охти—мни, да мнѣ тошнешенько.
И кабы—мнѣ да эта бритва навостреная
И не далà-бы я злодїйной этой некрести,
И надъ моимъ ноньку рожденїемъ надрыгатися;

И распорола-бы я груди этой некрести,
И ужъ я выняла-бы сердче тутъ со печенью,
И распластала-бы я серче на мелкі́ куски,
И я нарыла-бы корыто свиньмъ въ мѣ́сиво;
А и печень я свиньямъ на уѣданьице.

Когда забрїютъ—сосѣдка вопитъ:

Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божьимъ де́нечкомъ,
Во безсчастный часъ во злу эту минуточку,
Ужъ какъ при́няли бурлакушковъ моло́дыихъ
Во принёмную палату бѣлокаменну,
И ихъ подбри́ли-то уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ,
И во злодійную во службу Государеву;
Тутъ имъ дали этыхъ крѣпкихъ караульщиковъ,
Да имъ дядьку становили-то со старшімъ;
И тутъ сводили въ Божью церковь посвященную,
И приводили ихъ къ присягѣ вѣковѣчноей;
И выше го́ловы кресты оны вздымали,
И свою сто́рону солдаты забывали,
И отца матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будемъ царю-Богу Россейскому,
«И мы стоять будемъ за вѣру христіанскую;
«И мы не сдѣлаемъ измѣны въ каменной москвы,
«И мы спасать будемъ Россею подселенную,
«Мы оружьице держать да на право̀мъ плечѣ,
«И саблю вострую держать да во право̀й рукѣ.
И тутъ повыдали солдатикамъ моло́дымъ,
Какъ моло́дымъ солдатамъ новобраныимъ,
И не по ноженькамъ сапоженьки козловыи,
И не по плечушкамъ мондеры суконъ сѣрыихъ;
И на головушку имъ шляпы не пуховыи—
И да имъ киверы солдацкіи-пудовыи.
И тутъ сойму̀тъ да молодецку вольну волюшку;

И тутъ повыдадутъ имъ ружьица тяжолыи,
Ихъ отправятъ въ путь дорожку незнакомую;
И во похо́дъ сошлютъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И какъ во эты города да не въ бывалыи,
И далѣ—да́лѣ отъ родимой отъ сторонушки.
И оны по́йдутъ путемъ-ши́рокой дороженькой,
Хоть студёноей пойду̀тъ да холодно̀й зимой,
И какъ повыстанутъ на гору на высокую,
И оны брякнутъ тутъ оружіемъ завоеннымъ,
И оны топнутъ правой бѣлой этой ноженькой,
И споютъ съ горя унылу жалку писенку;
И оны стоячи на го́ры на высокоей,
И воспомянутъ то родиму свою сто́рону:
И ты прощай наша родимая сторонушка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая.
Уже слушайте солдатики моло́дыи,
Да васъ со́шлютъ какъ на чу̀жу на сторонушку,
И на-бъ у буточки стоять да студёной зимой,
И на часахъ стоять, безсчастнымъ, на всеночныихъ;
И отъ земли̇̀ да зябутъ рѣ̀зви ваши ноженьки,
И отъ оружьица зябутъ да ручки бѣлыи,
И какъ отъ вѣтра подвѣватъ да блёкло личенько,
И отъ морозушку сердечко порастрескаетъ;
И вы у буточки-то будете похаживать,
И сапогъ –о́ сапогъ вѣдь вы да поколачивать,
И съ руки—на́ руку ружье да перекидывать;
И глядѣть да вы будете, безсчастныи,
И выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью;
И ты смотрѣть будешь, солдатъ да на свѣтёлъ мѣсяцъ.
И на э̀ты часты̀ звѣзды поднебесныи:
И по скорёшеньку ль свѣтёлъ мѣсяцъ закатится,
И часты звѣздочки въ минуточку стеряются-ль,
И скоро ль—свѣтъ да ясна зоренька просвѣтится,
И роспечетъ-ли это красное вѣдь солнышко;
И обогрѣетъ ли солдацкое сердечушко,

И пріоттаетъ ли безсчастная утробушка.
И тутъ воспомните родиму свою сто́рону,
И тутъ сгово́рите одиное словечушко:
«И лучше были бъ мы, солдаты, не споро́жены;
«И какъ родитель насъ бурлаковъ попустила,
«И насъ не участью—таланомъ надѣлила,
«И злой безсчастной этой службой наградила.
И не дай Господи на семъ да на бѣло́мъ свѣтѣ
Уже жить да въ грозной службѣ Государевой:
Какъ ѣденьице солдатушкамъ—сухарики,
Какъ питемьице имъ—водушка со ржавушкой.
И вы послушайте безсчастныи головушки!
И какъ васъ со́шлютъ въ безъизвѣстную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко,
И какъ на э́тыихъ на чорныхъ бо́льшихъ ко́рабляхъ,
И буйны вѣтры въ чистомъ полѣ развѣваются,
И непомѣрная погода подымается,
И на синёмъ морѣ волна да сколыбается,
И какъ вода да со желтымъ пескомъ смѣшается,
И чорны ко́раблы вѣдь въ морѣ роскачаются,
И мачты о́—воду со брызгомъ ударяются,
И сговорятъ да тутъ дядьки имъ пристаршіи:
«И вы идите-тко матросики моло́дыи,
«И не страшитесь-ко погоды непомѣрной,
«И поднимайтесь вверхъ по мачтамъ по дубовыимъ,
И вы держитесь-ко за снасти за смолёныи,
И убирайте тонки бѣлы эты парусы;
И тутъ сердечушко у васъ да пріужа́хнется:
И тутъ воспомните, безсчастныи солдатушки,
И вы желанныихъ своихъ да все родителей;
И на молитвахъ оны да вспомянули бы,
И за матросовъ оны Бога помолили бы.
И столько не́—вѣсто побѣднымъ не вѣстимо:
И поставаете по мачтамъ по дубовыимъ,
И вы по этыимъ по сна́стямъ по смолёныимъ,

И съ переполоху-то сбы́дутъ бѣлы рученьки,
И тутъ падёте вы во синее во морюшко,
И во этую вы воду во глубокую.
И буде Господи васъ, Свѣтушко, помилуетъ,
И спасетъ васъ Пресвята̀ Мать Богорородица,
И на этомъ на большомъ да чорномъ ка́раблѣ,
И васъ прибьетъ да тамъ ко кру́тому ко бе́режку,
И хоть не къ знамымъ къ островамъ да не къ бывалыимъ,
И може, буде вамъ, безсчастнымъ, воля вольная—
И какъ повытти-то на кру́той красной бе́режокъ;
И ты по бе́режку иди, бѣдной, тихошенько,
И ты гляди да выше лѣсу по поднебесью,
И выше горъ гляди, нашъ свѣтушко, высокїихъ,
И вровень съ облачкой гляди да ты ходячей,
И примѣчай да перелётну малу птиченьку;
И не гусе́й гляди, нашъ свѣтушко, не ле́бедей:
И гуси, лебеди-то—птиченька гордливая,
И на ричихъ да эта птиченька спѣсивая,
Высоко̀ да она ле́титъ по поднебесью,
И хоть поле́титъ по родимой твоей родинкѣ,
И на косѣвчато окошко не разсядется,
И про походныихъ солдатовъ не роскажется.
И ты гляди-смотри, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И ты печальну перелётну малу птиченьку
И горегорькую кокошу изъ сыра̀ бора̀:
И та птиченька вѣдь е да не гордливая,
И на рича̀хъ-басняхъ она да не спѣсивая;
И ты пиши, свѣтъ, скорописчатую грамотку,
И ты со чу́жсей со дальноей сторонушки,
И ты со этыихъ полковъ да новобраныихъ,
И ты съ за синяго съ за славнаго съ за морюшка
И ты со бо́льшаго со чорнаго со ка́рабля;
И упиши, наша скачоная жемчужинка,
И про безсчастну свою жизнь да про солдацкую,

И не перомъ пиши, нашъ свѣтъ, да лебединымъ,
И не черныма пиши да ты чернилами,
И ты письмо пиши, нашъ свѣтъ, да асе кручиною,
И запечатай ты его да вѣдь тоскичушкой;
И хоть ты выйдешь, свѣтъ, на кру́той этотъ бе́режокъ,
И увидашь да переле́тну бѣдну птиченьку,
И ты клади да ей подъ правое подъ крылышко,
Ужъ ты эту скорописчатую грамотку;
И мы по этой по разливной красной вёснушкѣ,
И мы ходить будемъ на ши́рокой на у́личкѣ,
И мы глядить будемъ, горюши, по поднебесью,
И мы смотрѣть да перелетной малой птиченьки;
И какъ увидимъ мы кокошу перелётную,
И воскликать станемъ мы ма́лу эту птиченьку
И на отдо̀хъ да на крылечико перёное,
И на разсказъ да на косѣвчато окошечко:
«И ты иди да перелётна сюды птиченька,
«И ты откуль летишь, да куды путь держишь,
«И со которой ты летишь да со сторонушки
«И ты съ заславнаго-ль съ за синяго Онегушка,
«Ты съ за этого ль кеанъ да синя морюшка?
И тутъ птиченька ко зени вѣдь преклонится,
И супроти́въ дому она да прiусядется,
И принесетъ да скорописчатую грамотку,
И тутъ смахнётъ да она правымъ этымъ крылышкомъ,
И тутъ уронитъ скорописчатую грамотку,
И супроти́въ нашихъ косѣвчатыхъ окошечекъ;
И тутъ мы во́зьмемъ скорописчатую грамотку,
И мы сходимъ къ писарямъ да хитромудрымъ,
И разсмотри́мъ да скорописчатую грамотку:
Какъ тоской да е письмо вѣдь запечатано,
И съ горючмы слезмы съ кручинушкой написано;
И прочитаемъ мы, печальныи головушки,
И тутъ узнаемъ про безсчастнаго солдатушка,
И про злодiйну бѣдну жизнь да про солдацкую.

И не поставь во гнѣвъ, скачоная жемчужинка,
Што понáкажу, печальная головушка:
И какъ служить будешь во службѣ Государевѣ,
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И намъ вѣдь низкїихъ поклоновъ-челобитьицевъ,
И упиши, наша скачоная жемчужинка.
И про безсчастно горегорькое живленьице.

2. Марьи Өедоровой.

По выходѣ изъ за стола, мать вопитъ:

Ужъ на полётѣ младъ ясенъ сокòлъ,
На поѣздѣ добрый мóлодецъ;
Ужь ты что себѣ начаешься,
Въ путь дорожку отлучаяся?
Ужь какъ дородни добры мóлодцы,
Въ эту пору времечко,
Они ходятъ да шатаются:
Безъ вѣтрушка шатаются,
Безъ дождя да уливаются;
Безъ травинки заплетаются;
Безъ ломинки запинаются,
Въ эту пору времечко,
Будто заюшки во пáсточки,
Горностаюшки въ неволюшки,
Будто утушки подстрѣлены,
Какъ лебёдушки поиманы,
Во неволюшку посажены.
Такъ же вы, дородни молодцы,
Во управушку свожены.
На жеребей положены,
На бумаженьку записаны,

Въ путь дороженьку направлены,
Во солдатушки назначены.
Какъ поводятъ добрыхъ мо́лодцовъ,
Во управу ко окружному,
Во полицію къ городничему,
Во палату къ губернатору,
Ко пріему ко солдатскому,
Ко стулу ко забревальному,
Подъ мѣрушку казённую,
Подъ бритву подъ солдатскую.
Какъ забріютъ твою головушку,
Отстригнутъ твои кудёрышки.
Какъ поклонись, дороднiй мо́лодецъ,
Начальнику вышнему,
Какъ солдату-то вѣдь старшему.
Попросись, дороднiй мо́лодецъ,
На широку бѣлу улушку,
На улушку плановую,
На дорожку на почтовую.
Какъ клони свою головушку,
На всѣ четыре сто́роны,
Въ полудёны и подъ сиверны,
Подъ восточны и подъ западны:
Какъ, во-первыхъ, клони головушку
Къ Государю на широкiй дворъ;
Во вторыхъ, клони головушку
Къ Государынѣ въ зелёный садъ;
Какъ еще клони головушку
Царскимъ дѣтушкамъ въ осо́бину;
Тутъ еще клони головушку
Сердечнымъ родителямъ;
Какъ проси, дороднiй мо́лодецъ,
У сердечныхъ, у родителей
Какъ родительска прощаньица,
Больша благословеньица:

Какъ родительско прощаньице
Изо дна моря повыздынетъ,
На край бе́режка повыкинетъ,
Изъ темна лѣса повыведетъ.
Ни въ Москвы-подъ бояриномъ,
Не въ Литвы-подъ татариномъ
Не загинетъ твоя бу́йная;
Не въ полкахъ между солдатами,
Не въ ротахъ межъ матросами,
Не загинетъ твоя буйная,
Не на ученьицѣ у барина,
Не на постоѣ у хозяина.
Ты служи да отъ желаньица!
Тебя Богъ да станетъ миловать
Государь да станетъ жаловать.
Ты проси моли у Господа,
Пресвятой да Богородицы,
Чтобъ меньши судьи поклонялися (тебѣ),
Больши судьи похвалялися (тобой).

3. Святогорской крестьянски.

Ты прощай-ка, мое рожоное, милое дитятко,
Моя любимая, удалая, наживная головушка.
Какъ обневолили тебя не въ порушку, да не во времячко.
Моего полётнаго, яснаго сокола,
Изъ-подъ моего праваго крылышка.
Ты пойдешь, моя любимая, удалая, наживная головушка,
На чужую дальную сторонушку,
Чтоль по дальней широкой дороженькѣ;
Шириной дорожка тридцать сажень,
Долиной дорожка конца краю нѣтъ.
Ты вспомни ко свою любимую, домашнюю крестьянскую жирушку,

И ты вспомни-ко меня престарѣлую, многопобѣдную головушку.
И какъ придутъ-то честные, годовые, воскресные, Владычные праздннчки;
И какъ наступятъ любимыя, веселыя крестьянскія гуляньица,
Хороводы да игрища;
Какъ пойдутъ-то молодые, удалые добрые мóлодцы,
Что ль твои-ли сотоварищи;
Ужъ какъ я многопобѣдная головушка,
Я горюша горе́горькая,
Какъ я сяду-то подъ свое любимое косящато око́шечко,
Я покукую кокушицей,
И какъ вспомню про тебя, мое рожоное дитятко,
Моя наживная, удалая головушка,
Мое солнышко закатное,
Моя звѣздочка ненаглядная.
Ты не дай-ко, Боже-Господи,
Намъ живаго раставаньица
Съ моимъ милымъ любимымъ дитяткомъ.
И какъ есть-то мнѣ тошнёшенько,
И какъ есть-то мнѣ больнёшенько,
Моему сердцу ретивому
И какъ придетъ-то теперь времячко,
Что ль весна придетъ да красная,
Придетъ лѣтушко-ли теплое,
Какъ-то встану я, многопобѣдная головушка,
Со своимъ со малымъ рожонымъ дитяткомъ;
Какъ я стану обработывать
Свою землю хлѣбопашествомъ,
Свои поженки прокосныя,
И луга-нивы продольные,
Всѣ порѣчья и всѣ зáрѣчья,
Всѣ мелки кусты-кустарнички,
Всѣ лазуревые алые цвѣтики.

И ты, любимая, удалая головушка.
Ты увѣдомь меня бѣдную,
Мать горюшу горегорькую,
Писемцомъ либо грамоткой,
Или ласковымъ словечушкомъ.
И ты не помни, мое милое,
Всѣхъ житейскихъ моихъ грубостей.
И ты вспомни-ко, рожоное,
Мои ласковыя словечушки.
И какъ я, многопобѣдная,
Я горюша горегорькая,
Попрошу Царя Небеснаго
И земнаго Вседержителя,
Чтобъ открылъ Онъ тебѣ ученьице
И всю службу Государеву.

4 Ирины Калиткиной.

Сись было мнѣ горюшицѣ,
Бѣдною да горегорькою,
Мнѣ подъ красное окошечко,
Минѣ на лавочку дубовую,
Ко прибоинкѣ кленовою,
Къ своему да сыну милому,
Къ сыну милому любимому,
Минѣ въ остатніи въ послидніе:
Ужъ ты мило мое дитятко,
Ты безсчастное родилося,
Безсчастное да безталанное,
Куды спѣшишьси да торопишься,
Изо своего ты дому благодатнова,
Изо свѣтлой изо свѣтлицы,
Изъ новыи да новы горницы:
Безъ тибя да мило дитятко,

Отемнѣетъ свѣтла свѣтлица,
Опустаетъ домъ подворьицо;
Ты подёшь да мило дитятко,
Не въ любимую да путь дороженько,
Не въ любимую во дальную,
Во дальную да во печальную,
Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да Государскую,
Во солдаты новобраныи.
Такъ ты послушай, мое дитятко,
Что я тебѣ буду наказывать,
По словечно наговаривать,
Когда стоскнетци тебѣ—сгорюхнетци,
Такъ ты подешь, да мило дитятко,
На ученье то великое
Такъ примѣчай-ко, мое дитятко,
Со которые сторонушки,
Такъ подуетъ вѣтеръ буйноётъ:
Какъ съ полуденные подуетъ-то,
Такъ гляди-тко письма-грамоты
Отъ миня-то отъ горюшицы;
Такъ напишу я бѣдна горькая,
Напишу письмо-грамоту,
Я не на вербовой гумагѣ,
Не перомъ да не чернилами,
По горю да горючимъ слезамъ;
Ты возьми, да мило дитятко,
Ты возьми да письмо-грамоту,
Ты возьми до на бѣлы руки
Ты прижми до къ ретиву сердцу;
Что пришло мнѣ письмо-грамотка,
Съ моiѣ родимы стороны,
Отъ родимые огъ матушки,
Отъ кормильца-то отъ батюшка,
Отъ соколовъ отъ братьевъ милыихъ,

От҃ъ голубушекъ милыхъ сестеръ,
Отъ сосѣдей отъ сосѣдушекъ,
И отъ сосѣднихъ милыхъ дѣтушекъ.
Ты скажи-тко, мое дитятко,
Когда посулишься въ дорогѝ гостѝ
О Господнеемъ о праздничкѣ,
Поутру ли ты ранёшенько,
Въ вечеру ли ты познёшенько,
Или середи бѣла дня;
Такъ я буду ждать да дожидатися,
Выходить буду частёшенько,
Я на красное крылечушко;
Я глядѣть буду поглядывать,
Что не йдетъ ли мое дитятко,
Изъ дальніи да изъ дороженьки,
Изъ городовъ-то понизовніихъ,
Понизовніихъ украйніихъ,
Изъ салдатовъ новобрашныихъ.
Ты простись да мило дитятко,
Ты съ сосѣдямъ и съ сосѣдушкамъ,
И со красныимъ со дѣушкамъ;
Поблагодари, да мое дитятко:
На бесѣдѣ на смиренноей,
Какъ онѣ тебя да прилещали,
Непріятныимъ словамъ да называли,
Онѣ некрутомъ щитали;
Какъ ты придешь, да мило дитятко,
Во свой во домъ, да благодатноётъ,
Ты придешь больно не весёлъ
Буйну голову повѣсилъ.

II.

ПЛАЧИ ПО РЕКРУТѢ ЖЕНАТОМЪ.

I. Афросиніи Ѣхаловой.

Вопитъ жена:

Умолёная лада милая,
Лада милая любимая!
Провожаю тебя, горюшица,
Во солдаты новобраныи,
Далекимъ далекохонько;
Ты послушай, лада милая,
Станешь жить, лада любимая,
На чужой на дальной сто́ронѣ,
Ни злодѣйкѣ незнакомоей,
Во городахъ да ты во дальныихъ,
Во дальныихъ да во украйныихъ;
Такъ ты послушай, лада милая,
Лада милая любимая:
Такъ ты пиши-тко писма-грамотки,
Ты ко мнѣ, горюхѣ бѣдноей.
Хоть я осталася, горюшица,
Хоть на своей родимой сто́ронѣ
Съ сиротамъ я горегорькіимъ;
Умолёная лада милая,

Ты пиши-тко писма грамотки,
Со чужіей дальной сто́роны;
Какъ минѣ, бѣдной горюшицѣ,
И жива эта разлука—пуще мертвыи:
Такъ ты пиши-тко мнѣ, горюшицѣ,
Ты пиши-тко писма-грамотки
Со чужїей дальной сто́роны;
Ужъ какъ я стану-то, горюшица,
И тебя ждать да дожидатися,
Я тебя да въ дороги́, гости́,
На свою родиму сто́рону,
Со своимъ да со малы́мъ дитёмъ,
Такъ прїидешь ли въ дороги́ гости́.
Сама знаю я, горюшица,
Што станешь жить ты, лада милая,
Не на сво́ей воли вольноей,
Въ грозной службѣ Государевой;
Станешь служить ты, лада милая,
Станешь служить ты Царю бѣлому,
Великому да Эмператору;
Ты служи-тко вѣрой-правдою.
Будешь жить ты, лада милая,
Все подъ страстью и подъ у́жастью,
У судьей да у начальниковъ;
Когда тамъ сто́снется, сгорюется,
Тебѣ захочется, лада милая,
На свою да дальну сто́рону,
Тебѣ провѣдать молоду́ жену,
Тебѣ своихъ да малыхъ дѣтушекъ,
Тебѣ сиротъ да горегорькіихъ,
На своей родимой сто́ронѣ;
Такъ ты послушай, лада милая,
Ты корись-просись, лада любимая,
У судьей да у начальниковъ,
Такъ отпустили бы тебя, да ладу милую,

На свою родиму сто́рону,
Ко своей да молодо́й женѣ,
Ко своимъ да малымъ дѣтушкамъ,
Хоть ненадолго поры-времечка.
Ужъ какъ стану жить-то я, горюшица,
Безъ тебя, да лада милая,
Безъ тебя лада любимая;
Стану ложиться спать да по поздёхоньку,
Стану ставать да поранёшеньку,
Умываться горюцимъ слезамъ;
Какъ я умоюсь да горюцимъ слезамъ,
Стану подавать да свой взышонъ голосъ,
Далеко на чужу сто́рону,
Въ города-те я во дальные,
Во дальные да во украйные,
Во полки да во солдацкіе,
Ко своей да ладѣ милоей.
Такъ ты послушай, лада милая,
По-утру да поранёхоньку,
И ввечеру да по-поздёхоньку,
Не кукуетъ ли кукушка горегорькая;
Она кукуе жалобнёхонько,
Такъ ты подумай, лада милая:
Не кукушечка кукуетъ горегорькая,
Горюетъ то твоя да молода̀ жена;
Подаетъ тебѣ да свой взышонъ голосъ,
Со своимъ да дитёмъ малымъ,
Со малы́мъ да малёхонпымъ,
Съ глупы́мъ, ненаучёнымъ.
Такъ умолёная лада милая,
Остриженъ твои да русы волосы;
Ты оставь, горюхѣ бѣдноей,
Мнѣ—русы́ да волосиночки,
Со своей да буйной го́ловы,
Хоть ты мнѣ да на глядѣньице,

Хоть ты мнѣ да на радѣньице,
На отрадъ да ретиву сердцу:
Хоть погляжу-то я, горюшица,
На твои да ру́сы волосы.
Ровно на́-твое да лице бѣлое,
Лице бѣлое, румяное.
Такъ ты послушай, лада милая,
Напишу я писмо грамотку,
Я отъ себя, горюха бѣдная,
Не перомъ я не чернилами,
Напишу я го́рючимъ слезамъ,
Я тебѣ да писмо грамотку,
У молёной ладѣ милоей;
Такъ я пошлю—то писмо-грамотку,
Я со старыимъ ходателямъ,
Со вѣтра̀ми я со буйныимъ.
Умолёные вѣтры буйные,
Ужъ вы скорые ходатели!
Вы снесите писмо-грамотку,
Во города-те вы во дальные,
Во дальные да во украйные,
Во полки да во солдацкіе;
Такъ отыщите ладу милую,
Гдѣ моя да лада милая;
Такъ вы отдайте писмо-грамотку,
Такъ вы скажите ладѣ милоей,
Што у мня нѣту золотой казны,
Мнѣ послать да писмо-грамотку,
Съ почтарёмъ-те вѣдь молоденькимъ,
Такъ я послала-то, горюшица,
Я со скорыимъ ходателемъ,
Со вѣтра̀ми-те со буйныимъ,
На чужую дальну сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Ко своей да ладѣ милоей;

Такъ ты скажи-тко, лада милая,
Когда посулишься въ дорогѝ гостѝ,
По утру ли поранёхоньку,
И ввечеру ли по поздёхоньку,
Хоть бы я, горюха бѣдная,
Не стала спать бы ночку тёмную;
Стала ждать бы дожидатися,
Я тебя, да лада милая,
Къ себѣ да въ дорогѝ гостѝ;
Такъ ты просись, да лада милая,
У судьей да у начальниковъ,
Хоть не-надолго поры—времечка,
Поглядѣлъ бы дѣтей малыихъ,
Малыихъ, да малёхонныихъ,
Глупы́ихъ, ненаучёныихъ.
Изъ тюремъ да выкупаются,
Изъ орды люди выходятъ,
И изъ солдатовъ выслужаются;
Такъ стану ждать я дожидатися,
Все тебя да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Съ грозной службы, Государевой.
Еще слушай, лада милая,
Закажу тебѣ, горюшица,
Я тебѣ да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненьиче,
Со краснымъ да солнцемъ праведнымъ:
Умолёно красно солнышко,
Ужъ ты солнце мое праведное;
Ужъ ты свитишь ты на весь бѣлой свѣтъ;
Такъ освѣти-тко ладу милую,
На чужой на дальной стóронѣ,
Въ грозной службѣ Государевой.
Умолёное красно солнышко,
Ты красишь да солнце красное,

Ты на всю да подселенную,
И на всѣхъ народъ-да людей добрыихъ;
И ты окрась да красно солнышко,
И ты мою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Во полкахъ да солдацкіихъ,
Въ городахъ да ты во дальныихъ,
Во дальныихъ да во украйныихъ.
Ты скажи-тко, красно солнышко,
Отъ меня да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненьиче,
Отъ меня да отъ горюшицы,
Отъ вдовы да горегорькія.
Какъ я живу-то же, горюшица,
Безъ тебя мой, лада милая,
Я потише воды быстрыя,
Пониже травоньки шелковыя;
Ужъ какъ я то ли, горюшица,
Безъ тебя мой, лада милая,
Оскорбила личе бѣлое,
Помутилися отъ слезъ да очи ясные:
Помѣшалъ-то умъ со разумомъ;
Безъ тебя мой, лада милая,
И не краситъ на меня да красно солнышко,
И не свититъ на меня да младъ свѣтёлъ мисяцъ;
Безъ тебя мой, лада милая,
Безъ тебя, лада любимая,
Самъ ты знаешь, лада милая,
Што не красёнъ да день безъ солнышка,
И не свѣтла да ночь безъ мисяца;
Такъ ужъ какъ я то ли, горюшица,
Терплю да горе-кру́чину,
Безъ своея да лады мылыя;
Терплю обидушку великую,
Худое слово понапрасное,

Безъ тебя мой. лада милая.
Кабы былъ ты, лада милая,
Не далъ бы ты въ обидушку великую,
Ты меня горюху бѣдную,
Со своимъ да дитёмъ малыимъ,
Съ малыимъ да малёхонныимъ.
Я пошлю тебѣ, да лада милая,
И еще да челобитьиче.
Низкоѐ да поклоненьиче,
Я по матушкѣ быстрой рѣки,
Я къ своей да ладѣ милоей;
Въ города-те да во дальные,
Во дальныѐ да во украйные,
Во полки да во солдацкіе,
Я къ своей ладѣ любимоей
Ты рѣка ли моя риченька,
Ты рѣка ли моя быстрая;
Ты скажи-тко челобитьице,
Ты моей ли ладѣ милоей,
Ладѣ милоей любимоей:
Ужъ какъ подходитъ Господнёй Праздничекъ,
На родимой на сторонушкѣ,
И твои-те соколы-братья милые,
На весельѣ и на радостяхъ,
Сдобляются да въ платье цвѣтпое;
И мои-те милые невѣстушки,
Сдобляюци въ платье цвѣтное,
Въ платье цвѣтное шелковое,
На весельѣ и на радостяхъ.
Ужъ какъ я то ли, горюшица,
Вдова солдатка горегорькая,
Надѣваю я, горюшица,
Троура̀ на себя черные,
Черные да неражїе;
Да пойду то я, горюшица,

Ко Божьей церкви соборной,
Не на весельѣ, не на радостяхъ,
Со своимъ я горюци́мъ слезамъ;
Какъ бы былъ ты, лада милая,
Въ своемъ домѣ благодатноемъ,
Такъ и я—то бы горюшица,
О Господнемъ-то о праздничкѣ,
Была все ве́села на радостяхъ;
А какъ теперь-то я, горюшица,
Нѣтъ тебя да лады милыя,
Нѣтъ тебя лады любимыя,
Хоть пойду, горюха бѣдная,
Хоть и ко Божьей церквѣ соборной,
Я повися буйну го́лову,
Потупя̀ да оци ясные,
Я во матушку сыру землю.
Какъ помолюсь да Богу Господу,
Ужъ я первый поклонъ по́ложу,
За царя за благовѣрнаго,
И еще поклонъ я по́ложу,
За царицу благовѣрную;
Я еще же поклонъ по́ложу
За царе́выхъ за малы́хъ дѣтѐй;
Я еще же поклонъ по́ложу,
За всю службу Государеву;
Я еще да поклонъ по́ложу,
За свою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Штобы Господи помиловалъ,
Великой Царь его пожаловалъ,
Умолённую ладу милую.

2. Ирины Өедосовой.

Жена держитъ младенца трехнедѣльнаго, а въ рукахъ ведетъ двухгодоваго и воитъ:

Мнѣ пойти было, кручинной головушкѣ,
Мнѣ по су́хому, горюшицѣ, по де́ревцу,
По высокому, побѣдной, мнѣ по терему,
Мнѣ ко милоей надежноей сдержавушкѣ;
Вѣдь дивуютъ мнѣ-ка добры столько людушки,
И вси приближни спорядовыи сусѣдушки:
И што я о́тдали стою, бѣдна, чужаюся,
И все своей да я надежноей головушки,
И я со малыма дѣтьмы да забавляюся;
И видно, въ Божіей-то я церквы не стояла,
И на главы̀ златыхъ вѣнцовъ я не держала,
И знать, Господняго креста не цѣловала;
И знать, головушка моя да безкручинная,
И утробушка моя да безпечальная.
И кабы знали многи добрыи бы людушки,
Какъ што дїется въ моемъ да ретливомъ сердчѣ;
И я не люлечку, горюшица, качаю,
Я горючима слезама обливаюся;
И я не съ малымъ бладенцемъ утѣшаюся,
И я великоей кручиной убиваюся.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ,
И у меня да побѣдной у головушки,
Потерялся бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей,
Умъ—тотъ разумъ во головушкѣ мѣшается.
И порастроньтесь-ко народъ да люди добрыи,
И вы приближны спорядовыи сусѣдушки!
И мнѣ пройти, бѣдной, кручинноей головушкѣ,
И мнѣ ко милоей надежноей сдержавушкѣ:

И не со златомъ вѣдь иду да я не съ сéребромъ,
И не со скатнымъ перебранымъ иду жемчугомъ;
Я иду, бѣдна, съ злодїйноей обидушкой,
И я съ несносноей злодїйноей тоскичушкой;
Я несу-веду сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Я къ своей милой надежноей сдержавушкѣ:
«И ты возьми, бѣдной, на бѣлыи на рученьки,
«И ты сердечныихъ рожоныхъ малыхъ дѣтушекъ
«И приложи да ко ретливому сердечушку,
«И ты къ печальному ко блёклому ко личушку,
И припослѣ́ди ноньку ты до поры-времечки;
И какъ што сдіется, надежная головушка,
И на кого сиротъ безсчастныхъ пооставишь насъ,
И хто возрóститъ-то безсчастныхъ нашихъ дѣтушекъ,
И хто вѣдь прúзритъ-то сиротъ да безпрїютныхъ?
И горевать будетъ побѣдной мнѣ головушкѣ,
И сиротать будетъ безсчастнымъ нашимъ дѣтушкамъ;
И коковать буде побѣдной мнѣ кокошицѣ,
И во обидѣ жить—безсчастнымъ дúтямъ малыимъ.
И безъ тебя да безъ надежноей головушки,
И безъ великаго родительска желаньица,
Хоть повóзрастутъ сердечны мои дѣтушки,
И по фатерушкѣ бѣдны станутъ похаживать,
И на меня бѣдну горюшицу поглядывать,
И ты послушай свѣтъ-надежная головушка:
Хоть останутся тамъ братьица родимыи,
И не надія мнѣ, побѣдноей головушкѣ,
И не приберёгушка сердечнымъ нашимъ дѣтушкамъ;
И хоть желанны живутъ дядюшки—не батюшки,
И хоть спацлúвыи вѣдь дяденьки—не матушки;
И будутъ дѣтушки сиротны—самовольныи,
И все солдацкїи оны да безунёмныи.
И все я думала, печальная головушка:
И какъ до этого учётна дóлга годышка,
И я жила, бѣдна горюша, радовалася.

И што во доброй во крестьянской живу жирушкѣ,
И за разумноей надежноей головушкой;
И не началась я горюша, не надїялась,
И надъ собой да я великоей незгодушки,
И я разлукушки съ надежноей сдержавушкой,
И разставаньица со малыма сердечныма со дѣтушкамъ.
И мои думушки теперечко безсчастныи,
И горьки мысли столько женски не таланныи;
Не по думушкамъ моимъ да дѣло ставится,
И не порозмысламъ моимъ да все збывается.
И пошли годышки теперь да все бѣдовыи,
И времена пошли теперь да потрусливыи,
И какъ часты̀ пошли наборы Государевы,
И запасно̀й да этой силой забираются,
И все по выбору бурлаковъ выбираютъ
И во злодїйну эту службу Государеву;
И матерей да съ сыновьями разлучаютъ,
И молодымъ женамъ съ мужьямы разставатися;
И какъ што дїется надъ милоей, надежноей сдержавушкой,
И у меня да у печальной у головушки,
И не порой да моя молодость прокатится,
И во горя̀хъ скоро головушка состарится—
Да какъ ростячи сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Во сиротскоей безсчастноей во жирушкѣ,
И во великой во злодїйной во обидушкѣ.
И вы послушайте, сусѣди спорядовыи,
И не дивуйте мнѣ, печальноей головушкѣ,
И што частёшенько къ надёжѣ не подхаживаю,
И я у праваго плеча да не усиживаю;
И говоритъ да мнѣ надёжная головушка,
И безъ народу говоритъ да людей добрыихъ;
И уговариватъ побѣдну потихошеньку,
И уласкатъ меня, горюшу полегошеньку:
«И не тоскуй бѣдна̀ жена—семья любимая,
«И не пролей, бѣдна горюша, горючі̀ слезы̀,

«И какъ расплачешься, побѣдна, розгорюешься,
«И какъ бѣдно̀ мое сердечко ростоскуется:
«И не придай же ты назолушки къ молодецкому сердечушку.
«И къ моей зяблоей безчастноей утробушкѣ;
И кабы знала, ты безсчастна молода̀ жена̀
И какъ долитъ да все несносная обидушка—
И какъ меня да вѣдь безсчастна до̀бра мо́лодца;
И столько гля́дячи на безсчастныхъ моихъ дѣтушекъ,
И смотрячи́ да на безсчастны твои слезушки,
И у меня да у безсчастна до̀бра мо́лодца,
И унывать да все ретливое сердечушко,
И перетрескала побѣдная утробушка;
И тебя жаль бѣдной, безсчастной молодо̀й жены,
И мнѣ сиротныихъ безсчастныхъ своихъ дѣтушекъ.
И говоритъ еще надежна мнѣ головушка,
И ублаждатъ меня, любимую семеюшку;
И буде Господи Бладыко не помилуетъ,
И отъ злодійной да отъ службы Государевой;
И може, дастъ Господь талану да мнѣ участи,
И мнѣ-ка жить-служить во службѣ Государевой;
И я возьму тебя жену, семью любимую,
И со сердечныма возьму да я со дѣтушкамъ,
И вѣкъ—мы по́йдемъ-то, горюша, коротать съ тобой.
И будемъ вми́стяхъ мы, побѣдныи таскатися,
И воститать да мы сердечныхъ станемъ дѣтушекъ.
И еще слушайте, народъ да люди добрыи:
И какъ со милой со надежной со головушкой
И мы не сномъ да темну ночку коротаемся,
И мы горючима слезама обливаемся,
И столько думаемъ, побѣдны, думу крѣпкую:
И тутъ онъ во́зьметъ-то сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И съ горя на́—свои безсчастны бѣлы рученьки,
И прилагае онъ ко блеклому ко личушку,
И прижимае ко ретливому сердечушку:

И малы дѣтушки всю ночь не успокоятся,
И на бѣлыхъ рукахъ оны не спотѣшаются,
И у бландечиковъ утроба розжигается,
И ретливо сердче вѣдь кровью обливается,
Што родитель въ путь дорожку отправляется,
И во злодійну эту службу снаряжается.

Къ мужу—рекруту:

И ты послушай, свѣтъ-надёжная головушка,
И мы повзыщемъ свѣтъ желанныихъ родителей,
И мы корить будемъ сердечушко покорное,
И мы головушку клонить будемъ поклонную,
И мы приклонимъ-то бладенца тринедѣльнаго,
И мы во рѣзвыи родителямъ во ноженьки:
И не спахнутся ль оны, да не сжалуются ли,
И по тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И по обидныихъ сиротныхъ своихъ внучатокъ;
И може, взыщутъ-то названо себѣ дитятко,
И оны наймутъ-то бурлакушка все вольнато,
И слободятъ тобя бурлацкую головушку,
И отъ злодійноей отъ службы Государевой;
И буде, нѣтъ вкрутѣ его да не находится,
И такъ бы съѣхали ко городу Петровскому,
И тамъ нашли бы-то судей неправосудныихъ,
И задарили бъ золотой казной безсчётноей,
И што бъ тобя, мою надежную головушку,
И все не приняли бъ во службу Государеву.

Падаетъ родителямъ въ ноги и продолжаетъ:

И ужъ вы слушайте, желанны свѣтъ-родители!
И вы не спомните-тко зла да нашей лихости!

И пожалійте сиротъ малыхъ нашихъ дѣтушекъ,
И мою милую надёжную сдержавушку;
И почитать буду я васъ да богоданыихъ родителей,
И устилать буду пухову вамъ перинушку,
И утоплю да тёплы парны про васъ баенки,
И столько вы, да свѣтъ желанныи родители,
И сберегите-тко-вы, красное мое солнышко,
И мою милую надежную сдержавушку,
И отъ злодійной этой службы Государевой.
И знаю и вѣдаю, кокоша горегорькая,
И у васъ добрая крестьянская вѣдь жирушка,
И все довольны беззаботны е вѣдь хлѣбушки,
И у васъ есть да золота казна безсчётная;
И вы отпу́стите побѣдну какъ головушку,
И во злодійну эту службу Государеву,
И диковать да будуть добры столько людушки,
И попрекать да васъ спорядныи сусѣдушки,
И што спустили вы во службу Государеву
И сердечное рожоно свое дитятко,
И обсиротили вѣтляну вы нешутушку,
И со стадушкомъ вѣдь вы да со дѣтиныимъ,
И порозгнѣвали рожоно ваше дитятко,
И вы на вѣки-то его да нерушимыи.
И вы глядите-тко, желанны свѣтъ·родители,
И на свое да вы рожоно мило дитятко,
И на мою да вы надежную головушку!
Ужъ онъ держитъ-то безсчастныхъ своихъ дѣтушекъ,
И на своихъ носитъ безсчастныхъ бѣлыхъ рученькахъ,
И по фатерушкѣ, надёженька, похаживатъ,
И малымъ дѣтушкамъ въ горяхъ да выговариватъ:
«Ой, безсчастныи вы дѣти—не таланныи!
«Уже въ комъ искать велико вамъ желаньице!
«Отъ кого да ждать прелестныихъ словечушекъ.
«И отъ дѣдушка, знать, вамъ да не желаньице,
«И отъ бабушки— вѣдь вамъ да нерадѣньице.

Къ братьямъ мужа:

И покорю, бѣдна̀, сердечушко покорное,
И я побѣдную головушку поклонную,
Я ко милымъ свѣтамъ братцамъ богоданымъ,
И при тоби корюсь, надёжная головушка,
И при собраныихъ корюсь да сродчахъ сродничкахъ,
И при всихъ да при спорядныихъ сусѣдушкахъ:
И не спокиньте-тко побѣдную головушку,
И не обидьте-тко сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И хоть я съѣду, бѣдна, къ городу Петровскому,
И со своей милой, надежноей сдержавушкой,
И поостанутся сиротны наши дѣтушки,
И во своемъ да тепловитомъ оны гнѣздышкѣ:
И малёшеньки вѣдь дѣтушки, глупёшеньки,
И какъ не вѣдаютъ безсчастны сиротиночки,
Какъ про эту про великую незгодушку,
Што разлукушка съ родителемъ со батюшкой,
И разставаньице съ великіимъ желаньицемъ.
И не спокиньте-тко сиротъ вы безпріютныихъ,
И да вы грубымъ словечкомъ не грубите-тко,
И отъ дубова вы стола не откажите-тко.

Мужъ—рекрутъ къ братьямъ:

Ужъ вы слушайте-тко братьица родимыи,
И хоть я со́йду-то во службу Государеву,
Не нанемщичекъ иду да не охотничекъ,
И не забравши золотой казны безсчётноей,
И не-запро́давши бурлацкую головушку;
Я за васъ иду вѣдь братьицевъ родимыихъ,
И такъ воспомните-тко, братьица родимыи,
И не обидьте сироту да молоду̀ жену,
И все посли̇ меня безсчастна до̀бра мо́лодца;

И приголубьте-тко сердечныхъ моихъ дѣтушекъ,
И воспитайте ихъ до полнаго до возрасту,
И не спустите-тко по мíру ихъ крещоному.

Онъ же къ женѣ:

И ты послушай-же безсчастна молода́ жена:
Ужъ какъ ростячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И безъ своей да безъ надежной сдержавушки,
И много множество кручинушки наскопится,
И во твою да во побѣдную головушку;
И какъ живучи безъ надежной сдержавушки,
И не по силушкѣ крестьянская работушка,
И не по розмыслу великая заботушка;
И приходить буде разли́вня красна ве́снушка,
Какъ повытаютъ снѣжечки со чиста̀ поля̀,
И повынесе ледочки изъ синя̀ моря̀,
И роспечетъ да тепло-красно когда солнышко,
И ты возми да сиротъ малыхъ своихъ дѣтушекъ,
И ты ко славному ко кру́тому ко бережку,
Да ты сядешь на катучей бѣлой ка́мешекъ,
И будешь го́рьки, бѣ́дна, слёзы проливатъ,
И малыхъ дѣтушекъ къ сердечку прижимать;
И тутъ повыскажешь великую кручинушку,
Ужь ты этому катучу бѣлу камешку,
И рути̇̀ слезушки, горюша, во синё море,
Што не знали бы вѣдь добры эты людушки,
Гдѣ была, бѣдна горюша, съ дѣтмы плакала,
И розсказала жъ гдѣ великую кручинушку,—
И не прознали бъ свѣты братцы богоданыи;
И до своей люби̇̀, горюшица, наплачешься,
И ты печальнымъ сердечкомъ принатѣшишься:
И ты глядить будешь, горюша, на синё море,
И ты наглядывать, горюша, чорныхъ ка́раблей,

И ты спровѣдывать горюша у матросушковъ,
И про свою да про надежную сдержавушку,
И про безсчастнаго солдатушка походнаго.
И ты послушай-ко любимая семеюшка:
И оставляю я сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ,
Я родительско свое да все желаньице,
И со правой руки оставлю я злачѐнъ перстень
И отъ сердечка опояску Новгородскую,
Имъ на память свое цвѣтно это платьице,
И какъ тебѣ бѣдной безсчастной молодой жены,
И съ ногъ сапоженьки свои да я козловыи,
И ты держи, бѣдна горюша, съ осторожностью,.
И ты гляди, бѣдна горюша, точно на́-мужа,
И тебѣ на́-вѣки останется обуточка,
И на великое тебѣ да погляженьице:
И какъ придетъ да вѣдь Владычной Божій праздничекъ,
И ты возмѐшь, бѣдна безсчастна, мое платьице,
И молодецкую спорядную покрутушку,
Ты со стопочки сапоженьки козловыи;
И какъ свѣты—бра́тьица по праздничкамъ розо́йдутся,
И какъ сестрицы по гульбищечкамъ разъѣдутся,
И единѝ да ты съ дитямы поостанешься;
И кладешь платьице на столъ да на дубовой,
И малыхъ дѣтушекъ на безсчастны возмешь рученьки,
И ты по цвѣтну будешь платьицу подрачивать,
И станешь малыимъ дитя̀мъ да выговаривать:

. .

Еще слушай же сиротна молодѝ жена:
И какъ во эту со́йду службу Государеву,
И ты пиши мнѣ скорописчатыи грамотки,
И ты уписывай сиротское живленьице,
И о своихъ да о несчастныхъ малыхъ дѣтушкахъ;
И буду на́-вѣсти безсчастной доброй мо́лодецъ,
И я не въ дальной безъизвѣстноей сторонушкѣ,
И не за славнымъ, я за синіимъ за морюшкомъ,

И я къ теби буду безсчастна молода̀ жена,
И я писать же скорописчатыи грамотки.
И присылать да я сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ,
И буду ни̇́зкой я поклонъ да челобитьица,
И все родительско вѣдь имъ благословленьице,
И въ собину да челобитное поклоньице,
И тебѣ милой семьѣ своей любимоей.

Жена къ мужу рекруту:

И ты послушай-ко, надежная сдержавушка,
И не ласкай меня, побѣдну, не ублаживай,
И мнѣ-ка такъ, бѣдной горюшицѣ, тошнёшенько
И поразстаться съ тобой, красно мое солнышко,
И съ дорогой милой скачоноей жемчужинкой;
И моя трескае безсчастная утробушка,
И унывать мое ретливое сердечушко,
И столько глядячи на милую сдержавушку;
И хоть меня да ты, побѣдну, прїимаешь;
И самъ горючи свои слезы проливаешь,
И вопотай да отъ безсчастноей головушки,
Што не видла бъ я, горюша, молодецкихъ слёзъ;
И ты послушай же, миженьско мое солнышко!
И не жалїй меня печальноей головушки;
И со кручинушки смерётушка не приде,
И со тоски у мня душа съ грудей не выдетъ;
Хоть текутъ горючи слезы-не жемчужныи,
И мое ли̇́цо, у безсчастной—не бумажное;
И мнѣ-ка жаль-тошно̀, побѣдноей головушкѣ,
И тебя умной жаль надежноей сдержавушки.
И когда прежъ сего до этой поры-времечки,
И до студёноей холо́дной этой зимушки,
И у тебя да у скачоной у жемчужинки,
И красота въ лицу была, какъ красно солнышко,

И бѣлота была у свѣта-снѣжку бѣлаго,
И были умныи учливы розговорюшки;
Вдругъ какъ сдѣлалась великая незгодушка,
И объявляли листъ бумаженьку гербовую,
И прочитали какъ указы Государевы,
И объявили злодѣй—службу завоенную,
И какъ со той поры у насъ да съ того времечки,
И со мірской сходки, нашъ свѣтъ, да со собраньица,
И когда съѣздилъ ты на обчество собраное,
И получилъ да когда жеребья дубовыи,
И какъ пріѣхалъ въ домъ крестьянску свою жирушку,
И становилъ да ты ступистую лошадушку,
И ты у этого крылечика перёнаго,
И я повышла все печальная головушка.
И тебя стрититъ, свѣтъ, на ши́рокой на уличкѣ,
И на крылечикѣ тебя да на перёноемъ,
Што бъ вѣдь сдіять съ тобой доброе здоровьице.
И все поро́спроситъ вѣдь милую семеюшку:
И ты со радостью ль прїѣхалъ со весельицемъ?
И я сглянула какъ, кручинная головушка,
И на тебя, да тепло-красное мое солнышко,
И на твое да молодецко бѣло личушко,
И я увидѣла, печальная головушка,
Што смѣнилося бурлацко твое личушко,
И помутились молодецки твои очушки,
И на головушкѣ кудерки развѣвалися,
И ужъ ты пьянъ-не-пьянъ, мой свѣтушко, шатаешься.
И говоришь—съ тоски, побѣдной, ты мѣшаешься,
И воспроговоришь ты мнѣ-ка таково слово:
«И ты послушай-ко жена бѣдна - безсчастная,
«Я не съ радости иду да не съ весельица,
«Со злодійноей великоей тоскичушки,
«И меня обчествомъ, жена, да выбирали,
«И на гербовой листъ бумаженьку писали.
«И буде - вирите, народъ да люди добрыи,

И да мнѣ-кова печальноей головушкѣ:
И подломилися тутъ рѣзвы мои ноженьки;
И пріужахнулось ретливое сердечушко;
И закатился тутъ катучій бѣлый ка́мешекъ,
И на моемъ да на безсчастноемъ сердечушкѣ;
И на сердци́ студитъ зима у мня студёная,
И умъ—тотъ разумъ во головушкѣ мѣшается,
И бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей теряется;
И какъ не носятъ съ горя рѣзвы мои ноженьки,
И не глядятъ на свѣтъ побѣдны мои очушки,
И съ горя рученьки безсчастны примахалися.
И какъ со этоей поры да столько времечки—
И онъ—милая, надежная сдержавушка,
И онъ не кушалъ столько ѣствушекъ сахарніихъ,
И не испивалъ да вѣдь онъ питьицевъ медвяныихъ;
И хотя жъ сядемъ мы за столъ да хлѣба кушать,
И поросплачемся, побѣдны, ростоскуемся;
И хоть сидимъ да со сердечнымъ со дѣтушкамъ:
И я держу въ рукахъ бладенца тринедѣльнаго,
И мы на ду́-друга, безсчастныи, поглядаемъ,
И мы на малаго бладенца-то посматриваемъ;
И сговорю, бѣдна горюша, таково слово,
Я своей милой, надежноей сдержавушкѣ:
«Я куды бѣдна съ бладенцомъ поостануся,
«И ужъ я ка́къ бѣдна - побѣдна воспитаюся.
И мы великой тутъ кручиной напитаемся,
И мы горючима слезама напиваемся;
И хоть повыдемъ съ за стола да съ за дубоваго,
И ужъ мы сядемъ на брусову бѣлу лавочку,
И тутъ мы схватимся съ надежноей головушкой.
И да я сды́ну тутъ безсчастны свои рученьки,
И на безсчастны на могучи его плечушка,
И на печальну молодецкую головушку,
И стану жалобно-уныло причитать;
И какъ у мо́ей у надежноей сдержавушки

И ростоскуется ретливое сердечушко,
И роспечалится безсчастная утробушка;
И унимать стане побѣдну, уговаривать,
И онъ меня да вѣдь кокошу горегорькую;
«Ты послушай-ко, побѣдна, молодà жена,
«И ты не впа́дайся въ великую кручинушку;
«И какъ посли меня безсчастна добра мо́лодца,
«И поостанутся сердечны тебѣ дѣтушки,
«И на роздій теби великоей тоскичушки.
И ужъ какъ мнѣ-ко-ва печальноей головушкѣ,
И не на радость мнѣ-ка дѣтушки великую,
И на злодійную великую кручинушку;
И какъ што сдіется, надёжная головушка,
И надъ тобой да тепло-красно мое солнышко,
И по горя̀мъ да на-бъ пойти мнѣ-ка, по по́зорамъ,
И со сердечныма со малыма со дѣтушкамъ.
И кабы знала я, горюша, про то вѣдала,
Што безъ тебя жить безъ надежноей сдержавушки,
И провожать да мни безсчастну свою молодость,
И я въ Божіей-то вѣдь церквы не стояла бы,
И я закону бы вѣдь е не припимала бы,
И я со волюшкой, горюша, не разсталась бы,
И со бладымъ сыномъ съ тобой я не спозналась бы,
И лучше жи́ла бы во красныхъ еще дѣвушкахъ,
И у своихъ да свѣтъ-желанныихъ родителей;
И знать, судьба да у горюшицы безсчастная,
И написалась мнѣ-ка жизнь да не таланная.
И быди прокля эта служба Государева!
И разлучатъ да многихъ добрыхъ столько людушекъ,
И какъ бурлакушковъ вѣдь е да съ молодой женой.
И вѣдь жива эта разлука пуще мертвой:
И три дни клубышкомъ, горюшица, каталася;
Такъ—тошнò—больнò ретливому сердечушку
И поразстаться мни со краснымъ тобой солнышкомъ.
И еще слушай же, надежная сдержавушка:

И какъ што сдіется, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И тебя во́змутъ какъ во службу Государеву,
И не оставь меня печальноей головушки,
И свѣтамъ-братьицамъ безсчастну на обидушку.
И малыхъ дѣтушекъ своихъ на поруганьице;
И ты придай да ума разума въ головушку,
И какъ вѣдь жить буде побѣдной мнѣ головушкѣ,
И безъ тебя, да тепло-красное мое солнышко;
И какъ по этой разливной красной ве́снушкѣ,
И будутъ па́хари на чистыихъ на полюшкахъ,
И сѣвчи̂ да на роспашистыхъ полосушкахъ,
И пойду̂тъ сча́стливы жены̂ да все таланныи,
Какъ со свои́ма со надежныма головушкамъ,
И все по трудной по крестьянскоей работушкѣ:
Ужъ какъ я бѣдна безсчастная головушка,
Я ходить буду по хоромному строеньицу,
Изъ окошечка въ окошечко поглядывать,
И на прогульну буду уличку посматривать,
И унывать буде безсчастное сердечушко,
И разрывать да буде зяблую утробушку;
И съ горя брошусь я, печальная головушка,
И ко безсчастныимъ сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ,
И съ тоски во́зму ихъ на бѣлыи на рученьки,
И сговорю, бѣдна кручинная, словечушко:
«И вы пойдемте сироты да милы дѣтушки,
«И вы на трудную крестьянску на роботушку,
«И вмѣсто сво́его родителя вы батюшка,
И малы дѣтушки безсчастны, какъ малёшеньки,
И оны разумомъ вѣдь дѣтушки глупёшеньки,
И точно бѣлочки въ глаза ко мнѣ погля́даютъ,
И не толкуютъ-то безсчастну розговаривать:
У меня жъ тутъ у побѣдной у головушки;
И мое рвуци-рветъ ретливое сердечушко,
И столько глядяци на малыхъ этыхъ дѣтушекъ!
И безъ тобя, да какъ миженьско, красно солнышко,

И все безъ милоей надежноей сдержавушки,
И мнѣ пойти да на крестьянскую роботушку,
И поставить на-бъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И принести покоръ богоданой надо матушкѣ:
«И ты останься-ко съ безсчастными со дѣтушкамъ,
«И не обидь да ты сиротъ-то горегорькіихъ,
«И такъ печальныи—обидны мои дѣтушки,
«И все безъ свóего родителя безъ батюшка.
И хоть повыду я въ раздолье во чистò поле,
И спомяну да тебя, красно мое нá—золотѣ:
И на этыхъ я поляхъ да хлѣбородныихъ,
И на этыхъ я лужкахъ да сѣнокосныихъ,
Гдѣ ходила я съ надежноей головушкой,
И я по трудноей по крестьянскоей роботушкѣ,
И съ веселà да красно лѣто провожала
И за гульбищечко дорожку коротала!
Гдѣ мы думали вѣдь крѣпку съ тобой думушку,
И говорили гдѣ затайныи словечушка,
И на которомъ мы сидѣли бѣломъ кáмешкѣ,
И подъ которой подъ сахарной деревиночкой;
И къ деревиночкѣ приду я потоскую,
И на катучемъ бѣломъ кáмешкѣ поплачу;
И возжидать буду, печальная головушка,
И тебя, милую любимую семеюшку,
И прокорóтаю, побѣдна, день до вечера,
И до закату тепло-краснаго я солнышка;
И по домамъ да всѣ сусѣды убираются,
И со чистà поля оны да разъѣзжаются,
А я ждать буду надёжную головушку:
«И появись хоть, тепло-красное мое солнышко,
«И мнѣ въ потай, бѣдной горюшѣ, потихошеньку,
«И пріобрадуй-ко ретливое сердечушко;
«Хоть въ солдацкомъ появись да мнѣ-ка платьицѣ,
«Хоть съ оружьицемъ приди да завоенныимъ,
«И съ писталетикомъ приди да зарукавніимъ;

«Не убоюсь, бѣдна горюша, не сполóхаюсь,
«И я не бѣглаго солдата не походнаго,
«И съ тобой сдїю, бѣдна, доброе здоровьице,
«И тутъ порóскажу велику всю кручи́нушку,
«И про своихъ да про безсчастныхъ малыхъ дѣтушекъ;
«И тутъ мы дý-другу, побѣдны, порoскажемся,
«И посидимъ, бѣдны печальны, посовѣтуемъ.
Всё раздумаюсь побѣднымъ умомъ-разумомъ,
И я безсчастныма мысля́ма не таланныма:
И теперь годышки вѣдь е да все не прежнiй,
И времена, пошли теперь да не досюльнiи;
И нонь не ýйдешь-ты, солдатъ, да не дѣваешься,
И на родимоей сторонкѣ не покажешься;
И отецъ—матушка теперь да отпираются,
И столько родъ—племя теперь да отрѣкается.
И ты послушай-ко, надёжная головушка,
И какъ признаю я горюша горегорькая,
Не откажусь я вѣдь, семья твоя любимая,
И отъ своей да отъ законной отъ сдержавушки,
И отъ тебя, да тепло—красно мое солнышко.
И нонь сегоднишнимь Господнимъ Божїимъ дѐнечкомъ,
И во туманѣ нече красно теперь солнышко,
И во печали златокрылой ты ясенъ соколъ,
И во тоски, моя надежа, во кручинушкѣ:
И у меня да у безсчастной у головушки,
И разболѣла все безсчастна бýйна гóлова,
И разгорѣлося побѣдно ретливò сердчѐ;
И нынь раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
И день ко вечеру теперь да коротается,
И часъ къ часочику теперь да придвигается,
И молода жена съ надёжой разставается;
И какъ меня, да вѣдь печальную головушку,
И все долитъ тоска кручина неудольная;
И безъ смолы моя утроба роскипляется,
И вси дубовыи мостинки подгибаются.

Къ матери рекрута:

И посудъячу я, кручинная головушка,
И на тебя, да богодана моя матушка:
И, знать, не всѣ ровны сердечны тебѣ дѣтушки,
И не до всихъ ровнó великое желаньице;
И какъ моя милая надежная сдержавушка
И, знать, не дитятко тебѣ да не рожоное,
И на мою да ты любимую семеюшку,
И быдто нá—звиря, родитель, ты поглядываешь;
И, знать, на радости вѣдь ты да на весельицѣ
И отряжашь да ты сердечно свое дитятко,
Ты ко праздничку ль его да ко Бладычному,
Аль въ сердечное въ любимое гостибище,
Аль въ веселу путь широкую дороженьку,
Аль въ бурлакушки, родитель, его вольныи,
Аль по эту золоту казну довольную?
Знать, што прú - моей надежноей сдержавушкѣ,
И, видно, нá—полѣ у васъ да не родилося
И, точно, нá—дворѣ у васъ да не плодилося,
И золота казна у васъ, знать, не скопилася,
И раззорилась, знать, крестьянска ваша жирушка.
И ты послушай, богодана моя матушка:
И посли мóей вѣдь надежноей сдержавушки,
Посли твóего сердечнаго вѣдь дитятка,
И видно, улички содѐржите рядовыи,
И будутъ лавочки у васъ, вѣрно, торговыи,
И будутъ знать да многи добры васъ вѣдь людушки,
И поклонятися сусѣди спорядовыи;
И какъ што сдіется надъ моей да надъ законной сдержавушкой
И какъ тобѣ да богоданой моей матушкѣ—
Не залучить да себѣ вѣчна поминаньица,
И вѣковѣчно тебѣ будетъ проклинаньице;

И буду гнѣвъ держать, печальная головушка,
И на тобя да богодана моя матушка,
Не пожалѣла што сердечно свое дитятко,
И моей милоей любимоей семеюшки.
И, знаю, вѣдаю, кокоша горегорькая,
И какъ разстанусь я съ надёжноей головушкой,
И какъ жить буду горюшица побѣдная,
И все у васъ, да богодана моя матушка,
Я не трудничкой вѣдь буду, не роботничкой
Я не легкой буду слыть да переменушкой,
И я не скорымъ, побѣдна, послушаньицемъ

Къ мужу:

И подойду да я съ злодійнымъ безсчастьицемъ,
Ужъ я взадъ да ко любимоей семеюшкѣ,
И наложу да я безсчастны свои рученьки
И на его да я побѣдную головушку:
И при послѣди-то теперь да поры времечки.
И поглядите—тко, народъ да люди добрыи,
И какъ ликуюсь я съ надёжноей головушкой:
И не ликуемся, побѣдны, мы тоскуемся;
И ушибатъ да насъ злодійная тоскичушка
Съ тепло-краснымъ, миженьскимъ моимъ солнышкомъ:
И отъ меня да нонь, надёжа, удаляется
И онъ за горушки, надежа, за высокіи,
И онъ за темныи лѣса да за дремучіи,
И далеко-то онъ за мхи да зыбучіи,
И онъ за круглыи за малыи озерышка,
И за синее за славно за Онегушко.
И жаль тошнёшенько, побѣдной мнѣ головушкѣ,
И порозстаться мнѣ съ любимоей семеюшкой,—
И отпущать да въ злодѣй—службу Государеву,
Мою милую надежную сдержавушку.

И лучше на́ свѣтѣ была—бы я не ро́жена
И родителью на свѣтъ да не попущена:
И не въ пору̀ мнѣ-ка разлукушка, не во́—время,
Розставаться съ тепло-краснымъ мнѣ-ка солнышкомъ,
И спознаваться со великïимъ безсчастьицемъ:
И какъ жива́ эта разлука пуще мертвой.
И спородила какъ родитель меня матушка,
И не участью таланомъ надѣляла,
И знать, злодiйнымъ безсчастьемъ награждала,
И какъ на мою да на судимую сторонушку,
И впереди меня побѣдноей головушки,
И прiотправили желанныи родители,
Ужъ какъ это зло, великое безсчастьице
И на моей, знать, на судимоей сторонушкѣ
Ужъ на этомъ на крылечикѣ перёноемъ,
Кругомъ около злодiйно обступало,
Всимъ беремечкомъ за меня да захватилося.
И какъ до этого учётна долга годышка,
И до этой до студёной холодной зимы,
Я жила, бѣдна горюша, веселилася,
И со надёжинькой жила да ликовалася;
Я не вирила вѣдь добрымъ того людушкамъ,
Што бываетъ-то великая кручинушка;
Ужъ какъ сегоднышнымъ учётнымъ-то годышкомъ,
Вдругъ вѣдь сдѣлалась великая незгодушка,
И мни разкукушка съ надежноей сдержавушкой;
И впереломъ пришла велика мнѣ кручинушка,
И мать сыра земля подо мной да подгибается,
И отъ горючихъ слезъ слѣдочки заплываются;
И умъ-тотъ разумъ во всѣ стороны кидается,
И всѣ безсчастны горьки мысли разбѣгаются;
И я не знаю-то, горюшица, не вѣдаю,
И не могу да ума-разума примѣнитися,
И уже гдѣ да мни кручину разгуляти,
И уже гдѣ да мни головку взвеселити,

И мни куды да вѣдь отъ горя подѣватися?
И какъ сегоднышнымъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ
Я пойду, бѣдна, во у́личку рядовую,
И съ горя за́йду я во лавочку торговую,
И я куплю да тамъ оружіе завоенное,
И съ тоски стрѣ́лю я въ безсчастное сердечушко,
И съ горя жизнь, бѣдна-побѣдна, прикоротаю.
И тутъ раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
Воспокинуть-то сердечныхъ надо дѣтушекъ—
И тутъ сама того, побѣдна, я сполохаюсь:
И материнское вѣдь сердце - не звѣриное,
И дѣтиная тоска—не угасимая.
И лучше по́йду я съ великоей кручинушки,
И въ тёмны лѣсушка, горюша, я дремучіи,
И со обидушки во мхи да я дыбучіи;
И по раздію тамъ великую кручинушку,
И со сердечныма со малыма со дѣтушкамъ.
И тутъ раздумаюсь побѣдными своимъ разумомъ:
И хоть во этыихъ темныхъ лѣсахъ дремучїихъ,
И тамъ отъ вѣтрышка хоть де́ревца шатаются
И до сырой земли древа̀ да приклоняются,
И хоть шумятъ эты листочики зелёныи,
И поютъ да тамъ вѣдь птички жалобнёшенько;
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится:
И во мхахъ да вѣдь вси звѣри поразвоются,
Оны Господу Бладыкѣ порозжалятся—
И я раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ,
И также я бѣдна горюша ростоскуюся;
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится.
И мнѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися?
И стать на горушки вѣдь мнѣ да на высокїи,
И выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью?
Идутъ облачка оны да потихошеньку,

И во туманѣ пече красно это солнышко,
И во печали я, горюша, во досадушкѣ;
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится,
И краснымъ солнышкомъ оно да не согрѣется.
И мнѣ пойти съ горя ко синему ко морюшку,
И мнѣ ко синему со славному Онегушку?
И буйны вѣтры въ чистомъ полѣ развѣваются,
И на сине́мъ морѣ вода да сколыбается,
И со желтымъ пескомъ вода да помутилася,
И круто бьетъ теперь волна да непомѣрная,
И она бьетъ круто во кру́той этотъ бе́режокъ,
И по камешкамъ волна да розсыпается;
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится;
И у меня тоска кручина порасходится
И на моемъ да на побѣдноемъ сердечушкѣ
И на безсчастноей на зяблоей утробушкѣ.
И постою, бѣдна, у си́ня славна морюшка,
И тутъ раздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И на роду̀ мнѣ-ка, горюшѣ, знать, уписано,
И на дѣлу̀ мнѣ-ка, горюшѣ, доставалося,
Ужъ какъ это зло великое безсчастьице:
И сиротать бѣдной кручинной мнѣ головушкѣ,
И унывать ходить ко си́ню, славну морюшку.
И тутъ я спомню, тепло-красно тебя солнышко,
И какъ волна да въ синемъ морѣ розшаталася,
И также ты, може, надёжная головушка,
И ты на ка́раблѣ въ синемъ морѣ шатаешься,
И бури — па́дары, надёженька, пугаешься;
И тутъ сердечушко мое да разгоряется,
Ужъ какъ сто́ячи на кру́томъ красномъ бе́режку,
Ужъ какъ гля́дячи на си́не славно морюшко,
И на этую погоду непомѣрную,
И на этую волну да страховитую.

И тутъ роздулаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
Ужъ какъ бѣднымъ солдатамъ мореходнымъ
И плотно-каменно ретливо на-бъ сердечушко
Да имъ издить въ синемъ славномъ этомъ морюшкѣ,
И какъ на этыихъ на чорныхъ большихъ ка́рабляхъ;
И какъ въ тую пору, горюша, въ тое времечко,
И стану Господа Владыку я упрашивать,
И все Святителю Миколѣ я молитися:
И укротись да сине славно это морюшко,
И успокойся-тко ретливое сердечушко.
Ой, тошнымъ да мнѣ, горюшицѣ, тошнёшенько;
И мнѣ куды съ горя, горюшѣ, подѣватися?
И впереди меня кручина не укатится,
И позади меня обида не останется,
И посторонь она злодийна не отша́тнется.

Къ народу: утромъ, на другой день.

И послушайте народъ да люди добрыи,
И вы приближнїи сусѣды спорядовыи!
И какъ сегоднышнимъ Господнимъ Божїимъ де́нечкомъ,
И было утрось съ позаранному по утрышку,
И все до раннеей зари да спорыданьица,
И до уныла соловьина воспѣваньица,
И у меня да у печальной у головушки,
И не приклонена въ сонъ буйна была го́лова,
И во всю тёмну ночь сердчё не успокоилось;
И какъ на этой на тесовой на кроваточкѣ,
И на унылой на пуховоей на перинушкѣ,
И на печальноемъ на складноемъ зголовьицѣ;
И хоть я со́—своей надежноей сдержавушкой,
И всю мы темну ночь, побѣдныи, продумали,
И всю осенну ночь безсчастныи проплакали;
И у меня да у кокоши горегорькоей,

И не спокоилось побѣдно ретливо̀ сердчѐ,
И разгорѣлась моя зяблая утробушка,
И говорило тепло-красно мнѣ-ка солнышко
И моя умная надежная сдержавушка:
«Уже слушай-ка, безсчастна молода̀ жена̀:
«И не давай тоски ретливому сердечушку,
«И, може, Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
«И какъ меня да златокрыла ясна со́кола,
«И отъ проклятой этой службы Государевой,
«И отъ злодiйныихъ полковъ да новобраныихъ.
И отвѣчаю я, побѣдная горюшица:
— И не жалѣй меня, кручинной ты головушки,
— И не ласкай меня прелестныма словечушкамъ,
— И не надiюся, побѣдна я головушка,
— Што воротишься отъ города Петровскаго,
— И ты на́свою родимую сторонушку,
— И ты во свой да домъ, крестьянскую во жирушку,
— И большакомъ да вѣдь по дому настоятелемъ,
— И управителемъ крестьянской да ты жирушки.
— И мнѣ-ка жаль—тошно, сдовольной бѣлой свѣтушко,
— И мое чувствуе побѣдно ретливо̀ сердчѐ,
— Какъ злодiйную великую незгодушку,
— Што разлука съ тобой, красное мое на́-золотѣ,
И спомятую я, кручинна все головушка,
И какъ жила да я съ законноей державушкой
И какъ ходила съ нимъ къ Владычнымъ Божiимъ праздничкамъ,
И завсегда была, горюша, веселёшенька,
И за стѣной жила, горюша, городо́вою;
И было честь—мѣсто вѣдь намъ да во большо̀мъ углу,
И была хлѣбъ-соль да вѣдь намъ за дубовы̀мъ столомъ,
И на насъ добрыи-то люди любовалися,
И какъ глядили на насъ родъ-племя любимое,
И примѣчали-то судьѝ да правосудныи,
И съ нама сдiяли вѣдь доброе здоровьице;

И чорны во́роны съ чиста поля не граяли,
И лиходѣи про горюшицу не баяли.
И какъ посли своей любимоей семеюшки,
И своей милоей скачоноей жемчужинки,
И отмѣню, бѣдна, Владычны Божіи праздничкн,
И я заброшу-то безсчастно цвѣтно платьице,
И безсчастную любимую покрутушку;
И какъ што сдіется надъ краснымъ моимъ солнышкомъ,
Я къ огню придамъ тесовую кроваточку,
И я безсчастную пуховую перинушку.
И кабы знали многи добры про то людушки:
И у меня да у печальной у головушки,
И какъ огнемъ горитъ ретливое сердечушко,
И какъ смолой кипитъ безсчастная утробушка;
И жаль тошнёшенько свѣщи да нетоплёноей;
И дорогой своей вербы̀ да золочоноей;
И мни сахарной жаль изюмной ягодиночки;
И я бы вѣкъ да съ нимъ, горюша, не разсталася,
И я съ своимъ да то великіимъ желаньицемъ,
И со своимъ да то великіимъ доброумьицемъ;
И кабы не было сердечныхъ у мня дѣтушекъ,
И той-бы не́—было великоей заботушки;
И я пойду да нонь, печальная головушка,
И я будить свою надёжную сдержавушку:
«Ты по выстань-ко любимая семеюшка,
«Ты со этой со те́совоей кроваточки,
«И ты съ безсчастной со пуховоей перинушки.
И пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И онъ послиднюю-то спалъ да теперь ноченьку,
И во своемъ домѣ, крестьянскоей во жирушкѣ;
И на моихъ да на безсчастныхъ бѣлыхъ рученькахъ;
И знать, не въ крѣпкой сонъ головушка приклонена,
И нынь по ранному теперечко по утрышку,
И буйной го́ловы, мой свѣтъ, да не подыметъ,
И отъ великоей кручины непомѣрноей:

И ушибатъ его тоскичушка несносная;
И жаль разстаться со родимой ему сто́роной,
И поставить-то ему да молоду̀ жену,
И какъ меня бѣдну горюшицу безсчастную,
И со сиротныма со малыма со дѣтушкамъ.

Къ мужу—рекруту:

Да ты слушай свѣтъ любимая семеюшка:
И какъ послѝ тебя, надежноей сдержавушки,
И постанусь я, печальная головушка,
И не вдовой да буду слыть—женой не мужнеей,
И я безсчастною солдаткой горегорькою;
И сироты будутъ солдацки мои дѣтушки,
И не обуты будутъ рѣзвы у ихъ ноженьки,
И не одѣты ихъ безсчастны будутъ плечушки:
И пріотпѣхнутъ-то желанны столько дядюшки
И отъ стола да ихъ безсчастныхъ отъ дубоваго;
И пріоткажутъ-то меня бѣдну горюшицу,
И все отъ доброй отъ крестьянской меня жирушки;
И тутъ студеноей холо́дной этой зимушкой,
И отпущу да я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ;
И межу дво́рамы, горюша я, шататися
И по подоконью ихъ, бѣдна, столыпатися;
И кладу на́—руку побѣднымъ бурлаченочко,
И на безсчастныи на плечушки шубёночку;
И отпущу да какъ побѣдна ихъ головушка,
И удолять стане великая кручинушка;
И прогляжу, бѣдна, въ косѣвчато окошечко,
И на безсчастныихъ на малыихъ на дѣтушекъ;
И по раздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ,
И столько пустятъ-ли ихъ добрыи тамъ людушки,
И во хоромное ихъ пустятъ-ли строеньице,
И обогрїютъ-ли безсчастно ретливо̀ сердчѐ

И сиротъ малыихъ моихъ да безпріютныихъ;
И хоть ихъ о́бранятъ, безсчастныхъ, обругаютъ,
И у меня жъ да у побѣдной у горюшицы,
И на три рядъ моя утроба перетрескае;
И хоть дождусь, бѣдна кручинна, я головушка,
И со пути идутъ безсчастны мои дѣтушки,
И со дороженьки оны да все холодныи;
И хоть тамъ при́дутъ въ домъ хоромное строеньице,
И оны сядутъ-то о дверной бѣдной у́голокъ,
И ростоскуются, безсчастны, поросплачутся,
И говорить станутъ побѣдной мнѣ головушкѣ:
«Што позябли крѣпко рѣзвы наши ноженьки,
«Што дрожитъ наше ретливое сердечушко;
И такъ съ кусочками я буду разбиратися,
И слезами я, горюша обливатися,
И прижимать стану къ безсчастноей утробушкѣ,
И я своихъ милыхъ безсчастныхъ своихъ дѣтушекъ,
И причитать буду, горюшица, я причетью:
«Ой, безсчастныи сердечны мои дѣтушки,
«И безталанна, бѣдна мать да горегорькая;
«И какъ-бы при́-доми родитель былъ-бы батюшко,
«И дорога́ была, надёжная сдержавушка,
«И не сиро̂тали бъ вы горькіи сироточки,
«И не зябли́ бы отъ снѣжку да ножки рѣзвыи,
«И отъ морозушку утроба бы не трескала,
«И отъ вѣтрышка личе не подвѣвало бы,
«И насъ великая тоска не удоляла бы.
И какъ свезутъ да тебя, красно мое солнышко,
И ко злодійному ко городу Петровскому,
И буде, во́змутъ тамъ во службу государеву,
И обмунде́ря васъ въ мундеры суконъ сѣрыихъ—
И не въ милое, солдацко это платьице,
И вамъ по выдадутъ оружьица военныи;
И тутъ схожу да я во уличку рядовую,
И тамъ возму да я бумаженьку гербовую,

И повзыцу да писаревъ тамъ хитромудрыихъ,
И тутъ спишу твое солдацко бѣло личушко,
И на патретъ твою покруту нелюбимую,
Я мундеръ спишу, горюша, суконъ сѣрыихъ,
И твои ясныи спишу, да бѣдна, очушки,
И тутъ солдацкое спишу да нареченьице;
И я свезу этотъ патретъ да все бумаженьку,
И на свою да на родиму я сторонушку,
На погляженьице сердечнымъ своимъ дѣчушкамъ,
И имъ на память-то родителя вѣдь батюшка;
И станутъ дѣтушки по комнаты похаживать,
И безсчастну меня матушку выспрашивать:
«И ты послушай-ко, родитель—наша матушка,
«И уже гдѣ наше великое желаньице,
«И гдѣ родитель-отъ вѣдь нашъ, да гдѣ е батюшко?
И у меня жъ тутъ у печальной у головушки
И тутъ великая обида порасходится,
И я схожу да въ мелкорубленую клѣточку,
И я во свѣтлую схожу да съ горя свѣтлицу,
И отомну съ горя ларци да окованыи,
Я повыну тутъ патретъ да бѣло личушко,
И принесу да ко сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ:
— И вы глядите, бѣдны дѣти, памятите-тко,
— И какъ на свбего родителя на батюшка;
— И тутъ великое сердечное вамъ желаньице,
— И какó да на родителѣ е платьице,
— И какъ сокрýченъ-то, безсчастной, обмундеренъ,
— И какъ подтянуто солдацкое сердечушко,
— И призастегнуты тутъ пуговки фрунтовыи,
— И тутъ повыданы оружьица пудовыи:
— И столько тутъ его участки деревенскіи,
— У вашего родителя у батюшка!
И какъ въ походъ его безсчастна снаряжала,
И онъ подàлъ мнѣ-ка патретъ да личе бѣлое,
И наказалъ мнѣ-ка, горюшѣ, уговаривалъ:

И тутъ надїюшка съ сердечныма со дѣтушкамъ,
И тутъ сердечное велико вамъ желаньице,
И тутъ великое вѣдь вамъ да доброумьице:
И оставляю я побѣдной молодой жены,
Я до возрасту безсчастной до дѣтинаго,
И тутъ довольны беззаботны тебѣ хлѣбушки,
Со сердечныма роженыма со дѣтушкамь,
И тутъ обуточка видь вамъ да и надѣточка:
И теби—ту́тъ бѣдной любимыи подарочки,
И тутъ Бладычнїи тебѣ да Божїи праздпички;
И тебѣ тутъ бѣдной, горюшѣ, угощеньице,
И на великое тобѣ да погляженьыце;
И ты весь день держи на бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
И да ты въ ночь клади къ ретливому сердечушку,
И да ты по́дъ-утро ко блеклому ко личушку,
И ты патретъ клади да бѣло мое личушко;
И наликуешься, горюша натоскуешься,
И ты горючима слезама прїобо́льешься,
И не забудешь ты безсчастна добра мо́лодца,
И свою милую надёжную сдержавушку;
И хоть я при́няла, побѣдная головушка,
И я патретъ да это бѣло его личушко,
И тутъ я пала вѣдь, горюша, о сыру землю,
И я не видла тутъ, горюша, свѣту бѣлаго;
И да я клубышкомъ, горюшица, каталася,
И я червышкомъ, побѣдная, свивалася;
И я не знала-то, побѣдная головушка,
И какъ съ сырой земли, горюша, подымалася,
И какъ съ надёженькой, побѣдна, разставалася;
И сговорила тутъ единое словечушко:
И лучше мать сыра земля да разступилась бы,
И ужъ бы я туды, побѣдна, прїукрылась бы,
И тутъ утробушка моя не обмерала бы,
И тутъ сердечушко мое не разрывалось бы
И моя милая надежная головушка,

И тепло-красное миженьско мое солнышко,
И онъ тутъ бѣлыма то ручкама помахивалъ,
И онъ головушкой вѣдь мнѣ да все покачивалъ,
И онъ на память мнѣ словечушка наказывалъ,
И какъ жива эта разлука пуще мертвой:
И я бы лучше вѣдь, кокоша горегорькая,
И отпустила бъ его въ матушку сыру землю,
И чимъ во эту въ злодій—службу Государеву;
Я бы знала вѣдь, печальная головушка,
Гдѣ положена законная сдержавушка,
И я бъ поставила тамъ крестъ животворящій;
Я бы по́-часту, горюшица, учащивала,
Я бы по́-долгу, горюшица, усѣживала
И съ соболѣзныма съ сердечныма со дѣтушкамъ,
И у своей да у надёжной у сдержавушки,
И я у сво́его миженьска красна солнышка.

Къ сосѣдямъ и роднымъ:

Поглядите-тко народъ да люди добрыи,
И вы милыи сусѣди спорядовыи,
И вси сродчи вы теперь да мои сроднички!
И какова эта разлукушка великая,
И мнѣ со милоей съ надежноей сдержавушкой:
Охти мни—мнѣ-ка, горюшицѣ, тошнёшенько!
И столько третей хоть учётной долгой годышекъ,
И я жила да за моей милой любимоей семеюшкой;
И была умная скачоная жемчужинка,
Все разумная надежная головушка;
Я вѣдь пьянаго, горюша, не видала,
Я хмѣльно́го у воротъ да не встрѣчала;
И я грубнаго словечка не слыхивала,
И я страсти вѣдь обиды не принимывала;
И я богатого сусѣда не боялася,

И маломошпоей сусѣдкѣ не корилася;
Мнѣ-ка уличка ходить была—широкая,
И путь—дороженька была мнѣ—ка торнёшенька;
Мнѣ поклонъ да былъ отъ добрыихъ отъ людушекъ,
И мнѣ почётъ да былъ отъ мужніихъ отъ женушекъ;
И столько на три, знать, учётныхъ малыхъ годышка
И мни талану-то вѣдь было столько участи:
И какъ жила я за любимоей семеюшкой,
И какъ въ гостяхъ, бѣдна горюшица, гостила,
И быдто сыръ въ маслѣ, горюшица, каталася,
И какъ скачонъ жемчугъ, горюша, разсыпалася;
И три годышка прошли да не видаютца:
И знать, таланъ да мою участь-то великую,
И добры людушки таланъ да пріоббаяли,
И чорны во́роны вѣдь участь пріограяли,
И деревенскіи собаки пріоблаяли;
И столько мнѣ-ко-ва, кручинноей головушкѣ,
И супроти́въ мнѣ-ка любимоей семеюшки,
И не прибрать да мнѣ, горюшицѣ, вѣдь не́—видать,
И не изъ милыихъ сусѣдей спорядовыихъ.
И не—въ роду́ мнѣ-ка, горюшицѣ, не въ племени,
И мни не возрастомъ, горюшицѣ, не волосомъ,
И не по бѣ́лу молодецкому по личушку,
И не по жолтыимъ завивныимъ кудерышкамъ,
И не учливой цвяковитой поговорюшкой.
И ни гдѣ нѣту-то вѣдь талоей талиночки,
И не въ комъ нѣту мнѣ великаго желаньица:
И какъ моя да свѣтъ любимая семеюшка,
И какъ во эту службу со́йде Государеву,
И во безсчастныи солдатушки походныи,
И ихъ тамъ вышлютъ на сраженьицс великое,
И воевать да со злодїемъ непрїятелемъ;
И походить ставутъ солдатушки безсчастныи,
И понесутъ да оны ружья завоенныи;
Што оружьица вѣдь ихъ да были бъ справлены,

И поскорёшеньку у ихъ да занаряжены:
И тутъ вѣдь крестъ кладутъ солдаты по писаному,
И исповѣдь даютъ попу отцу духовному,
И оны выйдутъ во раздольице въ чисто̀ поле,
И тутъ поклонятся на всѣ па три сторонушки,
И сговорятъ бѣдны солдатушки безсчастныи:
«И ты прости да насъ Русїя подселенная,
«И ты прости да насъ се-свѣтное живленьице,
«И ты родимая прости да насъ сторонушка;
«Издали да вы простите бѣдны жонушки,
«И сироты̀, бѣдны, простите малы дѣтушки;
И столько нé-вѣсто вѣдь, свѣты, не вѣстёшенько,
И все кому да—буде нá—бою Божья́ милость,
И кого Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
И онъ на стра̀сти, на сраженїи на великоемъ;
И хто живой да со войны-то ворочается;
И не могу да знать, кокоша горегорькая,
И столько судитъ ли Владыка мнѣ-ка милосливой,
Што видать милу надёжную головушку,
И тепло-красное видать ли мнѣ-ка солнышко.
И все ни гдѣ да нѣту талоей талиночки,
И не въ комъ нѣту мни великаго желаньица.

Къ мужу—рекуту:

И ты послушай, свѣтъ—надёжная головушка,
И какъ послѐ да тебя, красно мое солнышко,
И поостануся, горюша молодёшенька,
И на словахъ да я, безсчастна, суровёшенька,
И на ричахъ да я, побѣднушка, спѣсивая;
И ты придай да ума разума въ головушку,
И размышленьица въ безсчастно, ретливо̀ сердчѐ:
Ужъ какъ въ нынѣшни года да въ это времечко,
Буде какъ мнѣ-ка горюша сохранятися;

И безъ тебя да безъ надёжноей головушки,
И пройде сло́вечко про бѣдну вѣдь несносное,
И по-пусту́ да въ полѣ вѣтрышки навїются,
И по-напрасну чорны во́роны награются,
И добры люди про безсчастную набаются;
И скажутъ вольная солдатка самовольная,
И уже такъ эта солдатка сбаловалася,
И прозабыла, знать, надёжную головушку,
И тепло-красное миженьско свое солнышко.
И еще слушай ты, любимая семеюшка,
И сожалѣю я, горюша горегорькая,
И все тебя, столько скачоную жемчужинку.
И хоть ты будешь тамъ во службѣ Государевой,
И може, буде тебѣ вольна столько волюшка,
И слободная пора да тебѣ времечко:
И напиши да скорописчатую грамотку,
И ты ко мнѣ пиши къ кручинноей головушкѣ,
И въ кою по́ру на сраженьице сбираетесь,
И когда воины въ поли̂ будутъ съѣзжатися,
И когда вороны въ чистомъ полѣ слетатися;
И упиши да мнѣ, надежная головушка,
И въ тую пору я горюша, въ тое времячко,
И заложу свою любимую покрутушку,
И наживу да золотой казны безсчётноей,
И я куплю свѣщи, горюшица, рублевыи,
И пелены кладу, горюшица шолковыи,
Я Пречистой Пресвятой да Богородицѣ;
Я возму своихъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И тутъ мы сходимъ-то къ попу отцу духовному,—
И мы попросимъ-то служителя церковнаго -
И мы во эту Божью церковь посвященную;
И буду Господу Бладыкѣ я молитися,
И штобъ Господи Бладыко свѣтъ помиловалъ,
И тобя милую надёжную головушку,
И отъ злодїевъ бы тебя да непрїятелей,

И на войны тебя, надежу, на сраженьицѣ,
И не далъ Господи смерётушки напрасной бы—
И што бъ синее-то море укротилося,
И ужъ какъ этая война да уходилась бы;
И возвратился бы, надежная головушка,
И ты съ злодійной бы со службы Государевой,
И на одну хоть на гостину бы недѣлюшку,
И засмотрѣлъ своихъ сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И сироту меня, горюшу безпрїютную.

Къ братьямъ роднымъ: падаетъ въ ноги и проситъ:

И вы послушайте сродчи-милы сроднички,
И вы милы, свѣтушки̊, братцы родимыи,
Да што я скажу, кручинная головушка:
И сиротать будутъ сердечны мои дѣтушки,
И вы Господа-то Бога хоть побойтесь-ко,
И не заприте-тко новыхъ сѣней рѣшотчатыхъ,
И не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ,
И не пугайтесь, свѣты-братцы, не чужайтесь-ко,
И допустите-тко сердечныхъ моихъ дѣтушекъ—
И ужъ вы въ домъ да во крестьянскую во жирушку,
Хоть хлѣбомъ-солью вы безсчастныхъ не кормите-тко,
И со пути да ихъ дорожки обогрѣйте-тко,
И обогрѣйте у безсчастныхъ ретливо̊ сердче́,
И прихраните-тко отъ темной ихъ отъ ноченьки,
И приголубьте-тко безсчастныхъ моихъ дѣтушекъ,
И взвеселите мою зяблую утробушку;
И не убойтесь-ко великаго безсчастьица,
И вы злодійнаго велика безталаньица:

Къ мужу рекруту:

И ты послушай-ко, любимая семеюшка:
И какъ посли̊ тебя надёжноей сдержавушки,

И раззорится домъ крестьянска наша жирушка,
И разрѣшетится хоромное строеньице;
И ужъ какъ мнѣ-ко-ва кручинноей головушкѣ,
И тосковать буде, горюшицѣ, вѣкъ пó-вѣку,
И столько рóстячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И безъ тебя да безъ надежноей сдержавушки,
И на-бъ головушка держать да мни поклонная,
И мни сердечушко держать да вѣдь покорное,
И всимъ вѣдь милымъ, спорядовыимъ сусѣдушкамъ,
И не обидѣли бъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ.
И хоть тамъ прйдутъ-то сердечны малы дѣтушки,
И со широкоей придỳтъ оны со улички,
И порасплачутся, безсчастны, поразжалятся,
И мни побѣдноей безсчастноей родной матушкѣ,
И што сусѣди-то вѣдь ихъ да напинаются;
И говорить стану кручинная головушка:
Ой, безсчастныи вы дѣти, не таланныи;
И ужъ вы жалобы вѣдь мни не приносите-тко;
И знаю-вѣдаю, кручинна я головушка,
И мое тáкъ ное ретливое сердечушко,
И на васъ глядячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И вы послушайте, безсчастны—не таланныи:
И какъ вы пóйдете на шúроку на уличку,
И тамъ вамъ уличка ходить да не широкая,
И путь-дороженька, безсчастнымъ, не торнёшенька,
И вамъ безъ спацлива родителя безъ батюшка;
И былъ бы спáцливой родитель да вашъ батюшко,
И вы бы пó-міру, дѣтй, да не таскалися,
И межъ дворама вы, безсчастны, не шаталися,
И добры людушки вѣдь васъ да не пихали бы,
И намъ довольны беззаботны были бъ хлѣбушки,
И засвоимъ да мы сидили бъ дубовымъ столомъ,
И вы обутыи вѣдь были бы, одѣтыи—
И мы бы ростили дитей, да красовалися:
И столько Богъ судилъ талану да вамъ участи;

И столько слы́вете, сердечны мои дѣтушки,
И вы на уличкѣ, побѣдныи, дурливыи,
И во избы, да малы дити, хлопотливыи,
И не умныи вы дѣти—самовольныи.
И какъ на васъ, мои сердечны милы дѣтушки,
И середи да тепла краснаго хоть лѣтышка,
И жа̀лко-жа́лобно печетъ да красно солнышко;
И посторонь пече на добрыхъ оно людушекъ,
И не насъ да на печальныихъ головушекъ;
И не свѣти́тъ нынь на горюшицу свѣтёлъ мѣсяцъ.
Ужъ какъ жить буде печальной мни головушкѣ
И безъ своей да безъ надежноей сдержавушки:
И ужъ какъ зла эта великая обидушка
И кругъ меня, злодій, она да обвивается,
И за сердечушко, злодій, она хватается,
И съ того умъ-разумъ въ головушкѣ мѣшается
И мни-ка гди, бѣдной горюшѣ, взвеселитися,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И хотя жъ при́ду я во свѣтлую во свѣтлицу,
Я сгляну да вѣдь, побѣдная головушка,
И на пустылую тесовую кроваточку,
И на унылую пуховую перинушку;
Я сгляну еще, печальная головушка,
Я по стопочкамъ сгляну да по точоныимъ,
Я по стѣнушкамъ сгляну да по лицовыимъ;
И нѣтъ на стопочкахъ вѣдь цвѣтна его платьица,
И молодецкоей снарядной нѣтъ покрутушки;
И съ горя не́—мила крестьянска эта жирушка,
И мнѣ-ка не́—люба пустыла эта свѣтлица;
И безъ своей да безъ надежноей сдержавушки,
И какъ пустымъ вездѣ теперечко пустёшенько;
И тутъ вѣдь со́вьется великая тоскичушка
И на моемъ да на безсчастноемъ сердечушкѣ,
И на моей да все на зяблоей утробушкѣ.
И нынь роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ,

И мнѣ-ка гди бѣдной горюшѣ взвеселитися,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И съ горя брошуся, печальная головушка,
И я во дворъ съ горя къ любимоей скотинушкѣ;
И во дворы̀ тутъ у любимоей скотинушки,
И не роздіешь тутъ великоей кручинушки;
И тутъ сердечушко мое не взвеселяется,
И тутъ обидушка моя да неуходится,
И еще пуще тутъ тоска да разгоряется.
И нынь роздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ,
И мни-ка гди, бѣдной горюшѣ, взвеселитися,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И брошусь съ горя я на ши́року на уличку,
И со досады на крылечико перёное;
И тутъ подумаю побѣднымъ умомъ-разумомъ,
Што на уличкѣ кручина пріуходится,
И на крылечикѣ обида пріостанется;
Погляжу на всѣ на три-четыре на сторонушки,
И выше лѣсушку сгляну я по поднебесью,
И откуль идутъ да эты облачки ходячіи,
И откуль вѣтрышки-то вѣютъ по легошеньку,
Изъ подлѣтной ли то вѣютъ со сторонушки,
И скоро ль и́дутъ эты облачки ходячіи,
Издалѝ да изъ подзападной сторонушки;
И въ коей сто́ронѣ страженье подымается,
И гди война-та вѣдь теперь да начинается;
И тутъ сердечушко мое не взвесселяется,
И буйна го́лова моя да сокрушается,
И еще пуще тутъ обида разгоряется.
И я сгляну еще, печальная головушка,
И я на милыхъ спорядовыихъ сусѣдушекъ:
И какъ съ мужьямы-то оны ходя красуются;
И скрозь туманъ гляжу, горюша, скрозь обидушку,
И во слезахъ, бѣдна горюша, во великіихъ,
И не могу признать вѣдь съ го́ря добрыхъ людушекъ,

И со обидушки спорядныихъ сусѣдушекъ,
И призаплачу я безсчастны свои очушки
И пріотру свое побѣдно бѣло личушко.
И нынь роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И мни-ка гди, бѣдной горюшѣ, взвеселитися,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И взадъ пойду да я съ крылечика перёнаго,
И ворочусь да въ домъ крестьянску я во жирушку,
И я сгляну да на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ:
И малы дѣтушки кругомъ—около обхаживаютъ,
И на меня бѣдну горюшицу посматриваютъ,
И оны съ глупости меня да разговариваютъ,
И восликаютъ-то безсчастну оны матушку:
«Гди была жъ, наша родитель—родна матушка,
«Што заплакала вѣдь ясны свои очушки,
«И ты на радости-ль, родитель, на весельицѣ?
И съ горя сгрýстнусь на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И отоплю ихъ отъ безсчастныхъ своихъ рученекъ;
— И вы отстаньте-тко безсчастны малы дѣтушки,
— И отъ меня да отъ печальной отъ головушки,
— И уже такъ мнѣ-ка, горюшицѣ, тошнёшенько:
— И я вѣдь спомнила, печальная головушка,
— И я вѣдь вашего родителя-то батюшка,
— И свою милую любимую семеюшку;
— И кабы знали вы сердечны милы дѣтушки,
— И про мое да про безсчастно розставаньице,
— И про горючее про слезно обливаньице;
— И поосталась отъ надежной какъ головушки,
— Я со стадушкомъ осталась со дѣтиныимъ—
— И не на радость вы мнѣ, дѣти, на весельице,
— И да вы нá-тоску, горюшѣ, на великую.
И сговорятъ еще безсчастны малы дѣтушки,
Все выспрашиваютъ печальную головушку:
«И ты скажи да намъ, родитель—наша матушка:
«И куды шолъ да все родитель родной батюшко,

«Онъ въ охотну ль шолъ бурлацкую роботушку?
И лучше дѣтушки того не говорили бы,
И сердечушко мое да не знобили бы,
И мнѣ-ка такъ бѣдной горюшицѣ тошнёшенько:
Какъ отпущена, надёжная головушка,
И во злодійну грозну службу Государеву,
И какъ бы не было рожоныхъ васъ вѣдь дѣтушекъ,
И по походушкамъ съ надежей я скиталась бы,
И мы бы за̀-обче съ надёжей горевали бы,
И кои счастливы вѣдь матери—таланныи,
И не живутъ да вѣдь сердечны у ихъ дѣтушки:
И какъ по моему велику безталаньицу,
И ужъ вы на̀-горе дѣти́ да зародилися;
И какъ у васъ да безъ родителя безъ батюшка,
И безсчастны будутъ ножки не обутыи,
И безталанны будутъ плеча не одѣтыи;
И знать, для васъ да для безсчастныихъ головушекъ,
И видно, на́-поли теперечно не ро́дится,
И не—доросъ да все довольнымъ этымъ хлѣбушкамъ:
И какъ роздумаюсь побѣднымъ умомъ разумомъ,
И не убавится обидушки—прибавится:
И мнѣ куды, бѣдной горюшѣ, подѣватися
И наживать да гдѣ довольны эты хлѣбушки;
И мни задаться хоть крестьянину богатому,
И мнѣ во лѣтны хоть, горюшѣ, во работнички,
И мнѣ во зимныи, горюшѣ, во коровнички,
И столько ро̀стить васъ сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ—
И меня грусть возме—великая обидушка:
И когда прежъ сего до этой поры времечки
И при своей жила надежноей сдержавушкѣ,
И я заботушки въ головушкѣ не-и́мала,
И я богатому сусѣду не корилася;
И въ чистомъ полѣ буйна вѣтра не слыхала я,
И я не знала все, печальная головушка,
И какъ шатаются въ темномъ лѣсѣ деревиночки,

Што разшумятся ль зеленыи листочики;
И нонь узнала я горюшица провѣдала:
И буйны вѣтрышки теперь да розвѣваются;
И приминяюсь я побѣдная горюшица,
И я ко этой ко шатучей деревинокѣ,
И какъ ко этоей ко горькой я осиночкѣ;
И также я, бѣдна кручинная головушка,
И все безъ своей безъ надежной сдержавушки,
И безъ своей милой любимоей семеюшки:
И точно деревцо въ лисяхъ быдто шатучее;
И приминилася, побѣдпа я головушка,
Я къ подсушной въ темномъ лѣсѣ деревиночкѣ:
И какъ вѣдь деревцо въ лисяхъ-то подсыхаетъ,
И такъ сердечушко мое да сокрушается,
И какъ зелёныи листочки розшумляются,
И такъ злодійная кручинушка расходится
И на моей да все на зяблоей утробушкѣ.
И нынь роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И мнѣ-ка гди бѣдной горюшѣ взвеселитися,
И пороздіять гдѣ великая кручинушка?
И мнѣ къ сусѣдушкамъ итти ли спорядовымъ,
И на роздій итти великой мнѣ обидушки?
И когда прежъ сего до этой поры времечки,
И была прй—доми надёжна какъ головушка,
И вси милы спорядовыи сусѣдушки,
И не боялися меня, не опасалися,
И оны нá-рѣчи съ горюшицей ставалися,
И въ разговоръ оны съ побѣднушкой сдавалися,
И оны думали вѣдь крѣпку со мной думушку,
И топерь нонѣчи отрекнулися вѣдь добры эты людушки,
И откачнулись честны мужни молоды жоны,
И отъ меня да отъ печальной отъ головушки;
И убоялися великаго безсчастьица,
И ужъ какъ этого злодійна безталаньица;
И на стрѣтушку со мной да не стрѣтаются,

И со мной на́-рѣчи съ побѣднушкой не ставятся,
И въ разговоръ со мной побѣдной не сдаваются:
И я не знаю-то, горюшица, не вѣдаю,
И какъ жить теперь на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ —
И мни безъ милоей любимоей семеюшки:
И безъ своей да безъ надежноей сдержавушки
И на-бъ смиреньице держать да все со кротостью,
И на-бъ по уличкѣ ходить бѣдной тихошенько,
И буйна го́лова носить надо низёшенько,
И на-бъ сердечушко держать да все покорное
И мнѣ-ка милымъ спорядовымъ сусѣдушкамъ,
И штобы буйны эты вѣтры не навѣялись,
И понапрасну добры люди не набаялись,
Што вѣдь вольная солдатка самовольная,
И молодёшенька осталась суровёшенька;
И у меня тутъ у печальной у головушки
И на три рядъ мое сердечко прирострескае,
И на четыре рядъ утроба перелопае.
И нынь роздумаюсь безчастнымъ своимъ разумомъ,
И мни-ка гди бѣдной горюшѣ взвеселитися,
И по роздѣять гдѣ великая кручинушка:
И мнѣ у свѣтушковъ ли братцевъ богоданыихъ—
И во своемъ домѣ—крестьянскоей во жирушкѣ?
И хотя жъ у́мны свѣты братцы богоданыи,
И столько во́—время оны да поросходятся,
И на меня бѣдну горюшу порозроются,
И станутъ и́скоса вѣдь братьица поглядывать,
И станутъ и́зрыхла побѣдной поговаривать;
И у меня-жъ да у печальной у головушки,
И съ ихныхъ словъ да у горюши не веселыихъ,
И призакатится катучій бѣлый ка́мешокъ,
И на мое да на безсчастное сердечушко
И пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И мнѣ-ка гдѣ бѣдной горюшѣ взвеселитися,
И пороздѣять гдѣ великая кручинушка?

И знаю-вѣдаю, кокоша горегорькая,
И ни гдѣ нѣту-то вѣдь такоей талиночки,
И ни въ комъ нѣту-то великаго желаньица:
Ой, не дай-же Боже Господи,
И на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ,
И поостаться отъ надежныихъ головушекъ
И безсчастныимъ жена̀мъ да молодешенькимъ!
Я пойду да въ Божью церковь посвященную,
И помолюсь да я Богу отъ желаньица,
И я Бладыкѣ помолюсь да со усердіемъ;
И ужъ я ставлю тамъ свѣщи да все рублевыи,
И я кладу да пелены-то вѣдь шелковыи—
И я Пречистой Пресвятой да Богородицы,
Штобы Господи Бладыко свѣтъ помиловалъ,
И Пресвятая мать Богородица засту́пилась,
И утолили бы печаль не утолимую—
И угасили бы тоску не угасимую—
И на моемъ да на безсчастномъ ретливо̀мъ сердчѣ
И все на зяблой, на безсчастноей утробушкѣ.
И тутъ головушка моя да взвеселяется,
И кручинушка моя да утишается
И тутъ злодій—эта обида поуходится.
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И для чего жъ да Божїи церквы-то вѣдь строятся,
И для чего жъ да попы отцы духовные вѣдь ставятся?
Ужъ какъ Божіи-то церквы—гля мо̀ленья
И гля—нашихъ душъ грѣшныхъ—спа́сенья;
И какъ попы отцы духовные—для слу́женья;
И што бы мы попамъ-отцамъ покаялися
И мы во Божїи бы церквы да ходили,
И мы поповъ-отцевъ духовныхъ бы просили,
И мы молебенки за ду́-друга служили бы.
И мы живемъ да точно—гуси заблудящїи;
И какъ за наше, знать, велико прегрѣшенїе,
И понапрасное живетъ да кроволитье,

И отъ злодїевъ-то теперь да непрїятелей,
И отъ нашїихъ живетъ да христїянушковъ.

Къ народу: сусѣдка, у которой мужъ въ солдатахъ:

Вы послушайте народъ да люди добрыи,
И вси приближни спорядовыи сусѣдушки,
И да што я скажу, побѣдная головушка,
И какъ была да въ эвтомъ городѣ Петровскоемъ,
И разставалась какъ съ любимоей семеюшкой:
И какъ жива̀ эта разлука пуще мертвой—
И разставаньице—съ солдатомъ новобранымъ
Съ своей милоей надежноей сдержавушкой.
И не опомнюсь я, горюша, не опа̀мятусь,
И какъ простилася, побѣдна, порозсталася;
И тутъ вѣдь о́бмерло ретливое сердечушко,
И тутъ я пала вѣдь, горюша, о сыру землю.
И спамячу̀ его ласко́выи словечушка,
И онъ наказывалъ, побѣдну уговаривалъ:
«И ты живи, бѣдна горюша-молода́ жена,
«И ты со мо́има-то братьицамъ родимымъ;
«И да ты рости-ко сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
«И роботӑй да ты крестьянскую роботушку,
«И ты не впа́дайся въ веселыя гульбищечка,
«И отмѣни, бѣдна, Владычни Божїи праздничка;
«И хотя жъ по́йдешь ты, печальная головушка,
«И по Владычнымъ, горюшица, по праздничкамъ
«И не убавишь ты кручинушки прибавишься;
«И вѣдь родъ племя теперечко отступится,
«И сродчи—сроднички вѣдь нынь да прїотрекнутся,
«И отъ тобя вси отъ побѣдной отъ головушки,
«И все по прежнему не будетъ вѣдь почтеньица,
«И все любимаго тебѣ да угощеньица.
И тутъ я въ умъ взошла, кручинная головушка,

И тутъ повыстала отъ матушки сырой земли;
И голова да у горюшицы скружилася;
И тутъ смахнула я безсчастны свои рученьки,
И крѣпко за́жала ретливое сердечушко:
«Уже ой да мнѣ-ка, свѣтушки, тошнёшенько,
«И мнѣ-ка жаль—тошно̀ надежноей головушки—
«И потеряла бѣлой свѣтъ да изъ ясныхъ очей;
И тутъ не-ви́дла я, кокоша горегорькая,
И во ко̀ю пошли солдатушки сторонушку,
И какъ въ котору путь широкую дороженьку:
И я въ горя̀хъ, бѣдна горюшица, не знала,
И во слезахъ да я побѣдна не видала.
И пригодилися вѣдь добры да тутъ людушки,
И сговорили мнѣ кручинноей головушкѣ:
«И ты одумайся горюша, пріочуствуйся,
«И да ты по́гляди въ подзападну сторонушку,
«И ты на тую путь широкую дороженьку,
«И какъ идутъ бѣдны солдатушки походныи
«И поглядѝ сзадѝ, кручинна ты головушка,
«И на плечахъ да вѣдь ранчи у нихъ потряхаютъ,
И тутъ головушкой, идутъ бѣдны—покачиваютъ
И нѣтъ солдатушкамъ вѣдь вольной этой волюшки,
Имъ сглянуть да на путь ши́року дороженьку,
И на безсчастныхъ сглянуть да молодыихъ женъ;
И не посмїютъ оны взадъ обворотитися,
И не посмїютъ снять вѣдь ки́веровъ солдацкїихъ,
И со безсчастной со солдацкой буйной го́ловы;
И унывать да ихъ бурлацкое сердечушко,
И обмерать да ихъ солдацкая утробушка;
И имъ вѣдь жаль-тошно̀ родимой своей сто́роны,
И потошнїе жаль сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И на умѣ держатъ безсчастныхъ молодыихъ женъ;
И какъ идутъ да тамъ побѣдныи содатушки,
И какъ не видятъ въ слезахъ широкой дороженьки,
И во кручинушкахъ не видятъ свѣту бѣлаго;

И оны такъ идутъ безсчастныи, тоскуютъ;
И тутъ бы не́— несли солдатовъ ножки рѣзвыи,
И позади у ихъ идутъ да провожатели,
И говорятъ да все солдатушкамъ походнымъ:
«И вы идите-тко, солдатушки, не мѣшкайте,
«И ускоряйте путь широкую дороженьку,
«И разставайтесь вы скорѣй да съ молодымъ женамъ,
«И вы прощайтесь-ко теперь да съ своей сто́роной,
И ужъ какъ этыихъ солдатушковъ походныихъ
И удолять стане великая кручинушка,
И хоть не пьяны—путемъ идутъ, все шатаются,
И не глядятъ да на свѣтъ ясны у ихъ очушки;
И тутъ остались мы безсчастны молоды̀ жо́ны
И на пути да мы остались на дороженькѣ,
И на прогулушкѣ на ши́рокой на уличкѣ,
И по сырой землѣ, побѣдныи, катаемся,
И слезно плачемъ мы, горюши, причитаемъ,
И столько не́ вѣсто на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ,
И столько судитъ ли Бладыко многомилостливъ
И увидать да намъ, надежныимъ головушкамъ,
И ужъ какъ этыихъ солдатушковъ безсчастныихъ
И да имъ дальняя путь ши́рока дороженька,
И далеко бѣдны солдаты отсылаются—
И на синё море оны да отправляются;
И потеряшечку, горюши, потеряли мы,
И оброночку, горюши, обронили вѣдь,
Потеряшечку, горюши, во пятьсотъ рублей,
И мы оброночку, побѣдны, въ цѣлу тысячу:
И не дай Господи на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ—
И не радїю я безсчастная головушка—
И столько многимъ я горюша, людямъ добрыимъ
И ужъ какъ--этого злодїйна разставаньица,
И што горючима слезама обливаньица.
И намъ не дали-то судьи неправосудныи
И розставаться столько времечки на два̀ часа;

И постоять да намъ побѣднымъ подумать—
И посовѣтовать съ любимыма семеюшкамъ;
И какъ лучиночку скорёшенько сломили,
И такъ въ походъ бѣдныхъ солдатовъ снарядили.

Къ дѣтямъ:

И вы послушайте, безсчастны малы дѣтушки:
И какъ отпущенъ-то родитель да вашъ батюшко.
И онъ въ дальную въ путь-широку дороженьку,
И онъ въ злодійну эту службу Государеву;
И не дождаться вамъ сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ,
И не гостюшкомъ его да не любимыимъ;
И не видать да вамъ сердечныихъ гостиничекъ,
И вамъ на праздничекъ сердечныихъ подарочекъ;
И не пріиде-то родитель да вашъ батюшко
И во свой домъ да онъ крестьянскую во жирушку;
И укатилось миженьско ваше солнышко—
И за горушки оно да за высокіи
И за мхи да оно, красное, дыбучіи,
И за лѣсушка оно да за дремучіи;
И не буде вамъ великаго желаньица,
И не ласко́выихъ прелестныихъ словечушекъ,
И подрожитъ ваше ретливое сердечушко,
И позябётъ да ваша зяблая утробушка.
Ой, безсчастны вы дѣти не таланныи!
И не дай Господи на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ—
И воспитатися безсчастнымъ малымъ дѣтушкамъ
И безъ своего родителя безъ батюшка!

Къ народу жена:

Вы послушайте—народъ да люди добрыи,
И вси милыи сусѣди спорядовыи!

Я бы знала вѣдь, горюша, про то вѣдала,
Што разлукушка со краснымъ приде солнышкомъ,
И што возмутъ да вѣдь надёжную головушку,
И во злодийную во службу Государеву
И я работушки бъ, горюша, не работала,
И все смотрѣла бъ на надежную головушку,
И ему впрямь точно печально въ бѣло личушко,
И ему въ точь, бѣдна горюша, во яснỳ очи;
И наглядилась бы, побѣдная головушка,
И все на память на скачону бы жемчужинку;
И нынь схватилась я, безсчастная головушка:
И кругъ надеженьки, горюша, не ухаживала,
И по бладой я головушкѣ не глаживала;
И ужъ какъ нынь да вѣдь побѣдной мнѣ горюшицѣ
И буде три поля кручины изнасіяти,
И сине морюшко горючихъ слезъ наполнится;
И мнѣ-ка ростячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ
И провожать буде безсчастна горька молодость:
Нѣтъ отъ вѣтрышка вѣдь мнѣ да заборонушки,
Нѣтъ отъ добрыхъ людей да мнѣ заступушки;
И буйны вѣтрышки вѣдь віютъ полегошеньку,
И говорятъ да судя люди по тихошеньку
И про меня да про печальную головушку.
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И приходить станутъ Бладычны Божіи праздники,
И какъ пойдутъ да многи добры эты людушки,
И мои милы спорядовыи сусѣдушки,
И ко Бладычному Господню Божію праздничку,
И ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка—
И по фатерушкѣ вѣдь буду тутъ похаживать,
Изъ окна въ окно безсчастная поглядывать‘
И на прогулушку на широку на уличку,
И все на эту почтовỳ, ямску дороженьку:
И унывать стане ретливое сердечушко,
Ужъ какъ глядячи на добрыихъ на людушекъ,

И какъ на счастливыхъ на женъ да на таланливыхъ.
И тутъ пойду да я, безсчастная головушка,
И я во свѣтлую пойду да съ горя свѣтлицу,
И съ тоски брошусь я къ ларцамъ да окованымъ.
И отомну ларчи съ кручины окованыи,
И съ горя выну это цвѣтно столько платьице.
И со досадушки любимую покрутушку,
И ужъ я брошу да тутъ цвѣтно это платьице,
И я на столики, горюша, на дубовыи,
И я стульица, безсчастна, на кленовыи,
И сговорю да тутъ, обидна я горюшица:
«И наликуйся-тко безсчастная головушка,
«И доброумься, сирота да безпрїютная;
«И уже тутъ твои Бладычны Божіи праздники,
«И уже тутъ твое гулянье со весельицемъ!
И я возму да это цвѣтно его платьице,
И на безсчастныи возму да бѣлы рученьки,
И я прижму да ко ретливому сердечушку,
И приложу да я къ безсчастну бѣлу личушку,
И стану думати безсчастна думу крѣпкую—
И надъ его да надъ любимоей покрутушкой;
И воскликать стану, побѣдна я горюшица:
«И ты приди, приди, надёжная головушка,
«И на свою да на родимую сторонушку,
«И на сегоднишній Господень Божій де́нечекъ,
«И столько на́—этотъ Бладычный Божій праздничекъ,
«Все повынута любимая покрутушка;
И какъ увижу я печальная головушка,
Путемъ и́дучи широ́кой я дороженькой,
И хоть солдатушкомъ, горюшица, походнымъ,
И хоть въ солдацкіихъ мундерахъ суконъ-сѣрыхъ,
И я бы стритила на ши́рокой на уличкѣ,
И я пріотперла-бъ новы сѣни рѣшетчаты,
И съ имъ бы сдіяла вѣдь доброе здоровьице,
И подхватила бы подъ правую подъ рученьку,

И проводила бы во свѣтлую во свѣтлицу,
И я солдацкую одёжу вѣдь сбросила бы:
И кь сахарніимъ устамъ тутъ припадала бы;
И тутъ безсчастная голова да взвеселилась бы;
И тутъ сердечушко мое да взрадовалось бы;
И хоть солдатушкомъ, мой свѣтъ, ты не покажешься,
И ты походныимъ съ чиста̀ поля не явишься;
И столько слушай, свѣтъ надежная головушка:
«И прилети хоть перелётной малой птиченькой,
«И хоть съ чиста̀ поля лети да чорнымъ ворономъ,
«И со синя моря лети да бѣлымъ лебедемъ,
«И бѣлой лебедь—ты садись да на крылечушко,
«И чорной воронъ ты садись да на окошечко;
И примичать стану, горюшица, выспрашивать,
Ужъ какъ эту перелётну малу птичушку,
И стану спрашивать, горюшица, вывѣдывать:
«И чорной воронъ—не солдатъ ли ты походной,
«И бѣлый лебедь—не надежна ль ты головушка?
И не убойтесь-ко меня да роскажитеся,
И, видно, нѣтъ того на свѣтѣ да не водится,
И безспроса̀ въ доми солдаты не объявятся,
И какъ безъ спросу—то оны да Государева,
И все безъ отпуску оны Царя великаго;
Хоть на рукахъ держу, горюша, цвѣтно платьице—
И я любимую держу да вѣдь покрутушку—
И я милой вѣдь надежноей сдержавушки—
И тутъ кручинушка моя да не уходится
И тутъ сердечушко мое не успокоится.
Ой, роздумалась безсчастнымъ своимъ разумомъ,
И проводила я Господень Божій праздничекъ,
И я со этой со великоей обидушкой;
И тутъ злодійная обидушка росходится,
И тутъ великая кручина розгоряется:
И куды класть эту любимую покрутушку—
И куды дѣть да это цвѣтное платьице?

И я повынесу, горюша, во чисто̀ поле,
И я придамъ къ огню любимую покрутушку;
И што я сдумала безсчастнымъ своимъ разумомъ;
И не въ спокоѣ вѣдь безсчастно ретливо̀ сердче,
И во напасти, во горя̀хъ да во великїихъ,
И во досады, во кручины во злодїйноей:
И умъ-то разумъ во головушкѣ мѣшается,
И я не знаю же, горюшица, не вѣдаю,
И какъ день да иде, темна эта ноченька,
И провожаю какъ Христово воскресеньице,
И Бладычпіи Господни Божіи праздничкы;
И столько думаю побѣднымъ своимъ разумомъ:
И гдѣ прознала бы, горюша, я прослышала,
И про свою да я надёжную головушку,
И туды птиченькой, горюша, я слетѣла бы,
И я бы клубышкомъ, безсчастная, скатилася,
И добра̀лась бы я, горюша, я провѣдалась
И до своей да я любимоей семеюшки,
И я бы бросила сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.
И откачнулась, бѣдна, съ горя—отшатилась бы
И отъ своей да отъ родимоей сторонушки—
И тутъ сердечушко мое не унывало бы,
И да живучи въ сиротской мнѣ-ка жирушкѣ;
И у меня жъ да у печальной у головушки
И каждый день кровью сердечко обливается—
И столько гля̀дячи на сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И наскитаюсь я съ дитямы, нашатаюся,
И бѣдна по̀—міру, горюша, по крещоному;
И надивуются-то добрыи эты людушки,
И принабаются спорядныи сусѣдушки,
«И што вѣдь вольная солдатка-самовольная,
«И што лѣнивая она да не станливая,
«И свѣтамъ братцамъ богоданымъ непокорная;
И принаслышусь я, горюша, пустословьица,
И худа слава про горюшу, какъ рѣка бѣжитъ,

И пустословье, про безсчастну, какъ ручей течетъ,
И все напрасничка про бѣдну, какъ порогъ шумитъ.
И съ этой грусти я, горюша, со досадушки,
И со злодійнаго, горюша, пустословьица
Хоть куды, бѣдна горюша, я дѣвалась бы.
И въ быстрой риченькѣ вѣдь я да утонула бы,
И во темныхъ лѣсахъ, горюша, заблудилась бы.
И во мхахъ да я дыбучихъ провалилась бы;
И столько нѣтъ да того на́—свѣтѣ не водится,
И што жива̀ эта могилушка не ро́дится.
И не дай Господи на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ
И столько жить да безъ надежноей головушки?
И лучше на́—свѣтѣ была-бы я не ро́жена,
И со безсчастьицемъ въ купели не окупана,
И съ безталаньицемъ на свѣтъ да не попущена.
И изъ роду̑ мнѣ-ка, горюшицѣ, изъ племени,
И видно, на́-дѣлу безсчастье придѣлялось,
И видно, на́-роду злодѣйно доставалось;
И спородила какъ родитель меня матушка,
И знать, Іисусовой молитвы не творила,
И принимала какъ на бѣлы свои рученьки,
И съ бласловленьицемъ креста она не клала;
И приносила какъ въ хоромное строеньице,
И не въ большой уголъ, на стульице ложила,
И на кирпичину жарку печь да положила.

Къ родителямъ:

И вы простите-тко желанныи родители!
И попеняю вамъ, побѣдная головушка,
И посудьячу на судьбу свою несчастную;
И какъ вы ростили меня да вы, родители,
И до уречныихъ вѣнчальныихъ до годышковъ,
И вы прибра̀ли мнѣ судимую сторонушку,

И по уму себѣ прибра̀ли вы по разуму,
И поневолили безсчастную головушку,
И меня выдали въ замужье молодёшеньку,
И не далѝ воли, желанны мнѣ родители,
И съ полнымъ возрастомъ, горюшѣ, мнѣ сровнятися,
И съ родомъ племенемъ, побѣднушкѣ, спознатися,
И съ вольной волюшкой вы мнѣ да нагулятися;
И меня мо́лоду—горюшицу неволили,
И во велику злу заботу обзаботили;
И вы окинулись, желанныи родители,
И на уда́лаго дородня добра мо́лодца,
И што не пьяница вѣдь онъ да не пропоица,
И вы на ихнее хоромное строеньице,
И вы на ихныи поля да хлѣбородныи;
И меня съ волюшкой вѣдь вы да разлучили,
И злымъ, великiимъ безсчастьемъ надѣлили;
Ужъ я тымъ гнѣвна, побѣдная головушка,
И я на васъ, свѣты желанныи родители,
И што не далѝ мнѣ вы воли столько вольноей,
И ума-разума въ головушку набратися;
И я схвачусь бѣдна̀ кручинна какъ головушка,
И я за милыихъ схвачусь да поровечничковъ,
И вси во дѣвушкахъ оны еще красуются,
И съ дорогой волей оны еще ликуются;
Ужъ какъ я бѣдна, кручинная головушка,
И молодыхъ да дёнъ, горюша, не видаютца,
И я хорошества, горюшица, не знаютца;
И пошла мо́лода въ великую заботушку;
И мнѣ пустылое хоромное строеньице,
И мнѣ не по́-уму крестьянска эта жирушка;
И въ томъ не гнѣваюсь, печальна я головушка,
И на свое да тепло красное на солнышко:
И была умная любимая семеюшка,
И много разума во бу́йной было го́ловы,
И было розмыслу въ ретливоемъ сердечушкѣ;

И я судьячу на судьбу свою безсчастную:
И не дай же того, Боже, не дай Господи,
И молодёшенькой, горюшѣ, оставатися,
И не въ годàхъ—да вѣдь побѣдной сиротать,
И столько жить да безъ надежноей головушки,
И во проклятой во несчастной горькой жирушкѣ;
И лучше бъ тлѣнъ пришелъ на цвѣтно мое платьице,
—И мнѣ не жаль—тошнò, побѣдной бы головушкѣ,
—И мнѣ не цвѣтнаго снаряднаго бы платьица,
Аль пожаръ бы на хоромное строеньице—
—И мнѣ бы даромъ все печальноей головушкѣ:
И ретливò сердчѐ мое не унывало бы,
И все при доми была мила бы головушка;
И хоть бы моръ да на любимую скотинушку,
И недородъ да былъ довольнымъ этымъ хлѣбушкамъ,
И все удáла была въ доми бы головушка:
И тутъ тоскичушка меня да не долила бы,
И все кручинушка меня да не крушила бы,
И помалёхоньку вѣдь мы бы да исправились,
И на житье добро вѣдь мы бы все наладились;
И хоть на синёмъ морѣ, горюшѣ бы, на кáмешкѣ,
И хоть на лýды бы, горюшѣ, на подводноей,
И столько вмистѣ бы съ надежноей головушкой;
И хоть середи грязи, горюшѣ, на погибели бъ,
И во напастяхъ бы, горюшѣ, во великіихъ,
И столько сó-своей скачоной жить жемчужинкой.
Ужъ какъ нынь да я, кручинная головушка,
И передъ добрыма людмы я отпрешенная,
И я отъ мужныхъ честны́хъ жонъ да отлишенная:
И когда прежъ сего до этой поры времечки,
И за своей жила надежноей сдержавушкой,
И ходила какъ къ Владычнымъ Божіимъ праздничкамъ,
И на ряду да я со добрыма со людушкамъ,
И во любимой во снарядной во покрутушкѣ.
И со мной знались многи добры эты людушки.

И со мной дïяли вѣдь доброе здоровьице;
Ужъ какъ сегодныимъ учётнымъ долгимъ годышкомъ,
Хоть была прú-домѣ надёжная головушка,
И хоть я съ úмъ да вѣдь ходила къ Божïимъ праздничкамъ
И передъ этой все великоей кручинушкой,
И цвѣтно платьице ко мнѣ не прилегало,
И мое бѣлое личе не сукрашалось,
И сердечушко мое не взвеселялось;
И такъ тоска да на сердечушкѣ вѣдь сходится,
И такъ утробушка моя да разобидится;
Я не знала все, горюшица, не вѣдала;
И отчего жъ моя головушка кручинится,
И передъ чимъ мое сердечко разгоряется:
И хоть приду да ко Бладычному я праздничку,
И рядомъ ставилась съ женàма да я съ мужнима,
И состоронь глядили добры столько людушки,
И мои милы спорядовыи сусѣдушки,
И говорили про печальную головушку:
«Што у нашей у спорядной у сусѣдушки,
«Какъ у этыихъ Бладычныхъ Божïихъ праздничковъ,
«И ю покрутушка теперь не съукрашаетъ,
«И цвѣтно платьице на ней не разцвѣтаетъ,
«И кровь—румянецъ во бѣлòмъ личѣ мѣшается;
«И што-грубà-стоитъ, сусѣдушка, не вѐсела,
«И при обидушкѣ, она што жъ при великой;
«И, кажись въ дóброй, во крестьянской живё жирушкѣ
«И за умной за надежноей головушкой;
«И есть по разуму да цвѣтно, кажись, платьице.
И межу дý другомъ сусѣдки разговариваютъ,
И какъ однá мила спорядная сусѣдушка,
И на посылочкахъ она была легошенька,
И на словечушкахъ была да суровёшенька,
И сговоритъ она спорядныимъ сусѣдушкамъ:
Я схожу—спрошу спорядную сусѣдушку,
«Што не-вéсела она да при кручинушкѣ,

«И мы стоимъ да все сусѣдушки дивуемся,
«И што въ любй живешь съ надёжей-во согласьицѣ.
И подошла мила сусѣдка суровёшенька,
И спросила тутъ меня да потихошеньку,
И сговорила мнѣ, горюшѣ, таково слово́:
«Извини—прости спорядная сусѣдушка,
«И што спрошу, да я печальная головушка,
«И, кажись, лѣтній-то Владычный Божій праздничекъ,
«И какъ мужнихъ жонъ личе да разгоряется,
«И какъ отъ солнышка вѣдь платье отцвѣтаетъ,
«И веселы̀мъ стоятъ оны да веселёшеньки;
«И когда прежъ сего до этой поры—времечки
«И весела была всегды да хорошохонько;
«И ты скажи впотай, спорядпа намъ сусѣдушка:
«И кажись, што вѣдь грубая стоишь да не весѐлая,
«И ты во добромъ ли теперь да во здоровицѣ,
«И по согласью ли со надёжной ты головушкой,
«И по совѣту ль во любимоей семеюшкѣ,
«Што поблекло твое бѣло это личушко,
«И на слезахъ да твои ясны эты очушки,
«И цвѣтно платье на тоби не разцвѣтаетъ,
«И не по старому теперь да не попрежнему?
И усмѣхнулась я, горюша, пріотвитила:
— И во любй живу съ надёжной я головушкой,
— И за совѣтъ да во любимоей семеюшкѣ,
— И я въ доброемъ видь е да во здоровьицѣ;
— И што вамъ кажется спорядныимъ сусѣдушкамъ,
— И я не знаю, все кручинная головушка,
— Передъ чимъ ноетъ ретливое сердечушко:
— Я во всемъ живу, горюша, удовольствїи.
Я съ сусѣдушкой, горюшица, пробаяла,
Все не знала про великую незгодушку;
И унывало все ретливое сердечушко,
И знать, што вѣдало да злу эту незгодушку;
И хоть сходила я съ надёжноей головушкой,

Середи да тепла-краснаго хоть лѣтушка,
Хоть по трудной по крестьянской по роботушкѣ,
И пекло жалобно хоть красно это солнышко,
И сердечушко мое не согрѣвалося,
И краснымъ лѣтушкомъ-вѣдь я не взвеселялася:
И я не знала все, горюшица, не вѣдала,
И про злодійную велику про незгодушку;
И столько вѣдало ретливое сердечушко—
И повѣдало печальной мнѣ головушкѣ.
И приходить стала студёна холоднà зима,
И добры людушки тутъ стали спроговаривать:
И будутъ скоро-то наборы Государевы,
И выбирать станутъ удáлыхъ добрыхъ мóлодцевъ;
И тутъ вѣдь ý—меня, печальной у головушки,
И тутъ вѣдь срѣзало ретливое сердечушко,
И подломилися безсчастны ножки рѣзвыи,
И пріужахнулась вѣдь зяблая утробушка,
И примѣнилась тутъ безсчастна я побѣднушка,
И тутъ воспомнила Владычной этотъ праздничекъ,
И што сказали спорядовыи сусѣдушки,
И передъ этоей великоей незгодушкой.
Я стояла тутъ, горюша, словно вкóпана,
И мое чуствовало побѣдно ретливо сердчè,
И про напасть да про великую незгодушку,
И што разлукушка со краснымъ буде солнышкомъ,
И со своей милой надежноей головушкой,
И принаступятъ што вѣдь судьи неправосудныи,
И нападутъ да на насъ власти безмилосердыи;
И все мою да вѣдь любимую семеюшку,
И што напишутъ на гербовой листъ бумаженьку,
И што назначатъ-то во службу Государеву,
И да мою милую скачоную жемчужинку.
И тутъ роздумалась безсчастнымъ своимъ разумомъ:
«И мы не спустимъ тепло-красное мое солнышко,
«И мы со добраго хоромнаго строеньица,

«И со прокладноей крестьянской этой жирушки;
«И мы роспро́даимъ любиму всю скотинушку,
«И призаложимъ вси луга да сѣнокосныи;
«И я отдамъ свою любимую покрутушку,
«И ужъ я славному купчу да все богатому,
«И я возму да золотой казны по надобью,
«И мы повыкупимъ надежную головушку
«И отъ злодійной этой службы Государевой.
И какъ по моему великому безсчастьицу,
И по́ злодійному велику безталаньицу,
И какъ купчевъ въ домѣ теперь да не случилося,
И цвѣтнымъ платьицемъ надёженьки не выручить,
«Золотой казной добра коня не выкупить».
Видно, сужено надёжной быть головушкѣ,
И все во этой быть во службѣ Государевой,
И поростаться мнѣ печальноей побѣднушкѣ
И со удалоей бурлацкоей головушкой!

Къ братьямъ богоданымъ:

И столько гнѣвъ несу, печальная головушка,
И я на свѣтушковъ на братцевъ богоданыихъ,
И пожалили што крестьянской оны жирушки,
И все поро́спродать любимоей скотинушки,
Не пожалили жъ свѣтушка̀ братца родимаго:
И не страшусь скажу, печальная головушка:
«И вы злодіи-свѣты братьица родимыи,
И отпустили тепло-красно мое солнышко,
И во злодійную во службу Государеву,
И обсиротили побѣдную головушку,
И со болѣзныма сердечныма со дѣтушкамъ.
И вы розгнѣвали свѣтца братца вѣдь родимаго,
И мою милую надёжную головушку.
И вы ликуйтесь теперь братцы богоданыи:

И ваша жирушка теперь не-роззорилася,
И во дворы у васъ скотина устоялася,
И золота казна у васъ не придержалася;
И знать, стоять да вамъ во уличкахъ рядовыихъ,
И знать, сидѣть да вамъ во лавочкахъ торговыихъ;
Вы имѣете товаръ, знать, разноличной;
И будутъ знать да васъ вѣдь дóбры эты людушки,
И покланяться вамъ сусѣди спорядовыи!
И стрить васъ Господи Бладыко многомилосливой,
И впереди да Пресвятая Мать Богородица —
И на второмъ оны вѣдь васъ да на пришествіи!

Къ сусѣдямъ:

И кабы знали вы, народъ да люди добрыи —
И про мою злодѣй-великую обидушку;
И я изсохла-то, безсчастна, на рѣзвыхъ ногахъ.
Истомилася, побѣдна, по Божьіимъ днямъ,
Безъ своей милой любимоей семеюшки,
Ужъ я глядячи на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ;
И безъ вѣтра да я, горюша, пошаталася;
И со бѣлымъ свѣтомъ, побѣдна, порозсталася;
И я не знаю въ горяхъ добрыихъ то людушекъ,
И не примичу свое—родъ-племя любимое;
И отрекнулася отъ роду я, отъ племени,
И отъ своей да я природы именитой,
И со своимъ да я великіимъ безсчастьицемъ,
И во злодійноемъ-проклятомъ безталаньицѣ;
И горегорькая безсчастна моя молодость,
И мнѣ-ка жизнь бѣдной горюшицѣ сиротская.
И безъ своей да безъ надежной мнѣ головушки;
И мнѣ куды бѣдной горюшѣ подѣватися?
И я отъ бéрежка, горюша, откачнулася,
Я ко дрýгому, безсчастна, не прикáчнулась:

И я бывъ за́гнаной упалой сѣрой заюшко,
И со дитяма-то, горюша, горностолюшко,
Какъ подъ этымъ подъ катучимъ бѣлымъ ка́мешкомъ;
И у меня да у побѣдной у горюшицы,
И безъ угару болитъ бу́йная головушка,
Ой—въ безсчастномъ, горегорькоемъ живленьицѣ.
И мнѣ-ко ро́стячи сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И нѣтъ почёту-то отъ братцевъ богоданыихъ,
И краснословья отъ невѣстушекъ голубушекъ,
И приберёгушки сердечнымъ нѣту дѣтушкамъ:
И у стола да мои дѣтушки ѣдучїи,
И во фатеры мои ди́ти хлопотливыи,
И бывъ на у́личкн сердечныи дурливыи:
И какъ пойдутъ мои сердечны бѣдны дѣтушки,
И во фатеры, по дубовоей мостиночкѣ,
И станутъ и́скоса вѣдь дядюшки поглядывать,
И станутъ и́зрыхла вѣдь дяйны поговаривать;
И подойду́тъ да глупы ма́лы эты дѣтушки,
И хоть ко этому столу да ко дубовому,
И къ хлѣбу-соли-то оны да дару Божьему;
И возгорчатся тутъ спацливы эты дяденьки,
И на безсчастныихъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ;
Ихъ подёрнутъ-то за бѣлыи за рученьки,
Ихъ отпёхнутъ отъ стола да отъ дубоваго,
И глупыхъ щёлнутъ ихъ во буйную головушку,
Ихъ подёрнутъ-то за жолтыи волосушки,
И отъ стола пойдутъ дити́, какъ подарёныи,
И отъ дубоваго пойдутъ да со обидушкой,
И какъ ко мни идутъ, горюшѣ, съ горючмы слезмы.
И надо каменну ретливу быть сердечушку:
И возму дѣтушекъ за бѣ́лы я за рученьки,
И во слезахъ скажу, печальная головушка,
Я сердечныимъ безсчастнымъ малымъ дѣтушкамъ:
«Ужъ вы глупы мои ди́ти—не разумныи,
«И вы сидили бы, безсчастны, въ дверномъ уголку,

«И вы бы на́ этой брусовой бѣлой лавочкѣ
«И вы бы на́-грѣхъ-отъ къ столу не подходили бы,
«И на обидушку къ дубо̀ву не садились бы:
Какъ спѣсивыи, свирипы эты дяденьки —
И покоряютъ все побѣдную головушку:
Што нѣтъ па́харя на чистомъ у тя полюшкѣ,
И сѣнокосча на луговыхъ нѣтъ на поженкахъ,
И воскормителя вѣдь нѣтъ въ домѣ-родителя,
И нѣтъ надїюшки въ домы у насъ великой,
И тепло-краснаго миженьска нѣту солнышка.
И я сама бѣдна, кручинная головушка,
И боячѝ хожу по хоромному строеньицу,
И я со страхомъ по дубовымъ мостиночкамъ,
И все не чувствуютъ вѣдь братцы богоданыи,
И не въ понятїи вѣтляныи нешутушки,
И за кого жъ служитъ—надёжная головушка,
И онъ во этой грозной службы Государевой;
И не за меръ да вѣдь онъ служитъ-то крещокой.
Не за мѣнилъ да онъ сусѣда спорядоваго,
И замѣнилъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ;
И хоть бы Господа-то Бога побоялися,
И хоть бы добрыихъ людей да постыдилися —
И обиждать меня, побѣдную головушку,
И отсылать да отъ стала вѣдь отъ дубоваго
Ужъ какъ этыхъ безсчастныхъ малыхъ дѣтушекъ.
Ужъ я такъ бѣдна, горюша, прїобижена;
И можно знать-вѣдать вѣтлянымъ нешутушкамъ,
И про меня да про безсчастную головушку;
И хоть я со́йду на крестьянскую роботушку,
Я пгорюша, оутрышку, вѣдь ранёшенько,
И не жалїю я, побѣдна, своей силушки,
И не своихъ да я, безсчастна, бѣлыхъ рученекъ
И все на этой на крестьянской я роботушкѣ;
И не погля̀даю, горюша, я—побѣдная,
И выше лѣсушка вѣдь я да по поднебесью,

И не гляжу, бѣдна, на красно это солнышко,
И я не мѣшкаю часовъ да все минутныихъ;
И все я думаю, побѣдная головушка:
Я бы прячучи роботушку припрятала,
Я заботушкой крестьянску бы сроботала;
И все я мыслю-то безсчастной своей мыселью,
И я сама себя, горюша, не жалѣю вѣдь:
И може, въ честь дойду я братцамъ богоданымъ,
И въ доброумьице невѣстушкамъ голубушкамъ;
И хоть меня бѣдну, горюшу, ненавидѣли бъ,
И хоть бы дѣтушекъ моихъ да не обидили,
И отъ дубоваго стола да не отдёрнули,
И во обидную головушку не щолнули;
И знать, роботушкой добротушки мнѣ не́-видать
И малымъ дѣтушкамъ краснословьица вѣдь не́—слыхать;
Я приду да со роботушки позднёшенько,
И какъ мои бѣдны сиротны малы дѣтушки,
И оны спятъ да малы дѝти голоднёшеньки,
И на полу̀ бѣдны дитѝ да на дубовоемъ;
И имъ не у̀стлана пуховая перинушка,
И какъ не у̀брано имъ складнее зголовьице,
И по хорошему дѣтѝ да не уло́жены,
И соболинымъ одѣяломъ не укрываны;
И оны спятъ бѣдны безсчастны на голы̀хъ доска̀хъ,
И бѣлы рученьки у ихъ да пораскиданы,
И бѣлы ноженьки у ихъ да поразметаны;
И не вѣдаютъ сердечны малы дѣтушки,
И меня стритить-то на ши́рокой на у̀личкѣ,
И росказать мнѣ-ка горюшѣ—порозжалиться,
Што вѣдь голодны сердечны оны дѣтушки;
Я ступлю да во хоромное строеньице,
Я сгляну да тутъ во дверной этомъ у̀голокъ
И на безсчастныихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ:
И малы дѣтушки вѣдь спятъ да призаплакавши;
И тутъ подломятся безсчастны рѣзвы ноженьки

И у меня да у побѣдной у головушки;
И тутъ сердечушко мое да за-обидится,
И буйна го́лова моя да закручинится,
И ушибать стане тоска неугасимая,
И удолять стане кручинушка великая;
И текутъ слезы у горюши изъ ясны́хъ очей.
И хоть труднымъ приду, горюшица, труднёшенька,
И хоть усталая приду да опристалая,
Хоть на роботушкѣ вѣдь я да притрудилася,
И хоть женску свою силу придержала всю,
И бѣлы рученьки, горюша̀, примахала вѣдь,
И не посмїю же, печальная головушка,
И на удохъ систь на брусовую на лавочку,
И услать—дѣтушкамъ пуховую постелюшку
И убрать дѣтушекъ побѣдныхъ—укуволить;
И тутъ спрошусь да у вѣтляныихъ нешутушекъ,
«И во дворѣ ль да вся любимая скотинушка?
И прїотвитя хоть вѣтляныи нешутушки,
И мнѣ-ка съ грубости побѣдной, не съ весельица:
«И вся любимая скотинушка призабрана,
«И вечерная стряпна у насъ состряпана»,
Я спрошусь еще, побѣдная головушка;
И доложусь да у вѣтляныихъ нешутушекъ:
«И накрывать ли мнѣ на столъ да на дубовой,
«Мнѣ вѣдь ладить ли-то ужина вечорная,
«Вы дозволите ль, вѣтляныи нешутушки?
«И вы допустите-ль къ столу да ко дубовому?
Хотя жъ и́скоса оны да вѣдь погля́даютъ,
Изрыхла̀ со мной вѣтляны спроговариваютъ:
«И, видно, го́лодна пришла да ты вѣдь хо́лодна,
«И ты спѣшишь все ко столу да ко дубовому
«Ты торопишься на спокойну темну ноченьку».
И тутъ пойду бѣдна, горюша, заобижуся,
И наклоню свою безсчастну буйну го́лову,
И утоплю́ очи, горюша, о дубовой полъ,

И причитаю тутъ, горюша, потихошеньку,
И горьки слезушки рушу да помалёшеньку;
И съ горя сóйду въ мелко-рубленую клѣточку,
И съ тоски сяду на тесовую кроваточку,
Я сшибать стану безсчастны бѣлы рученьки,
Я къ безсчастному, горюша, ретливу̀ сердчу̀—
И подожму съ горя я зяблую утробушку,
И съ тоски стану я, горюша, причитать,
И проливать стану, обидна, горючи слезы:
Спамячу да тепло-красное свое солнышко,
И свою милую надежную головушку,
И спамятую я великое желаньице;
И не забуду во всю лѣтну эту ноченьку;
И бывъ кокоша во сыромъ бору кокуе,
И также лѣтну эту ночь я протоскую.
И я раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
И хоть я въ горюшкѣ, побѣдна, на своей воли,
И хоть въ обидушкѣ, горюша, въ своей сто́роны;
И може, милая любимая семеюшка,
Ужъ лѣтной, може, день да на страженьицѣ,
И може, въ темную онъ ночь да на сторо́жьицѣ,
И на часа́хъ стоитъ вѣдь онъ да на всенощныихъ,
И все не и́маетъ спокою темной ноченькой,
И подъ неволюшкой во службѣ Государевой:
И я того, бѣдна горюша, соболѣзную,
И жаль тошнёшенько надёжноей мнѣ головушки;
И умомъ думаю-побѣднымъ своимъ разумомъ:
Нѣту въ живности надежной, знать, головушки,
И нѣту вѣсточки, горюшѣ, мнѣ не грамотки:
И не могу да знать, побѣдна я головушка:
«Аль ученьице ему было мученьице,
«И пришла да ему скорая смерётушка
«Со тяжелыихъ солдацкіихъ побоюшковъ;
«Аль въ сраженьицѣ его да заразили,
«И оружьицемъ его да застрѣлили

«Аль вострымъ копьемъ вѣдь грудь да прокололи,
«И сердечушко ль его тамъ кровью запечаталось.
И пораздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
И далеко да свѣтъ надёженька повыслана,
И онъ во дальную сторонку не въ знакомую.
И во другую да онъ землю не въ бывалую,
И за горушки мой свѣтъ, да за высокіи,
И за темны лѣса, надеженька, дремучіи,
И онъ за синіи за славныи за морюшка,
И за круглыи за малыи озерышка;
И може, птиченька туды да не пролетывае,
И може; червышекъ туды да не проплывывае;
И не могу да знать печальная головушка,
И, може, нѣтъ да ему вольной столько волюшки,
И повзыскать тамъ писаречковъ хитромудрыихъ,
Што писать бы скорописчатую грамотку.
Еще въ умъ возму, побѣдна я головушка:
И, може прибралъ бы слободну пору времечко,
И повзыскалъ бы писаречка хитромудраго,
И не пригодилось золотой казны по надобью—
И штобъ нанять да писаречка хитромудраго;
И нашелся писаречикъ хитромудрый,
И не случилось листъ бумаженьки гербовыи,
И тамъ не́ —на чемъ писать да скорописчатоей грамотки,
О безсчастноемъ о солдацкоемъ живленьицѣ,
И горегорькоемъ ему да похожденьицѣ;
Ужъ какъ я же вѣдь, кручинная головушка,
И кабы знала я, горюша, про то вѣдала
И онъ въ какой землѣ, надёжа во какой орды,
И онъ въ какой орды да въ какомъ городѣ,
И почастёшеньку я писемка писала бы;
И заложила бы я цвѣтно свое платьице,
И я богатому бъ сусѣду спорядовому,
И я бы взя́ла золотой казны безсчотноей,
И я сходила бы во уличку рядовую,

И обошла бы я вси лавочки торговыи,
И накупила бы я бумаженьки гербовыи;
И я бы на́шла писаречика разумнаго,
Я разумна писаречка хитромудраго,
Хитроумна молодца̀ Новогородскаго,
И написала бы письмо да я умїючи:
Уписала бы, горюша, горючмы слезмы,
И запечатала писмо бы я кручинушкой:
И разсказала бъ я, побѣдная головушка,
И про свою да жизнь безсчастну про сиротскую,
И про своихъ милыхъ безсчастныхъ этыхъ дѣтушекъ,
И каково да е отъ дядюшекъ желаньице,
И отъ дяденекъ вѣдь имъ да краснословьице:
И какъ тобя да мою милую сдержавушку,
И во злодійну эту службу провожали,
И много всячины оны да засуляли,
И оны Господа въ поруку намъ давали,
И не обидятъ што солдатку горегорькую,
И беречь будутъ-то сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ;
И какъ на службу-то тебя да проводили;
И въ одинъ годъ оны тутъ все да позабыли;
И безъ тебя да безъ надежноей головушки,
И часто спятъ да малы дѣтушки безъ ужины;
И не обутыи оны да не одѣтыи;
И у стола да слывутъ дѣтушки ѣдучіи,
И во избы да твои дити хлопотливыи;
И я сама слыву, побѣдная головушка,
И отъ твоихъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ—
И я не трудничкой слыву да не работничкой,
И я не скорыимъ слыву да послушаньицемъ;
И отъ невѣстушекъ слыву да я голубушекъ,
И слововольноей солдаткой—самовольноей.
И все отвѣтъ да е отъ братцевъ богоданыихъ
И ужъ какъ мнѣ-кова кручинноей головушкѣ:
«И ты не дольщица теперь да не участница—

«И все крестьянскоей вѣдь ты да нашей жирушки;
И пріотказана, безсчастна я головушка,
И отъ добраго хоромнаго строеньица,
И отъ любимоей вѣдь я да отъ скотинушки;
И какъ болѣзныи сердечны наши дѣтушки
И отъ дубоваго стола да пріотпѣхнуты,
И въ буйну го́лову оны да принащолканы,
И въ жолты во́лоса оны да принадерганы.
И какъ обидятъ-то безсчастныхъ нашихъ дѣтушекъ,
И у меня жъ тутъ у побѣдной у головушки,
И на три рядъ мое сердечко прирострескае,
И на четыре рядъ утроба перелопае;
И топерь-нонѣчи, безсчастная головушка,
Я во дверноемъ, горюша, живу у́голку,
И на дверноей, горюша, сижу лавочкѣ,
И по конецъ стола сижу да я дубоваго;
И безъ тобя да безъ надежноей сдержавушки,
И со сердечныма рожоныма со дѣтушкамъ,
И намъ ѣденьице, побѣднымъ, сухарики
И намъ питемьице, безсчастнымъ—холодна̀ вода.
И закатился-то катучій синей ка́мешекъ,
На моемъ да па безсчастномъ ретливо̀мъ сердчѣ́—
И всё на зяблую побѣдную утробушку.
И застудила-то теперь да холодна вода!
И во слезахъ да я не вижу свѣта бѣлаго,
И во обидушкѣ, горюша, красна солнышка;
И я не знаю то, горюша, проживаю какъ,
И быдто птиченька, горюша, заблудящая,
И одиноко въ лѝсяхъ деревче шатучее;
И быдто вёшная вода да розливается,
И такъ тоска у мня, побѣдной разгоряется.
И сытой выточки, горюша, не ѣдала,
И крѣпка сну, бѣдна горюша, не сыпала
И мнѣ въ осенну ночь кручина на-бъ высказывать,
И надо писарю вѣдь въ лѣтной день выписывать;

И у меня да у безсчастной у головушки,
Ужъ вѣдь три поля кручинушки насїяно,
И три озерышка горючихъ слезъ паронено.
Охти мни—мнѣ-ка горюшицѣ тошнёшенько!
И не дай Боже вѣдь того, да не дай Господи—
И оставаться безъ надежныихъ головушекъ,
И возростать да вѣдь сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.,
И приголубить-то, сердечныхъ столько не́-кому
И огрубить-то—досадить да дитей есть кому;
И буйны вѣтрышки на дѣтушекъ навїются,
И спорядныи сусѣдки порозжалятся,
И нынь мнѣ да все кручинноей головушкѣ:
«Самово́льны твои дѣти безунемныи,
«И на ши́рокой на уличкѣ дерливыи,
«И што солдацкіи дѣти да хлопотливыи»
И тутъ я сгруснуся, печальная головушка,
И ужъ я на́—своихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ:
«И мнѣ-ка далъ Господъ Владыка многомилосливой
«И мнѣ-ка на́—тоску дитей да на заботушку,
«И да мни на́—грѣхи дитей да на остудушку.
И я роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И куды класть-дѣвать сердечныхъ своихъ дѣтушекъ?
И во работнички ль отдать—дѣти малёшеньки,
И въ пастухи ли-то отдать—дѣти глупёшеньки.
Приклоню лучше безсчастну буйну го́лову
И я ко свѣтушкамъ ко братцамъ богоданыимъ,
И покорю свое ретливое сердечушко
И я ко милымъ ко вѣтляныимъ невѣстушкамъ,
Штобъ меня бѣдну горюшу не спокинули,
И не спустили бы безсчастныхъ моихъ дѣтушекъ,
И да ихъ по́—міру-то, бѣдныихъ, шататися
И по подоконью, побѣдныхъ, столыпатися.

Къ братьямъ богоданнымъ.

И вы послушайте-тко, братцы богоданыи:
И моя мила какъ любимая сдержавушка,
И походилъ да какъ во службу Государеву,
Не раззорилъ вашей крестьянской онъ вѣдь жирушки,
И не распрóдалъ вѣдь любимоей скотинушки,
И онъ оставилъ-то наслѣдство своимъ дѣтушкамъ;
Уже такъ мнѣ-ка, горюшицѣ тошнёшенько,
И какъ вы дѣтушекъ моихъ да прiобидите,
И да вы грубныимъ словечкомъ прiогрýбите.
И кабы знали свѣты·братцы да вы вѣдали,
И каково да жить во службѣ Государевой:
И отдали да кажетъ служба хорошохонька,
И какъ служить да вѣдь солдатомъ трýдно-тя́жело.
И туды свѣтушки вы братцы не сдавалися,
И отъ принемноей полаты удалялися—
И пожалѣли бы солдата горегорькаго,
И своего да свѣтушкà братца родимаго,
Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка,
И по присутствiямъ, горюша, находилася,
И во принемноей полаты настоялася,
И ретливò сердчѐ мое да надрожалося;
И насмотрѣлася, кручинная головушка,
На безсчастныхъ молодцевъ да не таланныихъ,
На безсчастныхъ рекрутòвъ да на мóлодыихъ;
И не глядили бы побѣдны ясны очушки:
И лучше бъ нá—свѣтѣ бурлакушки не рóжены,
И во принемну бы полатушку не вожены:
И въ одинъ часъ да куды все у ихъ дѣвается,
И красота съ лича у ихъ да потерялася,
И вольна волюшка у ихъ да миновалася;
И какъ повыстанутъ по утрышку ранёшенько,
И не со радости оны да обуваются,

И не съ ве́села оны да умываются,
И не по разуму во платье одѣваются.
И не дай Господи на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ
И какъ служить да въ грозной службѣ Государевой!
Ихъ повыведутъ на ши́року на у́личку,
И порозставятъ середи двора да бѣлаго,
И во шариночку солдатовъ новобраныихъ:
И да вы стойте-тко солдатушки прямёшенько,
И говорите-тко солдаты веселёшенько;
И какъ начальникъ кругомъ около похаживатъ,
Ужъ онъ вострымъ тесакомъ идё-позванивать,
И новобраныимъ солдатамъ выговариватъ:
«Съ руки на руку оружье перекидывайте,
«И выше буйной головы ружье сдымайте-тко.
И отдали да камандеръ стоитъ поглядаетъ:
«Што солдатушки стоятъ ли—не шатаются ль,
«Што оружьица у ихъ да не мѣшаются ли.
И какъ у этыихъ солдатовъ новобраныихъ,
И у ихъ на́крѣпко сердечушко подтянуто,
И у ихъ на́плотно ремни да призастегнуты.
И много видѣла, печальна я головушка,
И все на двухъ да на учетныихъ недѣлюшкахъ;
И какъ была я въ славномъ городѣ Петровскомъ—
И наглядилась на солдатовъ новобраныихъ—
И у мня тамъ да у побѣдной у головушки
И перетрескало ретливое сердечушко,
Столько гля́дичи на красное на солнышко.
И не дай Боже вѣдь того, да не дай Господи
Глядѣть-смотрить да на безсчастныихъ солдатушковъ:
И горька жизнь да вѣдь солдацка подневольная,
И подневольна эта жизнь да подначальная:
И какъ не выйдешь-то, солдатъ да новобраной,
И безъ спросу-то на ши́року на у́личку,
И непоглянешь-то, солдатъ да новобраной,
И безъ докладу во косѣвчато окошечко;

И столько нѣтъ да имъ солдатамъ воли вольной,
И не на Бладычной-то Господень Божій праздничекъ,
И не на свѣтлое Христово воскресеньице;
И на отдыхъ да вѣдь солдатушкамъ—ученьице,
И на утѣхушку солдатамъ—сабли вострыи,
И имъ на праздничекъ—оружія завоенныи.

Къ братьямъ роднымъ.

И вы послушайте-тко братьицы родимыи,
И мои милы соколочки златокрылыи!
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
Какъ у меня да у печальной у головушки,
И не пусты́ла хоть родима моя ро́динка
И на пріѣзды е вѣдь братьица родимыи,
И на стрѣтаньице вѣтляныи нешутушки,
И угостятъ меня горюшицу по прежнему.
И какъ дождусь да я Бладычна Божія праздничка,
И все на вашей на прогульноей на уличкѣ,
И соѣзжаться станутъ добры эты людушки,
И прибераться буде родъ племя любимое,
И соберу да я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И я пойду, бѣдна кручинная головушка,
И на свою да на родимую на родинку;
И не одѣнусь хоть во цвѣтно я во платьице,
И не по прежнему въ любимую покрутушку,
И сиротой иду, горюша, безпріютной,
Ужъ я къ вамъ да свѣтушка̀мъ братцамъ родимыимъ.
И хоть увидите вы, братьица родимыи,
И меня и́дучи по чи́стому по полюшку
И подходя жъ да ко крылечику переному;
И не убойтесь, свѣты—братьица родимыи,
Ужъ какъ мо́его великаго безсчастьица,
И не поло́хайтесь невѣстушки-голубушки,

Да вы мо́его проклята безталаньица;
И вы не стритьте хоть на ши́рокой на у́личкѣ,
И не заприте-тко новыхъ сѣней рѣшотчатыхъ,
И не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ;
И ужъ вы добрыихъ людей да постыдитесь-ко;
И вы пустите въ домъ крестьяску свою жирушку,
И до своей да до брусовоей до лавочки,
И со сердечныма со малыма со дѣтушкамъ;
И я не го́лодна приду, бѣдна, не хо́лодна,
И не гля хлѣба – приду – соли наѣданьица,
И не гля сладкіихъ приду да упиваньицей.
Я приду, бѣдна кручинная головушка,
И на совѣтъ приду на крѣпкую на думушку,
И на роздій приду великоей кручинушки.
И когда прежъ сего да этой поры времячки,
И я ходила на родиму какъ на родинку,
И тутъ сердечушко мое да взвеселялось;
И какъ желанны были братьица родимыи,
И какъ спацливыи витляныи нешуточки,
И меня стритили на ши́рокой на у́личкѣ,
И принимали за любиму меня гостьицу,
И со мной сдіяли вѣдь доброе здоровьице,
И проводили вѣдь во свѣтлую во свѣтлицу
И все садили ко столу да ко дубовому,
И все на стульица садили на кленовыи.
И топерь нонь приду кручинная головушка,
И во печальноемъ обидномъ приду платьицѣ,
Я не въ радости приду да не въ весельицѣ,
И не во радости вѣдь праздникъ провожать буду;
И посижу да на родимой я на родинкѣ,
Я подъ милыимъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И прогляжу въ слезахъ на ши́року на у́личку;
И хоть тамъ при́ду я, печальная головушка,
И къ вамъ вѣдь милы свѣтушки-братцы родимыи;
И хоть съ обидушкой приду, бѣдна, съ кручинушкой —

И со безсчастныма сердечныма со дѣтушкамъ,
И хоть вы примите за гостьицу любимую,
И вы за милую сестрицу за родимую,
И ваша жирушка съ того не оскудаеть,
Што вы прйзрите солдатку горегорькую,
И вы солдатскіихъ сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
Не подивуютъ вамъ вѣдь добры того людушки,
И не посудятъ спорядовыи сусѣдушки;
И говорить да будутъ добры того людушки:
И, знать, разумны-свѣтушкй братцы родимыи,
И не чужаются сестрицы—горегорькоей;
Но по прежнему, горюшицу стрѣтаютъ;
Но по старому, горюшу, провожаютъ.

Падаетъ въ ноги братьямъ и продолжаетъ:

И вы глядите-тко народъ да люди добрыи,
И вы окольни спорядовыи сусѣдушки,
И на безсчастную солдатку горегорькую;
И быдто травынька къ земли да нагибается,
И сирота-то мать солдатка поклоняется,
И своимъ да свѣтушкамъ-братцамъ родимыимъ,
И какъ со малой вышины да до сырой земли.
И все не малыи-то червышки свиваются,
И какъ солдацки бѣдны дѣти покаряются
И ко своимъ да ко спацливымъ оны дядюшкамъ.

Къ братьямъ:

И столько слушайте скачоныи жемчужинки,
И мои милы свѣтушкй братцы родимыи,
И дороги да соколочки златокрылыи!
И когда прежъ сего да этой поры времечки,

И было вложено великое желаньице
И до меня да безсчастной до горюшицы;
И топерь нонь -- да сирота я безпрїютная:
И ни гдѣ нѣту да вѣдь талоей талиночки,
И не въ комъ нѣту мнѣ великаго желаньица.
И какъ посли своей надежноей головушки,
И воспокинутъ свѣты братцы богоданыи,
И прїоткажутъ отъ крестьянской меня жирушки,
И не кормители сердечнымъ моимъ дѣтушкамъ.
Я корюсь еще, скачоны вамъ жемчужинки:
И возьмите-тко печальную головушку,
И вы къ себѣ да на родиму меня родинку,
И меня въ домъ бѣдну, горюшицу, подворницей,
И вы во дворъ меня, горюшицу, коровницей;
И вы во лѣтныи, горюшу, во работнички,
И вы во зимныи, горюшу, водонощички,
И со обидныма сердечныма со дѣтушкамъ.
И вы послушайте-тко братьица родимыи:
И я пойду хоть со родимой своей родинки,
И вознесу да вамъ спасибо съ благодарностїю,
И за великое вѣдь ваше за желаньице,
И за сердечное за ваше за радѣньице;
И не смѣю я, печальная головушка,
И къ себѣ звать да васъ въ любимое гостибище,
И на Бладычный васъ Господень Божїй праздничекъ:
И столько не́-своя вѣдь вольна е вѣдь волюшка,
И да васъ стритить свѣтушко̀въ братцевъ родимыихъ
И на прогулушкѣ на широкой на у́личкѣ,
И да васъ звать-честить въ хоромное строеньице;
И на-бъ спроситься мнѣ у братцевъ богоданыихъ;
И доложиться у невѣстушекъ голубушекъ.
И столько слушайте, свѣтушкѝ-братцы родимыи
И дороги да соколочки златокрылыи!
И хоть въ сиротской я побѣдной буду жирушкѣ,
И во солдацкоемъ, горюша, положеньицѣ,

И вы зайдите-тко, скачоныи жемчужинки,
И засмотрите-тко печальную головушку,
Во побѣдноемъ безсчастноемъ живленьицѣ,
И вы—моихъ да вѣдь сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ.

Братья жалѣютъ, унимаютъ отъ слезъ,

Ласкаютъ и уговариваютъ; она отвѣчаетъ:

Дай—волю-те теплы-красны мои солнышки,
И мои милы свѣтушкй братцы родимыи!
И не жалійте-тко печальноей головушки;
Кабы знали, свѣтушкй, да про то вѣдали:
И какъ долитъ тоска великая кручинушка,
И унывать да какъ ретливое сердечушко.
И охти мни—мнѣ-ка, горюшицѣ, тошнёшенько:
И мнѣ-ка жаль тошно надёжноей сдержавушки.
И не жалійте, свѣтушкй-братцы родимыи,
И вы меня бѣдну кручинную головушку;
И со кручинушки смерётушка не приде,
И со тоскичушки душа съ грудей не выде:
И мое личушко теперь да не бумажное:
И текутъ слезы у горюши—не скачонъ-жемчугъ.
Ужъ какъ жила да я, печальная головушка,
И я за умной, за надежноей сдержавушкой
И какъ пчела въ меду, горюшица, купалася,
Ужъ я такъ жила, побѣдна, взвеселялася;
И не начаялась, горюша, не надіялась,
Што разстануся съ надежной со головушкой,
Я со этымъ со великіимъ желаньицемъ,
Со сердечныимъ великимъ краснословьицемъ
И на сдивленьице вѣдь добрымъ было людушкамъ,
И былъ онъ изо ста, мой свѣтушко, изъ тысящи;
И красота была въ личѣ да красна солнышка,
И его личушко-то было снѣжку бѣлаго;

И было много ума-разума въ головушкѣ,
И много розмыслу въ ретливоемъ сердечушкѣ.
И какъ посли своей надёжноей сдержавушки,
И надо жить бѣдной горюшицѣ умїючи;
И при кручинушкѣ горюшѣ быть—не плакать;
И хоть тоскую я, горюшица, стонаю;
И говорятъ да столько добры того людушки:
«И все не жаль да ей надёжноей головушки,
«Она зря да рýтитъ горьки столько слезушки.
И не радѣла бы, побѣдная головушка,
Я вѣдь добрымъ, горюша, столько людушкамъ,
И молодымъ женамъ съ мужьяма розставатися,
И отправлять да имъ надёжныхъ головушекъ
И во злодійную эту службу Государеву.

Къ богоданой матери:

И мнѣ пойти бѣдной кручинноей головушкѣ,
И со печальныма сердечныма со дѣтушкамъ,
И повзыскать да богодану свою матушку,
И малымъ дѣтушкамъ желанну эту бабушку,
И мнѣ поклонъ воздать, вѣдь ей да до сырой земли—
И сжаловалась до болѣзныхъ бы до внучатокъ,
И до моихъ да до сердечныхъ бѣдныхъ дѣтушекъ.
И какъ гляжу—смотрю, кручинная головушка,
И на свою да богодану гляжу матушку:
И што сидитъ да богодана моя матушка,
И на брусовоей сидитъ да бѣлой лавочкѣ,
И подъ печальнымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И подъ туманноей стекольчатой околенкой,
И што сидитъ да чужихъ басенъ пріослухавши,
И у молодушекъ она да разговорушекъ,
И знать, у дѣвушекъ веселыхъ она писенокъ;
И прозабыла, знать, сердечно свое дитятко.

И пораздумаюсь печальнымъ своимъ разумомъ:
«И не задумавши сидитъ да закручинивши,
«И закручинивши она да припечаливши,
«И бу́йна го́лова у ей да вѣдь приклонена,
«Ясны очушки въ дубовой полъ утуплены.
И не поставь во гнѣвъ, богодана моя матущка,
И ты за грубость-то теперь да за великую;
И попеняю же при добрыхъ тебѣ людушкахъ:
Я поро́скажу при добрыихъ сусѣдушкахъ,
И не жалила што сердечно свое дитятко,
И мою милую надёжную сдержавушку;
И ты послушай, богодана моя матушка:
И хоть была да ты во городѣ Петровскоемъ;
И отдалӣ да ты родитель удалялася,
И отъ сердечнаго болѣзнаго отъ дитятка;
И ты не-до́ждалась во городѣ Петровскоемъ,
И ты не видла вѣдь солдата новобранаго,
И сокрутили какъ побѣдныхъ во ученьице,
И срядили какъ безсчастныхъ въ похожденьице.
И роскажу жъ да богоданой тебѣ матушкѣ:
И какъ съ надёжой я, горюша, разставалася—
И со сердечныимъ рожонымъ твоимъ дитяткомъ,
И онъ челомъ да билъ, надёжа, низко кланялся,
И вкупи всимъ, да о́нъ вѣдь сродчамъ милымъ сродничкамъ,
И всимъ приближнимъ спорядовымъ сусѣдушкамъ,
И въ собину̀ теби поклонъ да челобитьице;
И онъ просилъ еще родительско прощеньице,
И онъ прощеньице просилъ съ бласловленьицемъ,
И на вѣки-то просилъ да нерушимыи.
И онъ еще просилъ, родитель, все наказывалъ:
И пусть помолится родитель—родна матушка,
И она Господу Владыкѣ отъ желаньица,
И обо мни да о солдатикѣ безсчастноемъ,
И што-бъ далъ Господи мни доброе здоровьице,

И мнѣ-ка службу-то, солдату, не тяжолую;
И на ученьицѣ-вѣдь быть да мнѣ понятному,
И сохранилъ бы меня Господи помиловалъ,
И на страженьицѣ меня да на великоемъ,
И отъ оружьица меня бы завоеннаго
И отъ копьевъ—штыковъ меня да все отъ вострыихъ.
И онъ еще просилъ родитель тебя матушку,
И онъ съ солдацкима просилъ да горючмы слезмы:
«И малыхъ милыихъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ,
«И ты носила бы на бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
«И уласкала бы сиротъ да безпрїютныихъ—
«И словно милое рожоно свое дитятко.
«И ты послушай богодана моя матушка:
И кажись, вси равны сердечны тебѣ дѣтушки,
И не ровно жъ твое великое желаньице.
И не попустишь, ты родитель, наша матушка,
Не умильное складное причитаньице,
И по сердечноемъ болѣзномъ своемъ дитяткѣ,
И по безсчастноемъ солдатѣ новобраноемъ;
И, вѣрно, у сердча, родитель, не носила,
И трудно-тяжело его не спородила,
И ты желанья до его не попустила.
Ужъ какъ спахнуся, печальная головушка,
И за свою милую надёжную сдержавушку,
И все долитъ тоска великая кручинушка:
И ты послушай богодана еще матушка:
И какъ любимыи, таланны твои дѣтушки,
И во своемъ оны хоромноемъ строеньицѣ,
И оны на-своей на вольноей на волюшкѣ,
И все на-радости оны да на весельицѣ;
И какъ моя бѣдна надёжная головушка,
И кажной день—да онъ на службѣ Государевой,
На часахъ да онъ съ оружьемъ завоенныимъ,
И съ писталетами вѣдь онъ да зарукавныма;
И за всегда-жъ, моя надёжа, подъ неволюшкой

И подъ великоей, надёжа, подъ заботушкой,
И опрѣшенной отъ родимой своей родинки,
И отрѣкнувши отъ любимоей семеюшки,
И отмѣнивши отъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.
Какъ спамячу да я надёжную головушку,
И рвучи-рветъ мое безсчастное сердечушко—
И трескомъ-трескае безсчастная утробушка.
И свѣты братьица мои да какъ разъѣдутся,
И по любимыимъ гостибищамъ разойдутся,
И о Бладычныихъ Господнїихъ о праздничкахъ,
И столько я да тутъ, кручинная головушка,
И по хоромному строеньицу похаживаю,
И по мостиночкамъ я дѣтушекъ поваживаю;
И я ношу, бѣдна, бладенца на бѣлы̀хъ рукахъ
И причитаю я, горюша, день до вечера,
И проклинаю я судьбу да все безсчастную:
«И ты судьба ли моя-участь безсчастная,
«И горька молодость моя да не таланная!
И тутъ пойду съ горя во нову да я горенку,
И ко бурлацкому снарядному я платьицу,
И въ руки во́зму тутъ сапоженьки козловыи,
И на бѣлы̀ груди желеточку шелковую —
И прилагаю я ко блёклому ко личушку,
И прижимаю ко ретливому сердечушку;
И тутъ кручинушка моя да не уходится;
И сердечушко мое не взвеселяется.
И съ горя кинуся къ ларчамъ я окованыимъ,
И отмыкаю я замочки щелкотурныи;
И тутъ я во́зму листъ бумаженьку гербовую,
И я патретъ да его бѣло это личушко;
И я на стѣнушку кладу да на вечовую,
И я на стопочку кладу да на точоную,
И отходя жъ да я патрету покланяюся;
И тутъ еще больше тоска у мня росходится,
И еще пуще тутъ обида розгоряетя;

И снова брошусь я къ ларчамъ да окованымъ,
И съ тоски вóзму его жолтыи кудерышка,
И во безсчастныи возму да я во рученьки.
И прижимаю я ко бѣлому ко личушку,
И я не-какъ, бѣдна, вѣдь тутъ не взвеселяюся,
И все великоей тоской да ушибаюся,
И во слезахъ да цѣлой день я прокорóтаю;
И тутъ гляжу да на путь-шúроку дороженьку,
И какъ идутъ да спорядовыи сусѣдушки,
И отъ Бладычнаго Господня Божія праздничка,
И на ихъ цвѣтное-то платье разцвѣтаетъ,
И у ихъ бѣлое личе да розгоряется;
И у меня-жъ да у побѣдной у головушки,
И на Бладычной-то Господень Божіи праздничекъ,
И призаплаканы побѣдны ясны очушки,
И пріутерто вѣдь поблёкло мое личушко.
И съ горя выду на крылечико перёное,
И со кручины на прогульную на уличку,
И со обиды на путь-шúроку дороженьку:
И на доспросъ возму спорядныихъ сусѣдушекъ:
«И вы были у Бладычнаго у праздничка,
«И вы не видѣли-ль, сусѣдушки, не слышали-ль,
«И уже нѣтъ ли гдѣ салдатушка прохожаго,
«Какъ со этой грозной службы Государевой,
«И нѣтъ ли вѣсточки, горюшѣ, да вѣдь грамотки;
И все я-думаю побѣднымъ своимъ разумомъ:
И возрадуютъ печальную головушку,
И взвеселятъ, може, ретливое сердечушко.
И пріотвитятъ тутъ спорядныи сусѣдушки:
— И прости-йзвини, солдатка горегорькая,
— Мы прохожаго солдата не видали,
— Писма-грамотки вѣдь мы да не слыхали.
И тутъ пойду, бѣдна горюша, заобидуюсь.
И тутъ ни гдѣ моя кручина не отвяжется,
И отъ меня тоска злодійна не останется.

И съ горя брошусь я во чистое во полюшко,
И со тоски я на зелёную дубровушку,
И тутъ я сяду на катучій бѣлой ка́мешокъ,
И тутъ повыскажу великую обидушку,
И ручу слёзушки, горюша, во сыру́ землю,
Што не знали бы вѣдь до́бры эты людушки,
Не спровѣдала любима бы семеюшка,
И мои милы свѣты-братцы богоданыи,
И не видѣли бъ вѣтляныи нешутушки,
И слезно плачутца *) горюши причитаютца **)
Я приду да хоть со чистаго со полюшка:
И какъ у праздничка, безсчастна, побывала,
Я великую кручину розсказала:
И этотъ ка́мешекъ съ чиста поля не скатится,
И кручина въ до́бры люди не роскажется—
И не въ укоръ буде отъ братцевъ богоданыихъ,
И не въ присловье отъ невѣстушекъ голубушекъ,
И съ горя брошусь я, безсчастная головушка,
Я ко милоей спорядноей сусѣдушкѣ,
Я ко этой вѣдь вдовы благочесливой,
Приду-сяду на брусову я па лавочку,
Ужъ я сдію съ ей вѣдь доброе здоровьице,
И спрого́ворю единое словечушко:
«И хоть насъ не́-одна родитель спородила,
«И однымъ—участью—таланомъ надѣлила:
«И ты послушай, спорядовая сусѣдушка,
«Ужъ ты, вдовушка, побѣдная головушка:
«И пораздіемъ мы великую кручинушку,
«И знаю-вѣдаю, кокоша горегорькая,
«И у тобя да у спорядной у сусѣдушки,
«И хоть отпущена надёжная сдержавушка,
«И не въ злодійну у тя службу Государеву,

*) Вм. плачучи.
**) Вм. причитаючи.

«И все во матушку вѣдь онъ да во сыру землю,
«И хоть во погреба отпущенъ во глубокіи;
«И столько знашь-вѣдашь, спорядная сусѣдушка,
«Гдѣ обложена могилушка умершая;
«И по часту̀ ходишь въ любимо во гостибище;
«И на Владычный ты Господень Божій праздничекъ,
«Да вѣдь сходишь на могилушку умершую,
«И потоскуешь ты, горюша, горекуешь,
«И знаешь-вѣдаешь ты вѣчно поминаньице;
«У меня жъ какъ у побѣдной у головушки
«И далеко моя надёженька отпущена,
«И во злодійну онъ во службу Государеву,
«И не могу да знать, горюша горегорькая,
«Уже въ живности ль, надёжная головушка,
«И нѣтъ ни вѣсточки, горюшицѣ, не грамотки,
«И нѣту низкаго поклона челобитьица.
«Ужъ я лучше бы, безсчастная кокошица,
«И во сыру землю его да опустила бы,
«И до Божьей Церквы, горюша, проводила бы;
«Я поставила бы крестъ животворящій,
«Я на этой бы могилы на умершеей;
«Я бы по́-часту, горюшица, учащивала,
«Я бы по́-долгу, горюшица, усѣживала,
«И на Владычный бы Господень Божій праздничекъ,
«И на свѣтло бы Христово воскресеньице,
«И все у сво́ей бы надежноей сдержавушки.
Я еще спрошу, печальная головушка,
И у тобя бѣдна вдова благочесливая:
«И также ростишь ты сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
«И ты придай мни ума-разума въ головушку,
«И размышленьица въ ретливое сердечушко;
«И также мо́лода вѣдь ты же оставалася:
«И какъ жить да мни, побѣдноей головушкѣ.
И тутъ отвѣтъ держитъ, спорядная сусѣдушка:
И ты послушай, моя милая сусѣдушка,

И ты безсчастная солдатка горегорькая:
И безъ краснаго миженьска тебѣ солнышка,
И отложить да на-бъ Бладычни эты праздничкн,
И на-бъ забросить все любимая покрутушка;
И у своихъ да свѣтовъ-братцевъ богоданыихъ,
И безъответной быть, горюшѣ, на-бъ работницей,
И на-бъ на лавочкѣ, горюшѣ, не посѣживать,
И надо по́-часту въ окошко не поглядывать,
И на-бъ на уличкѣ съ сусѣдкой не постаивать;
И какъ ростить-то сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
И надо плеточкой, горюшѣ, обвиватися
И надо ласково, горюшѣ, обходитися
И все ко свѣтушкамъ ко братцамъ богоданымъ.

Къ братьямъ богоданымъ:

Ужъ вы слушайте-тко братцы богоданыи,
И мои милыи скачоныи жемчужинки!
И столько въ томъ прошу васъ, красны мои солнышки,
И когда сядемъ мы за столъ да хлѣба кушать;
И вы и́скоса вѣдь тутъ да не смотрѣли бы,
И вы съ лихости вѣдь мнѣ не говорили бы,
И на праздничекъ меня да не слезили бы;
И хоть моихъ да вы сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ
И хоть бы не́—взяли на бѣлыи тамъ на рученьки,
И все погладили по буйной бы головушкѣ;
И тутъ сердечушко мое да взвеселилось бы,
И родны дядюшки до ихъ да сжаловалися,
И што погладили по бладой по головушкѣ;
И я еще прошу скачоны васъ жемчужинки:
И хоть тамъ при́дете вы, братцы богоданыи,
И отъ Бладычнаго Господня Божїя праздничка,
И вы подобрите сердечныхъ моихъ дѣтушекъ,
И принесите-тко любимыи гостинечки;

И хоть не яблочковъ прошу да я садовыхъ,
И хоть по пряничку бы дѣтушкамъ грошовому;
И пойдутъ дѣтушки отъ васъ да взвеселяются;
И какъ придутъ онѣ во дверной ко мни уголокъ
И къ безталаннымъ моимъ да бѣлымъ рученькамъ,
И станутъ радовать побѣдную головушку,
И нарекать станутъ безсчастну меня матушку:
«И сжаловалися желанны о насъ дядюшки,
«И столько сдобрились спацливы эты дядюшки;
Ужъ какъ я да сирота тутъ безпрїютная;
И возму дѣтушекъ на бѣлы свои рученьки,
И я прижму да ихъ къ ретливому сердечушку,
И поросплачусь я, побѣдна, разгорююся:
«Ой же, глупы малы дити неразумныи,
«И вы на радости теперь да на весельицѣ
«И за любимыи сердечныи гостинечки.
И вознесу да тутъ, побѣдная головушка,
Я спасибо свѣтамъ братцамъ съ благодарностїю;
«И што не—обошли сердечныхъ моихъ дѣтушекъ».
И сама да тутъ, побѣдна, ростоскуюся,
И ростоскуюся, побѣдна, поросплачуся,
И сговорю да тутъ сердечнымъ своимъ дѣтушкамъ:
«И кабы счастливы вы были да таланныи,
«И былъ бы при́-доми родитель-то вашъ батюшко,
«И наше милое любимо краснословьице,
«И завсегда жъ были любимы бы гостинечки,
«И вамъ сердечныи, любимы бы подарочки;
«И онъ держалъ всегда на бѣлыхъ бы на рученькахъ,
«И ублаждалъ бы онъ сиротныхъ да васъ дѣтушекъ.
И теперь нонѣчи сироты малы дѣтушки,
И какъ упалыи загнаны сѣры заюшки,
И хоть вы по́-избы бѣдны дѣти похаживаете,
Точно бѣлочки на дядюшекъ поглядываете,
И отъ ихъ ласкова словечка дожидаетесь;
У меня да у побѣдноей у головушки,

И безъ огня жъ мое сердечко разгоряется,
И все безъ лютоей смолы да розскипляется —
И на васъ смо́трячи, обидны мои дѣтушки;
И на четыре рядъ утроба перетрескала,
И да васъ ро́стячи сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.
И не надїюсь я, печальная головушка,
И когда вырощу сиротныхъ да васъ дѣтушекъ,
И я избуду отъ великоей заботушки,
И позабуду всю великую кручинушку.
Ой, роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И хоть повырощу до полнаго до возрасту,
И не убавится кручинушки, прибавится,
И на моемъ бѣдномъ ретливоемъ сердечушкѣ;
И лучше мать сыра земля да розступилась бы,
И я съ горя́ да отъ васъ, дѣтушки, укрылась бы
И все не ржавѣло бъ побѣдно ретливо̀ сердчѐ—
И все по васъ да по болѣзныхъ своихъ дѣтушкахъ,
И въ собину да по надежной бы головушкѣ!
Ужъ какъ ро́стячи сердечныхъ да васъ дѣтушекъ—
И вѣдь головушка моя да все состарется,
И не порой да моя молодость прокатится,
И какъ придержится безсчастна моя силушка,
И примашутся побѣдны бѣлы рученьки,
И бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей стеряется,
И меня то́ страшитъ печальную головушку:
И кто обуетъ мои рѣзвы эты ноженьки,
И кто оденетъ-то безсчастны мои плечушки,
И кто воскормитъ-то пристаршую головушку?

Къ сусѣдамъ:

Вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы милы спорядовыи сусѣдушки,

И на безсчастныихъ солдацкіихъ на дѣтушекъ!
И не въ господской живу, да бѣдна, жирушкѣ,
И я въ безсчастноемъ побѣдноемъ живленьицѣ,
И дѣтямъ горькое сиротско пропитаньице.
Какъ безъ своего родителя безъ батюшка
И не цвѣты падутъ съ сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ!
И возростать станутъ солдацки малы дѣтушки,
И воскликать будутъ безсчастну меня матушку,
И станутъ спрашивать побѣдную головушку—
Про спацливаго родителя про батюшка,
И про сердечное великое желаньице;
И отвѣчать буду, побѣдная головушка,
И во слезахъ да я солдацкимъ своимъ дѣтушкамъ:
«И вы послушайте, безсчастны малы дѣтушки:
Я не знаю же, побѣднушка, не вѣдаю:
И я въ давни да вѣдь съ надёжей разставалася:
Я въ горяхъ годовъ, побѣднушка, не знала;
И въ сиротахъ-слезахъ, горюша, прозабыла,
И какъ которой же учетный иде годышекъ,
И какъ безъ своей безъ надежноей головушки,
И глупы-малы вы—дити да поосталися,
И вы родителя, безсчастны, не видали,
И вы съ того—мáла въ безсчастноемъ живленьицѣ,
И во великой во злодійноей обидушкѣ;
И вы не знаете сердечны бѣдны дѣтушки:
«И што како-жъ живетъ родительско желаньице»
И вы глядите-тко на милыхъ поровечниковъ:
И кои счасливы вѣдь е да все таланныи,
И у ихъ прй—доми родители желанныи,
И тыи убраны дити да хорошохонько,
И на уличкѣ играютъ веселёшенько;
И тыи дѣтушки сусѣдскіи улажены,
У ихъ буйны головушки заглажены,
И имъ по ноженькамъ сапоженьки ушиваны.

И я гляжу—смотрю, побѣдная головушка,
И все на васъ да я солдацкихъ малыхъ дѣтушекъ:
И хоть вы выдете на ши́року на у́личку,
И опришенны вы отъ малыхъ поровечничковъ,
И отрекнувши отъ дѣтей да вы отечскіихъ:
И ваши го́ловы вѣдь е да не заглажены,
И вы сиротны мои дѣти не улажены,
И по рѣзвы̀мъ ногамъ сапожки не ушиваны;
И не посмѣ̈ете, безсчастны мои дѣтушки
И подойти да къ своимъ малымъ поровечникамъ:
Отдали́ отъ ихъ бѣдны̀ дѣти постаиваютъ,
И со сторонъ, бѣдны несчастныи, поглядываютъ;
И тыи дѣтушки надъ вама наругаются,
«Што солдацкіи вы дѣти самовольныи»,
И у меня жъ да у печальной у головушки,
Да тутъ сходится тоска не угасимая,
И на моемъ зломъ на ретливоемъ сердечушкѣ
Што опришенны вы сердечны мои дѣтушки,
И не веселы на ши́рокой на у́личкѣ,
И обижаютъ васъ робята все отечскіи.
И хоть я выду тутъ на ши́року на у́личку,
И сговорю дитямъ вѣдь малое словечушко:
«Вы обидныи сердечны мои дѣтушки,
«И отдалі́ да вы стоите при обидушкѣ,
«И на слезахъ вы при великоей кручинушкѣ,
«И што не примутъ васъ любимы поровечники,
«И оны въ пай играть вѣдь васъ не привѣчаютъ;
«И вы подите-тко, сердечны мои дѣтушки,
«И вы ко сво́ему хоромному строеньицу,
«И вы ко этому крылечику перёному
«И подъ свои да подъ косѣвчаты окошечка,
«И тутъ играйте-тко сердечны мои дѣтушки.
Не дай Боже вѣдь того, да Боже Господи,
Какъ на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ—

И сиротъ ростить-то безсчастныхъ малыхъ дѣтушекъ.
И у меня-жъ да у побѣдной у головушки
И всякой день моя утроба перетрескае,
Ужь какъ глядячи на солдацкiихъ на дѣтушекъ:
Отъ добрыхъ людей—оны дѣти отмѣнныи,
И на уличкѣ оны да опришенныи,
И отъ отечскiихъ дѣтей да отломилися.

III.

ПЛАЧИ — ПРИ ПРОВОДАХЪ СОЛДАТА СЪ ПОБЫВКИ.

Ирины Өедосовой.

Вопитъ жена:

И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Отдалі̀-жъ да во косѣвчато окошечко,
Во раздольице, горюша, во чисто̀ поле,
И на эту почтову̀ ямску̀ дороженьку,
И съ часъ съ часочику, горюша, сожидаю я,
И хто путемъ идё дорожкой, замѣчаю все;
Въ гости жду къ себѣ надёжную головушку;
Умомъ думаю, печальнымъ своимъ разумомъ:
И може, при́де тутъ, надёженька, объявится;
Я бы до́ждалась, горюша, взрадовалася;
Я бы стритила во чистоемъ во полюшкѣ,
И на пути да на широкой бы дороженькѣ,
И на прогулушкѣ на ши́рокой на улушкѣ;
Я бы въ ту́—пору, горюша, взвеселялася,
И веселымъ была, горюша, веселешенька;
И какъ бы въ ту́—пору у мня бы въ тое времечко,
И бѣлой свѣтъ бы у крылечка розсвѣтился,
И красно солнышко у насъ въ домы поро́спекло бъ,
И какъ свителъ мѣсяцъ въ полночь да поразсвѣтился бъ,

И часты звѣзды подъ утро возсіяли бы,
И малы дѣтушки того да взрадовались бы,
Што вѣдь до́ждались великаго желаньица,
Быдто свѣтлаго Христова воскресеньица;
И я на радости бы тутъ да на весельицѣ,
И прозабыла всю велику бы кручинушку,
И отложила бы злодійную тоскичушку,
И быдто вѣкъ въ горѣ, горюша, не живала бы,
И злой обидушки, горюша, не видала вѣдь:
Ужъ я такъ, бѣдна горюша, взрадовалась бы.
И я дождусь ли то, печальная головушка,
Ужъ какъ будетъ ли на семъ да на бѣло̀мъ свѣтѣ,
Столько про́ща-та теперь да Государева,
Столько отпуски-то будутъ ли домовыи,
Какъ отъ этого царя—бога великаго,
И отъ наслѣдника его да милосердаго;
И отпустили бы солдатушка билетнаго,
И мою милую надежну бы головушку,
И его на́—свою родиму-бы сторонушку,
И засмотрѣть да все печальную головушку,
И сиротъ малыихъ безсчастныихъ бы дѣтушекъ.
И кабы сча́стлива была да я таланная,
И я бы до́ждалась надежную головушку,
Запримѣтила бъ, безсчастная головушка,
По походочкѣ дороженькой щепливой,
И по печальному солдацку бѣлу личушку,
И по военному мондеру суконъ сѣрыихъ:
Я по вечеру узнала бы поздёшенько,
И вскорѣ сдіяла бы доброе здоровьице,
И со радостью, со причетью великой,
И я съ побѣдныма, горюша, горючмы слезмы:
И оттворила бы новы сѣни рѣшотчаты,
И сотворила бы Ісусову молитовку,
И сговорила бы, печальная головушка:
«Слава Богу-то теперь да слава Господу,

«Слава вышнему теперь да вѣдь Святителю!
И дождалась свою скачоную жемчужинку,
И я не братца-то собѣ да не любимаго,
И дорогаго себѣ гостюшка любимаго.

Приходитъ солдатъ; жена встрѣчаетъ:

Какъ на моихъ да новыхъ сѣняхъ рѣшотчатыхъ,
Сего де́нечка теперь да вѣдь Господняго,
Изъ за горъ да красно солнышко выкатается,
Изъ за облаки свѣтёлъ мѣсяцъ является;
И веселымъ нынь-ко хоромное строеньице,
И нонь я радостна солдаточка безсчастная:
И тутъ я шла, бѣдна̀ горюша, поскорёшенько,
И говорила бы, горюша, суровёшенько,
И возбудила бы сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.
«Уже станьте-тко безсчастны малы дѣтушки,
«И да вы до́ждались великое желаньице
«И вы спацлива родителя въ домъ батюшка;
И тутъ повыду на крылечико перёное,
Я со радости, горюша, да весельица;
Я возрадую спорядныихъ сусѣдушекъ:
«И вы не знаете, сусѣди спорядовыи,
«Што я ве́села сего-дня—сего де́нечка:
«И объявилася скачоная жемчужинка,
«И моя милая надёжная головушка,
«И какъ со этой грозной службы Государевой;
«И не купчемъ вѣдь онъ пришелъ да не торговымъ,
«И онъ ко мни пришолъ вѣдь гостюшкомъ любимымъ.
Какъ сегоднишна Господня Божія де́нечка,
И то Бладычной ли Господень Божій праздничекъ,
Аль свѣтлое Христово Воскресеньице,
У меня въ домѝ кручинной у головушки?
И тутъ розставлю я столы да все дубовыи,

Да я сла́ла скатерти́-то шито-браныи,
И по рукамъ да клала красну эту ложечку;
И тутъ я на́несла вѣдь ѣствушекъ сахарнїихъ,
Я составила-то питьица медвяныи.
И тутъ его да свѣтушки—братцы родимыи,
И оны при́шли со крестьянскоей роботушки,
Прїужахнулись оны да росполохались,
И не узнали свѣтушка братца родимаго.
И на дубовоей мостинкѣ устоялися,
И оглядѣлись на солдатушка походнаго.
И тутъ, моя мила надёжная головушка,
Ужъ онъ сталъ да-со-брусовой бѣлой лавочки,
Онъ подходитъ къ свѣтушкамъ братцамъ родимыимъ,
И сговоритъ да тутъ онъ, свѣтъ-то таково слово:
«И не узнали, видно, братьица, спугалися,
«И вы меня да все солдатушка безсчастнаго:
«И што не сдїяли вы доброе здоровьице,
«И я не сбѣглой вѣдь солдатъ да не прохожей,
«И столько вамъ да свѣтушко братецъ родимой:
«Я пришелъ да во любимое гостибище,
«И на свою да на родимую на родинку,
«И засмотрѣть пришолъ безсчастну молоду́ жену,
«Я сиротныихъ побѣдныхъ милыхъ дѣтушекъ,
«И показать себя солдатушка безсчастнаго,
«Во солдацкомъ горегорькомъ пришелъ платьицѣ:
«Не убойтесь, свѣты братьица родимыи,
«И къ вамъ не пахаремъ на чисто пришелъ полюшко,
«Не сѣнокосцемъ на луговыи на поженки,
«Не рыболовушкомъ на си́не на Онегушко;
«И на одинъ пришелъ учётной столько годышекъ,
«Я до спросу-то пришелъ да Государева.
«И вы послушайте-тко, братьица любимыи:
«И когда въ грозну меня службу отдавали
«И во ту́-пору меня вы узнавали.
Ужъ какъ тутъ да свѣты братцы взрадовалися;

И оны сдіяли вѣдь доброе здоровьице,
И оны при́няли за гостюшка любимаго,
Все за свѣтушка за братца за родимаго;
И поскорёшеньку вѣдь шли да въ свѣтлу свѣ́тлицу,
И какъ во эту во столову нову горенку;
Оны ставили самовары-то шумячіи,
Оны шли, да закупили сладкой воточки;
И за чаемъ оны со братцемъ порозбаялись,
И за воточкой тутъ съ имъ да разговоръ ведутъ,
И выспрашиваютъ тутъ братца все родимаго;
«И мы живымъ да тебя братца не считали,
«И отъ тя вѣсточки вѣдь мы не получали,
«И писма-грамотки отъ тебя да не бывало.
Уже тутъ да свѣтушкȯ братецъ родимой,
И поросплакался солдатъ да порозбаялся;
И сговоритъ да онъ, свѣтъ, таково слово:
«И мое дальнее солдацко похожденьице,
«И много разъ былъ на великоемъ страженьицѣ,
«Я на службѣ-то вѣдь былъ да Государевой.
«И кабы знали, да вы братцы, про то вѣдали,
«И про злодійну эту службу Государеву:
«И на страженьицѣ спокою не видали,
«И трои суточки мы хлѣба не ѣдали;
«И не начаялись солдаты, не надіялись,
«Што вѣдь въ живности побѣднымъ быть головушкамъ.
И, знать, по нашему великому таланьицу
И мы ли Господа-то Бога упросили,
Аль родители за насъ да умолили,
Што сраженьице у насъ да уходилося,
Што война-то вѣдь у насъ да усмирилася.
Уже тутъ да намъ солдатушкамъ безсчастнымъ,
Царь великій намъ далъ да облегченье,
И милосердый-то Наслѣдникъ сжаловался;
Ужъ онъ далъ да намъ билеты подомовыи,
И отпускалъ да на родину насъ на родинку,

И сговорилъ да тутъ Наслѣдникъ таково слово:
«Ужъ вы бравыи солдаты завоенныи,
«И постояли вы за вѣру Христїанскую,
«И пострадали за Русїю подселенную,
«И сберегали вы царя-бога великаго;
«И вы палили тутъ солдаты не дробили вѣдь,
«И на штыки брали злодїевъ, не боялися.
«И восхвалилъ да Онъ солдатовъ новобраныхъ.
«И мы во дальноей-то были во сторонушкѣ,
«И мы за много были тысящь, въ да̀льныхъ го́родахъ.
«И хоть писма̀ писать бы, къ вамъ не доходили,
«И къ вамъ вѣдь вѣсточки моей не доносили.
«И не убойтесь, свѣты братьица родимыи:
«И захотѣлось на родимую на родинку,
«И побывать да въ домъ крестьянску вашу жирушку.
И тутъ узнали вси сусѣди спорядовыи,
И приходить стали въ хоромное строеньице,
И смотрить стали солдата все походнаго.
«И вы смотрите-тко сусѣди спорядовыи,
«И вы смотрите-тко старушки стародревнїи,
«И на солдацкое безсчастно бѣло личушко,
«И на одёжу на солдацку суконъ сѣрыихъ;
«И не бурлакушкомъ прїѣхалъ Петенбурскїимъ,
«И не съ наживушки прїѣхалъ молодецкой;
«И во походъ да мои ножки притопталися,
«И отъ оружьевъ бѣлы ручки замахалися,
«И на страженьицѣ, бурлакъ, да я состарѣлся,
«И на войнѣ̀ да бѣла ли́чё измѣнилося,
«И вы глядите-тко спорядныи сусѣдушки;
«И тутъ богачество мое да все имѣнїе,
«Я принесъ да за плечама за солдацкима;
«И все ранѐцъ да столько сумочка солдацкая;
«И вси луга тутъ у солдата—сѣнокосныи
«И вси участки—у солдата—деревенскїи.
И угостили свѣты братьица—уподчивали;

И тутъ садилися за столъ да хлѣба кушать,
И вся въ собраньицѣ любимая семеюшка.
«Ужъ вы слушайте-тко, братьица родимыи,
«Послыхайте, соколочки златокрылыи,
«И да што я скажу, солдатъ бѣдной безсчастной:
«Какъ я шолъ да путемъ—широкой дороженькой,
«И мни попали на пути да все попутчики,
«Изъ моло́дыихъ сусѣдей спорядовыихъ,
Не признался я, солдатъ, не росказался;
Я спросилъ да у сусѣдушка повы́вѣдалъ,
Я про свой домъ, про крестьянску вашу жирушку,
Я про васъ, да свѣты братьица родимыи,
И про безсчастную солдатку молоду́ жену,
И про печальныихъ сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ.
И мнѣ сказалъ да спорядово-ётъ сусѣдушокъ:
«И не въ почеточкѣ солдаточка безсчастная;
«Какъ отъ васъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ.
«И нѣтъ желанія до сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
«И вы ю грубныимъ словечкомъ все грубили,
«Какъ мою́ бѣдну безсчастну молоду́ жену;
«Какъ моихъ да сиротъ малыхъ этыхъ дѣтушекъ,
«И къ дубовому столу не припущали,
«И отъ стола были дѣти̇ эти оттолнуты
«И отъ дубоваго солдацки пріотпѣхнуты.
Чрезъ пять на десять учетныхъ долгихъ годышковъ,
Когда жъ въ грозну меня службу отправляли,
И вы заклятье-то вѣдь мни да полагали:
«И не обидимъ мы сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ,
«И не огру́бимъ вѣдь твою да молоду́ жену;
И прозабыли свѣты братьица родимыи—
И вы заповѣдь свою да вѣдь заклятье.
Ужъ я тутъ бѣдной солдатушко походной.
И я у чистаго тутъ поля закручинился,
У деревенскаго села да заобидился,
И у перёнаго крыльца слезно росплакался;

И устоялся тутъ, солдатъ, я прїодумался:
Што новы сѣни теперечко призаперты,
Што косѣвчаты окошка призадвинуты;
И нѣту прú-доми, знать, братьицевъ родимыихъ,
И не случилося безсчастной молодóй жены;
И я съ обидушкой къ крыльцу пришелъ перёному.
И во домѝ бѣдна солдатка прилучилася,
И во косѣвчато окошечко зглянула,
И какъ признала по безсчастну блёклу личушку,
И она брóсилась, побѣднушка, скорёшенько,
И въ торопя̀хъ она, побѣдна, на новы сѣни,
И суровенько на крылечико перёное,
И тутъ со радости, горюша, со весельица,
И она кретъ клала, горюша, по писаному,
И поклонъ вела, горюша, по учоному,
И сговорила тутъ, побѣдная солдаточка:
И слава тому Богу, слава Господу,
Слава Вышнему теперечко Святителю,
И въ собину да Пресвятой же Богородицѣ!
И привелъ Господи надёжную головушку,
И какъ безсчастнаго солдатушка походного,
И его нá-свою родимую сторонушку!
И сговорила тутъ безсчастная солдаточка:
И какъ у нáсъ теперь по вы́соку по терему,
И не скачонъ жемчугъ теперечко катается,
И свѣтъ надёжа по мостиночкамъ ступаетъ;
Взрадовалася, горюша, взвеселилася,
И на бѣлы́ груди вѣдь я да тутъ бросалася,
И съ нимъ я сдїяла вѣдь доброе здоровьице,
И крѣпко прúжала къ ретливому сердечушку,
И прилагала все къ блеклому ко личушку,
И припадала во уста его сахарнїи,
И подхватила тутъ подъ правую подъ ручењку,
И провела да въ тепловитое во гнѣздышко,
И тутъ поддёрнула вѣдь стулъ ему кленовой:

«И ты садись, моя надёжная головушка,
«И ты на стульица садись да на кленовыи,
«И розстегни да ты мундеръ свой суконъ сѣрыихъ,
«И скинь немилую одёжу ты солдацкую;
«И пріусталъ да путемъ-ши́рокой дороженькой,
«И притопталися вѣдь рѣзвы твои ноженьки,
«И придержалися казённыи сапо́женьки,
«И примахалися солдацки бѣлы рученьки,
«И столько и́дучи путь ши́року дороженьку;
«И поспѣшался на родиму свою родинку.
И какъ тобя, моя надежная головушка,
И не узнала все родитель родна матушка;
Отдали она родитель-то похаживатъ,
И она во́-глаза, родитель, все поглядыватъ,
И у меня да у горюшицы выспрашиватъ:
«И ты скажи мнѣ-ка, невѣстушка голубушка,
«Какъ откуль енной солдатъ иде прохожей?
И пріотвитила, печальна я головушка:
— И не признаешь, знать, родитель родна матушка:
— И моя милая надежная головушка,
— Какъ твое мило сердечно это дитятко.
И она бро́силась родитель да не-о́глядью,
И подходила тутъ родитель по скорёшеньку;
И сговорила тутъ родитель родна матушка:
«И ты сердечное рожоно мое дитятко,
«И тепло-красное миженьско мое солнышко,
«И моя милая скачоная жемчужинка:
«Съ коей сто́роны, мой свѣтъ, да объявился,
«Съ коей пути—широкой дороженьки;
«И не узнала я, печальная головушка,
И кабы знала я, горюша, про то вѣдала,
Што въ пути идешь сердечно мое дитятко,
И снарядила бы я братьицевъ родимыихъ,
И обсѣдлала бы ступистую лошадушку,
И тебя стритила, печальну бы головушку,

И далеко въ пути о ши́рокой дороженькѣ;
И по головушкѣ родитель нынь поглаживае
И личё къ личушку родитель прилагае,
И сговоритъ да тутъ родитель таково слово:
«И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
«Какъ послѝ да тебя, красно мое солнышко,
«Я приплакала безсчастны ясны очушки,
«И перетрескало ретливое—сердечушко,
«И все жалїючи безсчастна тебя дитятка;
«И памятила я, печальная головушка,
«И я по свѣтлымъ Христовымъ воскресеньицамъ,
«И по Бладычнымъ Господнїимъ по праздничкамъ;
И сговоритъ да все родитель родна матушка:
«И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
«И нынь-ко сдїю съ тобой доброе здоровьице.
И тутъ безсчастной-то солдатъ да все походной,
И на усталыи солдацки сталъ на ноженьки,
И приклонилъ свою солдацкую головушку,
И онъ—спацливой жалосливой своей матушкѣ,
И онъ во рѣзвыи пристаршїи во ноженьки,
И поздоровался съ желанной родной матушкой:
Ужъ какъ столько родитель родна матушка,
Его при́няла на бѣлыи, на рученьки,
Захватила все за бладую головушку,
Не допустила во пристарши свои ноженьки,
И говорила все родитель—родна матушка:
«И ты безсчастное сердечное мое дитятко,
«И ты за што коришь солдацкое сердечушко,
«И приклоняшь да ты служилую головушку,
«Ты къ побѣдной ко родителю ко матушкѣ,
«И удивляешь многихъ добрыхъ столько людушекъ.
И тутъ садились со родителью со матушкой,
И оны по́-ряди на стульица кленовыи:
И тутъ глядитъ-смотритъ родитель—бѣдна матушка
И на сердечное безсчастно свое дитятко,

И на свою да на скачоную жемчуженку,
И ты послушай-ко рожоно мое дитятко,
И моя милая скачоная жемчужинка:
Не начаялась, побѣдна, не надѣялась,
И што дождаться тебя, красно мое солнышко:
«И ты возрадуйся печально ретливо сердче,
«И взвеселись моя безсчастная утробушка,
«Хоть не на долго той поры да этой времечки!
«И наглядитесь-ко побѣдны ясны очушки
«Какъ на этую свѣщу да не топлёную,
«И все на этую вербу да золочоную.
И она брáла тутъ безсчастны бѣлы рученьки,
И у сердечнаго рожонаго вѣдь дитятка,
И по бѣлымъ рукамъ солдатушка поглаживаетъ
И она въ радости-слезахъ да розговариваетъ:
«И какъ безсчастныи солдацки эты рученьки,
«И пріустали носить ружья зарукавніи,
«И одубили тонки бѣлы эты пéрески,
«Заряжаючи оружьица военныи;
«И какъ состарѣлось вѣдь бѣло это личушко
«Во злодійскоей во службѣ Государевой.
И сговоритъ да тутъ родитель таково слово:
«И стану подчивать сердечно свое дитятко,
«И за столы садить дитё да за дубовыи;
«И мы истопимъ теплу-парну ему баенку,
«И честно примемъ-ко сердечно мое дитетко:
«И я глядить стану, кручинная головушка,
«И на тебя мое рожоно мило дитятко;
«И во моихъ теперь пристаршихъ ясныхъ очушкахъ
«И бѣлой свѣтушко въ очахъ да объявился,
«И красно солнышко во ясныихъ порóспекло!
«Изъ за горъ да появилося высокіихъ,
«Изъ за лѣсушекъ оно да изъ за темныихъ,
«Изъ за синяго съ за славнаго за морюшка,
И не узнала я, печальняя головушка,

И все рожоное сердечно мило дитятко,
И не походочкой его да молодецкой,
И не по бѣлому солдацкому по личушку.
И нынь не знаю я, кручинная головушка,
И куды класть да тепло красно тебя солнышко,
И не спустила бы съ безсчастныхъ со бѣлыхъ грудей,
И я съ побѣдныихъ безсчастныхъ ясныхъ очушекъ;
И прогляжу, бѣдна кручинная головушка,
И ужъ лѣтной день до поздаго до вечера.
И на сердечное обидно свое дитятко,
И просижу да я осенну долгу ноченьку,
Я у крутаго у складняго зголовьица,
Я прогла́жу тутъ, обидная все матушка,
И по безсчастноей его да по головушкѣ,
И безталаннымъ завоеннымъ его плечушкамъ;
И пролюбуюся, горюшица печальная,
Я сердечныимъ рожонымъ своимъ дитяткомъ,
И прижму рученьки къ ретливому сердечушку
Ужъ я этого походного солдатушка—
И уласкаю до зори да я до утренней;
Не приклоню да въ сонъ безсчастну свою го́лову;
Я со радости, старуха, со весельица,
Истоплю рано кирпичну эту печеньку,
Я налажу ему ѣствушки сахарніи,
И особенны вѣдь питьица медвяныи;
И тутъ повыспрошу, печальная головушка,
И про безсчастну его жизнь да про солдацкую,
И горегорькое его да похожденьице
И про эту его, службу про злодійную.
«И ты поро́скажи, сердечно мило дитятко,
«Ужъ ты мнѣ-кова печальноей головушкѣ,
«И мни безсчастной, горегорькой родной матушкѣ;
И какъ посли тебя, сердечно мило дитятко,
Я не знала то, горюшица, не вѣдала,
Я не свѣтлаго Христова воскресеньица,

И не Владычнаго Господня Божія праздничка;
И столько на̀-тоску вѣдь мни да оставалися
И какъ сирота твоя безсчастна молода̀ жена
И столько горькіи сиротны твои дѣтушки;
И какъ придетъ да все Владычный Божій праздничекъ,
И тутъ роздумаюсь, горюша, поросплачуся,
И по новымъ синямъ, горюша, я похаживаю,
И во чисто̀ поле, безсчастна, я поглядываю:
«Таки ль пыль въ полѣ—погода, буйны-ль вѣтрышки?
И пороздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И може, милое сердечно мое дитятко,
И на Владычній-то Господень Божій праздничекъ,
И на службу, можетъ, дитятко снаряжено
Аль на часы, да мое дитятко, поставлено,
Аль на великое страженьице отряжено;
И не въ бурлацкоей снарядноей покрутушкѣ,
И сапоженки ему да не по ноженькамъ
Какъ одёжа-то ему да суконъ сѣрыхъ,
И можетъ, на́плотно сердечушко подтянуто,
И столько на̀крѣпко ретли́во призастегнуто;
И на Владычной-то Господень тебѣ праздничекъ,
И, можетъ, ѣствушки, вѣдь дитятко, сухарики,
И, можетъ, питьица—вода да все со ржавушкой;
И сожалїю я, безсчастная головушка,
И съ горя сяду подъ косѣвчато окошечко,
И подъ туманную стекольчату околенку,
И поросплачуся, горюша, ростоскуюся,
И тутъ возму съ горя сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ,
И я печальныихъ сердечныхъ своихъ внучатокъ,
И я на̀-свои безсчастныи на рученьки,
И сговорю твоей любимоей семеюшкѣ:
«И ты послушай, свѣтъ вѣтляная нешутушка,
«И ты сходи, бѣдна, во свѣтлу съ горя свѣтлицу,
«И возми цвѣтное, бурлацко его платьице,
«И во вторыхъ его завивны кудри жолтыи,

«И принеси да ко печальной мнѣ головушкѣ,
«И мы положимъ ихъ на столъ да на дубовой,
«И тутъ мы сядемъ хоть, печальныи головушки,
«И пріотдвинемъ мы стекольчату околенку,
«И пріоттворимъ мы косѣвчато окошечко,
«И станемъ плакать мы, горюши, причитать;
«И воскликать будемъ скачоную жемчужинку.
«Ужъ я милое сердечно свое дитятко,
«И ты любимую свою милу семеюшку:
— И ты приди наше сердечно мило дитятко,
— И приди на́-свою родимую сторонушку,
— И ко безсчастной ко родителю ко матушкѣ
— И къ безталанной, горюшѣ, молодой женѣ,
— И ко своимъ приди печальнымъ да ты дѣтушкамъ,
— И да ты въ домъ приди вѣдь гостюшкомъ любимымъ,
— И по дому̀ да большакомъ ты-настоятелемъ,
— И сожидаемъ мы, печальныи головушки,
— И мы стоимъ да надъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
— И мы Владычнымъ Господнимъ Божіимъ праздничкомъ;
— И появись да ты, скачоная жемчужинка,
— И ты съ раздольица намъ, свѣтъ, да со чиста̀ поля,
— И проѣзжающимъ солдатомъ со сина́ моря:
— Хоть по крыльцу пройди калѣкой перехожей,
— И по новымъ синямъ пройди хоть яснымъ со́коломъ:
— И да мы стритимъ тутъ, печальныи головушки,
— И на крылечушкѣ калику перехожую,
— И мы доспросимся, горюши, допытаемся,
— И про солдацко горегорькое живленьице,
— И хоть у этой у калѣки перехожей.
И хоть мы сидимъ, бѣдны, мы не до́ждемся,
И день ко вечеру вѣдь тутъ да скоротается,
И приде свѣтлое Христово воскресеньице,
И я повыстану поутрышку ранёшенько,
И я со этой со пуховоей перинушки,

И спамячу, бѣдна кручинная головушка,
И тутъ тобя, да вѣдь сердечно мое дитятко:
«И уже спалъ ли ты спокойну эту ноченьку.
И тутъ я стану на безсчастны рѣзвы ноженьки,
И тутъ я стану передъ Спасомъ Богородицей,
И тутъ я крестъ кладу, горюша, по писаному,
И я поклонъ веду, горюша, по учоному,
И я пречистой пресвятой да Богородицѣ;
И сотворю бѣдна Iсусову молитовку;
И поклонъ кладу, горюша я печальная,
И за безсчастное сердечно свое дитятко,
И за обиднаго солдата безталаннаго;
И на сесь день Господь-Владыко бы помиловалъ,
И отъ наѣзду бы его да енеральскаго,
И отъ удару бы солдата запростѣйшаго,
И што къ оружьицу дитё да приминилось бы,
И на ученьицѣ дитё да не смѣшалось бы;
И на свѣтло бы Христово воскресеньице,
И безсчастной бы солдатъ былъ не обиженой,
И онъ не былъ бы солдатъ да все набра̀неной.
И тутъ роздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
И на молитовкахъ дитё да я спасаю,
И не знаю-то, горюшица, не вѣдаю;
И пятой-на̀-десять учетной иде годышекъ,
И нѣтъ ни слуху отъ его да намъ не грамотки,
И на страженьицѣ дитё, може, заранено,
И во сыру́ землю дитё, да може, вкопано.
И не начались мы, горюши, не надїялись,
И мы вѣдь не́-ждали сердечно мило дитятко,
И его стритить-то во чистоемъ во полюшкѣ;
И уже вдругъ да у крылечика перёнаго,
И на часу эта собака призалаяла,
И у крылечушка робята призабаяли,
И оны ду́-другу робята объявляютъ,
И поровечниковъ оны тутъ воскликаютъ:

И што ко нашему сусѣду спорядовому,
И што солдатъ да по крыльцу идё незнамой;
И съ горя кинулась, печальна я головушка,
Ужъ я во́-это косѣвчато окошечко;
Я сглянула на широкую на уличку,
И што у нашего крылечика перёного,
И што въ толпу малы робята обстолпилися,
И на како̀ да оны чудо тутъ дивилися.
И тутъ моя мила вѣтляная нешутушка,
И вскорѣ вышла на крылечико перёное,
И она съ ве́села, горюша, сговорила,
И все со радости молитву сотворила,
И она ласково словечко сговорила:
«И слава Богу-то теперь да слава Господу,
«И слава Вышнему теперечко Святителю,
«И все пречистой Пресвятой да Богородицѣ!
И поскорёшеньку вѣдь взадъ да воротилась,
И дубовы да она двери оттворила,
И сговорила мнѣ, печальноей головушкѣ:
«Уже слушай, богодана моя матушка,
«И какъ сего-дня, сего-де́нечка Господня́го,
«И какъ во этотъ часъ теперь да во минуточку,
«И мы коимъ богамъ сего-дня-то молилися,
«И до сырой земли, горюши, мы клонилися;
«Какъ у нашего крылечка у перёнаго,
«И красно солнышко теперь да все поро́спекло,
«И показалася скачоная жемчужинка,
«И объявилося сердечно твое дитятко,
И моя милая надёжная головушка;
И съ горя бросилась, печальная головушка,
И на новы сѣни, горюша, я рѣшотчаты;
И я не вѣрила вѣтляноей нешутушкѣ,
И што мани́тъ меня печальную головушку;
И ужъ я вышла на крылечко, сторопилася,
И не сомношечко вѣдь тутъ посторонилася;

И усмотрѣлася, горюша, не узнала,
И я рожоное сердечное свое дитятко.
Ужъ онъ въ домъ зашолъ, въ хоромное строеньице;
Ужъ крестъ кладё дитё да по солдацкому,
И онъ поклонъ ведё дитё да по присяжному;
И ужъ Господу тутъ Богу помолился,
И онъ взадъ моё дитё да воротился;
И во рѣзвы̀ ноги онъ мни да покланяется,
И сговоритъ мило сердечно мое дитятко;
«И ты желанная родитель-моя матушка,
«И што же о́тдали, родитель, удалилася,
«И меня ль бѣдна солдата устрашилася,
«Аль по облику меня да не признала;
«И не убойся-тко, родитель,-родна матушка;
«И я не на́-вѣки пришелъ гостемъ любимымъ;
«Я не пахаремъ на чи́сто пришелъ полюшко,
«И не сѣвчемъ да на роспашисты полосушки,
«И не рыболовушкомъ на сине славно морюшко,
«И не стрѣльчемъ да во темны лѣса дремучіи,
«И побывать да на родиму пришелъ родинку,
«И погостить да къ свѣтушкамъ братцамъ родимымъ.
«И засмотрить да я безсчастну молоду́ жену
«И спровѣдать про сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И тутъ я съ радости, горюша, со весельица,
И раздѣваю тутъ сердечно свое дитятко,
И сговорю своей скачоноей жемчужинкѣ;
«Ты вѣдь скинь свою солдацкую одеженьку,
«И ты надѣнь свое бурлацко цвѣтно платьице;
«И тутъ я по́гляжу, горюша, полюбуюся,
«И съ тобой, дитятко сердечно, поликуюся;
«И нонь сегоднишнымъ Господнимъ Божїимъ де́нечкомъ
И мы съ твоей милой любимоей семеюшкой,
И на великой мы Господней Божьей милости,
И мы съ весельица, побѣдныи, со радости,
«Таки-ль на́-воды ли мы да теперь на́-земли,

И во домы у насъ теперь да веселёшенько,
И во вси наши косѣвчаты окошечка,
И единò да пече красно теперь солнышко,
И обогрѣватъ да насъ печальныхъ головушекъ:
И мы не знаемъ то, горюшицы, не вѣдаемъ,
И за каки дѣла, побѣднымъ намъ принятися.
И сговорю бѣдной вѣтляной я нешутушкѣ:
И уже слушай-ко, невѣстушка голубушка,
И ужъ дóждались сдовольна бѣла свѣтушка.
И не спущу, бѣдна, со ясныхъ я со очушекъ,
И со своихъ да со печальныхъ его рученекъ;
И продержу да у ретливаго сердечушка,
И просижу да у сердечнаго у дитятка,
И чѣлой лѣтной день до позднаго до вечера,
И стану пó-тиху, горюша, разговаривать,
И стану пóдъ-ушко, горюшица, выспрашивать:
И во первыхъ спрошỳ, печальная головушка;
И ты гнѣвéнъ мое сердечно мило дитятко,
И на меня гнѣвёнъ печальную головушку;
И какъ съ тобой да я побѣдна разставалася,
И говорилъ да ты, рожоно мое дитятко;
«И не тоскуй, моя родитель, родна матушка,
«И по люби-жъ тебѣ, родитель, все по разуму,
«И теби пó-люби дѣти да оставаются.
И ты послушай тепло-красно мое солнышко,
И ты болѣзное сердечно мое дитятко:
И буде виришь ты, скачоная жемчужинка:
И не могла забыть, рожона тебя дитятка,
И я не въ день тебя, не въ темную вѣдь ночѣньку,
И во уми, бѣдна горюша, содержала,
И хоть на Владычной Господень Божій праздничекъ,
И мы сготовимъ-то стряпню да воскресенскую,
И ужъ я сяду-то къ столу да ко дубовому,
И ужъ къ твóимъ свѣтамъ братьицамъ родимымъ,
И спомню-спáмячу сердечно тебя дитятко,

И дорогу жъ тебя, скачоную жемчужинку,
И поросплачусь тутъ, горюша, ростоскуюся,
И тутъ я выду съ за стола, бѣдна, дубоваго,
И съ горя брошусь на новы сѣни рѣшотчаты,
И со обиды на крылечико перёное,
И воскликать стану сердечно тобя, дитятко,
Я къ воскресному обѣду полудённому;
И тутъ проплачу на крылечикѣ перёноемъ,
И протоскую на новыхъ сѣняхъ рѣшотчатыхъ;
И ворочусь да въ тепло-вито свое гнѣздышко,
И я ко этому столу да ко дубовому,
И сговорю своимъ сердечнымъ милымъ дѣтушкамъ:
Ужъ вы на́-своей родимой, дити, родинкѣ,
И во своемъ домѣ крестьянской вы во жирушкѣ,
И столько на́-своей на вольной вы на волюшкѣ,
И за своимъ столомъ вѣдь вы да за дубовымъ;
И вы не спомните вѣдь братца все родимаго.
И тутъ отвитятъ мнѣ дитй да пріобидятъ:
«И соболѣзнуешь, родитель, крѣпко матушка,
«И знать не всѣ ровны сердечны тебѣ дѣтушки,
«И ты тоскуешь по сердечномъ миломъ дитяткѣ;
И на отвѣтъ еще сердечны держатъ дѣтушки:
«И беззаботна имъ вѣдь жизнь эта солдацкая;
«Имъ довольныи, солдатамъ, е вѣдь хлѣбушки,
«И пріобутыи солдаты, пріодѣныи.
Уже тутъ да у печальной у головушки,
Еще больши тутъ сердечко разгоряется;
И розсержусь да на сердечныхъ этыхъ дѣтушекъ,
И сговорю да имъ побѣдная головушка:
И вы послушайте сердечны мои дѣтушки:
И когда царска грозна служба наступала,
И вы до службы-то вѣдь тутъ не доберались,
И на салдацкую одёжку не бросались,
И вы на царскіи довольны не шли хлѣбушки;
Теперь хвалите вы жизнь эту салдацкую;

Ужъ какъ въ ту пору, дѣти́, да въ тое времечко,
И да вы не́ - шли во полаты бѣлокаменны,
И вы не ставились со братцемъ со родимымъ,
Гдѣ вѣдь жолты кудерка подбривали,
И да вы свѣ́тушка вѣдь братца не смѣнили.
И сожалѣла я, печальная головушка,
И тобя милую скачоную жемчужинку,
И всегда спомнила, горюша, съ горючмы слезмы,
И не надїялась, сердечно мое дитятко,
И все дождаться на родиму тебя родинку,
И усмотрѣть, бѣдна горюша, во бѣло личе.
И ты поро́скажи сдовольной бѣлой свѣтушко,
И про свою судьбу, горюшѣ мнѣ, несчастную,
И про злодїйну эту службу Государеву,
И безталанное салдацкое живленьице;
И отвѣчатъ да тутъ солдатъ бѣдной походной:
И ты послушай-ко, родитель моя матушка:
И не выспрашивай, родитель, не вывѣдывай,
И себѣ на́ - тоску, родитель, на великую
И на обидушку, родитель-то, несносную.
И мое дальнее, родитель, похожденьице,
И далеко былъ отъ родимой я сторонушки,
И за морями я, родитель, за глубокима,
И за горами я, родитель, за глубокима,
И далеко да былъ за мхама за дыбучима,
И за великима лѣсама за дремучима:
И туды птиченька вѣдь е да не пролетывае,
И малы червышки туды да не проплываютъ,
И добры людушки туды не проѣзживаютъ;
Уже—ой, да мнѣ, родитель, такъ тошнёшенько:
И не воротится побѣдно ретливо̀ сердче,
И розсказать да про безсчастное живленьице,
И безталанно, герегорько похожденьице;
И ты вѣдь лучше бы, родитель—моя матушка,
И ты на бѣлый свѣтъ меня не попустила,

Аль спустила бы, родитель, во синё море,
И ты со этымъ бы катучимъ бѣлымъ ка́мешкомъ;
И на бѣломъ свѣтѣ вѣдь я да не шатался бы,
И по чу́жоей сторонкѣ не скитался бы;
И кабы знала ты, родитель, про то вѣдала,
И про мою да про безсчастну жизнь солдацкую;
И какъ побѣдна моя спинушка избитая,
И тутъ солдацка голова да приколочена.
И вси изломаны побѣдны мои костьица;
И я избитъ, бѣдной солдатушко, измученой,
И мнѣ ученьице-то было – все мученьице;
И сперва не́ - далось, родитель, мнѣ-ка матушка,
И мнѣ солдацкое, родитель-то, ученьице.
И споминалъ да я родиму тамъ сторонушку,
И проклиналъ да я родитель—тебя матушку,
И порозгнѣвался на братьицевъ родимыихъ,
И отрекнулся отъ крестьянской этой жирушки,
И не уписывалъ родителю я матушкѣ,
Я не низкое поклонно челобитьице,
И я побѣдну эту жизнь свою солдацкую,
И какъ страдали мы за вѣру христіанскую,
И какъ служили за Русїю подселенную,
И берегли да мы царя-то благовѣрнаго.
И розсказать тебѣ, родитель-родна матушка,
И на-бъ на лѣтной систь Господень Божій де́нечекъ.
И какъ къ оружьицу безсчастныхъ пріучали,
И мы не въ день, не въ ночь, побѣдныи, не спали;
И ты послушай-ко, родитель - моя матушка:
И хоть студёная холодна эта зимушка,
И хоть плящїи морозы неудобныи,
Хоть на улицѣ—погода непомѣрная,
Хоть буйны вѣтры съ снѣжкомъ идутъ перистыимъ,
И столько насъ бѣдныхъ солдатушковъ безсчастныихъ—
И на ученьице насъ гонятъ тутъ на улочку,
И на гладкое на чи́стое на полюшко;

И хотя-жъ бьетъ эта погода непомѣрная,
И во безсчастны намъ во ясныи во очушки,
И вѣютъ вѣтрышки во блеклое во личушко,
И хоть зябётъ наше ретливое сердечушко,
И не куда-жъ да тутъ, родитель, не дѣваешься,
Тутъ отъ вѣтрышка, родитель-то, не скроешься,
И отъ погодушки, родитель, не схоронишься,
И со шириночки, родитель, тутъ не выскочишь;
И тутъ командуе начальство превеликое;
И отъ оружьица зябутъ да ручки бѣлыи,
И отъ снѣжку да зябу́тъ рѣзвы наши ноженьки,
И принавіе наше бѣдно это личушко.
И ты не плачь, моя родитель, не тоскуй еще,
И мнѣ-ка дай волю, родитель, тѣ повысказать:
И я повыскажу, родитель, ты повыслушай:
И на ученьицѣ стоимъ да день до вечера,
И съ руки на́ руку оружье перекладываемъ—
И съ ноги на́ ногу вѣдь мы да переступываемъ,
И справа на́ лѣво вѣдь мы да все повертываемъ,
И выше го́ловы оружье подымаемъ,
И поскорёшеньку оружье заряжаемъ.
И не дай Боже, то родитель, не дай Господи
Ужъ какъ этой грозной службы Государевой!
И хоть оружьице у насъ да все прома́хнется,
Аль плечо съ плечомъ у насъ да все не со́йдется,
Аль ступпя съ ступней у насъ да не сровняется,
И тутъ замѣтятъ кумандеры-то вѣдь ротныи,
И по бѣлу личу даютъ да намъ затре́щенье,
Аль по го́ловы даютъ оны зау́шенье,—
Али подъ бѣлую-то грудь оны—подты́чину.
И какъ во ту пору, родитель, въ то е времечко,
И прозабудемъ мы родиму свою сто́рону;
И не до васъ да намъ, родитель родна-матушка,
И мнѣ не до́-своихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ;
И я повыложу съ ума да молоду́ жену.

Хоть съ ученьица въ казармы ворочаемся,
И мы придемъ да во казармы во казенныи;
И не дубовыи столы да намъ разставлены,
И все не шиты скатерти да намъ разосланы;
И намъ вѣдь ѣствушки готовы не сахарныи
И да намъ питьица готовы не медвяныи:
И точно питьице, побѣднымъ намъ, скотиное,
И ѣденьице безсчастнымъ лошадиное;
Уѣданьице—мякинны намъ сухарики—
Упоеньице—намъ водушка со ржавушкой.
И отъ царя да мы, солдаты, не обижены,
И отъ царицы милосердой не огрублены;
И отъ царя пища хорошая составлена,
И отъ царицы добры́ питьица снаряжены;
И тутъ межу́—собой начальники съѣдаютъ;
И тру́дна тя́жела вѣдь служба Государева:
И не спокойно тутъ солдацкое сердечушко—
И набъ въ умы держать безсчастнымъ тутъ солдатушкамъ:
И какъ начальству намъ побѣднушкамъ явитися,
Штобъ мондеры суконъ сѣрыихъ наглажены,
И какъ оружьица вѣдь были бы начищены,
И сабли вострыи вѣдь были бы насвѣтлѣны;
И кабы видѣла, родитель моя матушка,
И какъ стоимъ да на ученьѣ во чисто́мъ полѣ,
И тутъ о́бмерло бы ретливое сердечушко—
И ты бы пала тутъ, родитель, объ сыру землю;
И намъ не выдано солдатушкамъ побѣдныимъ,
И кругъ сердечушка намъ теплыхъ этыхъ шу́бонекъ;
И мы въ одныхъ, бѣдны, мондерахъ суконъ сѣрыихъ;
И какъ мундерики у насъ плотно застегнуты,
И бѣла́ грудь да у насъ крѣпко вѣдь подтянута,
И ретливо́ сердче у насъ да обрестовано;
И на годо́вой-то Бладычной Божій праздничекъ
И намъ больши того живетъ да все мученьице,

И день до вечера живетъ да на ученьицѣ;
И ты бы видѣла, безсчастна моя матушка,
И тутъ ты впала бы въ тоску неугасимую,
И во злодійную великую обидушку.
И подрожатъ да наши бѣлыи тамъ рученьки,
И подломятся безсчастны рѣзвы ноженьки,
И пріужахнется солдацкое сердечушко,
И умъ тотъ разумъ во головушкѣ мѣшается.
И не радїю я, солдатъ бѣдной безсчастной,
И не какому-то теперь да непрїятелю,
И столько быть да все во службы Государевой,
И што оружьица носить да во бѣлы́хъ рукахъ,
И сабли вострыи держать да на бѣлы́хъ грудя̀хъ.—
И кабы видѣла, родитель, ты бы слышала,
И какъ стриляютъ со ружья да завоеннаго,
И устрашилась бы, родитель, уполо̀халась;
И съ этой страсти бы, родитель, съ перепо́лоху,
И подломились бы вѣдь рѣзвы твои ноженьки,
И подрожали бы пристарши твои рученьки.
И ты бы о́тперлась, родитель, отказалась бы,
И ты глядить-смотрить, печальная головушка,
И на безсчастныихъ солдатушковъ походныихъ—
И на ученьице вѣдь ихъ да на мученьице.
Уже слушай же, родитель моя матушка:
И не начался я солдатъ - бѣдной походной,
И столько въ живности, родитель, моя матушка,
И побывать да на родиму я сторонушку;
Да я думалъ все безсчастнымъ своимъ разумомъ,
Што съ побоевъ придё скорая смерётушка,
И со страсти выде душенька съ бѣлы́хъ грудей.
Видно, ты моя родитель умолёная,
И видно, Господу молилась отъ желаньица:
И какъ по твоему, родитель, по моленьицу,
И по родительскимъ Ісусовымъ молитовкамъ,
И пришла проща-то теперь да Государева.

И еще слушай же, родитель моя матушка:
И какъ война когда вѣдь есть да сочиняется,
И непрїятель-то злодій да подымается,
И какъ на нашу на Русїю подселенную,
Какъ на нашего царя да благовѣрнаго,
И на матушку царицу милосердую
И на все его наслѣдство правовѣрное:
И тутъ мы скажемъ-то солдаты новобраныи:
«И постоимъ да за Русїю подселенную,
«И сбережомъ да мы царя-то благовѣрнаго,
«И сбережомъ да мы царицу милосердую,
«И все наслѣдство-то его да правовѣрное:
И на войну пойдемъ, солдатушки безсчастныи,
И мы вѣдь Господу то Богу тутъ помолимся,
И отъ желанья Пресвятой мы Богородицѣ,
И причащаемся къ попу отцу духовному,
И прилагаемся къ Кресту животворящему,
И мы во тяжкіихъ грѣхахъ да тутъ спокаемся,
И со бѣлымъ свѣтомъ пойдемъ да разставаемся,
И межъ дý-другомъ, безсчастныи, прощаемся.
И тутъ оружьица у насъ да призаряжены,
И сабли вострыи у насъ да принаточены;
И воевать пойдемъ вѣдь мы да съ непрiятелемъ,
И у царя, да мы тутъ просимъ-то, вѣдь Бѣлаго,
И у матушки царицы милосердой,
И мы прощеньица-то просимъ съ бласловленьицемъ,
И улещаемъ мы попа отца духовнаго:
«Ужъ вы слушайте, попы-отцы духовныи:
«Ужъ вы въ этую пору да въ эти де́нечки,
«И вы служите-тко обидни полуденныи,
«И молитесь да вы Богу отъ желаньица,
«И пособилъ бы намъ Владыко многомилосливой,
«И намъ спасти да вѣдь Русiя подселенная.
И сговоримъ—да мы, солдаты, тутъ вѣдь дý-другу.
Столько не́-вѣсто-вѣдь свѣты не вѣсти́мо,

И кому да буде на́-бою Божья̀ милость,
И на страженьицѣ кого Господь помилуетъ.
И день и ночь идемъ мы ши́року дороженьку;
И пріустанутъ тутъ рѣзвы наши ноженьки
И примашутся безсчастны наши рученьки
И пріустанемъ мы, солдаты, призамаемся,
И во пути да мы дороженьки роздумаемся,
И мы во дальной, горюны̀, да поросплачемся,
И во пути да намъ во ши́рокой дороженькѣ,
И нѣту водушки, родитель, на питемьице,
Хлѣба-соли нѣтъ у насъ да на яденьице;
И нѣту свѣтлаго Христова воскресеньица;
И нѣтъ спокою то вѣдь темной этой ноченькой;
И нѣтъ отдоху на Бладычной Божій праздничекъ.
И мы идемъ путемъ широкоей дороженькой,
И мы горючима слезама обливаемся,
И свою сто́рону солдаты споминаемъ:
И не бывать да на родимой, може, сто́ронѣ.
И мы прижмемъ къ сердчу оружьица военныи,
И сговоримъ да мы безсчастны таково слово:
И вы оружьица военны-родны матушки,
И штыки вострыи вѣдь вы да сестры родныи;
И вы спасите-тко солдатовъ—сберегите-тко,
И на двѣнадцать частей пушки розорвитесь-ко,
И къ непріятелю теперь да къ ретливу̀ сердчу,
И повредите вы злодія супоста́това!
И на сраженьицѣ солдаты побывали,
И трои суточки мы хлѣба не ѣдали;
И какъ сраженьице у насъ да сочинялось,
И отъ солдацкихъ слёзъ земля да подгибалась,
И отъ обидушки слѣдочки заплывалися;
И темны лѣсушки къ зени да приклонялися—
И звѣри лютыи отъ страсти розбѣгалися,
И въ переполоху тутъ птиченьки пада̀ли;
И мы жъ, солдаты, тутъ стояли не пугалися,

И мы палили, тутъ удалы не дробили вѣдь,
И тутъ страженіе, да было превеликое,
И кроволитье да тутъ было преужасное;
И отъ дыму-то не видно свѣту бѣлаго,
И мы ходили-то, солдаты, по колѣнъ въ крови;
И мы плавали солдаты на плотàхъ-тѣлахъ;
И ручьямъ кровь да ту̀ды-сю̀ды разливается
И наше храброе—сердчё да разгоряется;
Тутъ одна рука не може, другая пали;
Тутъ одна нога—упала, другая стои;
И раззудилося плечо да расходилося,
И бурлацкое вѣдь сердчё не устерпчиво:
И гди вѣдь пулей не-ймемъ, тамъ грудью берёмъ,
А гдѣ грудь не бере, душу Богу отдаемъ:
И сговоримъ да мы тутъ единò слово:
«Ужъ ты Спасъ да Бладыко многомилосливой,
«И спаси Господи Русїю подселенную,
«И спаси Господи царя да благовѣрнаго,
«Ужъ ты покрой да Пресвятая Богородица,
«И ты покрой да вѣдь Русїю подселенную,
«И ты покрой да вѣдь царицу милосердую.
«И отъ враговъ да ты великихъ супостатныихъ.
И ка-бы знала бы родитель, про то вѣдала,
И отрекнулась бы, родитель, отказалася,
И ты глядить-смотрить на это на страженьице,
И ты бы пáла тутъ, горюша о сыру землю,
И ты бы о̀бмерла, побѣдна въ перепо̀лоху,
И тутъ закрыла бы, безсчастна, ясны очушки.
И еще слушай-ко родитель, моя матушка:
Ужъ какъ въ злодійной этой службѣ Государевой,
И не порой да молодецкая головушка состарится
И какъ бурлацка эта кровь да потеряется—
И день и ночь да съ ружьемъ сто̀ячи военныимъ,
И съ пистолетомъ тамъ, родитель, зарукавніимъ,
И со штыкамы-то родитель все со вострыма:

Ужъ ой-же, эта служба государева:
Я привидѣлся, солдатъ бѣдной безсчастной,
Я обидушки, родитель, злой досадушки —
И я больши̂ того, родитель, всё напраснины:
И хоть повыстанемъ солдаты мы поутрышку,
И не ключевоей водой мы умываемся,
И мы солдацкима слезама упиваемся,
И мы великоей кручиной утираемся;
И мы хоть Господу-то Богу тутъ помолимся,
И просимъ Господа, вѣдь мы не о здоровьицѣ,
И столько просимъ мы Владыку-то небеснаго,
И мы съ горючима слезама со солдацкима:
И спаси Господи Владыко мномилосливой,
И на сесь день да спаси ты насъ Господней,
И да отъ этого начальства отъ великаго,
И отъ удара-то вѣдь насъ да отъ тяжолаго,
И отъ досадушки ты насъ да все несносоей,
И отъ этыихъ побоевъ да отъ смёртныихъ;
И прiучи да Пресвята мать Богородица,
И насъ къ оружьицу солдатъ Ты завоенному,
И къ писталетику Ты насъ да зарукавному,
И поворотушки держать да поскорёшеньку,
И во шириночкахъ ходить да поровнёшеньку,
И оружьице кидать да по легошеньку.
И еще слушай же, родитель родна матушка:
И кабы нынѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
И не боялся бы вѣдь братьицевъ родимыихъ,
И не пожалѣлъ бы я любимоей скотинушки,
И не-дому̂ бы я, крестьянской этой жирушки:
Я запродалъ бы хоромное строеньице,
И всю бы милую, любимую скотинушку,
И заложилъ бы я участки деревенскiи,
И въ закладъ отдалъ бы поля да хлѣбородныи,
И самъ задался бы къ крестьянину богатому,
И я бы на десять учетныхъ долгихъ годышковъ,

И я во лѣтны бы задался во роботнички,
И я во зимныи задался бъ *дроворубчики*,
И тутъ бы на́жилъ золотой казны по надобью,
И откупился бы отъ службы Государевой;
Ужъ я лучше бы родитель, моя матушка,
И день и ночь да у крестьянина роботалъ бы,
И чимъ въ злодійныихъ солдатушкахъ походныихъ;
И хоть бы жилъ я во побѣдной этой жирушкѣ,
И я не славныимъ бы жилъ да вѣдь крестьяниномъ,
И столько на́-своей на вольной былъ бы волюшкѣ:
И буйна го́лова ударовъ не видала бы,
И бѣдны плечушки побоевъ не терпѣли бы,
И я не битъ былъ бы побѣдной, не изломаной,
И не изломаной я былъ бы не истасканой.

Мать:

Уже слушай же сердечно мое дитятко,
И не могу стерпѣть печальная головушка,
И содержать свою безсчастную утробушку.
И ты поро́сказалъ, сердечно бѣдно дитятко,
И про свое да ты безсчастно похожденьице,
И мнѣ-ка на́-тоску, горюшѣ, на великую,
И на злодійную кручинушку несносную;
И наздыну да я безсчастны бѣлы рученьки,
И на печальную солдацкую головушку,
И на обидныи походны твои плечушка,
И я прижму тебя къ ретливому сердечушку,
И я поглажу по солдацкоей головушкѣ:
И у меня жъ да у безсчастной у головушки,
И безъ огня жъ мое сердечко розгорается,
И безъ смолы моя утроба роскипляется;
И ужъ я стану-то, безсчастно мое дитятко,
И ужъ я у́-сердца тебя нонь содержать;

И устелю да я пуховую перинушку,
И уберу да круто—складнее зголовьице,
И пороздерну соболино одѣялышко,
И на отдохъ да на спокойну темну ноченьку—
И я тебѣ да вѣдь сердечну милу дитятку;
И просижу да бѣдна мать я горегорькая,
И я проплачу у тесовоей кроваточки;
И какъ кокоша, прококую темну ноченьку;
И мнѣ-ка жаль-тошно печальноей головушкѣ
И дорогой милой скаченоей жемчужинки;
И очень томны твои бѣлы эты рученьки,
И заболили твои рѣзвы бѣдны ноженьки,
И во путяхъ, да мой свѣтъ-то, во дороженькѣ
И все во дальномъ, во побѣдномъ похожденьицѣ.

Солдатъ— къ сосѣдямъ:

И вы послушайте народъ да люди добрыи,
И ужъ вы милыи, сусѣди спорядовыи;
И какъ пришелъ да я солдатушко походной,
И на родимую свою да я сторонушку,
И во крестьянскую свою да я во жирушку:
И я иду да путемъ ши́рокой дороженькой,
И я мыслю -то, побѣдной, своей мыселью:
И не писалъ да скорописчатой я грамотки,
И не увѣдомилъ родителя я матушки,
И што приду да въ домъ—крестьянску свою жирушку,
И што бы при́няли вѣдь братьица родимыи.
Я иду бѣдной солдатъ да думу думаю:
И приду не́-вѣсто къ крылечику перёному,
И увѣдатъ какъ родитель, може, матушка,
И не узнаетъ-то солдатушка походнаго;
Испугается, родитель, може, матушка
И призапрётъ тутъ новы сѣни рѣшотчаты,

И призадвинетъ-то стекольчаты околенки.
Я пришолъ да ко крылечику перёному,
И бѣдна прй-доми жена да прилучилася,
И поглянула во косѣвчато окошечко,
И прiузнала-то солдатушка походного;
И она бросилась, побѣдная, неоглядью,
И она кинулась, побѣдна, суровёшенько,
Какъ на эты на новы сѣни рѣшотчаты,
Да на это на крылечико перёное—
И тутъ матушку мою да воскликала;
И уже такъ оны, побѣдны, взрадовалися.
И я пришолъ тутъ во хоромное строеньице,
И хоть тамъ не было вѣдь братьицевъ родимыихъ,
И отлучивши на крестьянскую роботушку;
И какъ родитель меня матушка стрѣтала,
И она жáлобно родитель причитала:
«И кои вѣтрышки теперечко завiяли,
«И появилося сердечно мое дитятко!
И она съ радости взяла этыхъ болѣзныхъ своихъ внучатокъ
И на пристаршiи взяла она на рученьки,
И тутъ со причетью она да подходила,
И сговорила тутъ, побѣдна, таковò слово:
«Ужъ мы дóждались скачоную жемчужинку,
«И да мы пахаря на чистое на полюшко,
«И сѣнокосча на луговыи на поженьки,
«И рыболовушка на синее онегушко,
«И большака да въ домъ дождáлись настоятеля,
«И воскормителя сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ,
«И на утѣхушку вѣдь намъ да доброумыпце,
«И бѣдной жонушкѣ на радость, на весельице.
«И какъ у насъ да у печальныхъ у головушекъ,
«Вдругъ сегоднишнимъ Господнимъ Божiимъ дéнечкомъ,
«И вдругъ сросла у насъ сахарна деревиночка,
«И обчудилася верба да золочоная,

«Появилася свѣща да нетоплёная;
«И какъ у насъ да во хоромноемъ строеньицѣ,
«И нонь мостиночки у насъ не подгибаются,
«И отъ горючихъ слёзъ слѣды не заплываются;
«И супротивъ нашихъ косѣвчатыхъ окошечекъ,
«Уже вдругъ да объявился лугъ зеленый,
«И вдругъ повыросла трава да все шелковая,
«И разцвѣли да тамъ цвѣты вѣдь все лазуревы,
«И вдругъ вѣдь деревца явилися сахарныи,
«И разны птиченьки вѣдь тутъ да воспѣваютъ
«И насъ съ любимымъ то вѣдь гостемъ проздравляютъ;
«И безъ тебя да вѣдь, сердечно мило дитятко,
«И были деревца въ садочику посохнувши,
«И были разныи цвѣточики поблёкнувши;
«И безъ огня трава шелкòва подгорялася,
«И ко сырой земли трава да приклонялася;
«И вдругъ сегодня, сего де́нечка Господняго,
«И на сдивленьице вѣдь добрыимъ-то людушкамъ,
«И на срекаиьице спорядныимъ сусѣдушкамъ,
«И быдто вдругъ да у насъ чудо обчудилося,
«И объявился златокрылый нашъ ясенъ сокòлъ,
«И нынь я мать, бѣдна горюшица, дѣтиная,
«И нынь головушка моя да безкручинная.

Солдатъ къ матери;

И ты послушай же, родитель моя матушка:
И ты не плачь бѣдна родитель, съ горючмы слезмы;
И не придай тоски солдацкому сердечушку;
И на моемъ же вѣдь безсчастноемъ сердечушкѣ,
И много множество великой е кручинушки,
И какъ больши́ того злодійной е обидушки.
И ужъ я думаю, солдатъ бѣдной безсчастной:
Хоть побывалъ я на родимой своей родинкѣ,

И не убавится кручинушки—прибавится;
И я гляжу еще солдатъ бѣдной безсчастной,—
И на свою бѣдну́ безсчастну молоду́ жену:
И уже такъ бѣдна она да наполо́хана,
И уже такъ у ей сердечко наобижено;
И по мостиночкамъ ступае не смѣлёшенько,
И говоритъ бѣдна она да суровёшенько;
И мои малыи сиротны эты дѣтушки,
И бывъ упалыи загна́ны сѣры заюшки;
И не посміютъ ко столу притти дубовому,
И отдали́ да мои дѣтушки туляются,
И отъ дубоваго стола да отдаляются;
И тутъ солдатъ еще, бѣдной я повыгляжу,
И я отъ братьецевъ желаньица повысмотрю,
И каковы да будутъ ласковы словечушка.
И ты послушай же, родитель моя матушка:
И ужъ какъ я, бѣдной солдатушко безсчастной,
И отмѣнитой нынь отъ добрыихъ отъ людушекъ,
И отлишенъ да отъ крестьянской этой жирушки;
И мнѣ не надобно, родитель моя матушка,
И мнѣ вѣдь вашіихъ участковъ деревенскіихъ,
И не луговыихъ не надо вашихъ поженокъ.
И столько слушай же, родитель-моя матушка:
И пока на́-своей родимой я сторонушкѣ,
И вы держите меня гостюшкомъ любимыимъ:
И столько нѐ-вѣсто, родитель моя матушка;
И послѣ этого любимаго гостибища,
И не начаюся, родитель, не надїюся,
И побывать да на родимой больше родинкѣ,
И повидаться мнѣ солдату съ родомъ съ племенью.
И ты послушай же родитель моя матушка:
И хоть гощу я на родимой своей родинкѣ,
И какъ сердечушко мое не взвеселяется;
И розставаться какъ съ желанной буде родинкой,
И роспрощаться мнѣ, родитель, съ родомъ-племенью,

И пройде времечко теперь да не видаючи,
И какъ недѣлюшки пройдутъ, да не слыхаютца;
И поостанется безсчастна молода̀ жена;
И мои на́-горе сердечны эты дѣтушки,
И кабы зналъ да я безсчастной про то вѣдалъ бы,
И про злодійну бы про службу государеву,—
И пожениться вы бъ меня да не заставили;
И буде сшолъ бы я во службу Государеву,
И едина̀ жъ была побѣдна бы головушка.

Мать къ солдату:

Да ты слушай же сердечно мое дитятко:
И не на службу вѣдь тебя я спородила,
И не на горе я тебя вѣдь поженила;
И знать, судьба твоя вѣдь, дитятко безсчастная.
И горька жизнь да уписалась неталанная,
И можешь знать вѣдать сердечное мое дитятко:
И какъ стояла у полаты бѣлокаменной,
И какъ была я у принёму Государева,
И подломились тамъ вѣдь рѣзвы мои ноженьки,
И подрожали тамъ безсчастны мои рученьки,
И пріужахнулось ретливое сердечушко,
И я не-видла-то, побѣдна, свѣту бѣлаго,
И можешь знать-вѣдать, сердечно мое дитятко:
И мнѣ-ка всѣ ровны сердечныи вѣдь дѣтушки,
И однокровны вѣдь дѣти̇, единоутробны.
И глупо сдѣлала печальная головушка,
И я схватилася, побѣдная, поздёшенько,
Ужъ какъ пріѣхала со города Петровскаго;
И не глядить бы на любимыхъ твоихъ братьицевъ.
И не жалить бы вѣдь крестьянской этой жирушки,
И намъ нажить бы золотой казны по надобью;
И мы бы при̇брали вѣдь свѣтушка-охотничка,

И мы бы вольнаго уда́ла добра мо́лодца:
И онъ окинулся бъ на золоту казну безсчотную,
И онъ на эты на винныи на чарочки,
И онъ на цвѣтное, бурлацко бы на платьице,
И на гулярну молодецку бы покрутушку;
И онъ смѣнялъ бы красоту свою хорошество,
И онъ на эты бы на винныи на чарочки;
И замѣнили бы уда́ла добра мо́лодца,
И нашу милую скачоную жемчужинку,
И не спустили бы во службу Государеву.
И побранили меня добры эты людушки,
И меня милыи спорядныи сусѣдушки,
И за тебя, мило сердечно мое дитятко,
И вси жалили спорядовыи сусѣдушки,
И дорогу милу вербу́ да золочоную.
И какъ посли̇ тебя, сердечно мило дитятко,
У насъ домъ-житье теперь да измѣнилося,
И недоросъ до вѣдь довольнымъ пошолъ хлѣбушкамъ,
И у насъ на́-двори вѣдь е да не плодилося,
И золота казна у братцевъ не скопилася;
И я проглупала, побѣдная головушка—
И я послу́халась вѣдь братьицевъ родимыихъ,
И пожалѣла я крестьянской этой жирушки.
И какъ обидѣли сердечно тебя дитятко,
И хоть въ походъ дитё—да отправляли,
И золотой казной вѣдь тутъ не надѣляли;
И ты послушай-ко сердечно мое дитятко:
И знать, судинушка по бережку ходила,
И знать, съ оружьицемъ судьба да съ завоенныимъ,
И съ пистолетикомъ она да зарукавныимъ.
И знать, сустигло зло великое безсчастьице,
И на пути тебя на ши́рокой дороженькѣ,
И на прогулушкѣ на ши́рокой на уличкѣ,
И сустигало зло велико безталаньице.
И натомился ты во службы Государевой,

И наскитался ты по чу́жоей сторонушкѣ,
И по дальнымъ походамъ незнакомымъ;
И наносился ты оружьицевъ пудовыихъ,
И на побѣдныихъ солдацкихъ своихъ плечушкахъ.
И кабы знала я, горюша, про то вѣдала,
И про твою судьбу теперь да про безсчастную,
И съ малолѣтства вѣдь тебя не обижала бы,
И вѣдь роботушкой тебя неогружала бы:
И мы бы дали вѣдь слободну пору-времечко,
И быдто вольному рекрутику панёмному;
И до́бры кони тебѣ были бы обсѣдланы,
И при сѣделышкахъ вѣдь е да при черкасскіихъ,
И какъ росписаны дуги были заложены,
И какъ шелкова тебѣ плеть была бъ подавана:
И ты бы холостъ былъ, дитё, да не женатой;
И ты бы ѣздилъ по Бладычнымъ по праздничкамъ
И взвеселялъ бы свою бу́йную головушку:
И я не знала то, горюшица, не вѣдала
И про твою судьбу, дитё, да про безсчастную,
И што вѣдь жизнь буде тебѣ да не таланная,
И што вѣдь со́йдешь ты во службу Государеву.
И можешь знать-вѣдать, сердечно мое дитятко:
И какъ съ тобой да я, побѣдна, разставалася,
И я во ту пору, горюша, въ тое времечко,
И не страшилась я, побѣдная головушка,
И со тоски да во сыру землю вкопатися,
И со кручины въ темномъ лѣсѣ заблудитися,
И во мхахъ этыхъ дыбучихъ загрузитися.
И столько слушай же, сердечно мое дитятко:
И не начаюся, горюша, я печальная,
И за столомъ тебя, побѣдна, сыто ѣдячи,
И на тесовой кроваткѣ долго—выспяци.
И теперь ходишь ты, сердечно мило дитятко,
И при обидушкѣ вѣдь ты да при кручинушкѣ;
И не подашь виду печальнымъ намъ головушкамъ.

И не даешь тоски-великоей пазолушки,
И мнѣ побѣдноей, безсчастной топерь матушкѣ,
И ты печальноей горюшѣ молодой жены;
И замѣчаемъ мы, безсчастныи головушки:
Хоть по мостиночкѣ идешь, да свѣтъ, скорёшенько,
И ты отвернешься отъ насъ да суровёшенько,
И проливашь да ты безсчастны горючи слёзы,
И утираешься платочкомъ кашемировымъ,
И говоришь съ нама хоть, свѣтъ, да веселёшенько,
И уговаривашь, печальныхъ насъ головушекъ:
«И вы не плачьте, мои милы, не тоскуйте-тко».
И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
И для чего жъ отъ насъ ты, свѣтушко, туляешься,
И во потай да ты слезамы обливаешься?
И тебя ль путь да страшитъ дальная дороженька,
И тебя страхъ да долитъ служба Государева,
Аль оружьица стращатъ тебя пудовыи,
Аль ученьице страшитъ тебя тяжолое?
И хоть ты ходишь-то, скачоная жемчужинка,
И на усталыихъ безсчастныхъ рѣзвыхъ ноженькахъ,
И поджимашь часто ретливое сердечушко.
И я гляжу смотрю, печальная головушка,
Я дѣтина, бѣдна мать, смотрю солдацкая,
И на сердечное болѣзно тебя титятко:
И быдто деревцо ты ходишь подсѣчоное,
И въ родѣ вёшная земля да ворошоная,
И бывъ какъ лѣтная трава да подкошоная
И точно рыбинка во сѣтку изловленая,
И хоть ты на своей родимой на сторонушкѣ,
И во своемъ домѣ крестьянскоей во жирушкѣ,
И хоть въ любимомъ вѣдь у насъ да во гостибищѣ,
И бывъ подъ тученькой, ты свѣтъ, да гряновитой,
И какъ подъ облачкой, ты свѣтъ, да страховитой,
И подъ злодійноей неволей подъ великоей.
Вотъ по утрышку, горюшица, ранешенько,

И подходила я, кручинная головушка,
И все къ тебѣ, милой скачоноей жемчужинкѣ:
И потихошеньку я двери отперала,
И тихо-кротко я къ кроваткѣ подходила;
И поглядѣла на сердечно тебя дитятко.
И отъ крѣпка да сна, горюша, не будила;
И все я думала, печальна родна матушка:
«И крѣпко спитъ мое рожоно мило дитятко».
И наложила я безчастны бѣлы рученьки
И на салдацку бѣлу грудь да заслужоную,
И на твое да на печальное сердечушко:
И твое бьется все побѣдно ретливо̀ сердчё,
И не въ покоѣ все безсчастная утробушка;
И ясны очи темной ноченькой заплаканы,
И какъ слезамы тутъ сголовьице измочено.
И у меня да у безсчастной родной матушки,
И крѣпко со́вьется безсчастно ретливо̀ сердче,
И объ тоби да о сердечномъ миломъ дитяткѣ,
И могу знать-вѣдать, печальная головушка:
И столько думаешь, побѣдной, думу крѣпкую,
И помышляешь путь-широкую дороженьку,
И думу думаешь о службѣ Государевой.
И я погладила по бладой тутъ головушкѣ,
И я припала тутъ ко блеклому ко личушку,
И спросила у сердечна мила дитятка:
«Уже спишь ли ты рожоно мое дитятко:
И пріотвититъ тепло-красно мое солнышко:
—Ты послушай же, родитель моя матушка:
—И я давно да отъ крѣпка сна прохватился;
—И кабы знала ты родитель про то вѣдала;
—И што же діется у солдатушка безсчастнаго
—И на обидноемъ, печальномъ ретливо̀мъ сердчѣ;
—И у меня множество великоей заботушки,
—И въ буйной го́ловы великой е кручинушки;
—И думу думаю о службѣ Государевой,

—И помышляю о путь-ши́рокой дороженькѣ,
—И какъ поѣхать со любимоей сторонушки.
Я гляжу-смотрю, безсчастна еще матушка,
И на печальное рожоно свое дитятко:
И хоть ты на́-своей родимоей на родинкѣ,
И быдто чуждой ты отъ братьицевъ—чужанинокъ,
И опришенной ты отъ роду да отъ племени,
И все походочка твоя да перемѣнена,
И нариченьиче твое да не попрежнему,
И очень томныи солдацки бѣлы рученьки,
И отъ заботъ да бу́йна голова состарѣлась,
И отъ побоевъ бѣло ли́че измѣнилося,
И придержалася-то сила молодецкая;
И уныватъ мое побѣдно ретливо̀ сердче,
И разрыватъ да мою зяблую утробушку,
И столько гля́дячи, на красное тебя солнышко,
И на печальное сердечное свое дитятко.
И ты не гнѣвайся, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И на безсчастную родитель меня матушку,
И я бы нынѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
И не спустила вѣдь печальна бы головушка,
И я тебя да въ злодій-службу Государеву,
И я заперла бъ во свѣтлу тебя свѣтлицу,
Я замнула бы въ ларчи да окованыи,
Я держала бы впотай тебя отъ людушекъ;
И какъ спросили бы народъ да люди добрыи,
И про тебя мило сердечное бы про дитятко;
И я отвѣтила бы добрыимъ тутъ людушкамъ:
«Што отправилось рожоно мое дитятко,
«Со любимаго сердечнаго гостибища,
«И онъ по вечеру, мой свѣтушко, поздёшенько,
«И во полно̀чь да вѣдь онъ темной этой ноченьки,
«И далеко да въ пути ши́рокой дороженькѣ;
И ублаждала бы, печально тебя дитятко;
И тебѣ ѣствушки, побѣдна бы, справляла,

И я медвяныи питья да составляла бы;
И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И лучше матушка земля бы розступилася,
И туды я, бѣдна горюша, пріукрылась бы!
И не глядили бы безсчастны мои очушки,
И на солдацку горегорькую кручинушку,
И на твои да все побѣдны горючи слезы.
И тутъ не ржавѣло безсчастно бы сердечушко,
И о тебѣ да все болѣзномъ миломъ дитяткѣ.

Солдатъ къ матери:

И пріотвичу я, желанна тоби матушка,
И на отвѣтъ скажу, солдатъ, да я безсчастной:
И отряжашь до со родимой меня родинки;
И знать наскучилъ я, желанна тоби матушка;
И ты бы лучше вѣдь, родитель моя матушка,
И такихъ бы да ты ри́чей не гово́рила;
И сердечушко мое ты не печалила;
И какъ воспомнишь да ты службу Государеву,
И такъ вѣдь со́вьется безсчастное сердечушко,
И обмератъ моя побѣдная утробушка.
И кабы знала ты, родитель, про то вѣдала:
И како да е солдацкое живленьице,
И безпомѣстного солдату похожденьице.
Еще слушай же, родитель моя матушка:
И какъ вёшныи ручьи да розливаются,
И такъ у насъ да горьки слезы проливаются,
И на ученьицѣ, родитель, на мученьицѣ,
И уже бьютъ да насъ, побѣдныхъ, безъ повинности,
И до ранъ да бьютъ, родитель, до кровавыихъ,
И до умертвія, побѣдныхъ, бьютъ головушекъ,
И скрозѣ строй гонятъ, безсчастныхъ, насъ солдатушковъ;

И не доносятъ тутъ вѣдь рѣзвы наши ноженьки,
И доведутъ да насъ солдатушки безсчастныи;
И тутъ мы пáдемъ отъ побоевъ о сыру землю,
И тутъ ряхнемся ума-разума въ головушкѣ;
И мы не чустуемъ вѣдь добрыихъ-то людушекъ;
И мы—самы себя съ побоевъ тутъ не вѣдаемъ,
И на плечахъ да мы не слышимъ тонко-бѣлыихъ рубашечекъ
И мы лежимъ да со побоюшковъ безъ нáвиду:
И тутъ подóймутъ насъ солдаты новобраныи,
И подъ безсчастны горегорьки бѣлы рученьки;
И сговорятъ эты солдаты новобраныи:
Есь-ли душенька у васъ да во бѣлыхъ грудяхъ,
Есь-ли зрѣньице у васъ да во ясныхъ очахъ
И мы не чустуемъ, побѣднушки, незнаемъ;
И—такъ—избúты мы, побѣдны, изколочены,
И ко сырой земли, побѣдныи, приклонены,
И подымаютъ насъ солдаты выговариваютъ:
«И да ты можешь ли, безсчастной-то солдатушко,
«И ты поднять свою безсчастную головушку,
«И ты отъ матушки поднять да отъ сырой земли;
«И уже стать да на безсчастны на рѣзвы ноги
«И все поднять свои безсчастны бѣлы рученьки?
И столько въ ту пору, родитель, въ тое времечко,
И мы родиму свою сторону спомянемъ,
И мы желанныхъ васъ родителей проклянемъ,
И вы зачѣмъ да насъ безсчастныхъ спородили.
И еще слушай же, родитель—моя матушка,
И какъ на ученьицѣ вѣдь этомъ на мученьицѣ,
И вся изорвана побѣдна наша силушка,
И вси сколочены вѣдь бѣдны наши костьица,
И вси истомлены вѣдь бѣдны наши рученьки,
И безповинно бьютъ вѣдь насъ да до умертвїя,
И все съ голоду-то насъ вѣдь заморяютъ,
И мы вѣдь съ жадности солдаты посыхаемъ.

И какъ у насъ да у безсчастныихъ солдатушковъ,
И серче бьется, какъ волна да на синёмъ морѣ,
И оно кровью вѣдь сердечко обливается,
И точно вóда въ крутой берегъ ударяется.
И какъ на нашу-то Русïю подселенную
И наступали-то злодiи супостатыи,
И вѣдь думали-то Турки окаянныи,
И оны въѣхать-то въ Русïю подселенную,
И раззорить Москву оны да все великую,
И поразбить да оны крѣпость въ Новѣгородѣ,
И побѣдить да вѣдь царя-бога Русïйскаго,
И благовѣрную царицу милосердую;
И да мы трудъ бѣдны солдаты принимали,
И мы трудились за Русïю подселенную,
И за этую мы вѣру христiанскую,
И за царя да мы трудились благовѣрнаго,
И за царицу-то вѣдь мы да милосердую;
И день и ночь да на страженьицѣ стояли—
И хлѣба-сóли мы пять сутокъ не ѣдали,
И десять дёнъ воды, безсчастны, не пивали;
И не видли мы въ дыму да красна солнышка,
И во туманѣ-то не видли свѣту бѣлаго;
И съ огня съ пламяни буйна гóлова рострескалась,
И дымомъ съѣло-то побѣдны наши очушки;
И тутъ сердечушко у насъ да розгорѣлося,
И молодецкая утроба росходилася,
И тутъ съ дý-другомъ, солдаты, роспростилися;
И уже тутъ да мы солдатушки не знаемъ,
И на кого да мы оружья заряжаемъ;
И сговоримъ да тутъ солдатушки безсчастныи:
«И спаси Господи Русïю подселенную,
«И сохрани да ты Владыко многомилосливой
«И благовѣрнаго царя да ты Русïйскаго;
«И какъ еще да спаси, Господи помилуй,
«И на страженьицѣ безсчастныхъ насъ головушекъ,

«И отъ смерти сохрани да насъ напрасной,
«И спаси Господи отъ турки окаянной!
«И пособи да Пресвята Мать Богородица,
«И побѣдить этыхъ злодіевъ-супостатыихъ,
«И рѣшить званіе-то вѣдь Туркамъ все проклятыимъ;
«И какъ страженьице-война да уходилась бы,
«И поро́знесло бы дымъ да по чисты́мъ полямъ,
«И горесть-ча́дъ да по лугамъ бы по зеленыимъ,
«Мы увидѣли бы свѣтъ да во ясны́ очи,
«И мы обо́зрѣли бы красно это солнышко,
«И прилегли бы на матушку сыру землю,
«И на здохъ да мы на травушку муравую,
«И на спокой да на дубравушку зеленую!
И ты послушай-же, родитель-моя матушка;
И хоть на́-своей родимой я на родинкѣ,
И во своей да я крестьянскоей во жирушкѣ,
И во сердечномъ во любимомъ я гостибищѣ,
И у своей да я у родителя у матушки,
И у своей да я безсчастной моло́дой жены;
И съ того гля́-того ретли́вое сердечушко,
И у меня да вѣдь солдатушка походнаго
И все щемитъ да во бѣлыхъ грудяхъ;
И какъ долитъ да вѣдь великая кручинушка.
И мою зяблую безсчастную утробушку.

Мать къ солдату:

И послушай-же, безсчастно мило дитятко:
И какъ ты сказывашь, дитё, да выговариваешь,
И про свое да ты солдацкое живленьице,
И мое — рву́чи-рветъ ретливое сердечушко,
И моя трескае вѣдь матерна утробушка,
И объ тоби да вѣдь безсчастномъ миломъ дитяткѣ;
И какъ до́-этой поры да этой времечки,

И тосковала хоть печальная головушка,
И все не знала я, горюшица, не вѣдала,
И про твою да злодійі-службу Государеву,
И про побоюшки твои да про тяжолыи.
И нонь узнала я, горюшица, спровѣдала,
И про твою да бѣдну жизнь я про солдацкую:
И было за мёртво дитё мое колочено,
И до-кровавыхъ ранъ вѣдь плечушки изломаны,
И до уломовъ-то вѣдь костьица надсажены,
И все подбиты-то безсчастны твои очушки;
И ты послушай-же, безсчастно мое дитятко,
И ты повысказалъ побѣдной мнѣ головушкѣ,
И про злодійну ты про службу Государеву,
И мнѣ-ка на̀-тоску, горюшицѣ, великую,
И на обидушку, побѣдной, мнѣ несносную;
И какъ посли тебя, сердечно мое дитятко,
И тосковать буду печальная головушка,
И какъ кокошица горюша во сыромъ бору,
И буду плакать подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И лѣтной день да я, побѣдная, до вечера.
И не забыть буде печальной мнѣ головушкѣ,
И мнѣ не въ день, не въ ночь, сердечно тебя дитятко,
И не на Владычный-то Господень Божій праздничекъ.
И ты послушай же, рожоно мило дитятко;
И да што я скажу побѣдная головушка:
И вы корились бы безсчастныи солдатушки,
И вы безумному начальству неразумному,
И вы пали бы побѣдны во рѣзвы ноги,
И да вы этымъ злодіямъ супостатымъ,
И вы молили бы, злодіевъ, отъ желаньица,
И сговорили-бы единое словечушко:
«И вы не бейте понапрасну, не терзайте-тко,
«И вы не мучьте безповинно, не таскайте-тко;
«И съ нашихъ плечь да вы вѣдь не кровь проливайте-тко
«И занапрасной намъ смерётушки непридавайте-тко;

«И вы оставьте-тко намъ душу на покáяніе;
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И оны бéзъ души—судьи неправосудныи,
И оны бéзъ-креста,-злодіи супостатыи,
И не чустуютъ Владыки милосердаго,
И не жаліютъ-то солдатушковъ безсчастныихъ,
И за пропáщу ихъ собаку почитаютъ,
И не вѣруютъ слезамъ да горегорькіимъ,
И знать, што роду-то оны да не крещенскаго.
И еще слушай же рожоно мило дитятко:
И вы бы дý-друга, солдатушки, не выдали,
И вы бы нáшли писаречка хитромудраго,
И съ своей стóроны бы вы да съ Новагорода,
И вы съ обидой челомъ били бы великоей,
И да вы этому царю да благовѣрному,
И ужъ вы этоей Царицѣ милосердоей,
И вы нá-этыхъ злодіевъ супостатыихъ,
И вы нá-этыхъ судей неправосудныихъ.
И тутъ раздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И скрозекозны эты судьи страховитыи,
И штуковаты эты власти немилосердыи;
И нѣту страху у злодіевъ въ ретливòмъ сердчѣ,
И нѣту совѣсти у ихъ да во ясныхъ очахъ,
И не допустятъ-то прошеньица безсчастнаго,
И какъ до этого царя да до великаго,
И все до матушки царицы милосердоей;
И оны съ дý-другомъ, злодіи, увидаются,
И тутъ изóрвутъ-то гербовую бумаженьку;
И тутъ обыщутъ вѣдь солдатушковъ безсчастныихъ,
И все предъ этыимъ царемъ-богомъ Русійскіимъ,
И предъ матушкой царицей благовѣрноей;
И горевать, видно, безсчастнымъ вѣкъ и пó-вѣку.
Да вы слушайте народъ-да люди добрыи,
И вы милыи сусѣди спорядовыи!
И да што я скажу, побѣдная головушка,

И я про этыихъ злодїевъ супостатыихъ,
И я про этыхъ вертуновъ да самохватныихъ,
И я про этыхъ тонконогъ да вихреватыихъ;
И какъ безсчастны вѣдь, злодїи неталанныи;
И какъ у этыихъ хватовъ—да подтяни нога,
И какъ у этыхъ вертуновъ—да посшиби рука,
И нѣту душеньки у ихъ да во бѣлы̀хъ грудя̀хъ,
И нѣту совѣсти у ихъ да во ясны̀хъ очахъ;
И нѣтъ ума-то у ихъ да въ буйной го́ловы;
И гордо го́лову несутъ да все посвистываютъ,
И во мамоны-то у ихъ да все побурливае;
И ужъ какъ этыи ярыги скрозекозныи,
И подольщаются ко тщерямъ оны матерпымъ,
И съ ума сводятъ оны дѣвушекъ моло̀дыихъ;
И своей збруей-то оны да все-позваниваютъ,
И во кругàхъ-то́нцахъ оны да ихъ завертываютъ;
И какъ безумны эты дѣвушки моло̀дыи,
И оны вѝрятъ-то ярыгамъ скрозекозныимъ;
И на ричàхъ оны, злодїи, чваковитыи,
И во умàхъ оны, ярыги, все дурливыи;
И во устахъ да вѣдь-сотѝ у ихъ медвяныи,
И во сердцахъ у ихъ—змія да подколодная;
И усмѣхаются оны да посмѣваются,
И надъ красой—басой дѣвочьей потѣшаются,
И надъ родителью вѣдь ихъ да надрыгаются;
И судилъ Господи-велико безталаньице,
Ужъ какъ этыимъ злодїямъ супостатыимъ;
И вѣдь казнилъ да ихъ Господи безумьицемъ,
И какъ за ихно за велико беззаконїе;
И не жалїютъ што солдатушковъ безсчастныихъ,
И за пропàщу ихъ собаку почитаютъ,
И всё бьютъ да ихъ безсчастныхъ до умертвія.
И еще слушайте, народъ да люди добрыи:
И я спросила у сердечнаго у дитятка,
И какъ у этого солдатушка походнаго:

И ты въ котору лучше шолъ бы во дороженьку,
И ты во матушку бы шолъ да во сыру землю,
И лучше принялъ бы вѣдь скорую смеретушку,
Аль пошолъ бы ты въ полки да новобраныи,
И во солдаты бы пошелъ да во походныи.
И прїотвѣтитъ тутъ, сердечно мое дитятко.
И ты послушай же, родитель моя матушка,
И да ты глупая старушка, неразумная:
И пока Богъ души не вынётъ, такъ сама душа не выдетъ;
И я не знаю же, солдатъ бѣдной, не вѣдаю,
И уже гди—да моя жизнь бѣдна скончается,
И гди померетъ моя солдацкая головушка,
И гди схоронится побѣдно тѣло грѣшное:
И я жадалъ бы-то, родитель—родна матушка,
И помереть да на родимой своей родинкѣ,
И столько лечь бы къ Пресвятой да Богородицѣ;
И не радѣлъ бы я, солдатъ бѣдной безсчастной,
И какъ по дальной ходить шйрокой дороженькѣ,
И все принять да вѣдь смерётушку напрасную,
И я отъ этыихъ властей неправосудныихъ,
И я отъ этыихъ судей да скрозекозныихъ,
И я отъ этыихъ злодїевъ супостатыихъ;
И впереди судьба безсчастна уродилася,
И безталанна мнѣ-ка жизнь да-прилучилася,
И какъ служить да въ грозной службѣ Государевой,
И вѣкъ корóтать на великоемъ мученьицѣ,
И на великоемъ мученьѣ—не удольноемъ.

Мать къ сусѣдямъ:

И што сижу, да бѣдна мать, я призадумалась,
И я гляжу да вѣдь, горюша, прїослухалась,
И на сердечныихъ рожоныхъ своихъ дѣтушекъ,

И въ собину да на солдатушка безсчастнаго?
И съ горя ходитъ по хоромному строеньицу,
И со обиды по дубовыимъ мостиночкамъ,
И ужъ онъ горькіи-то слезы проливае,
И онъ высказывае братцамъ—выговариватъ,
И объ своей бѣдной онъ жизни горегорькоей:
И што болитъ, да скаже, буйная головушка,
И што тоскуютъ-то солдацки бѣдны плечушка,
И стонутъ бѣдны эты костьица изломаны;
И въ чистомъ полюшкѣ погодушка подо́йметея,
И буйны вѣтры не помѣрны поразвіются;
И какъ отъ этыихъ побоюшковъ тяжолыихъ,
И у меня да у солдатушка походнаго,
И разболится да тутъ спинушка безсчастная,
И станетъ синь да все подъ ясныи подъ очушки,
И печаль-горе на ретливоемъ сердечушкѣ;
И меня страхъ долитъ солдатушка безсчастнаго,
И все страшитъ да меня служба Государева,
И тутъ наздынетъ-то безсчастны бѣлы рученьки,
И онъ на́-свою на буйную головушку,
И сговоритъ еще, побѣдной, таково слово:
«И ты побѣдная головка, неталанная!
«И на бѣло̀мъ свѣтѣ вѣдь ты да зародилася,
«И много горюшка, головушка, видаютца,
«И много слезъ да ясны очи проливаютца;
«И по бѣлу̀ свѣту солдатъ бѣдной таскается,
«И безъ на́виду, побѣдной, призамается,
И вы послушайте, народъ да люди добрыи,
И вы милыи сусѣди спорядовыи!
И надо каменной вѣдь бѣдной быть утробушкѣ,
И столько гля́дячи на мило свое дитятко,
И какъ на этого солдатушка безсчастнаго!
И кабы знали вы, народъ да люди добрыи,
И вы бы вѣдали, сусѣди спорядовыи,
И какъ што діется въ моемъ да ретливо̀мъ сердчѣ,

И на безсчастноей на матерной утробушкѣ:
И быдто лютая змія да тамъ свивается,
И въ родѣ плящіи огни да разгоряются,
И быдто горькая смола да роскипляется.

Мать къ солдату.

И ты послушай же, сердечно мило дитятко,
И ты просился жъ у Царя да у великаго,
И ты вѣдь на́— свою родиму хоть сторонушку,
И во любимо хоть сердечно ты гостибище,
И съ чего-гля чего, сердечно мое дитятко,
И не-надолго ты просился поры—времечки;
И не поспѣлъ да ты, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И ты на добрыихъ людей да насмотритися,
И съ родомъ-племенемъ, нашъ свѣтъ, да ты спознатися,
И поскорёшеньку тебѣ нынь розставатися,
И со своей да со родимой со сторонушкой,
И со печальной со безсчастной молодо̀й женой,
И съ горегорькоей побѣдной родной матушкой.
И я гляжу-смотрю, печальная головушка:
И не туманъ да вѣдь на улушкѣ туманится,
И все безсчастной-то солдатъ сидитъ—печалится,
И при злодійноей великоей кручинушкѣ,
И сожалїетъ онъ родимой своей сто̀роны,
И онъ безсчастную, горюшу, молоду̀ жену,
И намъ не годышекъ вѣдь съ имъ да годовать;
И какъ пройдетъ эта учётная недѣлюшка,
И во слезахъ пройде недѣля во горючіихъ,
И во тоски пройдутъ Господни Божьи де́нечки,
И розставаться на-бъ побѣднымъ головушкамъ
И съ дорогой милой скачоноей жемчужинкой.
И наглядитесь-ко безсчастны наши очушки,
И про запасъ да вы на красно наше солнышко!

И еще слушай-ко, сердечно мило дитятко:
И ты садись, да ко столу, свѣтъ, ко дубовому,
И ты на стулъ да вѣдь садись тутъ на кленовой,
И у мня нанятъ писарёчикъ хитромудрой;
И ты высказывай мой свѣтъ да выговаривай,
И ты про бѣдну свою жизнь да про солдацкую,
И про безсчастно горегорькое живленьице,
И ты про дальное свое да похожденьице;
И не утай-скажи, безсчастно мое дитятко,
И ты вѣдь этому писаречку хитромудрому.
И ты вѣдь слушай, писаречикъ хитромудрой:
И ты повыспроси его да хорошохонько,
И ты повыпиши, мой свѣтъ, да умильнешенько;
И слово къ сло́вечку вѣдь ты да на бумаженьку,
И про его да горегорькое живленьице,
И про его да вѣдь безсчастно похожденьице.
И какъ посли тебя, сердечно мило дитятко,
И отпущу какъ соколочка златокрылаго,
И со своихъ да я побѣдныхъ со ясны́хъ очей,
И со своей да я безсчастной со бѣло́й груди́,
И я во дальную дорожку, не въ любимую,
И не въ веселую сторонку, не въ гульливую,
И я во эту злодій-службу Государеву,
И ворочусь буде путь-ши́рокой дороженькой,
И тутъ я во́-свое хоромное строеньице,
И буде долгой вѣкъ горюшицы протянется,
И коковать буду, горюша, какъ кокошица,
И я возму да тутъ, кручинная головушка,
И запростѣйшей я возму да листъ-бумаженьку,
И я схожу да къ писаречку хитромудрому,
И помолюсь да прочитать эту бумаженьку,
И што на память-то у дитятко высказано,
И слово къ сло́вечку вѣдь туть да пріуписано,
И я послушаю, побѣдная головушка,
И на роздій соби великоей кручинушки,

И на великое себѣ да доброумьице;
И я держать буду, горюша, листъ бумаженьку,
И во своихъ носить безсчастныхъ буду рученькахъ
И у побѣднаго ретливаго сердечушка,
И у пристаршаго, горюша, блёкла личушка,
И я смотрить буду, кручинная головушка,
И поминутно на гербовой листъ бумаженьку,
И на тебя точно, сердечно мило дитятко.
И ой, раздумаюсь побѣдна родна матушка:
И не на радость то вѣдь мнѣ, не на весельице,
И мнѣ-ка на́-тоску, великую обидушку,
Ужъ какъ эта мнѣ злодiйная бумаженька,
И не убавится кручины мнѣ—прибавится.

Мать къ солдату:

И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И взвесели свою побѣдную утробушку;
И прикажи да тепло-красно мое солнышко,
И обсѣдлать себи ступистую лошадушку,
И прiубрать да во сѣделышко черкаское:
И привязать да звонъ—унылы колокольчика—
И все ко этымъ дуга̀мъ да росписа́нымъ;
И ты одѣнь свое бурлацко прежне платьице,
И ты проидь, бѣдной, по ши́рокой по у́личкѣ,
По раздольицу, нашъ свѣтъ, да по чисту̀ полю;
И да ты съизди-тко, сердечно мое дитятко,
И ты во эту Божью Церковь посвященную,
И помолись да ты Владыкѣ отъ желаньица,
И прослужи да ты молебенъ отъ раденьица.
И тебѣ путь пройти широкая дороженька,
И все во доброемъ тебѣ бы во здоровьицѣ;
И ты сердечное рожоно мое дитятко,
И ты проидь да ко породы именитой,

И проміняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку, нашъ свѣтъ, на доброумьице;
И взвеселись хотя жъ у сродчевъ милыхъ сродничковъ,
И у добротушекъ желанныхъ родныхъ тетушекъ;
И ты вѣдь идь да путь-дороженькой тихошенько,
И обочà пойдемъ, печальны мы головушки,
И со твоей пойдемъ печальной молодòй женой;
И хоть мы пóглядимъ, печальныи головушки,
И на тебя мило сердечно мое дитятко,
И говоритъ столько печально мое дитятко:
«И ты послушай же, родитель—моя матушка,
«И можетъ нé-любо вѣдь братьицамъ родимыимъ,
«И пожалïютъ то ступистоей лошадушки,
«И мнѣ-ка бѣдному солдатушку безсчастному,
«И попроѣхать-то по широкой по уличкѣ.
И ты послушай-же, сердечно мое дитятко:
И роспорàжусь я, печальная головушка,
И надъ сердечныма, рожоныма надъ дѣтушкамъ:
«И ужъ вы подьте-тко, дѣти, да поскорёшеньку,
«И обсѣдлайте коня дóбра суравёшенько,
«И про обидное сердечно мое дитятко,
«И про печальнаго про братца про родимаго,
«И пусть проиде на ступистоей лошадушкѣ,
«И хоть не-пéрво, да нашъ свѣтушко, послѣднее;
«И вы возмите-тко сердечны мои дѣтушки,
«И вы возмите-тко вѣдь сладкой этой воточки,
«И вы налейте ему чару зеленà вина;
«И вы подобрите-тко, братца все родимаго:
«И онъ не вѣкъ да съ вама буде вѣковать,
«И онъ не годышекъ вѣдь съ вама годовать.
И ты послушай же, печально мое дитятко:
И добрый конь да вѣдь у братьицевъ обсѣдланой,
И у родной сестры къ крылечику подвéденой;
И у побѣдной у твоей да молодòй жены,
И молодецко прежне платьице принéсено.

И сговоритъ да тутъ сердечно мило дитятко:
И мнѣ не гля́-чего, родитель, запиматися,
«И мнѣ въ бурлацкое-то платье одѣватися.
«И знаютъ-вѣдаютъ народъ да люди добрыи,
«И я не холостъ молодецъ ѣду—женатой,
«И я солдатушко вѣдь ѣду все служивой;
«И попривыкнулъ я къ солдацкому-то платьицу,
«И примѣнился я къ мундерамъ суконъ сѣрыихъ.
«И погляди еще, родитель-родна матушка:
«И какъ солдацкіи сапожки обувать буду,
«И надѣвать буду мундеры суконъ сѣрыихъ,
«И буду на́крѣпко вѣдь мо́лодецъ подтягивать,
«И я печально молодецкое сердечушко,
«И застегну я плотно пугички фрунтовыи;
«И тутъ я выду же, солдатъ бѣдной безсчастной,
«И я на этое крылечико перёное.
«И ужъ до́брой конь стоитъ да при кручинушкѣ,
«И я безсчастной-то солдатъ да при обидушкѣ;
И замѣчаю я, сердечно мило дитятко,
И ты не въ цвѣтно, бѣдной, платье одѣваешься,
И ты горючима слезама обливаешься:
И мы поидемъ, тепло-красно мое солнышко,
И да ты, на́-этой ступистоей лошадушкѣ,
И да ты на́-этомъ сѣделышкѣ черкасскоемъ;
И какъ тоби да свѣты братьица родимыи,
И оны шолковъ тоби поводъ подаваютъ,
И во солдацкіи безсчастны твои рученьки,
И какъ печальная горюша-молода̀ жена,
И во лѣвой-руки̂ вѣдь плеть несе шолковую,
И за руку̀, ведё сердечно мало дитятко,
И она ве́дучи дитю да выговариватъ:
«И ты гляди мало сердечно мое дитятко,
«И на желаннаго гляди да ты на батюшку!
И хотя жъ сѣлъ да нашъ гостюшко любимой,
И на удалую ступистую лошадушку,

И хоть поѣхалъ въ путь—широкую дороженьку,
И по прогулушкѣ по ши́рокой по уличкѣ,
И по роздольицу, солдатъ, да по чисту̀ полю:
Подъ имъ доброй конь идё да спотыкается,
И мать сыра земля отъ добра коня подгибается;
И какъ безсчастной тутъ солдатушко походной.
И онъ не пьянъ да на-добромъ конѣ мотается,
И онъ горючима слезама обливается,
И сговоритъ да мое ди́тё таково слово,
И мнѣ побѣдноей безсчастной родной матушкѣ:
И хоть идешь, моя родитель жалосливая,
И побочась идешь ступистоей лошадушки,
И меня держишь за безсчастну бѣлу рученьку,
И слезно плачешь ты, родитель, причитаешь,
И ты высказывашь, родитель, выговаривашь,
И мнѣ безсчастному солдату неталанному:
И ты послушай же, сердечно мило дитятко,
И мы подъидемъ къ Божьей церквы посвященной,
И мы зайдемъ да тутъ Владыкѣ помолитися,
И штобы далъ да Господь добраго здоровьица,
И великой бы Господней Божьей милости,
И какъ поѣхать со родимой тебѣ родинки;
И по благому въ путь-широкую дороженьку,
И штобы далъ Господь талану теби участи,
И во полки да теби, дитятко, явитися,
И строгу-грозному начальству поступитися.
И вотъ онъ и́де путь-ши́рокой дороженькой,
И мимо сво́и-то роспашисты полосушки,
И говоритъ столько сердечно мое дитятко:
«И полоса-ль моя полосушка непаханая,
«И безъ меня бѣдна солдата новобранаго;
«И какъ у мо́ихъ-то у братьицевъ роди́мыихъ,
«И не удобрена вѣдь матушка сыра земля,
«И задернили вси роспашисты полосушки,
«И лѣсомъ за́росли луговы эты поженьки;

«И мои братьица теперь видно лѣнивыи,
«И не заботны, свѣты-братцы, не сухотныи,
«И объ домы да объ крестьянской оны жирушкѣ;
«Все гляжу—смотрю солдатъ бѣдной безсчастной;
«Измѣнилася крестьянска у ихъ жирушка,
«И я бы понѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
«И мнѣ-бы отпуски хоть были на два годышка,
«И я бы жилъ да во крестьянской понь-бы жирушкѣ,
«И день роботалъ бы, вѣдь темну эту ноченьку.
И уже слушай же, сердечно мое дитятко,
И мы у этоей ограды обнесеноей,
И у священнаго крылечика церковнаго.
И подбѣгаютъ тутъ народъ да люди добрыи,
И какъ глядятъ-смотрѝтъ сусѣди спорядовыи,
И сожалïютъ-то солдатушка служилаго,
И тутъ стоятъ да добры людушки-дивуются:
«И на полетѣ, знать, теперечко ясенъ сокòлъ,
«И на пойзди, знать, солдатушко безсчастной,
«И видно, сó своей родимоей сторонушки;
«И со сторонь да глядя—плачутъ люди дóбрыи.
И хоть спустился, да нашъ свѣтъ, тутъ со добрà конѝ,
И онъ на матушку спустился на сыру землю,
И онъ снялъ да со безсчастной буйной гóловы,
И онъ не шляпоньку снималъ да все пуховую,
И онъ безсчастны киверà снималъ солдацкïи,
И на крыльцы да крестъ-отъ клалъ онъ по писаному,
И на переноемъ поклонъ да по учоному,
И сотворилъ прежде Iсусову молитовку;
И оборóтился сердечно мое дитятко,
И онъ на этомъ на крылечикѣ перёноемъ,
И увидалъ да въ слезахъ добрыихъ тутъ людушекъ,
И онъ поклонъ воздалъ, скачоная жемчужинка,
И онъ на вси на три-четыре на сторонушки,
И всимъ окольнымъ спорядовыимъ сусѣдушкамъ,
И сговоритъ столько безсчастно мое дитятко:

«Ужъ вы здрастуйте народъ да люди добрыи,
«И вси примилыи сусѣди спорядовыи!
«И посмотрить пришли солдатушка безсчастнаго;
«И спасетъ Богъ-то вамъ, народъ да люди добрыи,
«И какъ на вашемъ-то великоемъ желаньицѣ;
«И у меня жъ да у солдатушка безсчастнаго,
«И какъ сегодня, сего де́нечка Господняго,
«И розобидилась какъ буйная головушка,
«И запечалилась безсчастная утробушка,
«И текутъ слезы у солдата изъ ясны̀хъ очей,
«И какъ я ѣхалъ путь-широкоей дороженькой,
«И я къ этой церквы Божьей посвященноей,
«И со кручинушки сидѣлъ бѣдной шатался.
«И нонь пройти надо солдатушку безсчастному,
«И мнѣ во Божью пройти церковь посвященную,
«И попросить было попа отца духовнаго,
«И прослужить столько молебенокъ походной.
«И моя милая родитель-бѣдна матушка,
«И по праву̀, бѣдна горюша, стоитъ рученьку;
«И какъ безсчастна горегорька молода̀ жена,
«И супротивъ моихъ безсчастныхъ ясныхъ очушекъ;
«И слезно плачутъ-то оны да возрыдаютъ,
«И оны горьки да тутъ слезы проливаютъ,
«И сожалїютъ-то солдатушка безсчастнаго.
И ты послушай же сердечно мило дитятко:
И не могу терпѣть, печальная головушка,
И содержать да я безсчастнаго сердечушка,
И на утробушкѣ—злодїйноей тазнобушки;
И мнѣ-ка жаль-тошно̀ побѣдноей головушки,
И потошнїе жаль сердечно тебя дитятко;
И можешь знать—вѣдать, скачоная жемчужинка,
И мы не къ праздничку тебя да снаряжаемъ,
И не въ бурлакушки тебя мы отправляемъ,
И не въ топорную работу да зажи́вную,
И мы во дальную дорожку безъизвѣстную,

И во злодійну эту службу Государеву.
И сговоритъ да тутъ сердечно мое дитятко:
«И перестань моя родитель слезно плакать,
«И ты во этоей церквѝ да посвященноей;
«И ужъ ты милая моя да молодà жена,
«И ты не-дай тоски-кручины ретливу̀ сердчу;
«И лучше Господу молитесь отъ желаньица,
«И обо мни да вы безсчастноемъ солдатушкѣ,
И тутъ повышли на широкую на уличку,
И мы со этой Божьей церквы посвященноей,
И сговоритъ столько родитель-родна матушка:
— И ты садись мое сердечно теперь дитятко,
— И на сѣдёлышко садись да на черкасское,
— И ты на этую ступистую лошадушку.
И на отвѣтъ скаже рожоно это дитятко:
«И ты послушай же, родитель—моя матушка,
«И не-неволь меня солдатушка безсчастнаго,
«И мнѣ-ка систь да вѣдь, родитель, на добрà конѝ;
«И я пройду да лучше чистымъ этымъ полюшкомъ,
«И я за пóводъ проведу да коня добраго,
«И лучше прóйдемъ мы, родитель, по-тихошеньку,
«И сколько этой да путь-ши́рокой дороженькой;
«И мнѣ со добрыма пройти да все со людушкамъ;
«И пусть посмотрятъ добры люди поликуются,
«И пусть спорядныи сусѣдки натоскуются,
«И пусть посмотрятъ на солдатушка безсчастнаго,
«И быдто нá-своихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
«И у которыхъ же безсчастныхъ родныхъ матушекъ,
«И тоже отданы сердечны есть вѣдь дѣтушки,
«И въ злодійную во службу Государеву.
«И можетъ, думаютъ народъ да люди добрыи:
«И што солдатъ идё, дороженькой ликуется.
«И кабы знали вы народъ да люди добрыи,
«И про мою тоску-великую кручинушку,
«И про безсчастну горьку жизнь мою солдацкую:

«И я съ кручинушки не вижу людей добрыихъ,
«И во глазахъ да не замичу сродчевъ-сродничковъ.
«И сговоритъ еще родитель-бѣдна матушка:
— Охъ, несчастное сердечно мое дитятко:
— И отъ тебя бѣдна солдата неталаннаго,
— И путь дороженька теперь да подгибается,
— И отъ солдацкихъ слезъ тропинки заливаются;
— И все безъ вѣтрышка идё солдатъ, шатается,
— И безъ воды да его ножки подмываются.
— И вы глядите-тко народъ да люди добрыи!
— И передъ имъ да въ полѣ травка преклоняется,
— И вси вѣдь разныи цвѣточики мѣшаются.
— И со чистà поля вѣдь птиченьки слетаются,
— И оны у́ныло вѣдь птичи причитаютъ,
— И надъ безсчастныимъ солдатушкомъ походныимъ;
— И какъ не пыль да въ чистомъ полѣ подымается,
— И какъ тоска его кручина розгоряется,
— И все у мо́его сердечнаго у дитятка,
— И вы глядите еще до́бры столько людушки:
— И передъ мо́имъ же безсчастнымъ теперь дитяткомъ
— И темны лѣсушка къ зени да приклонилися,
— И сожалїютъ-то темнѝ лѣса дремучїи,
— И какъ безсчастнаго солдата новобранаго;
— И не могли стерпѣть катучи бѣлы ка́мешки,
— И устоять да на горахъ вѣдь на высокїихъ,
— И поглядить да на тоску вѣдь на солдацкую,
— И со высокихъ горъ вѣдь ка́мешки скатилися,
— И все безсчастнаго солдата сожалїютца.
И мы подходимъ хоть, печальныи головушки,
И мы ко этому селу да деревенскому,
И мы ко доброму хоромному строеньицу,
И мы ко этому крылечику перёному,
И на крыльцѣ стоитъ сердечно мое дитятко,
И какъ отда́на моя бѣлая лебедушка,
И зове—чёстуе любимаго вѣдь гостюшка,

И ко соби да соколочка злотокрылаго,
И она свѣтушка вѣдь братца все родимаго.

Мать къ дочери.

И попѣняю бѣдна мать я горегорькая,
И на тебя жъ да моя бѣлая лебедушка:
И разгнѣвила свѣтушкà братца родимаго,
И не стояла край-пути да ты дороженьки,
И не бралà да въ руки повода шолковаго,
И ты къ крылечику коня не подводила,
И свѣтушкà братца вѣдь ты не почестила,
И видно, гордая, дитё ты, непокорная,
И состоронь давно жалïютъ люди добрыи,
И слезно плачутъ вѣдь сусѣди спорядовыи;
И у тебя, знать, у сестрицы у родимой,
И плотно-каменно ретливое сердечушко;
И не жалïешь свѣтушкà-братца родимаго,
И дорогой милой скачоноей жемчужинки;
И не могу да знать, печальная головушка,
И уже зàйдетъ ли, скачоная жемчужинка,
И ко тоби да ко сестрицы ко родимоей;
И ты отдáна хоть е, бѣлая лебедушка,
И вѣдь не дальна твоя чýжая сторонушка,
И не за-мòряма, лебедушко, глубокима
И не за-гóрама, дите, да ты высокима,
И кругъ единаго мы чистаго вѣдь полюшка,
И да мы óдного попа отца духовнаго,
И мы единаго приходу все церковнаго.
И хоть ты вышла на крылечико перёное,
И ты стоишь да на мостиночкѣ дубовоей,
На перекладинкѣ, лебедушко, кленовоей,
И не попустишь ты, лебедка, жалкòй гóлосокъ,
И ты умильна лебедина причитаньица,

И ты не съ причетью вѣдь братца-то стричаешь;
Таки-ль нѣтъ да теби вольной, видно, волюшки,
Али добрыихъ людей да ты стыдишься,
Али грознаго ты мужа да страшишься.
И позади да Богодана стоитъ матушка,
И посторонь стоятъ невѣстушки голубушки,
И впереди стоитъ надежа-мужъ головушка;
И ты вѣдь добрыихъ людей да удивила,
И свѣтушка̀ братца вѣдь ты да розгнѣвила;
И закатился-то катучей бѣлой ка̀мешокъ,
И на его бѣдномъ солдацкоемъ сердечушкѣ.
И ты послушай еще, бѣлая лебедушка:
И уже въ томъ бѣдной солдатъ да порозгнѣвался,
И на тебя да на сестрицу на родимую,
И што ты не́-пришла во церковь посвященную,
И ты ко общеей обидни богомольноей,
И ты ко этыимъ молебнамъ ко спасёныимъ;
И со сторонь пришли народъ да люди добрыи,
И становили всю крестьянскую работушку,
И поспѣшились ко обидни богомольноей,
И на солдацки оны слёзушки смотрили,
И на солдацкое моленьице глядили,
И за походнаго солдатушка молились;
И столько ты да моя бѣлая лебедушка,
И да ты не́-пришла во церковь посвященную,
И съ того гнѣвъ несе да кра̀сно твое солнышко—
И на тебя да на сестрицу-свѣтъ-родимую.
И посмотри да столько бѣлая лебедушка;
И онъ не пьянъ да иде, братецъ, все шатается,
И не хмѣлёнъ да на дорожкѣ подтыкается;
И призастынуло побѣдно ретливо̀ сердчѐ,
И за кручинилась безсчастная утробушка,
И какъ страшитъ да путь вѣдь дальная доро̀женька,
И столько эта грозна служба Государева.
И уже слушай того, бѣлая лебедушка:

«И не убойся прими братца ты родимаго,
«И во сердечное любимо же гостибище,
«И не надолго же поры да этой времечки,
«И угости свою скачоную жемчужинку,
«Хоть не первое теперечко послѣднее;
«И ты поддерни-тко вѣдь стулъ ему кленовой,
«И ты во этой-то во свѣтлой своей свѣтлицѣ
«И во столовоей теперь да новой горенкѣ;
«И ты сади да ко столу его дубовому,
«И наливай да чаю-кофею горячего.
«И ты налей да стаканъ сладкой ему воточки,
«И поднеси да во стаканѣ золоченоемъ,
«И на подносѣ поднеси да на серебряномъ;
«И ты иди да моя бѣлая лебедушка,
«И во стаканѣ бы вино да не шаталося,
«И по подносу бы вино не розливалося.

Сестра—къ солдату:

Ужъ ты послушай, свѣтушкò-братецъ родимой:
И я ужъ думала печальнымъ своимъ разумомъ,
И не зайдешь да тепло-красно мое солнышко,
И не заидешь, свѣтъ—скачоная жемчужинка,
И ты во мóе-то хоромное строеньице;
И уже вдругъ да у крылечика перёнаго,
И быдто красно это солнышко порóспекло,
И быдто бѣлой свѣтъ теперь да порозсвѣтился,
И во моемъ да во хоромноемъ строеньицѣ,
И во свѣтлоей у насъ да теперь свѣтлицѣ,
И въ моей столько столовой новой горенкѣ;
И не частѝ звѣзды теперь да возсїяли;
И какъ сего-дня сего-дéнечка Господняго,
И впереди да свѣта братца вѣдь родимаго,
И по пути да по широкоей дороженькѣ,

И прилетала перелетна мала птиченька,
И ко крылелику она да ко перёному
И все ко этому косѣвчату окошечку,
И ко туманноей стекольчатой околенкѣ,
И она у́ныло вѣдь птичка причитала
И она жалобно, печальна, розсказала:
—И все вѣдь мни она, кручинноей головушкѣ:
—И во пути да тепло-красное солнышко,
—И на полётѣ златокрылой мой ясень соко̀лъ,
—И на пойздѣ свѣтушко̀-братецъ родимой:
—И онъ послиднïи денечки вѣдь гуляетъ,
—И на добромъ кони, мой свѣтъ, да розъѣзжаетъ,
—И онъ съ родимоей сторонушкой прощается
—И съ родомъ-племенемъ онъ, свѣтъ, да розстается,
—И нынь прiѣхалъ онъ, скачоная жемчужинка,
—И не надолго-то поры да столько времечки,
—И ужъ онъ гостюшкомъ ко мни да все любимымъ.

Мать—къ сусѣдямъ:

И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы смотрите-тко, сусѣди спорядовыи:
И его любушка-сестрица свѣтъ родимая
И побочà стоитъ у братца у родимаго,
И все по правую стоитъ она подъ рученьку,
И приназдынуты вѣдь бѣ́лы у ней рученьки
И на служивы на безсчастны его плечушка,
И волокидную побѣдную головушку;
И она гладитъ хоть сестрица-свѣтъ родимая
И по его да безталанноей головушкѣ,
И во горя́хъ она рути́тъ да горючи́ слезы;
И столько гля́дячи на братца на родимаго,
И сговоритъ бѣдна сестрица таково слово:
«И мни во сняхъ ли-то, горюшѣ, показалося,

«И на яву ли-то въ дому да обчудилося:
«И быдто бѣлой свѣтъ-теперь да порозсвѣтился,
«И красно солнышко съ за-облачки поро́спекло;
«И во моемъ да во хоромноемъ строеньицѣ,
«И во моей да во столовой новой горенкѣ,
«И свѣтушко̀ да мой братецъ угощается;
И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы смотрите-тко, сусѣди спорядовыи:
И его любушка сестрица—свѣтъ родимая,
И не медвяныи питья да наливаетъ:
Она горючима слезама обливается;
И все не ѣствушки сестрица составляетъ:
И ю великая кручина удоляетъ:
И сожаліетъ свѣта-братца вѣдь родимаго,
И соколочика она да златокрылаго.
И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы смотрите-тко, сусѣди спорядовыи:
И какъ сего-дня, сего де́нечка Господняго,
И подъ туманомъ, наше ди́тё, подъ великіимъ,
И во обиды, оно ди́тё, во злодійноей;
И хоть въ гостяхъ гоститъ сердечно мило дитятко,
Хоть у любушки сестрицы у родимой,
И на стульицахъ сидитъ да на кленовыихъ,
И хоть у столика сидитъ да у дубоваго
И за чаѐмъ сидитъ да свѣтушко за кофеемъ,
И буйна го́лова солдацка приклонивши;
И ясны очушки въ дубовой полъ утуплены;
И горьки слезы изъ очей да проливаются;
И онъ ѣствушковъ теперь не искушаетъ;
И онъ медвяныихъ питьевъ не испиваетъ;
И все тоскуетъ-то побѣдно ретливо̀ сердче—
И какъ у этого у гостюшка любимаго,
И все у этого солдатушка походнаго.
И онъ высказыватъ вѣдь ла́сковы словечушка,
И выговариватъ при добрыихъ онъ людушкахъ,

И онъ на память-то сестрицѣ все родимой:
«И ты послушай-же, сестрица—свѣтъ родимая,
«И спамяти бѣдна, солдатушка безсчастнаго:
«И не начаюсь я солдатъ, да не надїюся,
«И я бывать да на родимой своей сторонѣ,
«И съ родомъ-племенемъ вѣдь я да увидатися;
«И какъ съѣду со родимой со сторонушки,
«И поступлю да во полки я новобраныи,
«И постановя во казармы во казенныи;
«И я не знаю же, солдатъ бѣдной, не вѣдаю,
«Установя гдѣ солдатушка побѣднаго;
«И можетъ, вышлютъ-то за горушки высокiи;
«И за синiи моря да за глубокiи;
«И намъ солдатушкамъ вѣдь смерть да во темномъ лѣсѣ;
«И живетъ смерть да все солдату во своихъ рукахъ—
«И во оружьицахъ у насъ да завоенныихъ,
«И въ пистолетикахъ у насъ да зарукавныихъ,
«И на страженьицѣ солдату на великоемъ,
«И на большомъ, да намъ безсчастнымъ, кроволитьи;
«И спамяти да ты сестрица—свѣтъ родимая,
«И своего да ты вѣдь гостюшка любимаго;
«И я еще прошу, солдатъ да все безсчастной,
«И объ своихъ да объ сиротныхъ прошу дѣтушкахъ;
«И я вобче прошу вѣдь сродчевъ—милыхъ сродничковъ,
«И за едино всѣхъ сусѣдей спорядовыихъ;
«И не спокиньте-тко сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
«И вы солдацкихъ бѣдныхъ дитей горегорькїихъ.
«И мнѣ-ка жаль бѣдну солдатушку безсчастному,
«И жаль родимоей теперечко сторонушки,
«И пожальчїе жаль сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
«И во вторыхъ да жаль печальной молодой жены,
«И потошнѣе жаль желанной родной матушки.

Мать къ дочери:

И ты послушай, моя бѣлая лебедушка,
И его милая сестрица-свѣтъ родимая:
И у тобя да у сердечнаго у дитятка,
И нынь е да золотой казны по надобью;
И ты сходи, дитё, во улички рядовыи,
И ты зайди, дочи, во лавочку торговую,
И закупи да листъ бумаженьки гербовыи,
И ты найми да писаречковъ хитромудрыихъ;
И пока у́-тобя—любимой столько гостюшко,
И во твоемъ доми—хоромноемъ строеньицѣ,
И ты спиши да его бѣло это личушко,
И ты солдатскую служивую головушку,
И ты оружїю-то спиши да завоенную,
И ты покрутушку спиши его солдацкую,
И спиши ласковы прелестныи словечушки,
И ты печальныи его ясны спиши очушки,
И на патретъ да на гербовую бумаженьку;
И какъ уиде со родимой онъ со родинки,
И мы проводимъ да въ путь-широку дороженьку.
И мы свою, милу скачоную жемчужинку;
И какъ придемъ да во хоромное строеньице,
И мы воспомнимъ тепло-красно наше солнышко,
И мы возмемъ да листъ гербовую бумаженьку,
И мы патретъ возмемъ во бѣлыи во рученьки,
И тутъ мы при́жмемъ ко ретивому сердечушку,
И мы приложимъ-то ко блёклому ко личушку,
И будемъ горькима слезама обливатися,
И мы глядить будемъ, печальныи головушки,
И точно на́-его на красное на солнышко,
И на сердечнаго болѣзнаго на дитятка,
И на безсчастнаго солдата горегорькаго.

Къ сусѣдямъ:

И какъ сегодпишнимъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ,
И какъ у насъ да у печальныихъ головушекъ,
И наставала теперь тёмна будто тученька,
И со громо̀мъ да быдто тученька со молвїей,
И все со страстью будто туча со великоей;
И какъ сердечное болѣзно наше дитятко,
И быдто деревцо теперь да надсѣченое,
И быдто травонька въ лужечку надкошоная,
И быдто вёшная земля да ворошоная;
И такъ сердечное безсчастно наше дитятко,
И на полётѣ со родимой своей родинки.
И какъ у насъ да у печальныхъ у головушекъ,
И унывать столько ретливое сердечушко,
И столько гля́дячи на красное на солнышко;
И чѣлой день да мы побѣдны разставаемся;
И жаль тошнёшенько печальнымъ намъ головушкамъ,
И отпустить да со родимой со сторонушки,
И быдто ясна сокола̀ да со право̀й руки,
И быдто бѣлой свѣтъ теперь да со ясны̀хъ очей,

Солдатъ становится на колѣни и проситъ у матери благо́словенія:

И по суду ли-то теперь да все по Божьему,
И по закону ли вѣдь нонь да по Господнему,
И я прошу, бѣдной солдатъ—да все безсчастной,
И у своей прошу родителя—у матушки,
У ей вичнаго солдатушку прощеньица—
И я родительска себѣ благословленьица.

Мать благословляетъ иконою Николы Чудотворца.

Да хранитъ тебя Микола многомилосливой,
И отъ бури да хранитъ тебя-отъ па́дары,
И отъ хо́лода тебя да Онъ отъ го́лода,
Отъ тычко́въ-пинковъ вѣдь Онъ да отъ затыльниковъ!
Во бою́ да сохранитъ Онъ съ непріятелемъ,
Отъ оружьица вѣдь Онъ да завоеннаго;
И отъ искры сохранитъ тобя трескучей,
И отъ этого огня да Онъ отъ плящаго!
Впереди́ да Онъ Микола щитомъ берё,
Позади́ да Онъ Мпкола мечемъ сѣкё,
Посторонь да Онъ Микола огнемъ палитъ;
Тучи нѣтъ, а бывъ какъ громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, а искры сыплются.

IV.

ПЛАЧИ ПРИ ПОБЫВКѢ СОЛДАТА НА СМЕРТЬ СВОЕГО ОТЦА.

Ирины Ѳедосовой.

И пріузнала тутъ родитель его матушка,
И наздынула тутъ безсчастны бѣлы рученьки,
И на обидну на печальную головушку;
Она сдіяла съ нимъ доброе здоровьице,
И плотнёшенько къ сердечку прижимала,
И личё къ личушку она да прилагала,
И ко солдатскіимъ устамъ да припадала,
И она съ радости родитель-то сказала:
«Слава Богу-то теперь да слава Господу!
«Слава Вышнему Царю да все небесному!
И сговорила тутъ во до́бры она людушки:
Все со радости она да со весельица,
Какъ мнѣ бѣлой свѣтъ теперь да порасвитился,
И красно солнышко теперь будто поро́спекло,
Какъ свитлёшенько-то мѣсяцъ поразсви́тился,
И часты звѣздочки теперь да розсвѣтать стали;
И сговорила тутъ сердечнымъ она дѣтушкамъ:
И што стои́те да вы ди́ти остоло́пились,
И вы клони́те теперь буйную головушку,
Все ко свѣтушку ко братцу ко родимому,
Да мы до́ждались скачоноей жемчужинки,

И я сердечнаго рожонаго вѣдь дитятка,
И мы со дальной пути ши́рокой дороженьки,
И съ заграничной чужой дальноей сторонушки;
Десять лѣтъ да мы письма не принимали,
И мы слыхомъ про его да не слыхали,
Мы во живности его да не считали;
Аль гора да со горо̀й, свѣты, не со́йдется,
Человѣкъ живо̀й со ро́дышкомъ свидается.
Тутъ спахну́лася порода именитая;
Оны дiютъ съ нимъ вѣдь доброе здоровьицо;
Вси собралися сусѣды спорядовыи,
Межу ду-другомъ оны да разсуждаются;
Все про гостюшка видь е да наслухаются;
И раздѣвать-да стали—родъ племя любимое,
Вси вѣдь ра́нцы отъ его да отбираютъ,
И передъ ду́-другомъ шенель да скидываютъ.
Какъ судилъ—Го́споди солдатушку побѣдному,
И ему быть да на родимой своей ро́динѣ,
И повидать еще желанныихъ родителей,
И при послѣди при родителѣ при батюшкѣ,
Проводить да къ Божьей церкви посвященной.
И тутъ спахну́лася родитель-родна матушка,
И вдругъ на радости она да на весельицѣ,
И она ставила столы скоро дубовыи,
И она сла́ла скатерти̇̀ да шито-браныи,
И она на́несла-то ѣствушковъ сахарнiихъ,
И она на́лила вѣдь питьица медвяныи;
Тутъ садила вѣдь за столъ да за дубовый,
И сама сѣла-то на стулъ подлѣ кленовый;
И она по́дчиватъ сердечно свое дитятко,
И она гладитъ все по бладой по голувушкѣ,
И она дро́читъ по солдатскiимъ по плечушкамъ,
И она ласково его да уласкаетъ;
И она у́ныло-печально причитаетъ;
И говоритъ столько родитель-родна матушка

Всему роду да спорядныимъ сусѣдушкамъ:
«И вы послушайте, народъ да люди добрыи!
«И не сдивуйте-ко, сусѣды спорядовыи,
«Што прозабыла я надёжную головушку,
«И зрадовалась на сердечнаго я дитятка;
«И буде вирите, народъ да люди добрыи,
«И разумiете сусѣды спорядовыи,
«Ужъ я такъ, бѣдна горюша, взрадовалась,
«Какъ я до́ждалась годова будто праздничка,
«И точно свѣтлаго Христова воскресеньица.
И да ты ѣшь, мило сердечно мое дитятко,
И напивайся, мое дитятко, пьянёшенько;
И я пойду, бѣдна кручинна нонь головушка,
И восликать пойду надёжную головушку,
И стану радовать, печальная головушка;
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
И да мы сядемъ-ко, побѣдныи головушки,
Мы на эту на брусову бѣлу лавочку;
И припади ты ко родителю ко батюшку;
И можетъ, дитятко, вѣдь ты да поталаннѣе,
И родитель до тебя да пожеланнѣе;
И восликай да желаннаго ты́ батюшка:
«Ты повыстань, свѣтъ-надежная головушка,
«И отвори да свои ясны эты очушки,
«Ты на сво́е на сердечное на дитятко,
«И на обиднаго солдатушка походнаго;
«Со пути, какъ свѣтъ, пришолъ да со дороженьки.
«И поспѣшился на родимую на родинку,
«И онъ ко сво́имъ ко желаныимъ родителямъ!
И стану спрашивать, печальная головушка,
У обиднаго сердечнаго у дитятка:
И ты не вѣдалъ про велику, знать, незгодушку,
И ты про эту про злодiйскую кручинушку,
И ты про сво́его родитель про батюшка,
И што при трудной при болѣзной былъ постелюшкѣ,

И што онъ прѝ-этомъ тяжеломъ неможеньицѣ.
И памятѝлъ столько сердечно тобя дитятко,
И говорилъ да онъ, побѣдная головушка:
— Кабы далъ Господи да добраго здоровьица,
— И мнѣ дождáться бы сердечно свое дитятко,
— И мнѣ обиднаго солдата новобранаго,
Говорилъ еще желанной родной батюшко:
— И не дождаться мнѣ сердечнаго, знать, дитятка,
— И не видать мнѣ-ка во я́сны его очушки
Ты послушай же, сердечно мило дитятко:
«И хто сказалъ тѣ про великую незгодушку,
«И на пути ль хто на ши́рокой на дороженькѣ?
И отвѣчатъ столько солдатъ да новобраной,
И говоритъ да онъ во дóбрыи во людушки:
— И да я шолъ какъ путемъ-ши́рокой дороженькой,
И унывало тутъ солдатско ретливò сердчè,
И подломилися солдатски ножки рѣзвыи;
И радъ я систь былъ на пути да на дороженкѣ,
И соби думалъ я вѣдь крѣпку эту думушку,
Што видь чу́вствуе побѣдно ретливò сердчè;
И не начаюсь я соби какой незгодушки,
Кажись, нé-болитъ у мня да буйна гóлова;
Я вѣдь и́ду на родимую сторонушку—
Все на радости итти бы на весельицѣ;
И прихожу да ко селу я деревенскому
И я гляжу да вѣдь на красное на солнышко,
Я съ остатку да на бѣлой гляжу свѣтушко,
И на деревеньки вѣдь я да становлюсь,
И подъ окошечкомъ, солдатъ, стою-стучаюсь,
У знакомыхъ почевать да я даваюсь;
И я думаю, солдатъ, соби походной,
И почевать да у людей вѣдь у знакомыихъ:
Я запомню-то крестьянъ да полномочныихъ:
Ко крылечушку я сталъ да подвигатися,
Со пути стала лошадушка казатися;

И я на уличкѣ теперь да устоялся,
И я ступистыи лошадушки дождался;
И вижу-йдетъ человѣкъ да все знакомый,
А мой прежній-то сусѣдъ да спорядовой;
Человѣкъ да туто йде потихошеньку,
Ужъ смотритъ на меня да все вострёшенько;
И хоть въ бѣлò личо меня не признавае,
Ужъ онъ добраго конѝ да поставляе;
Я пришелъ да къ этымъ саночкамъ дубовымъ,
И честь воздàлъ ему я точно енеральскую:
Какъ во службы-то къ чему да пріучали,
Што умильную бы честь мы воздавали.
И сталъ я спрашивать сусѣда спорядоваго,
И далеко ль это селенье въ разстояньицѣ?
И говоритъ столько сусѣдъ да спорядовый,
Ужъ вточь глядитъ во я́сны мни-ка очушки
«Солдатъ, скажетъ, теперечка знакомой,
«Ты скажись-ко вѣдь солдатъ да мни знакомой,
«Ты по имечки скажись да по изотчинкѣ?
— Мое имечко вѣдь есть да все тяжолое,
— И назовусь да я сусѣдомъ спорядовымъ;
Тутъ я сдѣялъ съ нимъ вѣдь доброе здоровьице,
Я про всихъ спросилъ сусѣдей спорядовыихъ,
И не сказался тутъ спорядному сусѣдушку;
И повинюсь да вамъ, желанна рóдна матушка,
Я назвалъ да васъ сусѣдмы спорядовыма,
И я сказался, мнѣ-ка люди тамъ знакомыи,
И вси во добромъ ли оны да во здоровьицѣ,
И въ исправности ль крестьянска у нихъ жирушка?
И отвѣчалъ да мнѣ сусѣдъ да спорядовый:
Оны живу́тъ да вѣдь теперечко попрежнему,
И не измѣнена крестьянска у нихъ жи́рушка;
Какъ вчерашніимъ Господнимъ Божьимъ дéнечкомъ,
У ихъ сдѣлалась великая незгодушка,
Переставился сусѣдъ нонь спорядовый,

Я на красное на солнышко поглядываю,
На путь ши́року дороженьку посматриваю;
И не пойду я на спокойну эту ноченьку,
Я направлюсь въ путь широкую дороженьку,
И поспѣшусь да на родимую на родинку;
Я застану-то родителя вѣдь батюшка,
Пока во́-своемъ хоромноемъ строеньицѣ,
Пока на́-своей брусовой бѣлой лавочкѣ.
И подобралъ да я шинель тутъ суконъ сѣрыихъ,
И подынулъ ране́цъ на плечушки солдатскіи;
Я отправился въ путь ши́року дороженьку,
Шахи дѣлаю вѣдь я да по звѣриному,
Ужъ я хо́боты даю да по лисицыному,
Я военныимъ ружьемъ да подпираюся;
Путь-дороженькой иду да поспѣшаюся;
И я дороженькой вѣдь шолъ да призамаялся,
У перёнаго крылечка порасплакался;
Хоть постучался у крылечика перёнаго,
Подивился у косѣвчата окошечка,
И доложился у дверей да у дубовыихъ:
И вы пустите-тко солдатушка походнаго,
Отдохнуть да съ пути ши́рокой дороженьки,
И на спокойну вы пустите темну ноченьку,
И отдохнуть да съ пути ши́рокой дороженьки,
Обогрить да мнѣ солдатски ножки рѣзвыи,
Приростаять бы ретливое сердечушко;
Какъ въ окошечко вѣдь вы да отвичали,
И на перёное крылечко не пущали,
И дубовы̀ двери вѣдь вы да запирали;
И отвичала мни сестрица тутъ родимая:
«Все не та пора̀ у насъ да пора-времечко,
«Што пустить да намъ побѣдныимъ надслежничковъ,
«И не до васъ да намъ, солдатишко походный;
«У насъ е въ домы великая незгодушка,
«Е злодійская великая тоскичушка;

И скрозь околенку глядитъ да мила сватьюшка,
И сговоритъ да она ричь-то умильнёшенько:
«Онъ не шведъ-то, вѣдь е да не татаринъ,
«И ночлегу за собой да добры людушки не посятъ;
«И со пути да со дороженьки пустите-ткось,
«И вы отъ темной его ночи сохраните-тко,
«И да ужиной его вы покормите-тко,
«И родителя вѣдь есть да спомяните-тко.
«И разумійте-тко вы дòбры того людушки,
«Человѣкъ можетъ идетъ да онъ кручинной,
«И солдатушко идетъ да не богатой,
«И можетъ нѣтъ да золотой казны по надобью.
Поскорёшеньку видь онъ да ворочается,
Онъ на-этое крылечико перёное;
Тутъ зашолъ какъ во хоромное строеньице,
Распознàлъ да тутъ солдатъ поросказался,
Онъ вѣдь прò-свою-то жизнь да про несчастную,
И какъ путемъ да онъ шолъ шѝрокой дороженькой,
И гдѣ провѣдалъ про великую незгодушку,
Гдѣ сердечушко его да взвѣщевало,
Про кручинушку его да розсказало.
И сговорилъ да тутъ солдатушко походной,
И какъ усталъ да путемъ шѝрокой дороженькой,
И заболили крѣпко рѣзвы его ноженьки.
Тутъ вѣдь у̀стлали пуховую перинушку,
Положили на тесову на кроваточку;
И склонилася родитель подлѣ матушка,
Какъ ко эту круту складнему сголовьицу,
И принакрыла соболинымъ одѣялышкомъ;
И просидѣла темну ноченьку до утрышка,
И ублаждала по солдатскіимъ по плечушкамъ;
И бывъ кокоша въ сыромъ бòру вскоковала,
И темну ноченьку она протосковала,
И все горючима слезама обливалася.
Тутъ повыстала поутрышку ранёшинько,

Затопила она печь да поскорёшеньку;
Она сладила тутъ ѣствушки хорошіи,
И по разуму вѣдь питьица медвяныи;
Она на́пекла блиновъ да деревенскіихъ;
И подходила ко тёсовоей кроваточкѣ,
Тутъ Іисусову молитву сотворила,
И она Господа Бладыку попросила,
Соболино одѣяло пріоткрыла,
И она правоей рукой да побудила,
И она съ причетью дитё да воскликала:
«Хоть и жаль будить сердечно тебя дитятко,
«Хоть усталъ да путемъ ши́рокой дороженькой,
«И притомилися вѣдь рѣзвы твои ноженьки,
«Примахалися вѣдь бѣлы твои рученьки,
«Исшаталася вѣдь буйная головушка,
«И настучалося ретливое сердечушко,
«Столько этой путемъ-ши́рокой дороженькой;
«Кабы знала я, горюша, про то вѣдала,
«Какъ вчерашнимъ бы Господнимъ Божьимъ де́нечкомъ,
«И про тебя мило сердечно это дитятко,
«Што въ пути́ идешь широкоей дороженькой,
«Такъ бы впря́гла я ступистую лошадушку,
«Я во этыи во санки во дубовыи,
«Спарядила бы любимаго извощичка;
«Я бы встритила, побѣднушка, за тысящу,
«Я сердечно бы рожоно тебя дитятко;
«Да ты стань-востань, ро́жоно мое дитятко,
«Ты вѣдь на́-свои на рѣзвыи на ноженьки;
«Нонь ты на́-своей родимоей сторонушкѣ
«Пока у́-своей родителя-у матушки;
«И не ротной по фатеры-то похаживаетъ,
«Не-кума́ндеръ васъ солдатушковъ побуживаетъ,
«И воскликатъ тебя родитель-родна матушка,
«Ѣсть за столъ да за дубовой хлѣба рушать,
«И за столомъ да сиди дитятко полакомься;

«У мня кушанья теперь да не салдатскіи,
«У мня пи́тья про тебя да не артельныи;
«Сыто идется теби да долго выспится.
«Ты поро́скажи-сердечно мое дитятко,
«Ты на долго ль по билету пріотпущенъ е,
«У Великаго Царя да на слободушку?
«И на сколько на учётныхъ да ты годышковъ,
«Пришолъ па́харемъ на чисто-ли на полюшко,
«И сѣнокосцемъ ли луговыи на поженки,
«Аль рыболовушкомъ на сине на Онегушко?
«Нынь раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
«И не вовсежъ я, горюшица, безсчастная,
«И сирота въ людя̀хъ вѣдь я небезталанная;
И роставаюсь хоть съ надёжной я головушкой,
И себи до́ждалась сердечно это дитятко,
Я во свой да домъ-крестьянскую во жирушку,
И большàкомъ да по дому̀ я настоятелемъ.
«Спаси Господи Царя да со Царицею,
«И со наслѣдствомъ со сердечнымъ со дѣтушкамъ
«Какъ отъ этыхъ непріятелей невѣрныихъ!
«Што спустилъ да вѣдь сердечно мило дитятко,
«Ужъ Онъ на̀-свою родимую сторонушку!
«И ты послушай же, рожоно мое дитятко:
«И да ты стань теперь, дитё, да пробудися:
«И бѣлой свѣтъ да все на у́личкѣ разсвитился,
«И красно солнышко съ за облачки выглядае,
«И выше лѣсушку дремуча подымается;
«И добры людушки теперь да собираются,
«И на часу́ да сродчи-сроднички съѣзжаются;
«Во первы̀хъ да вѣдь сего̀-дня-сего де́нечка,
«Хоронить будемъ великое желаньице,
«Какъ спацливаго родителя вѣдь батюшка:
«И во вторы̀хъ еще порода собирается,
«И посмотрить тебя сердечно мило дитятко:
«Идутъ тетушки вѣдь къ намъ да все добротушки,

«И катятъ-жалуютъ сестрицы сдвуродимыи,
«И повидать да тепло красно тебя солнышко,
«И проводить да вѣдь родителя-то батюшка,
«Што до этой Божьей Церкви посвященной,
«Какъ до этой Пресвятой да Богородицы:
Я пойду, бѣдна кручинная головушка,
Я по этому хоромному строеньицу,
Я ко своей ко надежноей головушкѣ;
И не могу ли я, побѣдна, допытатися,
Я єдина-то словечка доспроситися,
Я у своей у надежной у головушки:
«Ты послушай-ко, надёжная головушка,
«И сговори да съ нимъ хоть малое словечушко,
«Ты съ любимымъ со сердечнымъ своимъ дитяткомъ,
«Со печальнымъ со солдатушкомъ походныимъ;
«Ты повыспроси надёжная головушка,
«Про безсчастну его жизнь да про солдатскую,
«Про его да похожденье горегорькое,
«Какъ про эту грозну службу Государеву,
«Какова да эта служба Государева.
Лучше матушка вѣдь е да родила бы,
И на бѣлой свѣтъ она не попустила бы;
Такова да эта служба Государева!
«Какъ на этыхъ караулахъ на всеночныихъ,
«Какъ по этымъ студёнымъ холоднымъ зимамъ;
Отъ земли да зябутъ рѣзвы эты ноженьки,
Какъ отъ вѣтра подвѣвае личе бѣлое;
Ужъ какъ въ будку вѣдь солдатъ да забераєтся,
Не познобить бы столько бѣлаго вѣдь личушка,
И не отстать бы-то отъ рѣзвыихъ отъ ноженёкъ;
И розсказался тутъ сердечно наше дитятко,
И пріоткрылся мнѣ желанной родной матушкѣ:
«И какъ въ походны мы солдаты снарядилися,
«И со родимой своей стороной простилися;
«И намъ присягу вѣдь попы-отцы читали,

«И выше плечь да мы тутъ рученьки здымали,
«И выше го́ловы кресты мы поднимали,
«И свою сто́рону да мы тутъ проклинали,
«И соху—бо́рону вѣдь мы тутъ забывали;
«И на страженье насъ солдатовъ отправляли,
«И намъ причастьице солдатушкамъ давали;
«И мы стояли за Русї́ю подселенную,
«И не дробили мы за вѣру христїанскую;
«И сожалили мы Царя да превеликаго
«И сожалили мы Царицу благовѣрную.
«И на страженье-то Наслѣдникъ прїѣзжае,
«И ужъ онъ честь да намъ, солдатамъ, воздавае,
«И говоритъ да тутъ Наслѣдникъ умильну́ю рѣчь:
— И вы палите-тко, робята, не дробите-тко,
— И послужите-тко за вѣру Христїанскую,
— И пожалї́йте-тко Царя—бога Русїйскаго,
— Прогоните-тко злодїя непрїятеля;
— Вы безъ мѣрушки-то пї́йте зелена̀ вина,
— Вы безъ счоту получайте золоту казну;
— Принимайте вы, солдаты, енеральску честь;
— Какъ за ваше услуженье да за вѣрное,
— Какъ за храбрость за вашу за великую,
— И будутъ отпуски вѣдь вамъ да подомовыи;
— Какъ Россїйскїй царь да васъ пожалуетъ,
— Онъ отпуститъ на родимую сторонушку,
— И на отдо̀хъ васъ ко желаннымъ родителямъ.
И сажалили мы Царя—бога Русїйскаго,
И наслѣдника Его да милосердаго:
На плеча̀хъ у насъ мундѐры суконъ сѣрыихъ,
На головушкахъ-то ки́вера пудовыи;
Опоясьемъ, у насъ сердче обрестовано;
Тутъ ору́жье да мы держимъ на право̀мъ плечѣ,
Саблю—вострую мы держимъ во лѣво̀й рукѣ,
И тутъ мы брякнемъ-то оружїемъ завоенныимъ
И да мы топнемъ—этой правой бѣлой ноженькой;

Шаги дѣлаемъ вѣдь мы да по звѣриному,
Ужъ мы хóботы даемъ да по лисицину;
И гдѣ нѣтъ пути-дороги, тутъ протариваемъ,
И гдѣ мхи да болота, тутъ орломъ летимъ.
И на злодія мы, солдаты, наступали,
И за горы̀ да супостата прогоняли;
И кабы вы, да-вѣдь желанныи родители,
И увидали бы вѣдь насъ да на страженьицѣ,
И на великоемъ вѣдь насъ да кроволитьѣ;
И такъ вы пали бы, желанны, о сыру землю,
И вы бы пóмерли, побѣдны, да вѣдь сó-страсти!
Какъ Наслѣдникъ-отъ вѣдь есть да милосердой,
И во дыму̀ да межу нама онъ поѣзживае,
И какъ ясѐнъ соколъ, межъ нама онъ пролетывае,
И ужъ проситъ-то Бладыку все Небеснаго,
Покорить да вѣдь злодія—супостатого,
И сберечи да вѣдь Русїю подселенную.
И какъ война да въ чистомъ полѣ уходилась,
И непрїятель-то Царю да покланяется,
И на семь лѣтъ, пи́ше Ему, да замиряется.
И на страженьицѣ насъ Господи помиловалъ,
И насъ великій Царь мидалями пожаловалъ,
И што мы бились-то за правду за великую,
И што стояли за Русїю подселенную.
Тутъ, солдатушки, пошли мы взрадовалися.
Непрїятелю вѣдь мы да надсмѣхалися;
И подходить стали къ двору да мы ко Царскому,
И насъ со радостью великой Царь стрѣтаетъ,
И онъ по чары сладкой водки наливаетъ,
И онъ походныхъ насъ, солдатовъ, угощаетъ;
И мы по чары сладкой водки выпивали,
И мы Русійскому Царю честь воздавали.
И поспѣшались на родиму свою родинку.
И походить да сталъ солдатушко походной,
И хоть по вечеру я къ родинѣ позднёшенько,

И добры людушки того да испугалися,
И родна матушка ко мнѣ да непризналася.
И тутъ спроговоритъ-родитель его матушка:
«И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
«И ты не гнѣвайся, скачоная жемчужинка
«И да ты нá—своихъ желанныихъ родителей!
«И знать, судьба тебя, дитё, да повзыскала,
«И какъ злодійна эта служба сустигала,
«И кабы нынѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
«Не пожалили мы любимой-бы скотинушки,
«И заложили бы луговы эты поженки,
«И въ закладъ óтдали-бъ роспашисты полосушки,
«И мы бы нàжили безсчотну золоту казну,
«И мы бы нàняли охóтна дòбра мóлодца,
«И слободили бы бурлацкую головушку,
«И не спустили бъ въ злодій-службу Государеву.
«И теперь—нóнѣчи сердечко мило дитятко,
«И не-неси гнѣвъ на родителя на батюшка,
«И ты простись да при послидней поры-времечки,
«И пока нá-своей брусовой онъ на лавочкѣ,
«И пока вó-своемъ хоромноемъ строеньицѣ;
«Какъ сегоднишнымъ Господнимъ Божїимъ дéнечкомъ,
«И понесутъ да все родителя вѣдь батюшка,
«И какъ ко этой Пресвятой да Богородицѣ,
«И какъ ко этой Церквы Божьей посвященной
«И какъ до этой до ограды обложенной.
«Хоть судилъ Господь Бладыко многомилостивой,
«Ужъ какъ быть тобѣ сердечну милу дитятку,
«И при послиднемъ у родителя прощаньицѣ,
«И хоронить да все великое желаньице;
«Укрывается родитель, родной батюшко,
«И онъ не въ дальную дорожку—безъизвѣстную,
«И онъ во пóгреба, родитель во глубокіи!
И подойду да я къ колодѣ бѣлодубовой,
И я просить буду надёжную головушку:

«И ты послушай-ко, надёжная головушка,
«Бласлови да ты сердечно это дититко,
«Ты обиднаго солдатушка походнаго;
«Надѣли его таланомъ столько участью,
«Надѣли да ты участкомъ деревенскіимъ.
«И ты прости, прости, родитель-родной батюшко,
«И ты во всей вины прости да насъ во глупости,
«И во всемъ тяжкоемъ великомъ согрѣшеньицѣ!

РЕКРУТСКІЙ ОБРЯДЪ.

1). Обрядъ рекрутскихъ проводъ самъ по себѣ очень не сложенъ. Какъ скоро въ суёмѣ (на сходкѣ) будетъ вынятъ рекрутскій жеребей, въ домѣ того уда́лаго добраго мо́лодца, начинается *печальный пиръ*. Тотчасъ пекутъ и пряжатъ, что могутъ, собираютъ на столъ—и угощаютъ рекрута водкой, чтобы облегчить его горе. Въ домъ приглашается *вопленица*, эта священная народная жрица—истолковательница семейнаго горя, облегчительница скорбящей души; изображая это горе во всей его глубинѣ и широтѣ, она своимъ заунывнымъ и монотоннымъ пѣснопѣніемъ пробиваетъ слезы у каменнаго сердца и чрезъ то облегчаетъ дыханіе груди, угнетенной внутреннею тоскою.

Въ домъ этотъ тотчасъ же сбѣгаются сосѣди и сосѣдки, и старыя старухи, и малые ребята, красныя дѣвицы и уда́лы добры мо́лодцы, чтобы посмотрѣть на ре́крута, послушать вопленицы и раздѣлить сосѣднее горе. Это живое соучастіе въ бѣдѣ особенно со стороны тѣхъ, которые уже прежде испытали подобное горе — также не мало облегчало родительское сердце, удручаемое обидой.

Послѣ стола рекрутъ начинаетъ ходить по комнатѣ, а вопленица начинаетъ свои пѣсни и изливаетъ въ нихъ думы и чувства сначала матери, а потомъ родныхъ и затѣмъ сосѣдей.

2). Затѣмъ начинался разгулъ рекрута, вмѣстѣ съ своими сверстниками; они катались на коняхъ по улицамъ иногда не

только своей деревни, но и другихъ ближайшихъ. Напиваться при этомъ не только не считалось предосудительнымъ, но даже какъ бы обязательнымъ. Лучшимъ объясненіемъ этого обстоятельства служила пѣсня, которая начиналась словами: «Ужъ мы гулять-то, не гуляемъ, свое горе заливаемъ». Пѣсенъ при этомъ пѣлось множество: однѣ изъ нихъ мрачныя и подавляющія, другія—веселыя и плясовыя, которыя характиризовали быстрый переходъ русскаго человѣка отъ горя къ необыкновенному веселію.

3). Далѣе слѣдовало прощаніе съ родными: ѣздили къ братьямъ, къ теткамъ, роднымъ и двоюроднымъ, къ сватовьямъ, кумовьямъ и вообще объѣзжали все родство кровное и духовное; вездѣ происходило то же, что въ родительскомъ домѣ: посильное угощеніе съ обыкновенными слезами и жалобными причитаніями. Вопленица сопутствовала удáлому доброму молодцу при этомъ прощаніи.

4). Поѣздка въ церковь для отправленія молебна о сохраненіи отъ злодійной — пріемной палаты бѣлокаменной: ставили свѣщу воску ярова Владыкѣ Свѣту истинному, клали пелену или полотенце пречистой Богородицѣ, молились отъ желаньица Николѣ многомилосливу. Можно себѣ представить, какъ искрення и глубока была эта молитва бѣдствующей крестьянской семьи!

5). Наконецъ родительскимъ благословеніемъ рекрута завершался этотъ печальный обрядъ. Причеть даетъ понять, какъ величественна и священна была эта минута.

Приводимъ здѣсь нѣкоторыя пѣсни, которыя распѣвались при этомъ обрядѣ. «Противу меня писеньницѣ не быть: будетъ отвѣчать Господу Богу», говорила намъ Ѳедосова; «знала больше ста, а теперь всѣ забыла». И дѣйствительно, передавая намъ тѣ, кои здѣсь прилагаются, она то и дѣло сбивалась, поправлялась и едва припоминала. Вотъ этѣ пѣсни:

1.

Не ясень соколъ съ тепла гнѣзда слетаетъ,
И добрый мóлодецъ изъ дому поѣзжаетъ;
Не отецъ, не мать рекрýта провожаетъ,
Провожала душа, красная дѣвица
И назвáна его рóдная сестрица;
И на поѣздѣ таково слово сказала:
И не куютъ хоть у бурлака ноги рѣзвыи,
Все во саночки садятъ да во дубовыи,
И лошадей пару вкладýтъ коней ворòныихъ,
Ему извощичковъ даютъ да не по разуму,
И ко городу везутъ да ко Петровскому,
И во полатушку ведутъ да въ бѣлокаменну,
И становятъ его подъ мѣру Государеву,
И принимаютъ-то во службу Государеву,
И тутъ на стульица садятъ да на кленовыи,
И вершалà берутъ теперь да бритвы вострыи,
И оны брïютъ у его да кудри жолтыи;
И волоса его падутъ да на дубовый полъ,
И подбирае волосà да родна матушка.

2.

И какъ по славному по Невскому прошпекту,
И туды шли-прошли солдаты молодыи,
И вслѣдъ за има идутъ матушки родныя,
И по бочà да идутъ жонки молодыя;
И во слезахъ пути дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечка не спромолвятъ.
И спрогóворятъ рекрýта молодыи:
И вы не плачьте наши матушки родныя,
И не тужите бѣдны жоны молодыя;

И не смочить да вамъ сырой земли слезами,
Не исполнить си̑ня моря—горючи̑ма,
Што-ль измочитъ сыру землю-мать дождями.
И принаполнится синё море рѣками,
И вы простите наши маменьки родныя,
И воротитесь наши жоны молодыи.

3.

Собирайтесь, бѣдны ребятушка, на зелёный лугъ,
Становитесь-ко, бѣдны—солдатушки, во единой кругъ;
Ужъ вы думайте, бѣдны солдатушки, думу крѣпкую,
Думу крѣпкую вы за единую,
И запѣвайте-тко, бѣдны солдатушки, пѣсню новую,
И мы которую, бѣдны ребятушка, вечёръ пѣли,
И мы вечеръ пѣли на синёмъ мо̀рѣ,
И мы на со́колѣ на чорномъ ка́раблѣ;
И мы не писенки, братцы, спѣвали-то, горе мыкали,
И горе мычачи—бѣдны солдатушки—слезно плакали,
И слезно плачучись словцо смолвили,
Словцо смолвили—рѣчь гово́рили:
И не бывалъ-то нашъ полковничекъ на синёмъ мо̀рѣ,
И не видалъ-то бладъ полковничекъ страсти-ужасти.
Што есть ли-то, братцы, на семъ свѣтѣ,
Што на семъ свѣтѣ—на синёмъ мо̀рѣ такова ладья,
Што-бы по́ морю ходила не шаталася:
Што есть ли-то, братцы, на бѣло̀мъ свѣтѣ таковая мать
И отдаетъ сына во солдатушки, сама не плакала?
Еще есть ли, братцы, въ чистомъ по̀лѣ такова трава,
Што безъ ко́решка трава выросла, безъ цвѣтовъ цвѣла?
Ужъ какъ большая сестра братцу ко́ня подвела,
Середняя сестра бра̀тцу ко́ня сѣдлала̀;
И меньшая сестра плётку братцу подала;
И молода̀ жена, бѣдна горюшица,

И горюшица въ воротàхъ стоитъ,
И въ воротахъ стоитъ, слезно плачетъ,
И въ рукахъ держитъ бладенчика ровно трехъ недѣль;
И возрыдатъ бѣдна, какъ порокъ шумитъ,
И она плачетъ-то, какъ ручѐй бѣжитъ;
И слезно плачуци, словцо смолвила,
И возрыдаюци, рѣчь говóрила;
И подходя жъ да къ своему мужу,
И со своимъ дитёмъ со младенчикомъ,
И во глаза смотритъ, точно бѣлочка:
«И ты когда жъ, моя надёженька, домой будешь?
И отвѣчалъ да добрый молóдецъ молодой жены,
И скрозь обидушку онъ великую,
И скрозь тоскичушку онъ злодїйную;
И проливалъ онъ горючѝ слезы̀,
И горючи слезы молодецкiѝ;
И сговорилъ жены таково слово:
— И ты ходи, бѣднà, молодà жена,
— И середи лѣта ко синю̀ морю,
— И ко синю̀ морю на крутóй бережóкъ;
— И ты смотри, бѣдна, на синё море:
— И на морѝ волна расходится,
— Когда покажется изъ синѝ моря,
— Изъ синя моря синь горючь камень,
— И когда выростетъ на камешкѣ частъ ракитовъ кустъ,
— И какъ на кустышкѣ соловьюшко совьетъ гнѣздушко,
— И когда выведетъ соловьюшко малыхъ дѣтушекъ,
— И я тогда жъ-то доброй мóлодецъ домой буду.
Пороздумаюсь я, добрый мóлодецъ, умомъ-разумомъ,
Умомъ-разумомъ молодецкiимъ,
И своима мыслима я рекрутскима,
И разговорама я салдатскима:
И родна маменька плачетъ до гробныхъ досокъ,
Сестры рóдныя-то плачутъ до замужьица,
А молодая-то женка плачетъ, какъ на травы роса:

И когда солнышко утромъ о́печетъ,
И со травы росу повысушитъ;
И какъ молода̀ жена поживетъ безъ меня,
И поживетъ она прозабудетъ все;
И малы дѣтушки-то плачутъ до полна возрасту.
Ихна матушка паживетъ мужа,
Какъ моимъ малымъ дѣтушкамъ не видать отца;
И малы дѣтушки сиротать пойдутъ,
Сиротать пойдутъ жизнь несчастная,
Жизнь несчастная, горегорькая.

4.

Полно, солнышко, изъ за́—лѣсу печи,
И полно, кра́сно, въ саду яблоневъ сушить:
Полно дѣвушка съ по мо̀лодцѣ тужить,
Еще какъ же мнѣ не плакать не тужить,
Больше во́-вѣки такова не нажить,
Мнѣ не волосомъ, не ростомъ—красотой,
Не походочкой молодецкой—чистотой,
И не свѣтелъ мѣсяцъ вдоль улички свѣтѣлъ,
И часты звѣздочки до утренней зари,
И што-ль на мо́лодца незгодушка пришла,
И на уда́лаго солдащина большая.
И нонь сударушка-то очень-но гнѣвна,
Што-ль гнѣвнымъ гнѣвна сердита на меня,
И въ стрѣту стритится—не кланяется мнѣ,
И хоть поклонится, нечего не говоритъ.
И заря бѣлой день въ окошечко взошла,
И ко мнѣ любушка незвана въ гости пришла,
И при посли́ди въ окошечко бѣлы ручки подала,
И подавши ручки уласкала молодца,
И вси утѣхушки, вси забавы принесла,
Увѣряла добра мо́лодца меня:

«И чернобровой, черноглазой милый мой,
«И жаль разстаться милъ на вѣки мнѣ съ тобой,
«И слышу, дѣвушка, я незгоду надъ тобой,
«И тебя, миленькой въ солдаты отдаютъ,
«И во горе-горькое солдатцкое житье,
«И поѣзжай-ко, милъ, дорожкой столбовой,
«И заѣзжай, дружокъ, проститься милъ со мной.

5.

Тебѣ полно, Ваня, по лужку ходить,
Полно, милый, по зеленому гулять,
И при долины соловьемъ въ полѣ свистать,
По сумелышкамъ *) въ гуселышка играть,
И моему сердцу назолушки давать;
И мое сердце буде больно тосковать,
И хочетъ батюшко за стараго отдать:
И за старо̀го не хотѣлось бы пойти;
И мнѣ хотѣлось бы-то все за одного,
И мнѣ за прежного-та дру̀жка своего,
И хотѣлось бы съ тобой, милой, въ походъ пойти,
И съ тобой, милой, вмистяхъ слезы проливать,
И съ тобой—вкупѣ, мой любезной, тосковать.
«И для чего, милой, не-за́идешь посидѣть?
—И я не знаю, въ кою пору доложить:
—И ввечеру притти, въ бесѣдушки сидишь:
—И во полночь притти, ворота заперты,
—И заперты—крѣпко заложены;
—По утру притти, отецъ—мать не спятъ,
—И все дѣвушку стерегутъ и берегутъ,
—И красови́цу уберёгиваютъ.

*) Въ по̀темни, въ сумеркахъ.

6.

При послѣди провожу дружка̀ мила̀,
И провожу я дружка ми́лаго,
И я до города Данилова,
И до пути той до дороженьки,
До заставушки Московской.
На заставушки съ дружкомъ розставалися,
И розставались слезно обливалися,
И на насъ людушки да дивовалися:
Это што жъ есть теперь за парочка,
Таки ль братъ съ сестрой, али мужъ съ женой,
И доброй мо́лодецъ съ красной дѣвушкой.
И на прощаньицѣ онъ наказывалъ,
И честью—лестью мни уговаривалъ:
«И посмирнїе живи, любушка,
«И повыслужу доброй мо̀лодецъ,
«Я во этой службы царской,
«И двадцать лѣтъ да безъ измѣнушки,
«Я тогда жъ то вѣдь домой буду,
«Я домой буду тебя за мужъ возму;
Я наказу его не послушала,
Я любовь-то его всю порушила,
И со инымъ дружкомъ я гулять пошла;
Я гулять пошла, пораздумалась,
И пораздумалась—порасплакалась,
И слезно плачучи себя про́кляла:
Буди проклята я красна дѣвушка,
И прозабыла я дружка прежняго.

7.

Еще што, братцы, за мисяцъ,
Ночью пе́четъ, днемъ и нѣтъ?

Еще што же, дружокъ милой,
Лѣтомъ любишь, зимой такъ?
«И радъ бы, миленька, любить,
«Зимой холодно ходить,
«И зимой холодно—морозливо,
«Дороженьки торной нѣтъ,
«У солдата шубы нѣтъ,
«И нѣтъ ни шубы, ни кафтана,
«Безъ подошевъ сапоги.
—Сходи, миленькой на рынокъ,
—Купи шубу - сапоги,
—Купи новеньки козловы
—Рострочоны задничкй.
«Радъ давно бы я купить,
«Да при себѣ же денегъ нѣтъ,
«И насъ не спустя работать,
«Веля нá-часахъ стоять.

Любопытно сравнить съ этимъ сѣверо-русскимъ рекрутскимъ обрядомъ проводы *казака* на службу.

Обычай проводовъ *однообразенъ* по всему войску, вездѣ *жена* ведетъ коня и несётъ плеть, а чрезъ плечо повѣшено ружье, самъ казакъ *несетъ* младшаго сына, старшій сынъ несетъ отцовскую пику и шашку, а мать съ отцомъ идутъ позади коня,—причемъ мать *причитываетъ* жалобныя пѣсни.

Замѣчательно, что по условіямъ казачьей жизни—жена казака провожая мужа *не должна* плакать и причитывать.

Пѣсни поются при этомъ слѣдующія:

1.

Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка,
Не плачь, не печаль добраго молодца;
Ты не жди, ты не жди младца чрезъ три года;
На четвертый годъ самъ письмо пришлю,

Въ письмѣ пропишу строку черную,
Строку черную—печальную,
Поминай ты меня тогда, родная матушка, хлѣбомъ-солью.

2.

Какъ во садику, во зеленому, ни кукушечка тамъ кукуетъ,
Во теремѣ во высокомъ мать по сыну слезно плачетъ,
По единому, по родимому тяжелехонько вздыхаетъ:
Ты чадо мое, чадо милое, ты почто, мое чадушко состарилося?
Или я тебя, мое чадушко, состарила, или мои долги вѣки,
Или душечка молода жена, или малыя твои дѣтушки?
Какъ отвѣтъ держитъ сынъ матери:
Мать моя—матушка, мать моя родная!
Не ты меня состарила и не твои долги вѣки,
И не душа молодая жена, и не мои малыя дѣти,
Какъ состарила меня чужа дальная сторонушка;
Да разъѣзды были частые,
Караулы были крѣпкіе,
И переходы были долгіе.

3.

Всѣ полки домой идутъ,
Какъ и всѣ письма шлютъ,
Какъ мой милый мнѣ письма не пишетъ,
Да и самъ нейдетъ;
Какъ прислалъ мнѣ черную рубашечку,
Въ рубачкѣ бѣлая бумажечка,
Въ бумажечкѣ написано три словечка:

«Ты побань, *) Дуня, черную рубашечку,
Не въ быстрой рѣкѣ, не въ колодезѣ,
Ты побань, Дуня, своею горючею слезою!
Ты высуши ее, Дуня, не не на жердочкѣ, не на грубочкѣ, **)
Ты высуши, Дуня, на своихъ грудяхъ бѣлыхъ;
Выкачай, Дуня, на своихъ рукахъ бѣлыхъ!

4.

Какъ и сталъ-то младецъ я на возрастѣ,
Сталъ конемъ владать, изъ ружья стрѣлять;
Записали молодца въ дальню службу Государеву.
Какъ никто-то младца провожать нейдетъ;
Провожала его родная матушка,
Провожала—ублажала, слезно плакала:
Ужъ-ты сынъ-ли мой, сынъ возлюбленный!
Когда-же ты, сынъ, домой будешь?
Какъ есть у моего роднаго батюшки садъ зелененькій;
Въ томъ-то саду стоитъ яблонка,
Во той-то яблонкѣ *суха* маковка,
Когда она разцвѣтать будетъ,
Вотъ тогда-то я домой буду.

Пѣсни эти записаны Гг. Троилинымъ, Наслѣдниковымъ и Тимощенко. Оригиналъ ихъ хранится въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Въ какихъ селеніяхъ и отъ кого именно записаны эти пѣсни, для насъ остается неизвѣстнымъ. Для желающихъ ближе познакомиться съ подобными казацкими пѣснями, считаемъ не излишнимъ указать здѣсь на *Донскія Областныя Вѣдомости*, гдѣ представлено не мало подобнаго матеріала. (см. 1875 г.).

Для сравненія приводимъ здѣсь еще нѣсколько «западно-русскихъ пѣсенъ», распѣваемыхъ при проводахъ молодца на службу Государеву.

*) *Побань*---вымой; мѣстное донское выраженіе.
*) *Грубочка* --- печникъ въ малороссійской печкѣ.

1.

Ой у поли верба,
Подъ вербою вода,
Тамъ дзеучина воду бере,
Хорота, молода.
Дзеука воду бере,
Козакъ коня ведзѣ,
Пытается козакъ дзеуки:
Дзѣ дороженька идзѣ:
Дороженька идзѣ,
На той бокъ рѣки,
На той бокъ рѣки,
Дзѣ стояли полки.
Тамъ палкоуникъ стоитъ,
Переписки дзержитъ,
Своѣ хлопцы новобранцы,
Да усе у радъ становитъ.
Ахъ вы хлопцы маѣ,
Новобранцы маѣ,
Запѣйцѣ тую пѣсьню,
Што подобная мнѣ.
Я не буду пѣць,
Ано волю чиниць,
Только будемъ молодзенькіе,
Дробны слезоньки лиць.
По садочку хожу,
Черешеньки сажу,
Доколь, доколь мой татеньку,
Не женаты хожу?
Женися мой сынку,
Озьми собѣ жонку,
Озьми собѣ жонку,
Удовину дочку.

Ой удовина дочка,
То не роуня моя:
Вона ходзитъ по рыночку,
Якъ цесароуная.
Передъ ею стаци,
Ни заговорици,
Передъ ею шапку зняци,
Дай дзендобры даци.
Ой дзендобры маци,
У твою хату,
Ой чи рада, чи нерада,
За менѣ свою дочь отдаци.
Жаль мнѣ сынку,
Твого милаго слоуца:
Моя дочка свавольничка,
Не ночуе дома.
Естъ у менѣ маци,
Нагайка у дома:
Буду боци научаци,
Будзе дома спаци.

2.

Калина малина чемъ не зеленѣешъ?
Чи суши боишса, чи лугу жалѣешь?
Суши небоюса, лугу не жалѣю,
На горѣ выросла, то тымъ не зеленѣю.
Козачѣ, Чумачѣ, чого смутны ходзишь,
Чи войны боишса, чи ойца жалѣешь?
Войны не боюса, ойца не жалѣю,
Полюбила дзеучина—покидаць жалѣю.
Писала листоньки на бѣломъ папэри,
Писала до козака у цецверъ по вечери.
Козакъ рано устауши, листъ перечитауши,

Сильненько заплакау, коханѣ здумауши.
Ѣдзѣ козакъ-ѣдзѣ, дзеучина горуѣ,
Узяуши за рученьку, у личенько цалуѣ.
Цаловала бъ цѣбѣ лихая годзина,
Пересъ цѣбѣ козачѣ зрекласа родзина.
Дзеучина, Дзеучина, Господь Богъ съ тобою,
Якъ я выслужуса озьму, шлюбъ съ тобою.
Брала бъ цѣбѣ—брала бъ лихая годзина,
Пересъ цѣбѣ, козачѣ, зрекласа родзина.
Дзеучино, дзеучино, дурны розумъ маешъ:
Чомъ ты коло себѣ дохтороу не маешь?
Козачѣ, Чумачѣ, смѣешь говорици,
Семь недзель лежала, нихто недау пицы.

Пѣсни эти сообщены были намъ какъ предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла — Антропологической Выставки въ 1879 году отъ Гродненскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Онѣ записаны Приставомъ 4-го стана, Пружанскаго уѣзда, Г. Ленинымъ отъ крестьянки той же мѣстности *М. Шерешовой*, которая считается тамъ замѣчательной пѣсенницей. Дѣйствительно, судя по приведеннымъ пѣснямъ, М. Шерешева вполнѣ достойна вниманія собирателей народнаго пѣснотворчества. Было бы вполнѣ желательно, еслибы г. Ленинъ нашелъ для себя возможнымъ, какъ можно болѣе, позаписывать отъ нея подобныхъ пѣсней. Мы съ удовольствіемъ дали бы имъ мѣсто въ слѣдующихъ частяхъ „*Причитаній Сѣвернаго Края*“.

СВѢДѢНІЯ О ВОПЛЕНИЦАХЪ, ОТЪ КОТОРЫХЪ ЗАПИСАНЫ ПРИЧИТАНІЯ.

1. *Ирина Ѳедосова.*

Творцемъ помѣщенныхъ здѣсь завоенныхъ плачей является опять также знаменитая вопленица Ирина Ѳедосова, біографія которой помѣщена нами въ 1 части «Причитаній Сѣвернаго края» (см. стр. 312—324). Лишь четыре рекрутскихъ плача, изъ всего собранія составляющаго этотъ томъ, принадлежатъ другимъ «плакальщицамъ». Біографическія о нихъ свѣдѣнія, по принятымъ правиламъ для нашего изданія, также считаемъ нужнымъ приложить здѣсь.

Въ дополненіе къ біографіи Ѳедосовой приведемъ еще нѣсколько характерныхъ выраженій, оборотовъ и пословицъ, которые то и дѣло льются въ ея рѣчахъ и которые удалось записать намъ.

1. Хоть и честенъ солдатъ, да шинель на немъ воръ.
2. Въ Кіевѣ кобыла пропала и хвостъ въ зубахъ.
3. Биси въ лисѣхъ насміются.
4. Голоду да холоду засики стоятъ, голоты да босоты гряды ломятся.
5. Не наѣшься у бѣднаго куса хлѣбнаго, а ино у бѣднаго и пообѣдать нечего.
6. Ни въ сани, ни въ дровни, не въ пень, не въ колоду, ни въ лѣсъ, ни въ воду.
7. Носъ отсталъ, дакъ хвостъ присталъ.

8. Маломошной, какъ може, а богатой, какъ хоче.

9. На силу да красїешь.

10. Не все съ болѣсти, а ино и съ горести, а ино и съ досады.

11. Не изъ семи овчинъ брюхо шито, што десять разъ ѣсть.

12. Не было писку, зачадило съ верску.

13. Не выплакать на могилы, не выискать въ лядины.

14. Всяко намыканось, всими кнутами пересиченось.

15. Держимо держится.

16. Живетъ на кучкѣ, а чвакаетъ по горничному.

17. Въ какую валельную сторону на-бъ ходить въ лаптишкахъ.

18. Ходы̀-то, бѣготни-то.

19. Наказы огненны, а люди каменны.

20. Мы гулять-то не гуляемъ, свое горе запиваемъ.

21. Вкрутѣ береза ломится, а исповоль и ольха гнется.

22 Не все, што медъ, то и ковшемъ.

23. Свѣтъ дорогой, сего-дня день не такой.

24. Случилося видать, да нечего дать.

25. Долго продолжи́лся, отдать по бо́жился.

26. За отвѣтъ не пойдемъ въ подклѣтъ.

27. Первый день Пастухъ не трубитъ, другой не заводитъ.

28. Въ жараткѣ огонь шае, будутъ гости.

29. Ковшемъ почерпнула, двумя вычерпнула.

30. Далъ Богъ ума—два гумна да ригачъ.

31. Здравствуй ягода моя, жилъ я два годы безъ тебя; теперь пять лѣтъ, какъ и въ умы нѣтъ: достатки самъ смотри.

32. Сошлися съ Москвы да съ Вологды и оба голодны.

33. Доходы Ошевенски, а расходы Соловецки.

34. Сколько черта не крести, а онъ все въ воду лезетъ.

35. Кинь колачъ на лѣсъ, пойдешь,—найдешь.

36. Чей бережокъ, того и рыбка.

37. Ставай рано, копи придано.

38. На долгихъ на высокихъ собакъ вѣшаютъ; толстыма далёныма конопель гнетутъ, малыма дѣло дѣлаютъ.

2. Афросинія Ѣхалова, (Евплова).

Афросинія Семснова Ѣхалова, 54 лѣтъ отъ роду, росту средняго. Отецъ ея Семенъ, крестьяничъ Ольховской волости, слободки *Паршино*, мать Устинья Петровна — поповна изъ Андоги отъ Пречистой. Но пусть далѣе разсказываетъ сама.

«Отъ родителя отъ батюшка осталась я одинёхонька: вотъ «ужъ тридцать годовъ, какъ батюшко сосланъ на поселеніе: «купили коней краденыхъ; дѣдушко купилъ то—безсудной «попъ, да батюшка и просилъ принять на себя такой грѣхъ; «онъ и принялъ; его и сослали. Оттуды одно письмо писалъ, «што ему больно хорошо тамъ; отвѣтили чрезъ годъ, што «матушка умерла; больше не писалъ; а я въ ту пору была «лѣтъ десяти. Дѣдушко отдалъ меня за мужъ лѣтъ 19-ти, «силой, не по разуму:

Причитала Фокишна съ Избишнаго: куды умильная была *причетница;* нынь и на слуху такихъ нѣтъ; отъ ей и я научилась «причитывать», да какая я причетница: манёхонько помню. Больше по свадьбамъ ходила, а по некрутамъ рѣдко плакала: сами матки больше причитали; и не слышать бы лучше; ужъ больно сердце забираетъ; навоешься до кровавыхъ слезъ: и въ жаръ и въ ознобъ бросаетъ: жаль—тошно безсчастныхъ некрутовъ.

Какъ зá-мужъ меня выдавали, сама причитывала.

Оттворю да я окошечко,
Напишу да письмо грамотку,
Своимъ да горючимъ слезамъ,
Запечатаю горемъ-кручиною,
Пошлю по матушкѣ по быстрой рѣкѣ,
Снесите-тко да рѣки быстрые,
Въ города-те во дальные,
Въ села-те Украйные,
Въ слободы-те подселенные.
Найдите-тко моего кормилица батюшка,
Штобы пришелъ да кормилецъ батюшко,

И онъ снялъ бы волю великую,
Со своего кормилица батюшка,
Съ моего кормилица дѣдушка:
Верстаетъ радѣніе—дѣдушко:
Выбралъ мнѣ чужаго-то чужанина,
Не на славушку да людямъ добрымъ,
Не по мысли красной дѣвицы;
Онъ повыбралъ-то изъ дому вѣдь изъ нищаго,
Онъ изъ роду-то вѣдь выбралъ изъ послѣдняго,
Отца—матери дурацкаго;
Словно я да красна дѣвица,
Свой домъ-то обезчестила,
Красоту да опорочила,
Своимъ личемъ да въ грязь ударила;
Ужъ какъ я да красна дѣвица,
Кажись, домъ не обезсчестила,
Красоту не опорочила,
Своимъ личемъ въ грязь не ударила.
Я не знаю, красна дѣвица,
За каку жъ вину да мнѣ повыбрали,
Ужъ такого добра молодца.
Кабы у меня да у горюшицы;
Былъ кормилецъ да вѣдь батюшка,
Поверсталъ бы меня бѣдную,
Онъ на славушку людямъ добрымъ.

Вотъ и живу теперь и маюсь; тогды какъ за мужъ выходила, перину продала за 2 рубли и кокошникъ. Ой, ушла бы куды отъ житья-то горегорькаго.

3. *Ирина Калиткина.*

Ирина Калиткина—крестьянка, родомъ Новгородской губерніи, Череповскаго уѣзда, деревни *Хмѣлины*. Отца ея зовутъ Адріаномъ Ивановичемъ, а мать Лукерьей Петровной. Любопытны ея разсказы про своихъ родителей. «Барыня

—Татьяна Михаиловна Грекова; вотъ она и продала батюшка-то въ солдаты; никто и не знaлъ домашніе-те, што онъ и проданъ; вотъ разъ барыня и пріѣзжаетъ изъ Пошехонья за оброкомъ въ нашу деревню и говоритъ моему дѣдушку: «што, Иванъ, сынъ дома живетъ? У меня онъ проданъ.» А онъ и говоритъ: какъ же, говоритъ, проданъ да куды же? Она сказала, што въ судѣ у меня и купчая совершена въ Пошехоньѣ: «подьте, говоритъ, розыскивайте тамъ». Дѣдушко ходилъ въ Пошехонье и розыскалъ тамъ купчую; въ купчей сказано, што «купилъ Андріяна Иванова купецъ Василій и што отнынѣ онъ Андріянъ Божей да Государевъ и ни кому дѣла до него нѣтъ». А кто этотъ купецъ Василей, такъ и по-сю пору не знаемъ. Барыня заявила только, што безъ земли проданъ и што земли для него у ей нѣтъ. У насъ съ того покупная земля-то. Отецъ матушкинъ также былъ господской; а ихъ господа крестьянъ раздилили; матушки-то отецъ—за брата барина, а дѣтей-то за сестру; съ отцемъ-те врозь дѣтей-то отдѣлили. Ну, вотъ она только четырнадцати годочковъ, а ее и стали за мужъ сватать; а отцу-то ее не захотѣлось отдать-то, што молода четырнадцати годовъ; вотъ онъ деньги господамъ-то и внесъ; ихъ три сестры, по сту рублей, чтобы ихъ на волю выкупить; а барыня на то не согласилась, деньги въ оброкъ заворотила; приказала выдать ему; ну, вотъ за ней и пріѣзжаютъ поимкой брать; пріѣхали зимой; а пріѣхали, што ее взять; люди-то сказали, поимщики входятъ, а онѣ въ подполье опустились, да на дворъ, да въ чужую избу спрятались; ну, ихъ и не могли найти; онѣ такъ и остались до другаго разу; ну, вотъ до лѣта она и жила такъ, лѣтомъ опять на сѣнокосѣ ихъ ловили, все равно, какъ въ солдаты; ну, поимщики и спрашиваютъ у людей, гдѣ онѣ сѣно косятъ: оны розговариваютъ, а другіе сосѣдки висть то и подаютъ, што мотрите, опять за вамъ пришли поимкой брать; ну, вотъ онѣ и побѣжали съ матерью-то въ лѣсъ болотомъ, а тѣ за нимъ бѣгутъ, а ихъ двое ловить пріѣхало; а мать - то на плеча, то одного на - скочитъ,

да на другаго, што бы она убѣжала- то; мать-то глѧ—того гораздо прибили, а все таки она убѣжала; сколько не бѣжала, а все таки не могла отбѣгать; приказали господа, штобы отдать за мужъ. Не хотѣлось дѣдушку-то, да вѣдь што подѣлаешь, до осени и упросилъ. На 15 году и отдали; а семья-та была не-мала; три деверя четвертой свекоръ а бабъ-те не было; одинъ-то овдовѣлъ а тутъ холостые были два-те. Ну, вотъ она и живетъ, стряпать-то не умїетъ, а свекровь—то безъ ноги; руки и ноги отнялись у свекрови-те. Ну всё и спрашивала и дѣлала; она была такая молодинькая и мужу-то было 22 года. Она была легкая, на дѣло ловкая, и любили ее старики-те. Всѣхъ дѣтей было шестеро—два брата да двѣ сестры въ живыхъ, да двое умерло.

Я была третья – братъ да сестра были старшіи. 5-ти лѣтъ на миня воспица напала; семь недиль я глазами не глядѣла; со всѣмъдумали, што я ослѣпну; потомъ Богъ простилъ. Мы обѣ сестры въ одно время въ этой бóлѣсти были; мать придетъ, и мы ровно въ *óпашнѣ* лежимъ, всѣ въ кровѣ, росцарапались; няньки нѣту, а баушка безъ рукъ безъ ногъ сидѣла. Помню только, какъ мнѣ легче стало: та сестра померла, а я осталась. Ну, вотъ посадили на шестокъ, а тетушка и даетъ мнѣ яицо: Иришенька, згляни-тко ты глазкамъ-то; на-тко вотъ тебѣ яичко; ну вотъ я и увидѣла, какъ мнѣ яицо-то даютъ; ну, вотъ онѣ и обрадовались: слава Богу, што я не ослѣпла. Ну, вотъ потомъ и стала я рости; помню, какъ батюшка отдилили; онѣ выстроились, домъ поставили дви избы; семь годовъ прожили въ этой избѣ, а потомъ мы и выгорѣли; а пожаръ былъ около Миколы; тутъ—уледица была такая; мы босикомъ выбѣжали: ищемъ сапоговъ, не попадаетъ. Ну, вотъ убѣжала ко своимъ-те къ дядьямъ-те; а ужъ я была по семому году, какъ пожаръ-отъ былъ: прибѣжала: ой—дяденька, ой, ужъ пожаръ—отъ близко; ой, вся деревня-та горитъ; а онъ былъ безрукой: ой, дѣвки, молитесь вы Богу-то, говоритъ. А мы Богу молимся: *помилуй Господи.* А пожаръ-то больно великъ; я подъ лѣстницу сѣла, да выглядываю; поси-

дѣла, опять убѣжала на край въ чужую избу; думаю—убѣгу подальше. У насъ все пригорѣло, весь домъ; а матушка и думаетъ, што я сгорѣла; ой, нѣту дѣвки-то; ищутъ меня и воютъ. Ну, вотъ люди ей и сказали, что я убѣжала въ тотъ конецъ; ну, вотъ и нашли меня; ну, вотъ на подворьѣ-то у дяди мы три года и жили. Тутъ вотъ я семи-то лѣтъ водилась съ ребенкомъ—въ нянькахъ была у двоюроднаго брата. Ну, вотъ онѣ на сѣнокосъ уйдутъ, а мы укладемъ робятъ-то, да убѣжимъ на рѣку рыбку ловить. А дядюшко былъ безрукой—руки отнялись какъ волокошки, совсѣмъ не служили; строгой былъ: мы боимся-то его; разъ я пришла, а у мня робёнокъ-отъ и плачетъ. А вотъ онъ поималъ меня да взялъ вересъ, и выстегалъ, не больно, а только колко вересомъ, вотъ и топеря помню; безрукой—а выстегалъ какъ-то. Ну, вотъ и стала рости; потомъ въ три года выстроились; опять стали въ своемъ домѣ жить. Потомъ хлѣбъ - отъ былъ дорогой: тутъ бѣдно жили: ужъ такъ жили-съ пудика на пудикъ, и горбушечкамъ-то займовали, и закройками-то займовали, а иное и безъ ужина спать ложились. А потомъ кузло-то стало дорого и стали поправляться и хлѣбомъ не стали биться: у насъ, какъ хлѣбомъ не бьются, такъ и хорошо живутъ. Маленькая-то пряла; выпрядешь пять копѣекъ—а батюшко-то на хлѣбъ и возметъ. Потомъ и стала выростать; до пятнадцати-то годовъ дожила, ну, стала и ямы жечь. А на ямы дрова рубятся въ длину-то двѣ сажени; а яма копается печатная сажень—въ глубжину, а три сажени въ долину; а въ вышину кладется яма въ полтары сажени; ну, вотъ эты ямы мы и жгёмъ, человѣкъ по пяти у ямы-те поджигаемъ мы снизу; кругомъ ямы и ходимъ; какъ огонь выскочитъ въ конци, мы снѣгомъ закидываемъ, штобы огонь въ середину шолъ; какъ въ середину огонь идётъ, такъ она ладо̀мъ горитъ; а снизу-то подколачиваемъ, штобы туды головеньки-то обваливались въ яму-то. Потомъ, какъ эта яма огоритъ: все опущаемъ, опущаемъ, и какъ костеръ въ аршинъ будетъ мы перебирать станемъ, штобы головеньки-те ровно горѣли всѣ.

Потомъ въ одинъ край головеньки станемъ уберать, а уголье запрыснемъ, да землей заваливаемъ; а хорошо, какъ на талую-то снѣгъ нападетъ, такъ ничего, а какъ она замерзнетъ да потомъ снѣгъ на нее нападетъ, такъ ужъ больно трудно ее доставать-то; иное такъ розрубаемъ, што до талой-то земли въ аршинъ не можемъ добраться; только огонь ворызжетъ, какъ землю-то рубишь; все ровно, какъ изъ камня огонь стрѣкаетъ,, такъ и изъ мерзлой земли; такъ ужъ больно трудно рубить-то, а вѣдь сила-то дѣвочья; ну, вотъ мы этой земли навыкидываемъ да коробчикомъ на ямы и носимъ, да это уголье землей и заваливаемъ; иное далеко носить-то сажень тридцать, а мы коробчикомъ все и таскаемъ. Такъ мы пристанемъ у этой ямы, ужъ ой какъ! А денегъ мы получимъ за эту яму только 6 копѣекъ. Ну, вотъ какъ на бесѣду сойдемъ и говоримъ: ты, дѣвонька, сколько ямъ сожгла; а я ужъ пять ямъ сожгла: ужъ я 30 коп. выжгла: иное скажутъ: ой, дѣвоньки не тихо ли? Тихо, скажутъ; ой, ямы скоро позовутъ жечь. А иное — надо свою работу справлять: за сѣномъ, али за дровами ѣхать; за́видно-то: ямы-то зовутъ жечь, а нельзя. То уголье поѣдешь возить: день отвозишь — десять копѣекъ; коробовъ двинадцать насїешь—патьѐ (мелочь) высѣваешь рѣшоткой; такъ рукъ-то и не слышишь; ужъ больно-то руки-то устанутъ; хоть устанутъ, да раденьхоньки, што гривенникъ выработаемъ: ой, слава Богу, говоришь, я сегодня десять копѣекъ выроботала; а уголье-то возишь, замараешься-то, ровно трубочистъ, только глаза однѣ бѣлѣютъ. Прїѣдешь, да розуешься, да поужинаешь, да надо на бесѣду итти. Вымоешься такъ глаза-те чорные будутъ. Разъ я поѣхала за сѣномъ; возъ наклала; стала увязывать ужищемъ; задъ-отъ увязала; а у меня лошадь-то и зафыркала; я гляжу, а изъ лѣсу волкъ и выходитъ; вотъ она какъ скочила да побѣжала, а я съ возу-то и ковырнулась въ снѣгъ; она у мня убѣжала и все сѣно ростеряла; послѣ того ѣздила да сѣно-то и зберала по дорогѣ.

Ну, вотъ ужъ 16 лѣтъ мнѣ; я батюшка и стала просить

батюшка: наймите меня въ роботницы; а батюшко говоритъ, мы тебя не неволимъ; а я говорю, нѣтъ, наймите, только сукна на шубу купите; ну вотъ онѣ меня и наняли за шесть рублей въ лѣто. Петровка-то была долгая: мы все дрова и рубили; ходили на мохъ дрова-то рубить; рубимъ да рубимъ; руки-те устанутъ а и жарко-то и оводно,—кусаютъ-то. На солнышко-то глядишь да глядишь; думаешь, штобы скорѣе до обѣда-то; пообѣдаемъ да отдохнемъ съ часокъ-отъ да опять рубить станемъ дрова-те; а тутъ до вечера-то глядишь, да глядишь, штобы опустилось-то поскорѣе; больно день-отъ дологъ; думаешь, ужъ завтра и не порубить будетъ не-сколько. Утромъ-те пойдешь, спать-то охота; идешь— да дремлешь; розмаешься, опять тамъ рубишь да на солнышко поглядываешь. До лѣта дожила, стала въ роботницахъ косить учиться: бьюсь, бьюсь; ужъ такъ пристану; снаровки-то нѣту и кошу худо; потомъ научилась—и легко стало. Лѣто и прожила, слава Богу, и сукна купили на шубу. На другое лѣто опять жила въ работницахъ; другой косой—литовкой училась косить; а лонского году горбушей косила. Какъ покосила литовкой, такъ отбилась, спину-то всю разворочала и плеча-та; изъ силъ вся выбилась; больно ужъ и трава-та была не коскà. Тутъ зиму дома жила: женихи стали сватать; меня стали уговаривать, а только што въ барщину, а мы вольно - отпущенные были: изъ себя женихъ такой хорошой, одинъ сынъ у матери. Ну, я и подумала; нѣтъ, не пойду я въ барщину; а батюшко съ матушкой и слово дали. Пріѣзжаютъ—и Богу молиться; а я поѣхала по сѣно, туды ѣхала—плакала и оттуды ѣхала—плакала:

Богъ судья кормилецъ батюшко,
Родимàя ты моя матушка,
Вы на што да роспрогнѣвались?
Развѣ я да красна дѣвица,
Не раба вамъ не роботница,
Не слуга да была вѣрная,
Не посылка была скорая!

Пріѣхала да глазами взглянула да и сказала: вѣдь святая-та земля не клиномъ пришла: не пойду замужъ; онѣ деньги берутъ, а меня въ неволю отдаютъ. Пріѣхала, лошадь выпрягла, сѣна дала, пришла домой. А матушка и говоритъ: ой, дѣвушка, ты поди-тко озябла. Нѣтъ, говорю, не озябла. Подчиваютъ: сядь да поѣшь: такіе ласковые. А невѣстка минѣ тихонько:-мотри вѣдь, Иринья, совсѣмъ вѣдь пріѣхали Богу молиться: вѣдь свадьба будетъ. А я и говорю: Парасковья: скажи—мотри, што я имъ не невѣста, да и скажи батюшку: святая земля не клиномъ сошлась, не пойду замужъ. А она меня уговариваетъ: да вѣдь, глупая, говоритъ, вѣдь мѣсто то хорошее: вѣдь одинъ сынъ, смирной, хорошой. Говорю: не пойду и не пойду. Такъ и отказали, не поневолили. А тутъ другіе сватались; да то батюшкѣ не полюбились, то самой не приглянулись. Такъ и отстала отъ всѣхъ жениховъ и, слава Богу, што Богъ отнесъ. Съ тыхъ поръ все по людямъ живу. Разъ мнѣ въ людяхъ жизнь наскучила; безъ причины отъ хозяевъ отойти было совѣстно; вотъ я и стала просить отца съ матерью, штобы оны вытребовали меня къ себѣ домой; они и пріѣхали и взяли меня съ собой и пришли же мнѣ въ голову такіе глупые слова и стала я пенять своей матушки: «родимая ты моя матушка, почто же ты меня родила, да въ добрые люди отпустила; лучше бы ты меня теленкомъ родила, да въ лѣсъ бы пустила; теленка бы волки съѣли, и никакой бы нужды я не видала». А мнѣ матушка и говоритъ: охъ, ты глупая—неразумная; какіе же слова пришли тебѣ въ голову; перекрестись, дитятко, да помолись Пресвятой Богородицѣ, штобы спасъ тебя Господи отъ такихъ думъ недобрыихъ и отъ лихаго слова грѣшнаго.

4. Марья Ѳедорова.

Біографическія свѣдѣнія о ней сообщены въ 1-й части *Причитаній*. См. стр. 324—325.

5. Святозерская крестьянка.

Кто эта Святозерская крестьянка, для насъ остается неизвѣстнымъ. Плачь ея записанъ воспитанникомъ Олонецкой гимназіи Г. Гроховскимъ.

РАЗСКАЗЫ ПРО БѢГЛЫХЪ РЕКРУТЪ.

В. П. Щеголенкова.

I.

Первоначально сдѣлаютъ *суэмъ* въ деревнѣ: «Ну, што сусѣды, вѣдь Государь наборъ открылъ; съ пяти сотъ душъ по три человѣка берётъ. Завтро на скопъ приходите—въ «*Земскую.*» Соберется скопъ многолюдной, съ каждова двора по человѣку: 25-ть десятниковъ одныхъ. Голова сядетъ за столъ съ своими вѣрноподанными. Вынетъ Указъ: «Слушайте міръ православной! Государь наборъ открываетъ съ 500-ти душъ по 3-ри человѣка.» Когда этотъ день будетъ? Спрашиваютъ его. Послѣ Козмы-Демьяна, 2-е число, отвѣчаетъ онъ. Приходитъ этотъ день, и какъ соскопуютъ, означатъ семейства на скопѣ, пройдутъ все старощенье, какому домохозяину ставать служба съ дѣтмы.

Приходитъ со скопу домохозяинъ—отецъ: одинъ или два или три въ семействѣ и вси въ разбѣгъ.

Голова опять собираетъ скопъ съ каждаго двора по человѣку: ставятъ этыхъ отцевъ въ ширинки на улицы—съ дясятникамы, и спрашиваетъ староста: «Дома ли эты дѣти у этыхъ отцевъ? Нѣту, скажутъ, въ бѣгахъ». Искать надо завтрешній день. Ищутъ день, ищутъ два, ищутъ три; найти не могутъ. Голова опять посылаетъ старосту въ это селеніе,

гди нужно взять рекрутовъ. Спрашиваютъ у домохозяиновъ: гди дѣти? Отвѣчаютъ: не знаемъ. Староста отворачивается; заутра отправляется къ головы съ поясненіемъ и со словомъ: «не находятся рекрута́ дома— сбѣгли; не знаютъ родители, гди оны хранятся. Приказываетъ голова старосты собрать скопъ съ каждова двора по человѣку. Соберутъ скопъ съ каждова двора по человѣку. Спроситъ самъ голова у этыхъ отцевъ и рыкнетъ: «*служба надо*». «Не знаемъ, скажутъ батюшко, гдѣ дѣти, въ бѣгахъ». Ступайте нынь домой, говоритъ до завтрея: завтра приходите въ «*Земскую*»: я съ вами роспоряжусь. Приходятъ эты отцы въ «*Земскую*» черезъ ночь. У головы старосты приказъ данъ-вотчинному. И спрашиваетъ отцевъ староста: гди дѣти? Одинъ, другой и третей отвѣтъ держатъ: не знаемъ. «Ступайте на улицу и сапоги разувайте и одёжу скидавайте съ себя до одной рубашки. Скинутся, розуются, и босыма ногама на снѣгъ выставятъ отцевъ въ ширинки. «Позябни тко, постой-дакъ скажешь про дѣтей; а если не скажешь, не то еще будетъ». Приходятъ они съ улицы съ обидою и со слезамы, обуваются и надѣваются. Вдругъ староста и говоритъ десятнику. «Возми, собери завтрешней день сусѣдей въ суёмъ и обыщите всю деревню эту: есть ли рекрута дома, али нѣту; и если дома есть, желѣза на-ноги кладите и въ земскую ведите; а если дома нѣту, сусѣдамы распорядись: крыши ворочай на домахъ, скотъ гладомъ мори на дворахъ: послѣ трехъ денъ допусти какую-ли сусѣдку; пусть скотъ кормитъ. И еще дѣтей не окажутъ родители, приказъ данъ: «идите на-рѣку, выпѣшайте пролубу и отъ той выпѣшайте другую: разстоянія отъ пролубы 5-ть саженъ. И кладутъ верёвку за шею родителямъ, угнѣтаютъ ихъ за ду-другомъ въ пролубу, перетягиваютъ верёвку слабкую и родителей изъ пролубы въ пролубу—тащатъ на веревкѣ за дѣтей. Дитей нѣту; взять не́-кого съ того дому. Ой, горе отъ этыхъ мученій! Не могутъ родители смотрѣть на́тоску: за дитей мучатъ и скотъ, гладомъ морятъ. И родители на убѣгъ, и бѣгаютъ, и дома пустые. И въ побѣгахъ жи-

вутъ и докуда наборъ кончается. Въ досюльное время онъ кончался, отъ числа-и до числа, годъ. Виновниковъ дома нѣтъ; берутъ и одинокаго сына у родителей и провожаютъ; виновники дома остаются, а провоженъ тотъ, которому и лѣтъ нѣту.

II.

Однажды, въ нашу память—были 3 брата *Ошевни*: Петро Олексѣевъ, Михаило Олексѣевъ, и Петро Олексѣевъ. Отецъ ихъ Олексѣй Степановичъ имѣлъ три сына: отъ службы оны не менѣе 15 годовъ бѣгали; раззорился отецъ до основанія съ домомъ своимъ. Поимали Петра Олексѣева на-воли въ Корелы, въ Святозерѣ и привели его въ Кижское обчество въ «Земьску». Много народа было набравши, съ каждаго двора по человѣку. Головой былъ Петро Лазаревъ Ольхинъ; наказъ далъ Голова сельскому старосты. По тому времени въ земьскомъ доми водились стулья, въ ширину аршинъ, а въ долготу-полтора аршина; и въ этомъ стулѣ-забитой пробой и чепь—съ сажень желѣзная; и кладаваютъ ю-эту чепь, на шею-конецъ, и замкомъ. И по наказу Головы распорядился Сельской староста, десятнику своему отдаваетъ приказъ — класть его, мошенника, къ стулу, да и чепь на шею да и замкомъ замнуть: озлился міръ на этыхъ людей, што много изъ-за нихъ правыхъ людей въ службу сдали. Пятисоцкой пóдполъ отворилъ—и міръ рыкнулъ: «кидай туды стулъ въ подполъ».—Какъ стулъ кинутъ въ эту дыру и его туды сдернетъ: сломайся голова, сломайся рука, хоть нога, никто не жалѣетъ этыхъ людей. Подполъ заперли; міръ сталъ расходиться со скопу. Вѣдь, пятисоцкой говоритъ, дверь надо запереть и замнуть; оны, мошенники, хитры: онъ выдѣтъ. И это время было въ великомъ пости; «Земская была у пристани противо Спаса, отъ остока на Одины (деревни близко нѣтъ.) Заперли и замнули; народъ вышелъ со скопу весь.

Онъ въ подпольѣ сидитъ и думаетъ, што нонь я сдѣлаю. И этотъ стулъ беретъ онъ себѣ въ беремя и пробуетъ его здымать: сила у него застигае; и этотъ стулъ по стремянки вышелъ—и онъ выздынулъ его въ беремени, и думаетъ: што я нынь, какъ выду? двери заперты и замнуты; такъ надо вытти, оконницы бы не сломать. Умыслился онъ раму вынять съ окна и стекелъ не сломалъ; стулъ поднялъ изнутра-изъ фатеры на окошко, и самъ сталъ на окошко и спустился съ окна на землю и этотъ стулъ выдернулъ онъ съ окна, здынулъ стулъ на себя и пошолъ домой, а до дому отъ этой «Земской» до Ошевня Петра Олексѣева полверсты. Наборъ уничтожился; братья его дома; отецъ его въ старыхъ лѣтахъ—дома. Приходитъ онъ въ само то время, какъ печка топится; братья съѣхали въ лѣсъ; отецъ сидитъ противо печки на скамейкѣ—и видитъ: сынъ пришолъ изъ «*Земской*» и принесъ этотъ стулъ. Отецъ и говоритъ: ну, парень—Петруха, какъ ты смогъ вынести.—А сила, батюшко, за́брала.—«А што намъ будетъ за это дѣло, отвѣчаетъ отецъ сыну.—А ничево не будетъ. «Да какъ же, говоритъ, тебя со стула выручить.»—Возми топоръ, возми дру́гой, возми курикъ и росколи этотъ стулъ; и пробой выйдетъ со стула и я сбуду; и эты околки срой въ печь: огонь все прикроетъ.—«Какъ же цѣпь съ шея сбивать?» Возми подпилокъ дома, а нѣтъ-такъ у Митрія проси; перепели душку въ замки, да я и сбуду.—

За утро вдругъ староста приходитъ къ головѣ—къ Петру Лазареву къ Ольхину, на Глѣбово. Петрей Лазаревичъ, говоритъ, што мы нонь съ Ошевнемъ сдѣлаемъ? Онъ у насъ оставленъ въ *Земской* ночевать, въ стулѣ скованъ и въ подполъ спущенъ. Голова отвѣчаетъ старосты: ступай возми Пятисоцкаго, да возми Россыльнаго, да возми Десятника и двухъ человѣкъ—крестьянъ съ ихъ же селенія: вытащите его изъ *Земской*. Приходятъ; замокъ не сломанъ, староста ключъ вынялъ изъ кармана и замокъ отмыкаетъ да и дверь отпераетъ; приходятъ въ фатеру; подполъ запертъ. Пятисоцкой подпольницу оттворяе и говоритъ: «Пётрей Олексѣевичъ! Выходи на волю: на-

боръ кончился, воля всимъ и радость; не будутъ болѣ эты стулья въ обчествахъ по *Земскимъ* и не будутъ больше людей сажать въ подполье, и цѣпью ковать и замыкать замкомъ къ шеи; указъ, штобы не было этыхъ стульевъ въ «Земскихъ домахъ» Пётрей голоса съ подполья не даваетъ. Староста и говоритъ: «ступайте къ нему три человѣка Разсыльныхъ да простой человѣкъ: што онъ голоса не даетъ». Туды пришли эты люди въ подполье, глядятъ по всимъ сторонамъ; его нѣту. «Вотъ, робята, чудо-то; пятьнадцать лѣтъ бѣгалъ отъ военной службы со всими дѣтмы, да и нунь сдѣлалъ на память всему Кижскому обчеству; какъ-только могъ онъ сдѣлать это дѣло одинъ. Дивуются; не знаютъ, гди нунь искать его; стекла въ рамы не сломаны. Ну, говоритъ староста; подёмьте къ отцу: нѣтъ ли ихъ дома всихъ. Приходятъ—Староста, Пятисоцкой, Розсыльной, Десятникъ, два человѣка посторонныхъ; глядятъ: и Ошевень—дома—Олексѣй и съ сыномъ съ Петромъ, котораго нужно было на военную службу взять. Удивился староста этому дѣлу, рукамы о себя: «какъ ты могъ это сдѣлать? хто тебя оттуль выручилъ? А самъ я вышелъ, Иванъ Ивановичъ. «Да какъ же ты, говоритъ, рамы не сломалъ? И гди же стулъ?» — Да тутъ же, гди я.—«Да какъ же ты отъ него сбылъ?»—А я домой пришолъ да и стулъ принесь.—«Да какъ же ты принёсъ, да одинъ ли ты пёсъ.» Да одинъ, да горе силу даетъ; прихожу домой; братъ съѣхалъ въ лѣсъ; отецъ сидитъ противу печку на скамьѣ, да и говоритъ: Петрунько, кто тебя привезъ съ медовой бадьей да и съ кренделямы съ «Земской. Самъ, говорю, батюшко, пришолъ. Староста и отвѣчаетъ: «ну, Петрей, настоящіе-то вы—Ошевни: отъ службы-то вы отлыгали да и стульё въ «Земской перевели.»—Отвѣчаетъ Петрей старосты: да, Иванъ Ивановичъ: горе велитъ дѣло дѣлать: мы отъ бѣговъ-тыхъ и домомъ роззорились. «Ну, Пётрей въ разъ ты этотъ стулъ досталъ съ Земской да перевёлъ; нунь указъ дало вышне начальство, штобы эты стулья не были бы при *Земскихъ домахъ*; а ты рѣшилъ, такъ и съ Богомъ.

III.

Какъ было не бѣгать! На службы было тѣсно: служба—велико мученье. Рекрутовъ еще у полаты въ желѣза ковали; бьютъ и мучатъ и исть настояще не даютъ; били на умертвіе; если солдатъ стоитъ въ ширинкѣ на ученьѣ, и не могъ слова начальнического сотворить, да и крестъ ему мѣломъ на плеча: а тамъ ступай-ко къ распоряженію: поставятъ солдатъ улицей отъ ду-друга двѣ сажени въ ширинки; рубашку виноватому прикажутъ скинуть, штаны на ногахъ, и ступай въ эту улицу солдатъ; передъ каждымъ онъ остановку дѣлаетъ; у кажиннаго по три вицы завязаны вмѣстѣ, и кажинный такъ ударь, какъ можешь, не жалѣй; и это мѣсто называется *«Зелена улица»*.

У насъ въ деревни *Боярщины*—жила Дарья Өедорова; братъ у ней былъ. Онъ не имѣетъ крестьянства; взять его, говорятъ, на военную службу. А и итти ему и не отъ кого и не за кого и не охота. Она—эта Дарья порабатывала у Головы, косила и жала, и пожалѣлъ онъ: пусть, говоритъ, онъ сбѣжитъ. «И это дѣло было осенью около Филипова заговѣнья. И вотъ пришла эта Дарья къ погосту къ Спасу спрашиваетъ у крестной матери у Агафьи Андреевны: Крестная матушка! Гди бы намъ спастись съ братомъ?»—Дарухо! подите вы подъ церковь къ Спасу, а я хлѣбъ-отъ ти стану носить. Оны и сошли и жили отъ заговѣнья до Миколы подъ Спасовской церквой и носила ихъ крестная хлѣба имъ—съ братомъ. Молва прошла; гди же она живетъ наша Дарья съ братомъ? Кто-ни ю скрываетъ, говорятъ. И послали скрытно къ этой крестной десятника спросить: не слыхала ли, гди эта Дарья съ братомъ? А въ то время десятниковъ опасались люди: она не по незнанїю отвѣчала ему: да гди же храниться у насъ, Михаило Петровичъ, бѣглымъ людямъ? Кроми Спаса—кажись не гди: туды входъ подъ цер-

ковь; пожалуй, можно бѣглымъ прикрываться тамъ, да вѣдь только хлѣбъ надо.—Вы, говори, Андреевна, людей пропитывать можете. Межъ тымъ, приходитъ онъ въ деревню Боярщину и говоритъ: «сусѣды! Я слышалъ молва: не надо-ть ли намъ посмотрѣть подъ церквой.» А Андреевна, какъ десятникъ отъ нее вышелъ, скорѣй въ ограду: «Дарухо! говоритъ да выдьте вонъ, бѣдныи оттуль.» Оны вышли съ братомъ съ подъ церквы въ темноты въ ночной и приходятъ къ этой Андреевны-къ крестной матери почевать. Утренной зарей Андреевна и говоритъ: «Дарухо! сядьте, закусите да подите вы отъ насъ вонъ; я вамъ дамъ записочку въ Сѣнной губы къ священнику къ о. Василью, штобы онъ васъ прихранилъ бы». Накормила ихъ завтракомъ и отправились оны— семь верстъ отъ Спаса до этого прихода до Сѣнногубского до Микулы. Приходятъ оны въ зорю въ утренную и приносятъ записку отъ этой Андреевны, а ейной сынъ былъ женатъ у этого священника. Михаило Петровичъ—этотъ священникъ записку берётъ и спасти ихъ хочетъ: «ну, говоритъ, скидывайся, Дарья да и ты доброй мо́лодецъ; спасу я васъ отъ злыхъ людей: буде, домъ мой розворочаютъ, либо сожгутъ, а то по волѣ нельзя скоро найти. Она и спрашиваетъ у него: «Отецъ Василей! вѣдь нунь што ваше старощенье, што наше: одинъ староста управляетъ обыма приходамы; пожалуй, ваши-то окрестныи жители могутъ меня сыскать. Молва идё: посылаютъ обыскать священника въ Сѣнномъ приходѣ: онъ спасаетъ бѣглыхъ. Вдругъ и говоритъ отецъ Василей: «ну, Дарья, ступайте вы въ *люкъ* съ братомъ на время, штобы поимщики не обстали около дому. Оны жили тутъ сутки; На дру́ги сутки пришли поимщики; домъ его обстали: ну, отецъ Василей, не можемъ найти въ твоемъ доми бѣглыхъ». Вдругъ отецъ Василей выходитъ на улицу; работникъ навозъ нагребаетъ, другой возитъ—дѣло дѣлаютъ по хозяйскому велѣнью. Выходитъ на инной разъ на улицу свѣтъ сталъ большой—и видитъ: съ Кижъ на пяти лошадяхъ ѣдутъ люди; догодался онъ, што ѣдутъ люди недобрыи:

сбору нонь нѣтъ; вѣрно, ѣдутъ поимщики. Приходитъ онъ на дворъ къ нагребальнику и говоритъ: «Иванъ, смотри я пошлю изъ дому двухъ человѣкъ сбѣглыхъ къ тоби на дворъ; ты затяни дровни на дворъ, клади навозу немного на постельникъ и прикажи лечь одному человѣку, а верёхъ замѣти навозомъ; ну, и другова — также; два человѣка у меня есть спрятаны, докуда Богъ пособляетъ мнѣ хранить; бѣдному — и потти-то не за кого въ военную службу. Годъ тотъ побѣгамы - то ему укрыться и годы ему рѣшились. «Приходитъ отецъ Василей къ этому *люку*, оттворяе и говоритъ: «Дарья выходи, оба съ братомъ выдьте бѣдные, закусите малѣюще—малѣюще: ѣдутъ поимщики съ Кижъ, а нѣтъ такъ, попадья, дай имъ по овсянику хлѣба. «Взяли оны по овсянику въ пазуху—и вонъ отъ отца Василья на дворъ. Работникъ пріѣхалъ, нагребальникъ дровни тянетъ на дворъ—съ улицы, бросилъ по крупины навозу на постельникъ: ну, ложитесь, тотъ на тыи, другой—на другіи—дровни; я васъ замечу̀; отвести васъ надо на поляны́. Возы окончаетъ, вдругъ наѣхали поимщики съ Кижъ, обступили священской домъ; вдругъ пріѣзжае извощикъ съ Поляны на порожнихъ дровняхъ; въ эты дровни, што на двори, одну лошадь спрягае нагребальникъ, а другую вощикъ. Искальники говорятъ: Богъ помочъ, молодцы! Нѣтъ ли какихъ гостей у васъ въ доми?—А мы, добрые люди, про́-это знать не можемъ; мы сами роботники—днёвные». И это домъ у отца Василья обыскиваютъ-кто на сараѣ, кто въ сѣняхъ, кто на вышкѣ, кто въ подпольѣ, кто въ хлѣвахъ. Сусѣдъ Вагановъ и говоритъ: робята, Кижана, у нашего попа вамъ не́-найти! Люкъ е у него; надо, какъ попроще сказать, домъ розворочать, али сожгать, а то што и бѣглыхъ на́идешь. Священникъ говоритъ имъ: «ну, дѣти, домъ вамъ далъ на обыскъ; да гди я въ стары годы укрывалъ сбѣглыхъ и то мѣсто могу вамъ показать; я вамъ прямо говорю, што нонь ихъ у меня не находится въ доми». А этотъ вощикъ потаптывается на улицѣ съ возамы; Иванъ—нагребальникъ про-

водилъ его до пролубы и говоритъ вощику: смотри, на двори сказать было нельзя, а я тобѣ нонь скажу: на поляну пріѣдешь, погляди по всимъ сторонамъ, нѣтъ ли гди людей; такъ ты снѣгъ-отъ разрой на поляны, куды возъ опружить, да пружь да не круто; тамъ есть живая кладь—сбѣглые Кижскіе; прихранены у отца Василья: велѣлъ онъ замѣтать въ навозѣ и отвести на поляну.

СКАЗКА

о Солдатѣ и Смерти.

Въ одномъ Государствѣ жилъ былъ славный и сильный король; у него было очень много войска и онъ сильно полюбилъ одного солдата, который служилъ ему вѣрою и правдою и былъ главнымъ его конюхомъ. Прошло срочное время, отслужилъ солдатъ службу королю и сталъ проситься у короля на родину съ родными повидаться. Сначала было король не спускалъ его, но потомъ согласился, надѣлилъ его златомъ-сéребромъ и отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Вотъ получилъ солдатъ отставку и пошелъ съ товарищами прощаться, а товарищи и говорятъ ему: неужъ-ли на простинахъ-то не поднесешь, а прежде вѣдь мы хорошо жили. Вотъ солдатъ и началъ подносить своимъ товарищамъ, подносилъ-подносилъ, глядь а денегъ-то осталось у него только пять пятаковъ. Вотъ идетъ нашъ солдатъ, близко ли-далеко ли, видитъ стоитъ въ сторонѣ кабачекъ,—зашелъ солдатъ въ кабачекъ на копѣйку выпилъ, на грошь закусилъ и пошелъ далѣе. Подошелъ эдакъ не много, встрѣтилась ему старуха и стала милостину просить, солдатъ и подалъ ей пятакъ. Подошелъ опять немного, смотритъ: а та же старуха опять идетъ на встрѣчу и проситъ милостину; солдатъ подалъ другой пятакъ, а самъ и дивуется, какъ это старуха опять очутилась напереди, межъ тѣмъ, какъ не видѣлъ, чтобы она прошла мимо его. Смотритъ, а старуха опять напереди и проситъ

милостину; солдатъ и третій пятакъ подалъ. Подошелъ опять эдакъ съ версту смотритъ, а старуха опять напереди и проситъ милостинку; разозлился солдатъ, нестерпѣло ретивое, выдернулъ тесакъ да и хотѣлъ было разкроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила къ его ногамъ котомку и скрылась. Взялъ солдатъ котомку, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и говоритъ; куда мнѣ съ этой дрянью? У меня и своей довольно! и хотѣлъ было ужъ бросить,—вдругъ откуда не возьмись, явились предъ нимъ, какъ изъ земли два молодца и говорятъ ему: что вамъ угодно? Солдатъ остолбенѣлъ отъ удивленія и ничего немогъ имъ сказать; онъ думалъ, что это привиденіе да и закричалъ: что вамъ отъ меня надобно? Одинъ изъ нихъ-щеголь собой, подошелъ поближе къ служивому и говоритъ: мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вотъ этой волшебной сумочки, и если тебѣ что нужно, приказывай, я все сдѣлаю! Солдатъ думалъ, что это всé ему грезится, протеръ глаза, рѣшился спробовать да и говоритъ: если ты говоришь правду, то я приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ же была койка, столъ, закуска, водка и трубка съ табакомъ! Не успѣлъ солдатъ еще и окончить, а ужъ всё и явилось, какъ будто съ неба упало. Выпилъ солдатъ, закусилъ, повалился на койку и закурилъ трубку. Полежалъ онъ такъ довольно времени, потомъ махнулъ котомочкой и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдатъ и говоритъ: а долго ли я буду здѣсь лежать на этой койкѣ и курить табакъ? Сколько угодно, сказалъ лакей»;—«Ну, такъ обери всё, сказалъ солдатъ и пошелъ дальше. Вотъ шелъ онъ, послѣ этого, близко ли—далеко ли, и пришелъ къ вечеру въ одну усадьбу и тутъ славный барской домъ, да баринъ въ этомъ дому не жилъ, а жилъ въ другомъ,—въ хорошомъ-то дому черти водились. Вотъ и сталъ солдатъ спрашивать у мужиковъ спрашивать: гдѣ баринъ живетъ.»—«А мужики и говорятъ: да что тебѣ въ нашемъ баринѣ?»—«Да ночевать бы надо попроситься!»—«Ну, говорятъ мужики: только поди, такъ онъ ужь отправитъ тебя чертямъ на

обѣдъ!»—«Ничего, говоритъ солдатъ: и съ чертями раздѣлаться можно, а это въ сторону, а скажите, гдѣ баринъ-то живетъ?»—Мужики показали барской домъ и солдатъ пошелъ къ нему; а какъ пришелъ къ барину и сталъ у него ночевать проситься. Баринъ и говоритъ: пуститъ-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня тамъ не тихо!»—Ничего, говоритъ солдатъ! Вотъ баринъ и повелъ солдата въ хорошій домъ, а какъ привелъ, солдатъ махнулъ своей волшебной сумочкой и, когда явился лакей, велѣлъ приготовить столъ на двухъ человѣкъ. Не успѣлъ баринъ повернуться, а ужъ и явилось всё. Баринъ, хоть и богатъ былъ, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а баринъ и укралъ золотую лошку; вотъ какъ кончили закуску, солдатъ махнулъ опять котомочкой и велѣлъ обрать всё, а лакей и говоритъ: я не могу обрать—не всё на столѣ. Солдатъ посмотрѣлъ, да и говоритъ: ты, баринъ, для чего лошку взялъ? Я не взялъ, говоритъ баринъ. Солдатъ обыскалъ барина, отдалъ лошку лакею, а самъ и началъ благодарить барина за ночлегъ, да такъ его изрядно помялъ, что баринъ, со злости пошелъ да и заперъ на замокъ всѣ двери. Солдатъ заперъ всѣ окна и двери изъ другихъ покоевъ, закрестилъ и сталъ чертей дожидаться. Этакъ около полуночи вдругъ слышитъ, что кто-то у дверей пищитъ. Пождалъ еще солдатъ немного и вдругъ набралось множество нечистой силы и подняли такой крикъ, что хоть ушы затыкай! Одинъ тамъ кричитъ: напирай,-напирай, а другой на мѣсто ему кричитъ: да куда напирать, коли крестовъ наставлено!...... Солдатъ слушалъ, слушалъ, а у самого волосы такъ-таки дыбомъ и встаютъ, даромъ что нетрусливаго десятка былъ. Наконецъ и закричалъ: да что вамъ тутъ отъ меня надо, босоногіе?»—«Пусти, кричатъ ему изъ за дверей черти.»—«Да на что я васъ пущу сюда?»—«Да такъ, пусти!»—Солдатъ посмотрѣлъ кругомъ и увидѣлъ въ углу мѣшокъ съ гирями, взялъ мѣшокъ, вытряхнулъ гири, да и говоритъ: а что много ли васъ босоногихъ войдетъ ко мнѣ въ мѣшокъ?»—«Всѣ войдемъ, гово-

рятъ ему изъ за дверей черти!» Солдатъ надѣлалъ на мѣшкѣ крестовъ углемъ, пріотворилъ немного дверей да и говоритъ: ну-ка я посмотрю, правду ли вы говорили, что всѣ войдете? Черти всѣ до одного залѣзли въ мѣшокъ, солдатъ завязалъ устье мѣшка-перекрестилъ, взялъ 20-ти фунтовую гирю да и давай по мѣшку бить. Бьётъ, бьетъ да и пощупаетъ, мягко-ли? Вотъ видитъ солдатъ, что, наконецъ, мягко стало, отворилъ окно, развязалъ мѣшокъ, да и вытряхнулъ чертей вонъ;—смотритъ, а черти всѣ изуродованы и никто съ мѣста не двигается. Вотъ солдатъ какъ крикнетъ: а вы что тутъ, босоногіе, расположились-то? другой бани что ли дожидаетесь, а? черти всѣ кой-какъ разбѣжались, а солдатъ и кричитъ имъ въ догонку: еще придите сюда, такъ я вамъ не то еще задамъ! На утро пришли мужики и отворили двери, а солдатъ пришелъ къ барину и говоритъ: ну, баринъ, переходи теперь въ тотъ домъ и не бойся ужъ ничего, а мнѣ за труды надо на дорогу дать! Баринъ далъ ему сколько-то денегъ, и солдатъ пошелъ себѣ дальше. Вотъ шолъ онъ такъ счастливо и весело ужъ долгонько, и дó дому не далеко оставалось-всего какихъ либо на три дни ходьбы! Вдругъ повстрѣчалась съ нимъ старуха такая это худая да страшная, несетъ полную котомочку ножей, да пилъ да разныхъ топориковъ, а косой подпирается! Дошла она до солдата да и загородила ему дорогу, а солдатъ не стерпѣлъ этого, выдернулъ тесакъ да и закричалъ: что тебѣ надо отъ меня, старая? Хошь я тебѣ голову разскрою? Смерть (это была она) и говоритъ: я послана Господомъ взять у тебя душу! Сдрогнуло солдатское сердце, упалъ онъ на колѣна да и говоритъ: смилуйся, матушка смерть, дай мнѣ строку только на три года,—прослужилъ я королю-батюшкѣ свою долгую солдатскую службу и теперь иду съ родными повидаться.»—«Нѣтъ, говоритъ смерть, не видаться тебѣ съ родными и не дамъ я тебѣ сроку на три года!»—«Дай хоть на три мѣсяца?»—«Не дамъ и на три недѣли!»—«Дай хоть на три дня?»—«Не дамъ тебѣ и на три минуты, сказала смерть, махнула косой и уморила

солдата! Вотъ очутился солдатъ на томъ свѣтѣ да и пошелъ было въ рай, да его туда не пустили, недостоинъ, значитъ былъ! Пошелъ солдатъ изъ раю да и попалъ въ адъ, а тутъ прибѣжали къ нему черти да и хотѣли было въ огонь тащить, а солдатъ и говоритъ: вамъ что надо отъ меня? Ахъ вы, босоногіе, аль позабыли ужъ барскую-то баню, а? Черти всѣ и побѣжали отъ него, а сатана и кричитъ: вы куда́, дѣтки, побѣжали-то?» — «Ой, батько, говорятъ ему чертенята, вѣдь солдатъ-то тотъ здѣсь!» — Какъ услыхалъ сатана это да и самъ побѣжалъ въ огонь. Вотъ солдатъ походилъ, походилъ по аду,— скучно ему стало, подошелъ въ рай, да и говоритъ Господу: Господи, свѣтъ милостивой, куда ты меня пошлешь теперь, раю я не заслужилъ, а въ аду всѣ черти отъ меня убѣжали; ходилъ я ходилъ по аду, скучно стало да и пошелъ къ Тебѣ, Господи, дай мнѣ службу какую либо! Господь и говоритъ: поди служба, выпроси у Михайла Архангела ружьё и стой на часахъ у райскихъ дверей! Пошолъ солдатъ къ Михайлу Архангелу, выпросилъ у него ружьё да и сталъ на часы къ райскимъ дверямъ. Вотъ стоялъ онъ такъ долго ли, коротко ли, и видитъ, что идетъ смерть да и прямо въ рай. Солдатъ загородилъ ей дорогу да и говоритъ: а тебѣ что тамъ надобно старая? Пошла прочь! Господь безъ моего докладу никого не приметъ! Смерть и говоритъ: я пришла къ Господу спросить, какихъ на этотъ годъ велитъ людей морить. Солдатъ и говоритъ: давно-бы такъ, а то лѣзешь не спросясь, а развѣ не знаешь, что и я что либо да значу здѣсь, на́-ко ружьё-то подержи, а я схожу спрошу. Пришелъ служивой въ рай, а Господь и говоритъ: зачѣмъ ты, служба, пришелъ?» — «Пришла смерть, Господи, и спрашиваетъ: какихъ Ты на слѣдующій годъ велишь людей морить?» — «Господь и говоритъ: пусть моритъ самыхъ старыхъ!» — Пошелъ солдатъ назадъ, да и думаетъ: самыхъ старыхъ велитъ Господь людей морить, а что, если у меня еще отецъ теперь живъ, а она его уморитъ, какъ и меня, такъ вѣдь, пожалуй, я и не повидаюсь

больше! Нѣтъ, старая, ты не дала мнѣ вольготушки на три года, такъ поди-ко погрызи дубовъ! Пришолъ да и говоритъ смерти: смерть, Господь велѣлъ тебѣ на этотъ годъ не людей морить, а дубы грызть, такіе дубы, которыхъ старѣе нѣтъ! Пошла смерть старые дубы грызть, а солдатъ взялъ у ней ружьё и сталъ опять у райскихъ дверей ходить. Прошелъ на бѣломъ свѣтѣ годъ, смерть опять и пришла спросить: какихъ на этотъ годъ велитъ ей Господь людей морить. Солдатъ отдалъ ей ружьё, а самъ и пошолъ къ Господу спросить: какихъ на этотъ годъ велитъ смерти людей морить? Господь велѣлъ морить самыхъ матёрыхъ, а солдатъ опять и думаетъ: а вѣдь у меня тамъ есть еще братья да сестры и знакомыхъ много, а смерть какъ уморитъ, такъ мнѣ съ ними и не повидаться больше! Нѣтъ, пусть же и другой годъ погрызетъ дубовъ, а тамъ быть можетъ нашего брата солдата и миловать станетъ! Пришелъ да и послалъ смерть грызть самыхъ (едрёныхъ) матёрыхъ дубовъ. Прошелъ и другой годъ, пришла смерть на третій разъ. Господь велѣлъ ей морить самыхъ молодыхъ, а солдатъ послалъ её самыхъ молодыхъ дубовъ грызть. Вотъ какъ пришла смерть на четвертый разъ, солдатъ и говоритъ: ну, тебя старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: *опротивѣла, надоѣла*! Пошла смерть къ Господу, а Господь и говоритъ ей: что ты, смерть; худая такая стала?» —«Да какъ худой-то не быть, цѣлыхъ три года дубы грызла, всѣ зубы-то повыломала! А не знаю, за что ты, Господи, на меня такъ прогнѣвался?» —«Что ты, что ты, смерть, говоритъ ей Господь: съ чего ты взяла это, что я посылалъ тебя дубы грызть?»—«Да такъ мнѣ солдатъ сказалъ, говоритъ смерть.»—«Солдатъ?-да какъ онъ смѣлъ это сдѣлать!? Ангелы, подите-ко привидите ко мнѣ солдата. Пошли Ангелы и привели солдата, а Господь и говоритъ: съ чего ты взялъ, солдатъ, что я велѣлъ смерти дубы грызть?» — «Да мало ей, старой, этого! Я просилъ у ней *вольготушки* только на три года, а она не дала мнѣ и на три часа; помолился бы я тогда Тебѣ, Господи, такъ и въ раю теперь

былъ-бы, а то вотъ теперь стой тутъ на часахъ, а все изъ за нее. Вотъ за это-то я и велѣлъ ей три года дубы грызть.» — «Ну, дакъ поди-ко теперь, говоритъ Господь, да откармливай-ко её три года! Ангелы! выведи-те его на бѣлой свѣтъ. Вывели Ангелы солдата на бѣлой свѣтъ и очутился солдатъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ уморила его смерть. Видитъ солдатъ какой-то мѣшокъ лежитъ, взялъ онъ мѣшокъ да и говоритъ смерть! садись въ мѣшокъ! Сѣла смерть въ мѣшокъ, а солдатъ взялъ еще палокъ да каменья наклалъ туда, да какъ пошагалъ по-солдатски, а у смерти только косточки хрустятъ! Смерть и говоритъ: да что ты, служивой, потише!» — «Вотъ еще потише, еще чего не скажешь, а по моему-такъ: сиди, коли посажена! Вотъ шелъ онъ такъ два дня, а на третій пришелъ къ свату-цоловальнику да и говоритъ: что, братъ, дай выпиг, всѣ деньги прошолъ, а я тебѣ на дняхъ занесу, вотъ тебѣ мой мѣшокъ, пусть у тебя полежитъ. Взялъ солдатъ выпилъ водки, а цоловальникъ взялъ у него мѣшокъ, да и бросилъ подъ стойку. Пришелъ солдатъ домой, а отецъ еще живъ,—обрадовался, что благополучно добрался дò дому, а еще больше обрадовались родные! Вотъ жилъ такъ солдатъ и здорово и весело цѣлой годъ. Тутъ онъ услыхалъ, что прежній его благодѣтель король мимо проѣзжаетъ, вотъ и пошелъ солдатъ еще разикъ на короля посмотрѣть, а идти-то было недалеко! Вотъ увидалъ онъ короля, а тотъ и сталъ его разспрашивать, какъ онъ шелъ домой и каково ему гостить? Солдатъ разсказалъ ему всё отъ слова до слова, да и спомнилъ тутъ, что смерть-то и посихъ поръ всё еще подъ стойкой, а королю этого не сказалъ. Сталъ онъ съ королемъ прощаться, а король и наградилъ его ужъ чисто по-Королевски! Вотъ пришелъ солдатъ въ тотъ кабакъ и сталъ спрашивать свой мѣшокъ, а цоловальникъ едва и отыскалъ его. Вотъ солдатъ развязалъ мѣшокъ да и говоритъ: смерть, жива ли-ты?» — «Ой, говоритъ смерть: едва не задохлась!» —Ну, ладно, говоритъ солдатъ, а онъ, какъ пошолъ отъ короля, денегъ-то у него много было, вотъ онъ

и купилъ табакерку съ табакомъ, а теперь понюхалъ да и чихнулъ. Смерть и говоритъ: служивой, дай-ко мнѣ?! Она всё просила, что только увидитъ у солдата. Солдатъ и говоритъ: да что, смерть, вѣдь тебѣ мало одной щепотки, а поди сядь въ табакерку да и нюхай, сколько захочошь. Только что смерть помѣстилась въ табакерку, солдатъ захлопнулъ да и носилъ опять ее цѣлой годъ. Потомъ онъ опять отворилъ табакерку да и говоритъ: что, смерть, нанюхалась?» — «Ой, говоритъ смерть, тяжело!» — «Ну, говоритъ солдатъ: пойдемъ я теперь покормлю тебя! Пришелъ онъ домой да посадилъ её за столъ, а смерть ѣла, да ѣла да за семерыхъ и съѣла. Разсердился солдатъ да и говоритъ: ишь, *прорва*, за семерыхъ съѣла, эдакъ на тебя не наполнишь, куда я дѣнусь съ тобой, проклятая. Посадилъ потомъ въ мѣшокъ да и понесъ на кладбище; вырылъ въ сторонкѣ яму да и закопалъ ее туда. Вотъ прошло три года, Господь и спомнилъ про смерть и послалъ Ангеловъ отыскивать, гдѣ смерть. Ходили, ходили Ангелы по міру, отыскали солдата въ кабакѣ да и говорятъ ему: куда ты, служивой, смерть-то дѣвалъ?» — «Куда дѣвалъ? а въ могилу зарылъ!» — «Да вѣдь ее Господь на лицо къ себѣ требуетъ, говорятъ Ангелы. Пошелъ солдатъ на кладбище, разрылъ яму, а тамъ смерть ужъ чуть-чуть дышетъ. Взяли Ангелы смерть и принесли её къ Господу, а Онъ и говоритъ: что ты, смерть, такая худая? Смерть и разсказала Господу всё, а Онъ и говоритъ: видно тебѣ, смерть, отъ солдата не хлѣбы, поди-ко кормись сама! Пошла опять смерть по міру, да только того солдата больше не посмѣла морить. Прожилъ онъ цѣлыхъ 100 лѣтъ, а потомъ пошелъ на войну, тамъ его и убили!

Записана однимъ изъ моихъ учениковъ В. Нименскимъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЯЗЫКѢ ПРИЧИТАНІЙ.

Въ нашихъ „Замѣчаніяхъ“ объ особенностяхъ языка Причитаній сѣвернаго края, (см. ч. I, стр. XXII — XXXIII) мы отчасти указали и самыя причины, отъ коихъ зависятъ эти особенности. Не повторяя здѣсь этихъ указаній, мы восполнимъ лишь наши замѣчанія новыми данными.

I.

Произношеніе.

Само собою разумѣется, что здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ тѣ отличія Новгородскаго говора и мѣстныхъ поднарѣчій, о которыхъ упомянуто нами въ „1-й части“. Отмѣтимъ здѣсь лишь новыя особенности.

Б переходитъ въ мягкое *г: гумага* вм. бумага (85, 40).

Г переходитъ въ *в: вербовый* вм. гербовый (85, 40).

В въ словѣ *дѣва* выпадаетъ, какъ скоро оно принимаетъ уменьшительную форму: *дѣушка* вм. дѣвушка (86, 77) Иногда же *в* появляется между двумя гласными, какъ придыханіе: *каравульщикъ* вм. караульщикъ (30, 161). Не рѣдко также *в* переходитъ въ *л: слободятъ* вм. свободятъ; и въ *р: скрозь* вм. сквозь (34, 83, 84).

Н удерживается въ такихъ словахъ, гдѣ обыкновенно этотъ звукъ выпадаетъ: напр. *принёмъ* (17, 109) *нанёмщикъ* (48, 55) принёмной (55, 220).

О переходитъ въ *ы: травынька* вм. травонька (165, 4).

Р переходитъ въ *н:* въ Новгород. губ. говорятъ „*некрутъ*“ вм. рекрутъ (86, 77).

У замѣняется *ы: быдто* (46, 15) *не забытьте* (45, 113).

Х не всегда смягчается въ *ш:* въ Новгородской губерніи встрѣчаемъ „*горюха*“ вм. обыкновеннаго: горюша (87, 15).

Изъ сокращеній достойно вниманія выраженіе *быди прокля* эта служба Государева! вм. буди проклята (107, 122).

Изъ полногласій обратимъ вниманіе на слова *содержать* вм. сдержать (42, 29) и *соймутъ* вм. съимутъ (75, 26).

Слова иностраннаго происхожденія въ особенности легко поддаются разнообразнымъ измѣненіямъ въ произношеніи; такъ напр. встрѣчаемъ: *жандары* (13, 75) *мондеры* (30, 154; 74, 23) *шариночка* (32, 205) *камендеры* (32, 218) *кумандеры* 202, 682) и *камандеры* (38, 409) *музыканы* (34, 280) *троура* (93, 227) *фатерушка* (96, 51) *патретъ* (122, 111) и т. п.

II.

Словообразованіе.

Въ ряду именъ существительныхъ здѣсь встрѣчаемъ мы слово *дяденька* въ первоначальной его формѣ: *дяйна*—тетка (152, 37). Достойны также вниманія по своему образованію существительныя: *уломъ* (224, 16) *удохъ* (155, 139) *поростъ* (7, 10) *измѣна* въ значеніи замѣна (23, 210) *проща* (204, 759) *живность* (185, 87) *поушенье* (36, 351) *потыченье* (36, 350) *зарѣчье* (83, 41 *напрснина* (208, 868) *прибоинка* (84, 5) *подтычина* (41, 51) *хорошество* (145, 33) *дольщикъ* (25, 27) *ходатель*—вѣтеръ (90, 104) *поровечникъ* (195, 445) *стыдитель* (28, 58) *умертвіе* (220, 20).

Изъ именъ прилагательныхъ въ данномъ случаѣ достойны вниманія: *вѣтляный* общаго корня съ словами вѣчать, привѣчать—привѣтливый (193, 374) *спацливый*—общаго корня съ словомъ спахнуться, попечительный (31, 170) *щегольли-*

вый 9, 40) *дерливый* (160, 313) *опристалый* (155, 134) *оприщенный* (180, 76) *миженьскій* (123, 132) *гряновитый* (28, 63) *станливый* (143, 139) *ступистый* (8, 4) *умолёный* (204, 743) *отеческій* (180, 77) *сусѣдскій* 178, 34) *дѣтиный* (122, 101) *кониный* (22, 169) *дурливый* (129, 39) *воскресенскій* въ знач. воскресный (198, 547) *перeный* (6, 2) *перистый* (201, 652) *ворошоный* (18, 29).

Прилагательныя сложныя: *пріодѣный* (199, 575) *изутробный* (32, 238) *подселенный* (30, 116) *скрозекозный* (6, 76) *завоєнный* (26, 59) *занапрасный* (224, 42) *подомовый* (185, 96) *розмолодый* (3, 79) *старо-древній* (3, 82) *тепло-красный* (189, 228) *стозаплатній* (22) *хитро-умный* (5, 49) и т. п.

Глаголы съ производными примѣтами: *корить* въ значеніи покарять (190, 265) *рутить* (102, 20) *студѣть* (106, 65) *обрѣщаться* (48, 39) и т. п. Любытенъ глаголъ *дробить* по своему образованію; онъ произошелъ отъ сложнаго взробѣть съ выпаденіемъ *в*, *з* перешло въ *д*; *дробить*—значитъ робѣть.

Какъ и въ 1-й части „Причитаній" здѣсь всего чаще употребляются глаголы, сложенныя съ предлогами.

Таковы напр. глаголы:

Съ предлогомъ *воз: возбудить* въ значеніи разбудить (183, 9) *возжидать* (109, 187) *возжуплять* (64, 96) *воспокаяться* (10, 4).

Съ предлогомъ *за: засулять* (46, 41) *заморять* (221, 55).

Съ предлогомъ *из: изъѣзжаться* (35, 396) *изнасіяти* (140, 17) *искушать* (12, 36) *испивать* (12, 37).

Съ предлогомъ *на: наставить* въ значеніи уставить (32, 213) *начаяться* (12, 46) *наглядывать* (102, 28) *напинаться* (128, 17) *надивоваться* (143, 136) *надрыгаться* (32, 226).

Съ предлогомъ *о: одубѣть* (191, 290) *окинуться* (39, 2) *оглядѣться* (184, 37).

Съ предлогомъ *об*: *оббранить* (120, 28) *обрестовать* (2 37; 203, 722) *обмендерить* (45, 115) *обстановиться* (137, 54).

Съ предлогомъ *от: откачнуться* (133, 213) *отшатиться* (143, 127).

Съ предлогомъ *по: потурять* (61, 24) *потужать* (61, 25) *потряхать* (137, 49) *поразвыться* 114, 81) *повыставать* (12, 60) *поразрыться* (134, 243) *подрожать* (39, 459) *подивовать* (1, 8) *порасиластать* (41, 53) *подњватися* (114, 56) *поотложиться* (56, 253).

Съ предлогомъ *под: подтягать* (31, 203) *подвіять* (74, 26) *подхаживать* (21, 145).

Съ предлогомъ *при: придњлять я* (144, 158) *приплакать* (190, 244) *пріотерњть* (131, 110) *пріотперњть* (20, 97) *прихранить* (127, 14) *прісбидњть* (36, 357) *пріотмњнить* (63, 67) *призакатиться* (134, 248) *прикоротать* (114, 62) *принакрыть* (5, 39) *призадвинуть* (5, 40) *пріотправить* (5, 42) *пріужахнуться* (5, 19) *пріотр(кнуться* (27, 22) *прирострескать* (33, 256) и т. п.

Съ предлогомъ *про: проглупать* (49, 2) *прогладить* (192, 320) *пролюбоваться* (192, 323) *прокоротать* (109, 189) *прознать* (143, 120) *проплывывать* (157, 208).

Съ предлогомъ *роз: роспалиться* (44, 88) *розшумляться* (133, 197) *россказаться* (142, 91) *росполохаться* (184, 34).

Съ предлогомъ *съ: спамятить* (35, 312) *сколыбаться* (77, 79) *сустигать* (40, 36) *сукрашаться* (147, 83) *содержать* (42, 29).

Съ предлогомъ *у: ущемлять* (34, 277) *улещать* (205, 786) *уписывать* (103, 58) *укуволить* (155, 141).

Встрѣчаются глаголы сложенныя и съ именами существительными; напр: *горековать* (17, 101).

Изъ нарѣчій, достойныхъ вниманія по своему образованію, отмѣтимъ: *изкоса* (134, 224) *изрыхла* (134, 245) *заобче* (132, 156) *ноньку* (96, 39) *одинова* (37, 402) *вмистяхъ* (98, 122) *отъ-тошна* (69, 44) *пó-тиху* (198, 530) *вдавнѝ* (178, 18) *пóряди* (190, 270) *съ того-съ-мала* (178, 25) *при-послњди* (33, 240) *дó-гола* (26, 43) *по-за-глазью* (25, 30) *небглядью* (189, 224) *нé-вњсто* (205, 794).

III.

Словоизмѣненіе.

Какъ и въ 1-й части „Причитаній", имена существительныя здѣсь всего чаще встрѣчаются въ уменьшительной формѣ; каковы напр: *пасточка* (80, 13) *ломинка* (80, 11) *улушка* (81, 38) *надѣточка* (122, 104) *моготушка* (69, 39) *стопочка* (11, 28) *молитовка* (77, 92) *веревчонка* (22, 161) *бурлаченочко* (119, 17) *судьишечка* (32, 228) *щенельчишки* (31, 201) *шубеночка* (119, 18) *житьишечко* (41, 45) *почёточекъ* (187, 148) *питьице* (203, 697) *питемьице* (22, 171) *упоеньице*, (203, 700) *ѣденьице* (203, 698) *уѣданьице* (36, 365) *дроворубчикъ* (209, 901) *чужанинокъ* (219, 68) *водоношичка* (166, 20) *костьица* (221, 53).

Собирательныя формы: *дружьё-братьица* (7, 10) *подружьё* (25, 21) *дружьё-братьё* (58, 317).

Усиленіе значенія прилагательныхъ большею частію опредѣляется наставкою предлоговъ; напр: *розмолодый* (3, 79) *розбезсчастный* (24, 4) *пристаршій* (204, 743) и т. п.

Любопытна еще форма въ данномъ случаѣ на „*ехонный*": *малый* напр. переходитъ въ *малехонный* (89, 82).

Числительное „*единый*" также, какъ и прилагательныя, усиливается окончаніемъ: *ешенекъ*: *единёшенекъ*. (24, 220).

Степени усиленія нарѣчій обозначаются окончаніями *енько*: *суровенько* (188, 179); и *ешенько*: *суровешенько* (4, 10).

Въ послѣднемъ случаѣ любопытно нарѣчіе: *нé-вѣсто*, которое принимаетъ форму *невѣстёшенько* (125, 62).

Для большей изобразительности, къ этимъ формамъ приставляются еще предлоги; напр. *поскорёшеньку* (4, 10) *понизёшеньку* (70, 14) *поранёхоньку* (91, 127).

Но всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе въ данномъ случаѣ, что нарѣчіе *поодиночкѣ* здѣсь обозначается формою „*по-единушкѣ*" (32, 206).

Роды именъ также представляютъ нѣкоторое своеобразіе; напр. слово *путь* принимается въ женск. родѣ: *въ кую-путь* (33, 268) *съ косй пути* и т. п.

Ласкательное: „*лада*" относится не къ женѣ только, но и къ мужу:

Умолёная лада милая,
Лада милая любимая!
Провожаю тебя горюшица.
Во солдаты новобраныи. (87, 1—4).

Здѣсь, какъ и въ 1-мъ „томѣ" встрѣчаются слова съ такими падежными окончаніями, которыя указываютъ, что этѣ слова въ именительномъ падежѣ имѣютъ другой родовой признакъ, чѣмъ въ какомъ принято употреблять ихъ; какъ напр. *времечка*:

Припосмѣди то, походь—этой времечкѣ (33, 240) *оружья: оружью завоенную.*

Встрѣчаются имена прилагательныя, кои родит. пад. ед. ч. женскаго рода—оканчиваются на *ыи:* какъ напр.;

Изъ новыи, да новы горницы (84, 15).

Въ дательномъ падежѣ имена прилагательныя того же числа и рода иногда оканчиваются на *ю* вм. *ой:* напр.:

Систь было мнѣ горюшицѣ,
Бѣдною, да горегорькою,
Мнѣ подъ красное окошечко.
Ко прибоинкѣ кленовою. (84, 1—5).

Имена существительныя муж. род въ винит. пад. множ. числа оканчиваются не только на *а*, но и на *ы*. Такъ встрѣчаемъ *во глаза* и *вôглазы* (43, 64).

Нѣкоторыя изъ именъ существительныхъ въ родит. пад. множ. числа также принимаютъ своеобразныя окончанія: напр. *дядьковъ* (55, 232) *христіанушковъ*, *дёнъ* (145, 32).

Мѣстоимѣніе *оный* принимаетъ форму: *энной.*

Какъ откуль энной солдатъ идё прохожей? (189, 219).

Мѣстоимѣнія *сей*—встрѣчаемъ въ народной формѣ *сесь:*

На сесь день (195, 484).

Мѣстоименіе другъ-друга всегда, безъ исключеній, употребляется въ сокращенной формѣ „*ду-друга*“ и склоняется такъ:

Род. *ду-друга* (29, 81).

Дат. *ду-другу* (110, 205).

Вин. на-*ду-друга* (29, 84).

Твор. *межу ду-другомъ* (42, 25).

Мѣстоименіе каждый принимаетъ народную форму „*кажинный*“:

Кажинную минуточку (39, 459).

Мѣстоименіе „этотъ“—звучитъ какъ *эвтотъ*: въ *эвты* (43, 58).

Бытный глаголъ въ повелит. наклон. спрягается такъ:

Быди (107, 122).

Быдьте (74, 1).

Глаголы, оканчивающіяся на *атъ*, *ватъ*, и *иватъ* выкидываютъ послѣднюю гласную *е* не только въ 3-мъ лицѣ един. числа, о чемъ нами замѣчено въ 1-мъ томѣ, но и во 2-мъ лицѣ; такъ, здѣсь встрѣчаемъ: *обиждашъ* вм. обиждаешь. (23, 190) *не подашъ* вм. не подаешь (216, 92).

Но особенно часто здѣсь эти глаголы въ 3-мъ лицѣ множ. числа отмѣтаютъ конечное *тъ: подхватя* вм. подхватятъ ('3 76) *посадя* вм. посадятъ (13, 78) *глядя* вм. глядятъ (38, 418—419) *отпустя* (63, 77) *обмундеря* (120, 57) *не повиря* (33, 252) и т. п.

Въ Новгородской губерніи въ возвратныхъ глаголахъ въ 3-мъ лицѣ настоящ. и будущ. вр. ед. ч. *ся* переходитъ въ *ци:* напр. *стоскнетици сгорюхнетици* (85, 29).

Само собою разумѣется, что всѣ другія измѣненія въ склоненіяхъ именъ и спряженіяхъ глаголовъ, указанныя нами въ 1-мъ томѣ „Причитаній“ встрѣчаются и здѣсь; снова говорить о нихъ и подтверждать примѣрами считаемъ излишнимъ.

IV.

Словосочиненіе.

Любопытны синонимы и эпитеты, обыкновенно усвояемые

въ „Причитаніяхъ" тѣмъ или другимъ предметамъ. Такъ напр. здѣсь часто встрѣчаются:

Часовни богомольныи (46, 36).
Церквы посвященныи (46, 37).
Живленьице сесвѣтное (69, 46).
Хлѣбушки довольныи (128, 33).
Дожди сыпучіи (39, 450).
Снѣжки перистыи (74, 10).
Морозы студёныи плящіе (74, 11).
Тученька гряновитая (28, 63).
Клѣточка мелкорубленая (52, 111).
Крылечико пёрёноё (51, 72).
Стопочка точоная (52, 111).
Ларци окованыи (121, 81).
Санки самокатныи (51, 69).
Улички рядовыи (24, 217).
Лавочки торговыи (16).
Годышокъ учётный.
Недѣлюшка уречная (51, 65).
Обѣды полудённыи (22, 174).
Полосушки роспашисты (28, 48).
Поженки луговыи (28, 47).
Личушко блёклое (35, 319).
Языкъ рѣчистъ (47, 60).
Кудёрышка жолтыи (20, 85).
Словечушка прелестныи (21, 114).
Русія подселенная (30, 124).
Людушки казенныи (23, 208).
Солдатушки походныи (29, 88).
Палата принемная.
Стулъ забревальный (81, 29).
Оружья завоенныи.
Пистолеты зарукавніи (109, 199).
Начальство всевышнее (37, 390).
Судьи скрозекозныи (45, 121).

Служба злодійная.
Перстни— жуковенья (66, 171).
Солнышко закатное
Звѣздочка ненаглядная (83, 24—25).
Наживная головушка (84, 1—2).
Умолёная лада милая (87, 1).
Жена семья любимая (97, 97).
Миженьское солнышко и т. п.

Весьма часто соединяются два синонимическія выраженія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ: *въ мо́емъ по́росту да было въ возрастанѣицѣ* (7, 10) *и хоть усталая дойду да опристалая* (155, 134) въ глаголахъ: *я гляжу-смотрю* (1, 13) *схичу-спрячу* (5, 33) *ты корись-просись* (88, 52, въ нарѣчіяхъ: *плотнокаменно* (116, 128) *трудно-тяжело* (161) 13) *жалобно-уныло* (106, 93) и т. п.

Не рѣдко встрѣчаются предложенія, въ коихъ бытный глаголъ совсѣмъ опускается:

«*И съ горя не мила крестьянска эта жирушка,*
«*И мнѣ-ка не́ люба пустыла эта свѣтлица.* (129, 64—65).

И какъ вы по́йдете на ши́року на уличку,
И тамъ вамъ уличка ходить да не широкая,
И путь-дороженька безсчастнымъ не торнёшенька (128 24—26).

Глаголы средніе употребляются въ значеніи дѣйствительныхъ; каковы напр. *грубить: И не грубилъ да спорядовыихъ сусѣдушекъ* (59, 20) *ложить: И спородимъ какъ, родитель, меня матушка, И не въ большой уголъ—на стульце ложила* (144, 161—166).

Въ особенности средніе глаголы, сложенные съ предлогами легко принимаютъ дѣйствительное значеніе; каковы напр. *разговаривать: И малы дѣтушки безсчастны какъ малёшеньки и не толкуютъ-то безсчастну разговаривать* (108, 157, 160).

б. *Заплакать: штозаплакала вѣдь ясны своиочушки* (131, 122).

г. *Призаплакать: призаплачу я безсчастны свои очушки* (131, 160).

д. *Разгуляти: разгуляти кручину* (113, 54).

Средніе залоги употребляются вмѣсто возвратныхъ напр.

«*Помѣшалъ то умъ со разумомъ;*

«*Пристарѣла ты спорядная суспдушка* (55, 213).

Разболѣла все безсчастна буйна—голова (110, 225).

И наоборотъ возвратные вмѣсто среднихъ: напр.

И не ликуемся, побѣдны, мы тоскуемся (112, 8).

Именительный падежъ, согласно древнему употребленію, удерживается и при глаголахъ дѣйствительныхъ; напр.

И намъ спасти да вѣдь Русія подселенная (205, 792).

Ладитъ ли-то ужина вечорная (155, 151).

Для усиленія дѣйствія или состоянія выражаемаго глаголомъ, онъ не рѣдко соединяется съ дѣепричастіемъ тогоже глагола; какъ напр.

«*Я бы прячучи роботушку припрятала* (154, 95).

«*И мое рвущи рветъ ретливое сердечутко* (108, 162).

Точно также для большей изобразительности дѣйствія или состоянія, глаголы, не рѣдко являются въ предложеніяхъ въ страдательномъ залогѣ—въ формѣ безличной:

«*И въ крѣпкой сонъда у солдатушковъ не забраносъ* (31, 191).

Равнымъ образомъ, для того, чтобы оттѣнить тотъ или другой моментъ дѣйствія, рядомъ съ предложеніями въ дѣйствительномъ залогѣ, ставится предложеніе — въ залогѣ страдательномъ:

«*И добрый конь нонь-ко идетъ да спотыкается,*

«*И лошадина голова да принаклонена* (9, 20—21).

Онъ не держивалъ бурлацка цвѣтна платьица,

И была не́-дана ступистая лошадушка (21, 122—123).

Въ зависящихъ предложеніяхъ, глаголъ вмѣсто сослагательнаго наклоненія съ союзомъ *чтобы*—допускается въ неопредѣленномъ наклоненіи; напр.

Не навидли свѣты братьица родимыи,

И за столомъ его сидѣть да за дубовыимъ, (21, 117—119).

Вмѣсто причастія, относящагося къ имени существительному и зависящаго отъ главнаго глагола, допускается дѣепричастіе:

«И не видѣли бы вѣтляныи нешушки,
И слезно плачутца горюши причитаютца (173, 165—166).

Глаголъ „*подивовать*“ сочиняется съ дательн. пад. *Подивуютъ мнѣ-ка добры эты людушки* (1, 8).

Глаголъ „*отложить*“ сочиняется съ творит. пад. *Штобъ подальше жеребьямъ да отложили бы* (50, 46).

Глаголъ „*привѣчать*“ сочиняется съ дополненіемъ не только на вопросъ *кого*, но и *во что*: *Онѣ въ пай игратъ вѣдь васъ не привѣчаютъ* (179, 63).

Точно также глаголъ „*дойти*“ сочиняется не только съ падеж. винит. но и съ дательн. *И може, въ честь дойду я братцамъ богоданыимъ* (154, 99).

Нѣкоторые глаголы употребляются въ своеобразномъ значеніи; каковы напр. *красоваться: мы бы ростили дѣтей да красовалися* т. е. радовались (128, 36) *зажать*: *и крѣпко зажала ретливое сердечушко* т. е. поджала. (137, 33) *крестить: и во слѣзахъ глаза солдатушки крестили* т. е. творили крестное знаменіе (31, 195) *сочиниться: и сочинилась грозна служба Государева* т. е. завелась, затѣялась (1, 18).

Къ глаголамъ въ повелит. наклоненіи присоединяются иногда частицы: *то-ко. И молчи-то-ко спорядной мой сусѣдушко.* (36, 346).

Отрицаніе *не* ставится не только при глаголѣ—но и при отрицаемомъ предметѣ:

И не уписывалъ родителю я матушкѣ,
Я не низкое поклонно челобитьице (201, 638—639).
И не пожалѣлъ бы я.... не дому бы я (208, 893).

Имена существительныя употребляются иногда вмѣсто нарѣчій съ предлогомъ *за* въ падежѣ винит. или творит.

За гулъбищечко дорожку коротали (109, 180).
За весельицемъ дорожку коротали (62, 41).

Существительное „*часъ*“ не имѣетъ опредѣленнаго значенія

И показался бы хоть на минутной бы часочикъ (64, 112).
И я не мѣшкаю часовъ да все минутныихъ (154, 93).

Имена прилагательныя, зависящія отъ существительныхъ иногда согласуются съ ними въ родѣ, числѣ и падежѣ, какъ ихъ предикаты. Таково напр. выраженіе: *живà эта разлука пуще мертвой*; т. е. разлука съ живымъ тяжелѣе разлуки съ мертвымъ. (4, 103).

Въ именахъ числительныхъ дробныхъ, какъ и въ древнемъ церковномъ языкѣ, единицы ставятся прежде десятковъ.

И пятой нá-десять учётнои иде годышекъ (195, 434).

Чрезъ пять на десять учетныхъ долгихъ годышковъ (167, 157).

Для усиленія степени дѣйствія, предложеніе повторяется съ нарѣчіемъ—въ сравнительной степени:

«*И прилагай слово къ ретливому сердечушку,*

«*И поплотнѣе ты ко зяблоей утробушкѣ.* (59, 344).

Иногда въ одномъ и томъ же предложеніи, для большей изобразительности повторяется одно и тоже нарѣчіе но лишь въ иной нѣсколько формѣ:

Столько нé-вѣсто вѣдь, свѣты, невѣстимо (205, 794)

Предлогъ *предъ* сочиняется съ падеж. винит. вм творит.

«*Передъ Господа глаза да вѣдь крестили* (2, 29).

Иногда вмѣсто предлога *предъ* ставится предлогъ *надъ:*

И мы стоимъ да надъ косьвчатымъ окошечкомъ (194, 395).

При вопросительныхъ предложеніяхъ употребляется союзъ, *такиль:*

«*Таки ль пыль въ полѣ-погода, буйны-ль вытрышки?*(193, 351).

«*Таки ль на-воды ли мы да теперь на-земли?* (197, 515).

Особеннаго вниманія, заслуживаетъ здѣсь то что почти каждый стихъ начинается союзомъ *и.* Союзъ этотъ не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія и является лишь какъ признакъ эпической рѣчи. Подобныя союзы, безъ всякаго значенія, какъ извѣстно, весьма употребительны въ и эпосѣ Гомерическомъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Сѣверно-русскій словарь.

А.

Абрамъ, представитель бороды. По бородѣ Абрамъ, а по дѣламъ Хамъ.

Адрúть тя къ лохани. (Поставить тебя къ лохани. Каргоп).

Ажно, какъ будто. (Морозъ таки морозъ, ажно съ пылью морозъ).

Ай-ай-ай — выраженіе испуга. Ай-ай-ай, а пособить нечѣмъ (пословица).

Ангюлъ—Ангелъ. (Заонеж.)

Анъ, какъ, между тѣмъ, вдругъ. (Я сижу ли молодешенька,Анъ подворотенька застукала).

Арьшникъ, слой булыжнику или мелкихъ валуновъ.

Аси— каргоп. Ой, áси дѣва, вѣдь у ней нарядовъ-те много. Ой, аси дѣва, поглень-ко бась-те какая.

Б.

Бажáть-желать, хотѣть.

Балахонъ-лѣтняя одежда изъ бѣлаго холста.

Барáнъ, складенные вмѣстѣ два суслона овса.

Басье, краса (Бась-та какая—кормилицы!) Н. Г. Ч. У).

Бахвалить—щеголять.

Бахвалъ—хвастунъ, хвастливый человѣкъ, щеголь.

Бахилы сапоги съ подошвами кругловатые.

Бàхторма, верхняя не съѣдобная кожица гриба.

Бездѐнный, не имѣющій дна бездонный. (Бездённый адъ). (Н. Г. Ч. У.).

Безподобные люди, скоты, дикари.

Берёжа—беременная лошадь.

Бережѣй, ближе къ берегу.

Бесѣдуйте, здравствуйте. Привѣтствіе. *Компаніи вашей!* (Н. Г. Ч. У.).

Бéтенцы, снарядъ на судахъ для подниманія якоря.

Битка,—желѣзная платка для игры въ коренье. (Н. Г. Ч. У).

Благо, довольно много. Здѣсь змѣй на сучье щенится, а здѣсь сучья благо.(Н.Г. Ч.У.).

Благой день, удачной день по дѣламъ, или порядочный по хорошей погодѣ,

Благолимъ выглаголемъ. (Н. Г. Ч. У.).

Благочинничать—быть въ благочинныхъ (30 лѣтъ благочинничалъ т. е. исправлялъ должность благочиннаго).

Блазнить—слово, употребляемое большею частію въ святки и значитъ видѣть привидѣніе.

Блазникъ, соблазнитель.

Блинникъ, пирогъ, начиненный *блинами*—масляными и пересыпанными сыромъ или какой-либо крупой. (Н. Г. Ч. У.).

Блудить — трогать что-нибудь безъ позволенія.

Блудня—шалунъ.

Богатыревать, силенъ.

Болѣмогія, по большей части.

Бралъщикъ, воръ.

Брать Пасху—проводить пасхальные дни. (У Якова преподобнаго Пасху брали да и пробрали; т.-е. всю Св. недѣлю тамъ захватили, пробыли такъ долго).

Бредецъ ручная рыбная ловушка:

Брязга тотъ, кто постоянно проситъ чего-нибудь.

Брязжать—надоѣдать.

Бузурýнка, вязаная шерстяная фуфайка.

Булóнко—соловой конь.

Бусурманъ мальчикъ, который руководитъ дѣтскими играми.

Бухарка—зимняя шапка изъ оленьей или овечьей шкуры.

Бухмарно см. Бухмарь.

Бухмáрь, пасмурно, мглисто.

Бѣдáтый, бѣдовый.

Бѣлъ, *Бѣлъки* пѣна на волнахъ.

В.

Вáландать—медленно или небрежно дѣлать что.

Валенцы—теплые рукавицы.

Валить сукѝ, рубить лѣсъ.

Вально—бурно. (Вально на озерѣ). (Н. Г. Ч. У.)

Варака, гора (употр. въ окрестностяхъ Колы) у Даля и въ Акад. словарѣ нѣтъ.

Варя, *Варька*, достаточное количество рыбы для варенія.

Вачеги, рукавицы изъ толстаго сукна.

Вверínуться броситься (буди, вверзется въ это озерко).

Вдругорядь, въ другой разъ. (Н. Г. Ч. У.)

Веретнó, веретено.

Верещáть говорить звонко и скоро, и наперекоръ другимъ.

Верстать, сравнивать.

Вѐтошь запущенная, поросшая лѣсомъ поляна.

Ветхой, плохой здоровьемъ. (Ветхой старикъ).

Взабыль, правда, дѣйствительно. Отвѣтъ на вопросъ: *вре*?

Взводенъ см. Взводъ.

Взводъ, волненіе на морѣ(Взводневато).

Витрянка, отверстіе на сараяхъ и въ хлѣвахъ.

Вѝца, длинное березовое прутье.

Вичье см. Вица.

Владшей, младшій. П. У.

Вóденная осень, сырая, дождливая.

Воетукжа, вой, плачь, крикъ.

Вожеватый,обходительный,разговорчивый. (Н. Г. Б. У.).

Волочить, брать. (Не ужъ-та на гумно волочатъ т.-е. неужели берутъ тебя молотить).

Воронецъ—полка отъ стѣны къ печкѣ.

Восевосе—уже; восевосе пріѣдетъ онъ.

Вострíе вм. острѣе. (Н. Г. Ч. У.).

Впослѣди, наконецъ.

Врё—вм. врешь. (Н. Г. Ч. У.).
Встокъ, востокъ.
Всякоякій, разный. (Люди всяко яки есь).
Втапоръ—тогда.
Въ гладкую, гладко.
Въ тонкую, тонко.
Въ сухую, сухо.
Въ ровную, ровно.
Въ куръяхъ, въ кустахъ.
Въ кость, въ прокъ на крѣпкое здоровье. (Душа не творитъ худо, а тѣлу, что хуже то и въ кость).
Въ лапаряхъ, у лопарей.
Въ обиды вм. въ обидѣ (мѣст. пад.) (Въ обиды родители).
Въ самоѣдяхъ, у самоѣдовъ.
Въ этомъ разѣ, въ такомъ случаѣ.
Вызбить (вызбленный) посредствомъ выдергиванія нитокъ дѣлать узоры на полотенцѣ или салфеткѣ.
Выкидникъ — недоносокъ, извергъ.
Выпихаться, выдвинуться, (онъ выпихался напередъ).
Выранда—куча хворосту для сожженія.
Выскать скрутить.
Выстать, встать.(Высталъ рано по утру).
Вытрать, вытерѣть рыло-то вытралъ (вытеръ).'(Н.Г. Ч. У.).
Выступки—женская обувь.
Вѣки вѣкущіе—очень давно.
Вячкать—часто напоминать о чемъ нибудь.
Вячать, кокуить. (Плачетъ да вячитъ) (Н. Г. Ч. У.).

Г.

Гайно—горло.
Галанка—брюква.
Галентурникъ—женская одежда.
Галитьміромъ - быть предметомъ насмѣшекъ.
Гаха (птица).
Гахунъ, самецъ.
Гвёрста, дресва (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Гемеря, то время, что тьма свѣтъ покрываетъ; смеркаетъ.
Глупыши—бѣлыя оладьи.
Глупышъ—тѣсто пряженное въ маслѣ.
Гинути, погибать. (Гине несчастной).
Гнильтина—согнившее дерево.
Голомень, открытое море.
Голова—Эпитетъ человѣка. *Эка ты голова!* Н. Г. Ч. У.
Голова, мысъ, носъ, оконечность острова. П. У.
Голодовка—голодное время.
Голосанъ, дьяконъ.
Голцить, разговаривать. Экъ, голова, какъ голцятъ! (Н. Г. Ч. У.). (Голцила, да голцила съ дѣвцонкамъ). (Н. Г. Ч. У.).
Гольтепа, бѣдность.
Голью ѣсть, не закусывая хлѣбомъ. (Голью хлѣбатьмолоко). (Н. Г. Ч. У.).
Гора, берегъ.
Горній вѣтеръ, береговой съ берега.
Гоститать, гостить. П. У.
Грабать—щупать.
Граблевище, рукоять у граблей. (Н. В. Ч. У.).
Гребро—насаженная на длинную палку широкая доска.
Грибовикъ, пирогъ съ грибами. (Н. Г. Ч. У.).
Грубъ, скученъ, надутъ. (Вси гости на весели, а ты грубъ; у всихъ кровь въ личѣ играе).

Грядка, жердь въ избѣ вмѣсто вѣшалки.

Гулить, литься (кровь гула, гула т.-е. лилась).

Гумага вм. бумага. (Н. Г. Ч. У.).

Гуня, балахонишко.

Гурій, куча сложенная изъ камня.

Гусклый (хлѣбъ) заплѣсневшій.

Гуща, творогъ (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Д.

Дачи, взятки. (На дачи прельстился).

Двинянка—житной хлѣбъ.

Двоима, вдвоемъ. (Живу съ женой, двоима).

Деленки, шерстяная перчатка.

Деревянный огонь—огонь, добываемый треніемъ деревъ.

Держать, носить. Мы держимъ такіе сапоги, прежде держали такое платье.

Дешевизенъ, дешевизна.

Дивья тебѣ—блаженство тебѣ.

Докудова—см. покуда.

Долонь—ладонь. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Домовикъ, пріемышъ.

Дорóденъ (о пищѣ) вкусенъ, готовъ.

Дорóдно (о мѣстѣ) удобно, покойно.

Дохать—кашлять (што ты *дохаешь*) (Н. Г. Ч. У.).

До-сталй, въ досталь (хлѣба дать).

Дошникъ—щанъ, въ которомъ варятъ пиво.

Дракища, дракунъ. (Экой ты дракища, то же, что экой ты разбойникъ). Н. Г. Б. У.).

Драни задать—выпороть. (Я тебѣ такую драпь или деру задамъ).

Дребъ, мхи не проходные, дебрь.

Дробовка, ружье.

Дрябнуть трупѣть.

Дуброва, трава коротенькая, какъ будто мошекъ маленькой.

Дубъ, лубъ, заболонь. Березовый дубъ, сосновый дубъ.

Дутри—сопли. Выпустить дутри-те ровнышко червяки; сопли моржевые; косица паршивая; любо ему долгоносому псу. (Н. Г. Ч. У.).

Дѣленки—вязаные рукавицы.

Дѣльницы—(см. дѣле́нки).

Дѣтно, много дѣтей.

Дюжо, сильно. (Дюжо болитъ). (Н. Г. Ч. У.).

Е.

Ёкаетъ бьется сердечко—т.-е. предчувствуетъ что-либо.

Ельпесиситъ—неспокойно сидѣть или скоро говорить.

Ж.

Жарёха, жареная рыба.

Животы—имѣніе, богатство.

Живье—живая рыба.

Жировой черть, живущій въ дому или домовикъ.

Жихорь—злой духъ.

Жольпать—низко кланяться, на молитвѣ.

Жудко—трудно.

Журавлиха, клюква. (Н. Г. Ч. У.)

Заворотъ, затѣя. (По силы заворо́тъ дѣлаешь).

З.

Завтреня, утреня. (Чу, къ завстренѣ благовѣстятъ) (Н. Г. Ч. У.).

Завѣчать, дать обѣтъ. (Я завѣчалъ эти деньги на свѣчу Богу).
Загибеньки, пироги, разсученныя и загнутыя, съ начинкою внутри, изъ брюквы, картофеля, гороху. (Н. Г. Ч. У.).
Загнета — горячее уголье въ печкѣ.
Загнешка—мѣсто, сдѣланное въ ошесткѣ для загребанія пепла.
Заднее время, прежнее время. (Помнишь ты, въ заднее время говорилъ-то).
Зажгать, зажигать. (Зажгалъ свѣщу).
Зажимай-тя—выраженіе ругательное.
Заколье, остожье.
Закопырилось, загорѣлось. (Н. Г. Ч. У.).
Закуски, пряники.
Запалки, спички (Н. Г. Б. У.).
Запрашское лѣкарство, хитрое, хорошо сдѣланное.
Зарево, костеръ у Даля и въ Акад. нѣтъ.
Зарежайдать, трещать. (Ально кости зарежайдали т.-е. затрещали).
Заскать, скрутить.
Заспа, крупа житная.
Затеплить овинъ, развести огонь для сушки хлѣба, посаженнаго на овинъ.
Заховать см. Поховать.
Здись, *Здись*, *Здисьва*. } Здѣсь.
Здынуть—желать. (Цѣлуй, буде душа здыне).
Земелька любитъ потъ.
Зимникъ—зимняя дорога.
Зобать (напр. онъзоблетъ ягоды.
Зобаться, заботиться безпокоиться.
Зоблѣться, заботиться Петр. У.
Зыбаться—играть (зыблются, зыблются — играютъ, играютъ).
Зыбель—качель.
Зыкать, кричать.
Зыкъ, отголосокъ. (Слышь, какой зыкъ—отъ даетъ по водыто).

И.

Изводъ, бранное слово.
Изматеряться, сказать скверное, матерное слово. (Н. Г. Ч. У.).
Инда, вода. Петр. У.
Инной, другой. (Приходи на инной день).
Инное, иногда, въ другой разъ. (Н. Г. Ч. У.).
Исподки—теплые рукавицы.
Исподомъ—то подшутили т.-е. малосиленъ. (Н. Г. Ч. У.).
Истопель — количество дровъ для истопленія одной печки.
Исхудобить—уладить.

К.

Казачина, кафтанъ изъ крашенины. (Н. Г. Ч. У.).
Кайковалъ—говорилъ, хвасталъ.
Калагиръ—священникъ.
Калапайка—сильная пощечина.
Калега, сѣтка (жить-ловить рыбу калегой).
Калитка—сочень, на которой полагается какая-либо крупа, разведенная въ молокѣ.
Калякать—говорить.
Канюнъ, клянча, хонжа.
Капостить, пакостить.

Ка̀ра (лопар.) деревянный лотокъ для пищи.

Ка̀ра, въ рѣкахъ не большой заливъ. П. У.

Кастлйво, *Ка́сто*, *Кастъ*, — грязь, грязно.

Каталось, да валялось, мѣшкалось. (Это (дѣло) каталось да валялось года три).

Каюры, прозвище деревни Никифоровской (Ухотской волости, Вытегор. уѣзда, на р. Ухтѣ. Прозваніе это не нравится жителямъ; это потомки оставшихся здѣсь Литовцевъ; языкъ русской, но съ страннымъ удареніемъ; типъ оригинальный, чистоплотнѣе русскихъ, ходятъ въ плисовыхъ штанахъ; населеніе около 100 душъ.

Квакуша, лягушка.

Квашённикъ—худой пожикъ для очистки квашни.

Керста, могила.

Кирза т.-е. топкое мѣсто, бывающее весной.

Кистать, кой какъ дѣлать.

Кичила—длинный еловый сукъ съ осколкомъ ствола въ $1^1/_2$ чет. длины, 1 или $1^1/_2$ въ шир. и $^1/_2$ в. тол.

Клай, клади. (Клай-ко побольше коровьяго хвоста-то на полосу, такъ небось выростетъ) П. У.

Клейно̀, клеймо, фамильная печать.

Клѣить, подстраивать.

Клѣпать, дѣлать, (клѣплютъ ли здѣсь налитушки).

Князекъ,—см. охлупень.

Кова, поспѣнь.

Когдашній, давній ли (Н. Г. Ч. У.).

Кое-же-зачѣмъ (кое-же, чертъ, слизень дьявольскій.) (Н. Г. Ч. У.) *Кой же къ прахамъ*. Ib.

Ко́жа, морскіе звѣри. Мы *кожу* видѣли. *Кожа* весной приходитъ.

Кожанки—кожанныя рукавицы.

Кожухъ — немощеныя стороны гумна, куда валится солома.

Козляки, моховики грибы. (Н. Г. Ч. У.).

Кокбра—какая-либо палка въ водѣ, запутавшая ловушки рыбныя.

Кокоша, чепецъ для женщинъ.

Колокола ударъ. (Вышелъ изъ дому, какъ колоколъ ударитъ т.-е. рано, съ благовѣстомъ къ утрени).

Колоко̀лка—верхушки у льна.

Колотиться—просить: Петрухины колотятся—просятъ милостыню,—живутъ милостыней.

Колубень, качель.

Комы велики, куски сахара (у васъ комы велики). Н. Г. Ч. У.).

Кана́ться, униженно просить.

Коникъ—лавка у той стѣны, въ которой дверь.

Ковайничекъ, подойникъ (Н. Г. Кирил. у.).

Копошить—тревожить: что тебя такое копошитъ.

Корба—болото.

Коробка см. буракъ.

Корга, груда подводныхъ камней.

Кореновой, коренной.

Кормной, (олень) кормленный домашній.

Конобоиться, безпокоиться.

Коровятики, бѣлые грибы. Такъ называются они потому, что ихъ любятъ ѣсть коровы. (Въ Андосѣ, Ч. У. Н. Г.).

Косякъ см. *кошмы* косякъ 2 аршина. (Н. Г. Ч. У.).

Костяникъ, червякъ грибной въ корнѣ. (Н. Г. Ч. У.).

Котцавейка—женская одежда.

Коты—деревенскіе башмаки съ черною или красною оторочкою.

Кочъ, (игра кочомъ).

Кошка, песчаная мель.

Кошмы, гонки лѣса, проводимыя съ Сѣвера на низъ, по судѣ, Шекснѣ и Волгѣ; въ каждой гонкѣ 20 косяковъ. *Кошма* 6 аршинъ по чуркѣ. (Н. Г. Ч. У).

Кошуля, полушубокъ, поволоченный крашаниной. (Н. Г. Ч. У.).

Крёсъ—крестъ.

Крица, большая льдина.

Кростихонный--маленькій.(Кростихонная баенка) (Н. Г. Ч. У.).

Кротить (рыбу), убивать ударомъ палкой по головѣ.

Крохотка бѣдная—малая частичка. (Сглянь, у меня у самой, крохотка бѣдная осталась т.-е. оч. мало). (Н. Г. Ч. У.).

Крылàто плыть моремъ, быстро.

Кстить, крестить.

Кувшйнъ, круглый высокій островъ.

Кувыркаться—перевертываться чрезъ голову.

Кугляна, верхушки у конопля.

Кудесить—кую комуху кудесить-то тутъ?—Что ты дѣлаешь?

Кужлявый, кудрявый (Кужлявая липа). (Н. Г. Ч. У.).

Кужонка—берестяная корзинкà, въ которой держатъ муку.

Куимъ—нѣмой.

Куйпога } время наинизшаго уровня воды при отливѣ.
Куйпола }

Кукшинъ—вм. кувшина. (Н. Г. Ч. У.).

Куколь, мѣшокъ для ногъ въ мѣховомъ одѣялѣ, наз. *рòва*.

Курикъ, дровяная палка.

Курма—рыболовная сѣть.

Курма, мережа.

Курочки, почки.

Курья, заливъ.

Кутйха, самка собачья.

Кутышкать — щекотать бока или пятки.

Кýхта, изморозь, туманъ.

Куцевейка—кофта.

Кярба, стая собакъ во время течки. П. У.

Л.

Лавасъ, ловушка для медвѣдя.

Лагунъ, бочка.

Лагунъ—кувшинъ, въ которомъ держатъ деготь.

Ладомъ—порядкомъ, по настоящему какъ слѣдуетъ.

Лады—согласіе.

Лапаухъ, дѣлающій безъ толку, бранное выраженіе. П. У.

Лафà—удача, счастіе, прибыль

Лёжанка—рыбка съ виду похожая на менка живетъ въ лому.

Лéжетъ вм. ляжетъ (Н. Г. Ч. У.)

Лембой бы тебя взялъ—чертъ бы тебя побралъ.

Лехтѣть, тяжело дышать.

Либайдать, трястись. (Заонеж.).

Липина колода, въ окнахъ и дверяхъ. П. У.

Липнуть—пнуть ногою что нибудь.

Личники—украшеніе оконъ со внѣшней стороны.

Ловцае, вм. ловчѣе. (Н. Г. Ч. у. въ Зад.) Въ Заболотьѣ гово-говорятъ съ *ростягомъ*.

Лозгомъ— грудой, не въ порядкѣ.

Ломкой вѣтеръ, встрѣчный (въ Акад. и у Даля нѣтъ).

Лонисъ, прошлаго лѣта. Н. Г. Ч. у.

Лонскій: прошлогодней (*Лонская* книжка).

Луковникъ, пирогъ съ лукомъ. (Н. Г. Ч. У.).

Луковшина, хлѣбный сборъ въ пользу причта съ каждой рабочей души $^1/_2$ маленки.

Лупкій— съ корой легко отдѣляемой. (Н. Г. Ч. У.)

Лытка, голень.

Лѣсовать, охотиться.

Лючіе вм. лютѣе. (Н. Г. Ч. У.).

Ляга, лужа, мокрое мѣсто, П. У.

Ля̀дъ, (ладъ тя возми, гдѣ у ладовъ), П. У.

Ляпакъ—лоскутъ.

Ляха, и *кѣха* узкая полоса.

М.

Магазея—магазинъ.

Маку̀ра—ничего.

Малекъ— мѣсто сухое, покрытое небольшимъ лѣсомъ и притомъ можно проѣзжать по нему.

Мало-мальски—сколько нибудь.

Мамъ—мама.

Манить, сдавать мячекъ. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Манко, приманчиво, пріятно, вкусно. (Ой, манко же и хлѣбать-то). (Н. Г. Ч. У.).

Матѐрой, большихъ размѣровъ. (Н. Г. Ч. У.).

Махо̀вка, флюгеръ.

Махонькій, маленькій. (Играть, робята, камешкамъ махонькимъ). Н. Г. Ч. У.).

Микула. Вотъ тѣ микула. Божба. (Н. Г. Ч. У.).

Митилекъ, бабочка (Н. Г. Ч. у.).

Мнютъ вм. мнутъ. (ib).

Морда—рыбная ловушка.

Молошники, молодые зубы, выпадаютъ у маленькихъ ребятъ (Н. Г. Ч. У.).

Молотовище, рукоять у молотила. (Н. Г. Ч. У.).

Моро̀къ, туманъ.

Морянинъ, или *Морянка*, множеств. *Моряне* — вѣтеръ съ сѣверной стороны.

Мульнуть, взмулить, взболтать воду движеніемъ. (Щучка мульнула) (Н. Г. Ч. У.).

Мшари̇̀на, сырая, мшистая полянка въ лѣсу. (Собирать ягоды по мшаринамъ).

Мышъ (въ имен. пад. съ нуж. окончаніемъ). Кошка взять мыша не може.

Мянда, сосна.

Мя̀ржюдать—ревѣть.

Мясникъ, горшокъ въ которомъ варятъ говядину. П. У.

Н.

На̀балмошъ—на авось.

Наволожить, хорошо намазать.

Наварка, конецъ желѣза въ горнѣ. (Н. Г. Ч. У.).

На вѣка̀хъ, встарину.

Надвѣшить—напомнить.

Наджабрить—повредить.

Надодонить, накормить. „Э какъ ты матушка надодонила).

Надолызнуть, наскучить.

Надо̀стали—наконецъ.

На ересь, на зло.
Назыкнуть—наузкать (я на тя собакъ назыкну). (Н. Г. Ч. у.).
Назюкнуть, тоже, что *назыкнуть*. (Н. Г. Ч. У).
На ладàхъ—согласно.
Намутиться, на ябедничать.
На пóлой водѣ этотъ камень снимаетъ, т.-е. приливъ его закрываетъ на другой стороны.
Нарѣзаться, напиться, (Экъ, нарѣзался!)
Нарядихи—маскированныя.
Настилальникъ, простыня.
Настъ—весенній снѣгъ, подмерзшій въ ночные заморозки такъ, что можно ходить по немъ.
Натакать—склонить кого на что.
Нàткось—возми.
Натодильный—отвѣчающійсвоему назначенію.
Наторить—привыкнуть.
Натрапезиться наобѣдаться: наѣсться. (Н. Г. Ч. у. въ Заб.).
Нà-што, за чѣмъ. (Н. Г. Ч. У.).
Нéвидаль, диковина.
Негудяй, вм. негодяй.
Недержаный, невинный (см. новый).
Незнаткій, не ясный. (Какое зеркало-то незнаткое). (Н. Г. Ч. у.).
Необезсудьте, то же что „извините". Н. Г. Ч. У.).
Необъстоячей — неблагополучный (Пароходъ видитъ, что дѣло *не обстояче*; далъ ходъ на песокъ. (Н. Г. Ч. У.).
Не сняться селгоду т.-е. не справиться. П. у.
Нечередникомъ, безпорядочно.
Не што вѣдь—такъ себѣ. (Н. Г. Ч. у.).
Нивья, нивы (нивья рубилъ).
Ничью ткнулся, ничкомъ. (Н. Г. Ч. у.).
Новый, молодый (въ фатеры три женщины; третьяя совсѣмъ нова, недержана).
Ночуивать, ночевать.
Нюня—непроворный, не удалый.
Нюня—плаксивый.
Нюхлый—непроворный.

О.

Обѣвъ, обѣихъ. (Н. Г. Ч. У.).
Обложный (такъ называется дурной человѣкъ; чаще называется продажная вещь, дурная въ самомъ дѣлѣ, но подкрашенная и поддѣльная до того, что она легко признается хорошею.
Обмелиться, сѣсть на мель.
Обназемить—удобрить землю.
Оболокаться—одѣваться.
Оборы—веревки для привязыванія лаптей къ ногамъ.
Обрящиться, явиться (человѣкъ обрящился).
Обсалить усъ, такая худая стряпня.
Обугальникъ, одѣяло.
Обугаться одѣваться во время сна (обугаются, когды спать ложатся). (Н. Г. Ч. у.).
Объѣда, объѣданіе. (Объѣды нѣту, т.-е. дѣти не объѣдаютъ) (Н. Г. Ч. у.).
Обывъ вм. обоихъ. (Н. Г. Ч. у.).
Обымъ вм. обоимъ.
Обѣдникъ, вѣтеръ Ю. В.
Овсяникъ, медвѣдь. (Н. Г. Ч. у.).
Овѣска, занавѣсъ. Н. Г. Б. у.).

Огоревать—съ горемъ что-либо сдѣлать. (По гривеннику съисть огорюемъ).
Огуменникъ, загороженный лугъ, на которомъ построено гумно.
Огуменокъ — огороженое мѣсто вкругъ гумна.
Оземляковъ—оземлю (стегнулъ оземляковъ).
Окоёмъ—докучливый.
Оконать, потерять,
Окошеливаться—долго справляться.
Окрылья летѣть, т.-е. на крыльяхъ.
Омманить, вм. обмануть.
Опасъ, проводникъ.
Опристалъ—усталъ.
Опру́жился (о кораблѣ), свалился на бокъ, опрокинулся.
Ортюха (уменш.) Ортемій.
Осеби, отдѣльно.
Остояться, постоять. (Остоялся противу огня).
Остуда, непріятель.
Отава—трава, выросшая послѣ кошенія.
Отвѣдать, провѣдать, навѣстить. (Дочку отвѣдать отданую Н. Г. Ч. у. Заболотье).
Отекъ (о кораблѣ), погрузился въ воду; въ Акад. и у Даля нѣтъ.
Отень, лѣнивая.
Отростели, отростки на рогахъ у лоси. (Н. Г. Ч. У.).
Отрушай хлѣба, отрѣжь ломоть.
Отрубать, отрѣзать или отломить. (Съ ломтя хлѣба отрубала).
Отъ въ знач. послѣ. (Пошли отъ обѣда-то въ знач. послѣ обѣда.)
Охирять, поправляться. (Охиряетъ т.-е. поправится) (Н. Г. Ч. У.).
Охлупень — бревно, соединяющее верхъ крыши.
Ошешенить—ударить.
Ошуровить, вскружить.

П.

Пабѣдовать, третья выть справлять.
Павина, лава.
Палая вода, отливъ.
Парнушки, пироги, которые пекутся такъ: въ густое тѣсто съ загнутыми краями наливаютъ тѣсто жидкое. (Н. Г.Ч. у.).
Парочка, дѣвица — подружка. П. у.
Пасмо—18 нитокъ намотанныхъ на мотовило.
Па́тровать—вынимать изъ сѣтей рыбу.
Пахта, скала,каменный обрывъ, утесъ.
Пахтать—шевелить (пахтать смѣтану, шевелить мутовкой, палкою съ рожками на концѣ изъвершины дерева (Н.Г.Ч.у.).
Па́чулки, носки.
Пашной день, въ который пашутъ.
Первожены, молодые. (Силы знаете, не первожены).
Перепоны, тенета. (Н. Г. Ч. у.).
Пернева, трещина.
Пелева, мелкая мякина.
Переводница—сплетница.
Перевязка — дѣвичій головной уборъ съ широчайшими лентами позади.
Передница — женская одежда, тоже что передникъ.
Пережи́въ, перехватъ казакина.
Перекокшать, перебить.

Перечапить—перевѣсить.
Перла, бусы, ожерелья.
Перубъ—комната за заборкой.
Перхоть, чешуя въ головѣ.
Пестѐръ — кошель сплетенный изъ берéста.
Пестроня, корова, покрытая пестрою шерстью.
Пехтеря, дуракъ неотесанный; толстякъ, брюханъ.
Пилушка—кожучекъ.
Пипать, пинать.
Пишетъ вм. пишется. Въ Библіи пишетъ: если Богъ далъ немощь, не ищи у нечистаго духа здоровья.
Плавать, ловить рыбу поѣздомъ.
Плавнúкъ, деревья выбрасываемыя на берегъ моремъ.
Пла̀шка, барка.
Плашка, палочка, на которой назначаютъ нарѣзками количество привезенной для молотья муки. Также о кожахъ. П. У.
Платóкъ, полотенце.
Плетéнка, сплетенная изъ береста, корзинка, гдѣ хранится мука.
Плúца, черпакъ для выкачиванія воды на лодкѣ.
Плѣверъ — подвелъ (плѣверъ сѣетъ дьяволъ).
Подволóка—полаты подъ крышею для сѣна и соломы.
Подпечье—мѣсто подъ печью для курицъ.
Поберѐжникъ, вѣтеръ С. З.
Повалúться, лечь спать.
Поволока, полушубокъ, поволоченный бѣлымъ холстомъ. (Н. Г. Ч. У.).
Повора, поперешникъ на гонкахъ 9-ти аршинъ. См. Кошмы. (Н. Г. Ч. у.).
Полуно́щникъ, вѣтеръ С. В.
Полусундýчье, сундучекъ.
Полый домъ, пустой; *полыя окна, ворота*, т.-е. открытыя настежъ.
Помазни, пироги, помазанные смѣтаной. (Н. Г. Ч. у.),
Помазь — нѣсколько перьевъ для помазыванія пироговъ.
Помóристый см. поморѣй.
Поморѣй, дальше отъ берега.
Помшилось—ужъ видно, что-либо помшилось во дворѣ, што скотина не здорова.
Понитникъ, кафтанъ изъ холста (Н. Г. Ч. у.).
Понять,, брать. (Не понялъ съ собой, т.-е. не взялъ вмѣстѣ съ собой). (Н. Г. Ч. у. въ Заб.).
Пооначье, получше.
Понюра — вялая, задумчивая.
Понява—верхній летучій кафтанъ.
Пóпить, священствовать (пóпилъ 40 лѣтъ).
Попритчилось, сділялось, лихо приключúлось.
Попытаться, сходить къ знахарю или ворожеѣ (Н. Г. Ч. у.).
Порный, крѣпкій, въ силѣ (лошадь *порная*, дюжа̀, гладка, забрала пору; долго, знать не ѣздили, и хорошо кормили.) (Н. Г. Ч. у.).
Порóзный, порожній.
Поросится—о свиньѣ съ поросятами.
Порозилко, быкъ не легченый.
Порочка, цилиндрическая корзинка изъ береста, употребляемая для переноски жидкостей.
Поршень—родъ сапоговъ.
Поршни—сапоги безъ подошвъ.

По̀-ряду, по близости, подлѣ. П. у.

Поседни—намедни.

Поскотина—загороженное мѣсто для скота, гдѣ онъ пасется цѣлое лѣто.

Потиться, серчать.

Похвастать, побѣжать. (Похвостнетъ, словно кошка). (Н. Г. Ч. у.).

Поховàть (вещь), утаить, зажилить, украсть.

Похо́дъ, хорошій уловъ.

Похолстникъ, то же, что понитникъ. (Н. Г. Ч. у.).

По щувать, поуговаривать. (Н. Г. Ч. у.).

Правдайтесь любящіе гости—садитесь за столъ и кушайте.

Прахъ въ выраженіяхъ *на кой прахъ*; т.-е. ни къ чему; поды къ прахамъ; т.-е. вовсе не нужно. (Н. Г. Ч. у.).

Приборъ, собраніе (приборъ гостей, собраніе, балъ).

Приглу́бый, глубокій.

Пригорѣться, влюбиться (Пригорѣтся къ ней).

Прикиснуть (о рыбѣ или о мясѣ), загнить.

Прилипиться, прислониться (Этотъ прихожей человѣкъ къ стѣнки прилипился, какъ будто въ обиды).

Примарить пригрѣло или клонитъ ко сну.

Припо́нъ, пологъ.

Приступокъ—доска при печкѣ, для вспоможенія взлѣзать на нее.

Приторомко приторно. (Н. Г. Ч. у.).

Прихмыливать, подсмѣиваться (см. усмѣхница).

Прихотугити, прихотничать (тѣло прихотуетъ, а душа не любитъ прихоть).

Пріо́пнуться, загнуться (нынѣчь гвоздь-то пріопнулся) (Н. Г. Ч. у.),

Пріотлещить душенькѣ; легче станетъ на душѣ.

Пріузъ—молотило.

Погглянуться, понравиться. (Н. г. Ч. у.).

Погонялка—кнутъ.

Погорый, держи! направляй лодку ближе къ берегу.

Пода́но, удобао.

Подбой, воспаленіс глазъ весной отъ сверканія снѣга.

Подволока—верхній чердакъ.

Поди-вѣдай, узнавай, пожалуй.

Подоплека, подкладка подъ рубашкою на плечахъ. Петр. у.

Подхоже кстати. (Дѣлб то не подхоже, т.-е. не подъстать. О. Г. П. у.

Подъизбица—хлѣвъ подъ избой.

Подъль—хлѣбъ, (печеный) даваемый прихожанами священнослужителямъ о праздникахъ.

Пожинаха, замѣшанная на маслѣ и жареная крупа, приготовляется обыкновенно послѣ жнивы.

Пожитой, пожилой.

Позавсямъ—въ будни.

Позаочи, заочно. П. у.

Поиматься, посулиться. (Поимаешься поѣхать т. е. посулишься).

Покосить судномъ, лавировать, плыть противъ вѣтра.

Поли́ца, вязальная доска.

Покотуха, деревянное продолговатое блюдо.

Полохало.-чучело,(Н. Г. Бѣл. у.).

Пробрать, (см. *брать*.

Проворой—бойкой, удалой.
Прорва,бранное выраженіе,обращаемое къ женщинамъ (ой, вы – прорвы). (Н. Г. Ч. у.).
Простокиша, простокваша.
Пронура хитрый мужикъ.
Процапить, просыпать. (Н. Г. Ч. у. въ Заб.).
Про што-што, такъ что.
Прямь дома насупротивъ.
Прясло—столпъ съ дырами, въ который кладутся жерди (до 14-ти).
Пудáсъ заливъ или узкій проливъ въ рѣкѣ.
Пудра— родъ каши изъ рѣпы и муки.
Пулкачъ, у дровень, или иначе кобыла. П. у.
Пысконить —портить.
Пытать, пробовать. (Сосну никто и не пыталъ т.-е. не скоблилъ соку). Н. Г. Ч. у.).
Пѣварь, пѣвецъ.
Пявзать, говорить долго и тихо бездѣлье.
Пялить надѣвать (кафтанъ пялить).
Пя̀тка, четверть.

Р.

Рабъ, человѣкъ.
Ражёво—довольно.
Ражевой, сильный, красивый.
Разбойный корабль, разбившійся.
Разгуляться, прогулять. (Пошелъ, знать, разгуляться). (Н. Г. Ч. у.).
Разило-бы-тя—выраженіе ругательное.
Райка (лоп.) дыра.
Райно, колъ.
Рахманный,расторопный—(рахманнымъ или расторопнымъ называется человѣкъ бойкій, при случаѣ не жалѣющій денегъ, но не расточительный.
Рвать—таскать за волосы. (Мама-то почнетъ его рвать ровнышко пса мерзящаго). Н. Г. Ч. у.).
Ребейка, костица. П. у.
Репсай, лей.
Рѣчейдать, трещать.
Рисикать, бѣжать тихо.
Робить—работать.
Рогáтка—мутовка.
Родъ, поколѣніе (гдѣ какой родъ, такіе и люди).
Рой, брось.
Роздѣнусь на одну рубаху, т.-е. сниму съ себя все и останусь только въ рубашкѣ.
Разобрать, разузнать (пёсъ не разбере).
Роканъ (норв. камзолъ, поддевка.
Ронная, вм. родная. (Н. Г. Ч. у. въ Заб.).
Росадникъ, нива. Ол. Г. Пет. у.
Росолъ, напитокъ изъ сырой рѣпы.
Ростань—парникъ.
Рѐхлый (о ягодахъ), сырой, незрѣлый.
Рудная изба, домъ, въ которомъ во время топки печи дымъ опускается до воронца.
Рукотѐрть, полотенце.
Рукотеря, полотенце, утиральникъ. Н. Г. Ч. у. Въ др. мѣстахъ: *рукотерникъ*.
Рýсскіе вѣтрá, южные теплые.
Рушать, рѣзать хлѣбъ.
Рыбачить, ловить рыбу.
Рягкать, медлить.
Рядовикъ, мужская одежда.
Ряжки, тряпицы.
Ря̀щиться, потеряться.

С.

Сáлма, проливъ въ морѣ между островомъ и материкомъ.

Самозря, самъ по себѣ (Самозря не смѣлъ этого сдѣлать).

Сарпать (во время скорой ѣзды лошадь сарпаетъ).

Свóлокъ, валъ на который навивается основа.

Свѣжій, новый (свѣжей человѣкъ пришелъ).

Сгóды, угодье.

Сгонилъ, согналъ (Н. Г. Ч. у.).

Собрядить, спрятать (собряжу сапоги, уберу спрячу сапоги,

Сгоношиться, собраться. (Н. г. Б. г.). (сгоношился жить).

Сдериха—головной уборъ женскій,

Сдѣлаетцы—вм. ется. (Н. Г. Ч. У.).

Сó-зыку,—съ призору. (Н. Г. Ч. У, въ Заб.).

Созѣпу, тоже, что сóзыку;—*сглазили*.

Севодный, свѣжій. (Севодная вода т.-е. свѣжая вода).

Сектать — часто говорить, а иногда еще съ насмѣшкой.

Селѣтной годъ, нынѣшній текущій.

Сибирка —(см. поддевка).

Синятка, безъ боровъ, вм. сарафана. (Н. Г. Ч. У.)

Сúтушка (лоп. сейда), лопар. богъ.

Скало, выпуклый на срединѣ цилиндръ, употребляется для высыканія сочней.

Скакýха, лягушка.

Скать, я ску, ты *скишь*, онъ скитъ. Н. У.

Сквозникъ—обжора.

Скипа—ломоть хлѣба.

Складни, загнутые яично житные блины, въ средину коихъ полагается или крупа или пшено.

Скобкарь, большая деревянная изъ корня сдѣланная чаша.

Сколóтокъ, незаконнорожденный.

Скопъ—собраніе холостыхъ и дѣвицъ, для игры на гульбищѣ.

Скоркать } скоблить.
Скыркать }

Скосокъ, ломоть хлѣба. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Скрыпка, ручная гармонія.

Скудá, скудость. Н. У.

Славотница—первая на славѣ. Н. Г. Б. У.).

Словется— считается.

Словутный—знатный.

Служилой, инвалидъ.

Слота, мокрая похода съ вѣтромъ и снѣгомъ.

Смонуться—чесаться.

Смотрея, нянька.

Сóбинка—лакомый кусокъ, приготовленный кому особенно.

Соврýльки, бусы выкапываемыя изъ земли (въ зимней золотицѣ). Въ Акад. и у Даля—нѣтъ.

Совѣту ватему — привѣтствіе бесѣдующимъ. (Н. Г. Ч. У.).

Согрѣть, пустить на ночлегъ (нельзя насъ согрѣть добрые люди, т.-е. пустить ночевать.

Содомить, кричать, браниться.

Солноставъ, восходъ солнца.

Соломенница, постель, набитая соломой. Н. У.

Сóляники, пироги, насоленные сверху. (Н. Г. Ч. У.)

Спалить—обжечь что нибудь.

Спóлохи—сѣверное сіяніе.

Спорный — прибыльный; мука эта спороpна въ квашнѣ.

Ссу, сосу (ссетъ конфетку.Н.Г. Ч. У.).

Ссягать, добывать, доставать (Болѣ года попа ссягаемъ, не даютъ). Н. Г. Ч. У.).

Ставецъ — деревянная чашка изъ корня.

Стайка, отгороженное въ хлѣвѣ для овецъ и телятъ мѣсто.

Стамая гора, отвѣсная скала.

Станъ, раскидная дорожная палатка.

Старая коркота—старуха.

Стебнить, гляйко дождь-то стебнитъ.

Стегнуть, сильно бросить.

Стельми, рыбная ловушка.

Стельна, беременная корова.

Стамикъ см. Стамая гора.

Стрекать (уголь изъ печки стрекнулъ—гости будутъ).

Столопъ—столбъ.

Стыда, стужа (Это ужъ къ стыдѣ т.-е къ стужѣ.

Стырить, остро говорить.

Стѣрь—гвоздь у дошника—вставляется онъ сверху въ средину дна.

Стѣна—количество холста съ однихъ кросенъ.

Стѣнокъ дѣлать, дѣлать отпечатокъ своего тѣла на землѣ при гаданіи на святкахъ.

Стягивать пятаки. (Пятаки стягиваешь т.-е. деньги умѣешь брать).

Стяшить, украсть.

Строки, изъ рода комаровъ, длинныя съ 4-мя крыльями. (Н. Г. Ч. У.).

Стрѣкала, кропива. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Стряпня,хозяйство. Куды коровей хвостъ махнетъ, и стряпня хороша).

Судомойка, мочалка, которою моютъ посуду.

Сузёмки, чаща, глухое мѣсто въ лѣсу.

Суземъ, лѣсное мѣсто.

Супрятки, вечеринка у хозяина, когда прядутъ хозяйское.

Суруска, маленькая часть чего-нибудь.

Су́рпа—дѣлается изъ сосновыхъ дранокъ (на подобіе конусообразнаго лукошка) и употребляется для задержанія солода при спускѣ *су́сли* (сусломъ называется тоже пиво? только безъ хмѣля).

Суселень, зябель.

Сусорить—болтать,что придетъ въ голову, пустословить.

Сутычки—уголъ.

Сучить (Ты все сучишь, навираешь, наговариваешь). (Н. Г. Б. У.).

Сугна—беременная овца.

Схлизать, сгузать, отстать отъ игры, не оканчивая ее (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Счюнять, склонять, подстрекать.

Съ вона, снаружи (корабля, избы).

Сѣвной день, въ который сѣютъ.

Сѣдутъ вм. сядутъ. (Поточки на сутки сѣдутъ.) (Н. Г. Ч. У.)

Сѣрушешникъ, пирогъ, начиненный солеными сѣрухами (Н. Г. Ч. У.).

Сѣтка, шейный шарфъ.

Т.

Тамотко—тамъ.

Творожсникъ, пирогъ изъ жит-

ной муки, съ начинкой изъ творогу и смѣтаны. (Н. Г. Ч. У.).

Тепѐтся, стремится.

Теплы́нь, тепло.

Теребить—взыскивать.

Теру́сь, вм. трусь. (Н. Г. Ч. У.).

Тѣ́нь вм. тебѣ. (Новг. Г. Ч. У.).

Тожно—тогда.

Токило, точило. П. У.

То́льне (толи не) такъ, эдакъ.

Тонкій, 1, молодой, (тонкое молоко) т.-е. прѣсное 2, мелкій (тонкая мука т.-е. мелкая).

То́плый (о мукѣ́), затонувшій.

Топтанье бабье, хлопоты.

Топтаться, переминаться съ ноги на ногу.

То́рбаться, барахтаться, биться.

Торнуть, ткнуть. (Ой, же онъ его люто торнулъ) (Н. Г. Ч. У.).

То́рондать—гремѣть.

Торосá, плавающія льдины на морѣ óторось—весною.

Торъ, накатанное, гладкое мѣсто на пути.

Трапеза—теплая церковь.

Тремочьи шти, уха изъ трески.

Треногъ, сосудъ, въ которомъ держится вода для питья.

Треножить, вертѣться на одной ногѣ.

Трожды вм. трижды.

Тру́дится—къ смерти гонитъ. (Н. Г. Ч. У.).

Трунь, перхоть на головѣ. Н. Г. Ч. У.).

Трусúть, сыпать просыпать П. У.

Трынгать—дергать.

Тряпу́ща рыбка — трепещущая рыбка.

Тузить, бить. (Ужъ енъ тузилъ, тузилъ).

Ту́па, русское названіе лопарской избушки, имѣющей вмѣсто печи очагъ (каминъ).

Тупица—тупой топоръ.

Ту́кковать, стучать. (Ту̀ккуе сердце бьется, стучитъ). П. У.

Ту́рнуть, пѣхнуть. (Экъ, ты меня турнула пѣхнула). Н. Г. Ч. У.).

Туровить — торопить (Топеря оброкъ туровятъ—т.-е. спѣшать взыскивать, торопятъ).

Ту-ру туру постушокъ,
Рябиновой батожекъ,
Далеко ли ты трубишь?
Отъ моря до моря,
До Кіева города.
Что царь дѣлаетъ?
Туру-ногу пишетъ.
et coet. П. У.

Ту́такова—тутъ.

Туюсь—берестяное ведерочко.

Тыки, али ляпы,—Чего желаешь, того ли, чтобы брошенная кверху палка, концемъ ткнулась о землю, или чтобы ударилась плашмя; угадавшіе владѣютъ городомъ при игрѣ въ лапту. Н. Г. Ч. У.

Тырайдаетъ — дрожитъ, трещитъ.

Тюкать—строить. (Домъ тюкать).

Тю́лькать, не внятно говорить; больше употребляется въ отношеніи къ маленькимъ дѣтямъ.

Тюфтяники, пироги, начиненные брюквой. (Н. Г. Ч. У.

Тюфтяникъ, медвѣдь толстой. (Н. Г. Ч. У.).

Тючкать—мять въ рукахъ что либо мягкое.

Тягмя́чь, толстый несоразмѣрно. О. Г. П. У.

Тяпки, ловки. (Тяпки бабы Ладорскіе т.-е. ловки).

У.

Угаръ, мѣсто, гдѣ кузленицы. (Н. Г. Ч. У.).

Угрюмый— суровый, пасмурный (когда погода угрюма, упруго пожитому, какъ будто все на веселѣ).

Удохъ—отдохъ.

Ужный, южный.

Укотерникъ, тоже что *рукотерникъ*. См. рукотеря. (Подай, говорятъ, укотерникотъ. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Укуволить, успокоить,

Укутать, укрыть. (Укутайте парня-то совсѣмъ размѣтался).

Упетаться—утрудиться.

Уповодъ—сутки (Н. Г. Ч. У.).

Упруго, не ловко, не въ духѣ. (См. угрюмый.

Упру́жился. см. окружился.

Уразиться, ушибиться или уколоться (овца уразился) (Н. Г. Ч. У.).

Урындать—воять.

Усмѣхница, надсмѣшница. (Усмѣхница хмылитъ да прихмыливаетъ, какъ обѣдъ подаетъ)

Усторо́нокъ—въ гумнѣ.

Устосать — сильно замазать платье.

Усухутить, спрятать.

Утиральникъ—полотенце.

Утра́фить, приладить.

Утушки,водяныя растенія Н. У.

Уходился (о кораблѣ), разбился.

Уходить, ухо наварить—потерять или пропить.

Учивыживаться, охарашивается. (Экъ очи выживается котъ-отъ) Н. Г. Ч. У.).

Ф.

Ферези, изъ крашенины, съ разрѣзомъ впереди до подолу, съ лентами и пуговками. (Н. Г. Ч. У.).

Фукать—укать, кричать по филиному (филинъ фукаетъ) (Н. Г. Ч. У.).

Фурайдать, скоропить.

Фурить, пылить пескомъ. (Не фури, не шали пескомъ). (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Х:

Хазъ, позументъ.

Ха́лендать—смѣяться.

Халява—человѣкъ разсѣянный.

Халяндать—шататься изъ стороны въ сторону.

Хватило бы тя—выраженіе ругательное.

Хворостина—дубинка.

Хи́нить, худо отзываться.

Хинькать, хныкать.

Хирость, болѣзнь. (Хирость пристаетъ). Н. Г. Ч. У.).

Хитить въ избѣ мыть избу. (Хититъ въ избѣ, моетъ въ избѣ). (Н. Г. Ч. У.).

Хлыня́ть, отклоняться отъ дѣла.

Хода (она все въ ходахъ да въ бродахъ.

Ходить чѣмъ, бить. (Ужь какъ я почну ходить тебя дугой).

Холод'янка, лягушка.

Хрибъ,хребетъ.(Хрибъ сломлю.) Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Ц.

Цё—что.

Цыножа́ютъ, подведжены цынгѣ.

Ч.

Чабàръ, дѣтенышъ чайки.
Чамкать, шлепать (о ночахъ).
Чамкать, жевать. П. У.
Чаша, человѣческій черепъ.
Чево-то умерло; чево-то заверещало т. е. кто-то взрослой или ребенокъ, мущина или женщина, умеръ.
Челесникъ—мѣсто надъ устьемъ печи, покрытое сажею.
Челядь, мальчики.
Чéрезъ, ремень, какъ будто надутой; до сюль деньги въ немъ держали.
(Злато было въ черезу, потерялъ).
Черемецъ, поносъ—болѣзнь.
Чѐрна бóлѣзь—ругательное слово.
Чернязь, особый видъ утокъ. (Н. Г. Ч. У.).
Черяндать, плевать.
Чечуля—большой кусокъ хлѣба.
Чивье—рукоятка ложки.
Чипецъ—повойникъ.
Чисменица—значки.
Чолпакъ—небольшой овсяной хлѣбъ.
Чурокъ, отрубокъ бревна.
Чухарь—глухарь.

Ш.

Шабарчить, шелестѣть.
Шавить—съума сходить.
Шавунъ—обманщикъ.
Шашта зеленый мохъ на деревѣ.
Шарахнуть—ударить.
Шелонникъ, вѣтеръ Ю. З.
Шибать, бросать.
Шиликунѝчать маскироваться.
Шиликунъ—маскированный въ святки.
Шипищникъ—дикая роза.
Шишъ, разбойникъ.
Шлипàчить, трепать по щекамъ, давать оплеухи. П. У.
Шмыкъ } борозда на снѣгу отъ
Шмычекъ } вѣтру.
(Держать зимой путь по шмыкáмъ.
Шомачь—изъ холста котомка.
Шóмба (въ неводѣ) наплавки изъ бересты.
Шормуша—маленькая горница.
Шоршень, изъ рода оводовъ (Н. Г. Ч. У.).
Шпанки—житныя оладьи.
Шпань—тѣсто пряженное въ маслѣ.
Шпыни—растрепаные волосы.
Шти вм. щи. (Н. Г. Ч. У.).
Шубнякъ, полушубокъ, ничѣмъ необтянутый нагольной. (Н. Г. Ч. У.).
Шугай—короткая до колѣнъ шуба.
Шушпаны, вялые, непроворные, недѣятельные люди. П. У.
Шушунъ—женская одежда.

Щ.

Щекотать—стрѣкотать (сороки щекочетъ). (Н. Г. Ч. У.).
Щелковатое мѣсто, крупно окаменистое.
Щель, большой камень.
Щи,—вм. што?? Щи удала ходбой. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Щуры—черви.

Э.

Экой?! вм. такой-то.(Н. Г. Ч. У.).
Эсколько длиненъ, такъ настолько.
Эчки—кличка овецъ.

Я.

Ядъ—ворчаливый человѣкъ; такого названія болѣе удостоивается какой-нибудь властитель.

Ялся—хотѣлъ.

Яндова—оловянная чашка, изъ которой пьютъ пиво.

Яруга, гнѣздо волчье, медвѣжье. Н. Г. Чер. У. село Ольхово.

Яхидной вм. Ехидной.

Въ сей Словарь вошли лишь не многія слова изъ тѣхъ, кои встрѣчаются въ настоящемъ томѣ „Причитаній". Такъ какъ большая часть ихъ уже занесена въ словарь, приложенный къ 1-му тому.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Стихи*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ исправить:*
XI	—	тучи	туги.
17	— 108	Петровкому	Петровскому.
22	— 157	цвѣтно	цвѣтна.
25	— 33	ко краснымъ	ко краснымъ.
35	— 325	целовалися	цѣловалися.
99	— 13	скозь	скрозь.
116	— 3	сегоднышнимъ	сегоднишнимъ.
148	— 128	со надёжной	съ надёжной.
153	— 86	я и горюша, оутрышку вѣдь ранёшенько	я, горюша, вѣдь по утрышку ранёшенько
103	— 71	и на отдыхъ	и на отдохъ.
176	— 27	дядюшки	дяденьки.
200	— 609	за глубокима	за высокима.
206	— 817	родныи	рóдныи.
208	— 877	миомилосливой	многомилосливой.
224	— 41	пе кровь проливайте-тко	кровь не проливайте-тко.
232	— 38	суравёшенько	суровёшенько.

Цѣна 2 рубля 50 коп., съ пересылкою 3 рубля.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Barsov, El︠pidifor V.,

Pričitanja sěvernago kraja

Bd.: 2

1882

4 P.o.rel. 496-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11519173-4